

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

4/2014

Япония в 2013–2014 гг.

Украинский кризис и Китай

Трансформация модели
экономического роста в КНР

Женщины республиканского Китая

Научные конференции в ИДВ

1-й кв. 3.

28 октября 2013 г. была достигнута договоренность об обменах и сотрудничестве между журналами «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) и «Форум Северо-Восточной Азии» Цзилиньского университета (КНР). Соответствующее соглашение подписали главный редактор ПДВ, доктор экономических наук, профессор В.Я. Портяков и главный редактор «Форума Северо-Восточной Азии», профессор Чжу Сяньпин.

Журнал «Форум Северо-Восточной Азии» основан в 1992 г. и является одним из основных китайских журналов, освещающих вопросы политики, экономики, международных отношений, историко-культурного и межрегионального сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. С 2012 г. финансируется государственным социально-научным целевым фондом, входит в индексы ведущих китайских научных журналов.

Журнал руководствуется в своей деятельности лозунгом «опоры на политику реформ и открытости, расширение сотрудничества с сопредельными странами, популяризацию региона Северо-Восточной Азии». Он вызывает широкий интерес во многих странах мира. Журнал нацелен на освещение различных точек зрения и теоретических новшеств в исследуемой области, в частности, проблем «горячих точек» и актуальных острых тем.

В 2014 г. основными темами «Форума Севера Азиатско-Тихоокеанской стратегии США и восточной Азии», проблемы межрегионального сотрудничества, развитие регионального развития в бассейне реки Туманга между сопредельными странами, тематики «новых проблем Корейского полуострова, путей сотрудничества в области энергетической безопасности и строительства энергетического международного права в США, проблем экономики, демографической ситуации в различных странах региона и др.

Руководящий орган: Министерство образования КНР

Учредитель: Цзилиньский университет

Редакция: «Форум Северо-Восточной Азии» (г. Чанчунь)

Телефон: 0431-85168728

Сайт: <http://dbyl.cbpt.cnki.net>

E-mail: dbylt2009@qq.com

Единый государственный номер: CN 22-1180/C

Международный стандартный номер: ISSN 1003-

Зарубежное издание: Международная книжная торговля

(Пекин 399 почтовый ящик)

Иностранный код: BM715

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2014

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портыков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко,
д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол,
С.А. Горбунова, д.и.н., Л.М. Гудошников, д.ю.н., проф.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов,
к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин,
к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н.,
С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф.,
Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко, академик
РАН, Н.С.Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж,
Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук
Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа
(Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет
(Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Шереметьев мл. редактор

Содержание

Теплые поздравления в связи с 80-летием академика М.Л. Титаренко.....4

ПОЛИТИКА

- Д. Кузнецов.* Украинский кризис 2013–2014 гг. и позиция Китая 13
К. Асмолов. Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений 25
П. Калмычек, В. Кистанов, Е. Леонтьева. Япония: текущие проблемы политики, экономики, дипломатии.....37

ЭКОНОМИКА

- В. Портяков.* Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы.....55
З. Муромцева. КНР: 4-й этап реформирования государственных предприятий 69

ИСТОРИЯ

- А. Картунова.* Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России 77
Е. Кобелев. СССР и первые руководители КПВ.....97

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Ю. Курьянова.* Перемены в жизни женщин республиканского Шанхая.....111
А. Маленкова. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. 120

ФИЛОСОФИЯ

- Лю Ядин.* Понимание и диалогичность: значение энциклопедии «Духовная культура Китая» 137

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- А. Салицкий, В. Тацый.* Китайский опыт: модель или антимодель?.....144
А. Жебин. События в Корее: взгляд из России 159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е. Кранина.* Научная конференция ЦСЭИК ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК: горизонты реформ» 167
А. Виноградов, Ю. Перепелкин. Научная конференция «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ» 174
Пресс-релиз 13-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая.....180

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>И. Жирнов.</i> Магистраль Шанхай—Санкт-Петербург как ответ на попытки Запада изолировать Россию.....	182
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Юркевич.</i> Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939).....	184
<i>Л. Смирнова.</i> 1978–2008. Великолепный путь. К тридцатилетию работы по проверке партийной дисциплины.....	187
Contents	189
Summary.....	190

Теплые поздравления в связи с 80-летием академика М.Л. Титаренко

© 2014

27 апреля 2014 г. директор Института Дальнего Востока РАН Михаил Леонтьевич Титаренко отметил свой 80-летний юбилей. Будущий академик Российской Академии наук родился в крестьянской семье в 1934 г. в деревне с необычным, «полувосточным», названием Лакомая Буда, что в Брянской области. В детстве он, наверное, даже не предполагал, что станет всемирно известным ученым, лауреатом Государственной премии России, будет награжден десятком орденов и медалей.

Весь его жизненный путь стал доказательством того, как много может сделать человек, честно работающий, глубоко овладевающий знаниями, верящий в патриотизм, любящий свой народ и страну и принципиально отстаивающий интересы людей и государства.

Открывая 28 апреля с.г. церемонию поздравлений Михаила Леонтьевича, заместитель директора Института Дальнего Востока, профессор Лузянин С.Г. подчеркнул, обращаясь к юбиляру: «Мы поздравляем Вас со столь замечательным юбилеем, дарим Вам наши сердца и выражаем искреннюю признательность за то, что вот уже многие-многие годы мы вместе с Вами идем нелегким путем исследователей-ученых».

Одним из самых первых академика М.Л. Титаренко поздравил Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев, который с нарочным прислал букет алых роз и личное поздравительное письмо, в котором говорилось: «Уважаемый Михаил Леонтьевич! Примите мои поздравления с 80-летним юбилеем. Вас, талантливого исследователя и переводчика, по праву считают новатором отечественного и мирового востоковедения. Автор целого ряда фундаментальных трудов по древнекитайской философии, Вы заложили основы изучения диалога культур Востока и Запада, сформулировали концепцию «нового евразийства». Важное практическое значение имеет и научно-обоснованный Вами государственный подход к развитию Сибири и Дальнего Востока в контексте сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Редкая работоспособность, энергия и профессионализм помогают Вам успешно сочетать научную общественную и организаторскую деятельность. Под Вашим руководством Институт Дальнего Востока стал авторитетным исследовательским центром. А Общество российско-китайской дружбы, бессменным председателем которого Вы являетесь уже много лет, вносит большой вклад в расширение гуманитарных контактов между нашими народами. Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия и всего самого доброго».

Следует напомнить, что именно Д.А. Медведев, будучи Президентом России, вручил в 2010 году академику Титаренко Государственную премию Российской Федерации.

Трудовая, дипломатическая и научная деятельность Михаила Леонтьевича отмечена и другими наградами. Он награжден двумя орденами «Знак почета» (1976 г., 1984 г.), орденом Почета РФ (1999 г.), орденом Республики Корея «За заслуги в дипломатической службе (медаль Хункван)» (2000 г.). В 1995 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РФ». Он является лауреатом премии Российской академии на-

ук имени Е.В. Тарле (2000 г.). Столь высокие заслуги во многом объясняют тот факт, что в день юбилея в его адрес поступило около 30 срочных правительственных телеграмм и поздравительных писем.

Поздравление российскому ученому направил руководитель Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванов. Поздравляя М.Л.Титаренко с 80-летием, он написал: «Выдающийся ученый-востоковед, Вы по праву пользуетесь высоким, заслуженным авторитетом — и в нашей стране, и за ее пределами. Ваши фундаментальные труды и исследования, значимая общественная, организаторская деятельность — серьезный вклад в развитие замечательных традиций отечественной исторической науки, национальной школы синологии, в укрепление дружественных многоплановых связей России и Китайской Народной Республики». С.Б. Иванов пожелал юбиляру «доброе здоровья, бодрости духа и всего наилучшего».

В правительственной телеграмме Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ В.И. Матвиенко, пришедшей в ИДВ, подчеркивалось: «Талантливый ученый востоковед, обладающий творческим мышлением, Вы внесли весомый вклад в развитие отечественной науки. Ваши многочисленные труды и исследования в области философии, истории и политики Китая, межкультурных отношений в Евразии, изучение мировых процессов экономической глобализации и гуманизации международных отношений...снискали Вам широкое международное признание и высокий авторитет в академическом сообществе России и других стран. Трудно переоценить Ваш вклад в подготовку молодого поколения ученых, укрепление научно-образовательного потенциала отечества. Коллеги и ученики ценят Вас как прекрасного организатора научного процесса, внимательного и целеустремленного наставника».

Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — руководитель Аппарата Правительства РФ С.Э. Приходько в своей телеграмме отметил: «Уважаемый Михаил Леонтьевич, Вы посвятили себя науке и исследовательской деятельности, внесли огромный вклад в изучение вопросов российско-китайских отношений и укрепление международного взаимодействия нашей страны с дальневосточными соседями. Ваш опыт и знания обеспечивают реализацию многих важных государственных инициатив по укреплению международного престижа России. Ваши достижения в научной и практической деятельности получили высшие оценки и признаны учеными всего мира. От всей души желаю Вам, Михаил Леонтьевич, крепкого здоровья, творческого долголетия, счастья, осуществления намеченных планов».

Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ Е. Лукьянов в своей телеграмме подчеркнул: «Позвольте в этот торжественный день выразить Вам благодарность и признательность за активное и конструктивное участие в работе секции по глобальным проблемам и международной безопасности научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации. Уверен, что Ваша активная жизненная позиция и творческая деятельность и в дальнейшем будут служить Нашему Отечеству».

В поздравительном адресе другого заместителя секретаря Совета Безопасности РФ В.П. Назарова было подчеркнуто: «Настойчивость, целеустремленность, последовательность, умение решать самые сложные задачи заслуженно обеспечили Вам высокий международный авторитет и признание. Хочу пожелать Вам доброго здоровья, радости и оптимизма, а удача и успех пусть всегда сопутствуют Вам в работе на благо нашего Отечества».

Руководитель фракции КПрФ в Государственной Думе РФ, председатель ЦК КПрФ Г.А. Зюганов в своей телеграмме отметил: «Дорогой Михаил Леонтьевич! С 1985 года Вы являетесь руководителем Института Дальнего Востока РАН. Благодаря Вашим выдающимся качествам ученого и организатора Институт стал одним из ведущих научно-исследовательских центров по изучению фундаментальных проблем развития Дальнего Востока. На протяжении трех десятилетий Вы являетесь бессменным председателем Общества российско-китайской дружбы. Благодаря Вашим усилиям российско-

китайские отношения укрепились и вошли в прагматичное миролюбивое добрососедское русло. Уверен, что Ваш организаторский талант, богатейший жизненный опыт и активная научная деятельность будут и дальше оставаться востребованными».

А.С. Галушка, министр РФ по развитию Дальнего Востока, в своем поздравительном письме особо подчеркнул: «Вы стали уникальной, незаменимой фигурой в деле развития отношений Российского государства со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Ваши книги и статьи получили признание как в отечественной, так и в зарубежной науке. Огромного уважения заслуживают Ваши исследования в области философии и духовной культуры Китая, международных и межцивилизационных отношений в Азии, проблем «нового евразийства». Значителен Ваш вклад в разработку концепции российско-китайских и российско-южнокорейских отношений, которая сегодня, в свете новых приоритетов развития российского Дальнего Востока, актуальна как никогда. Под Вашим руководством Институт Дальнего Востока РАН приобрел большую известность, и сегодня является одним из ведущих центров научных исследований по широкому кругу проблем развития российского Дальнего Востока и наших азиатских партнеров». Министр выразил уверенность в том, что многогранная деятельность М.Л. Титаренко «будет отмечена новыми успехами и примерами глубочайшего профессионализма».

О признании авторитета российского академика-востоковеда говорят и правительственные телеграммы от заместителя Председателя Совета Федерации В.А. Штырова, выразившего «признательность за продуктивную совместную работу в Национальном комитете по исследованию БРИКС», Председателя Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы РФ академика РАН В.А. Черешнева, в которой народный депутат подчеркнул, что «российские ученые и все международное научное сообщество хорошо знают и высоко оценивают Вас, как крупнейшего специалиста в области международных и межцивилизационных отношений в Северо-Восточной Азии». Поздравительную телеграмму прислал Председатель комитета по образованию Государственной Думы РФ В.А. Никонов,

Руководство Федерального агентства научных организаций также высоко оценило работу российского ученого. «Во многом благодаря Вашему организаторскому таланту и профессионализму Институт заслужил высокую оценку со стороны международных организаций. Об этом свидетельствует вручение ИДВ РАН Ниингатской премии «За большой вклад в развитие взаимопонимания и сотрудничества в бассейне Японского моря», а также выделение Фондом Карнеги специального гранта на развитие корейских исследований. Фундаментальные исследования Института носят важный прикладной характер и во многом определяют вектор развития политических и экономических связей между Россией и странами АТР».

Профессионализм и знание международных проблем академик М.Л. Титаренко начал вырабатывать еще в годы учебы, а затем в период дипломатической работы. В 1957 г. он окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова — редкий по тем временам выбор профессии, два года стажировался в Пекинском университете, где окончил факультет китайского языка. Затем будущий академик обучался на философском факультете у известных китайских философов Фэн Юланя, Жэнь Цзиюня и Фэн Дина. Но на этом не остановился и в 1961 г. окончил философский факультет Фуданьского университета в Шанхае, получив диплом по специальности «философ-историк китайской философии» и диплом переводчика китайского языка.

Затем последовали годы дипломатической службы, сначала в Генеральном консульстве СССР в Шанхае (1961–1962), потом в Посольстве СССР в Пекине (1963–1965). По возвращении в Москву его пригласили на работу референтом-консультантом в Отдел ЦК КПСС. 20 лет Михаил Титаренко проработал на Старой площади, став одним из ведущих экспертов по Китаю и Дальнему Востоку в высших руководящих органах СССР. Его знания о Китае, Корее, Японии, Вьетнаме и других странах Восточной Азии позволяли ему реалистично и правильно оценивать процессы, происходящие в

этом важным для современной международной жизни регионе, давать взвешенные и перспективные рекомендации.

Неслучайно, наверное, во время чествования юбиляра в стенах его родного Института Дальнего Востока сложилась такая ситуация, когда в зале, где проходила церемония поздравлений юбиляра, почти одновременно собрались заместитель министра иностранных дел России И.В. Моргулов, Посол Китая в РФ Ли Хуэй, Посол Республики Корея Ви Сон Лак, Посол Корейской Народно-Демократической Республики в России Ким Ён Дже, Посол Социалистической Республики Вьетнам Фам Суан Шон, представители японского посольства, российские, китайские, северокорейские, южнокорейские и вьетнамские дипломаты, представители других дипломатических миссий.

Во время встречи дипломатов с юбиляром заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов зачитал поздравительный адрес академику Титаренко руководителю российского дипломатического ведомства С.В. Лаврова. В нем, в частности, подчеркивалось: «Без малого три десятилетия Вы руководите Институтом Дальнего Востока РАН, являющимся одним из признанных центров мировой ориенталистики. Результаты исследовательской деятельности Института неизменно востребованы в практической работе Министрства иностранных дел Российской Федерации, вносят весомый вклад в укрепление нашего взаимодействия с восточноазиатскими партнерами. Высоко ценим Ваши труды на поприще народной дипломатии. Возглавляемое Вами Общество российско-китайской дружбы активно содействует упрочению всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, доверия и взаимопонимания между Россией и Китаем. От души желаю Вам крепкого здоровья, благополучия и дальнейших успехов в работе».

Посол России в КНР А.И. Денисов в письме из Пекина сердечно поздравил юбиляра с 80-летием и выразил уверенность в том, что деятельность М.Л. Титаренко и дальше будет служить на благо национальных интересов России. А.И. Денисов назвал М.Л. Титаренко «народным послом дружбы со странами Азии» и подчеркнул: «Для нас Вы были и остаетесь активным и почетным членом многочисленного сообщества дипломатов-китаистов». Его коллега, посол в Италии С.С. Разов, возглавлявший до этого российское посольство в Пекине, также поздравил академика Титаренко и назвал себя его учеником. Посол России в Республике Корея К.В. Внуков, обратившись за примерами к Конфуцию, также назвал юбиляра своим учителем.

Поздравительное письмо прислал заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин, подчеркнувший «высокий профессионализм и искреннюю преданность делу» российского ученого. Специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества К.М. Барский в своем письме отметил личный вклад М.Л. Титаренко «в дело изучения проблем безопасности и взаимодействия на евразийском пространстве, перспектив развития ШОС».

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй в своем поздравлении юбиляру подчеркнул: «Как в России, так и в Китае Вас глубоко уважают и любят как талантливого ученого, яркого и эрудированного человека, по праву считают одним из величайших китаеведов современности. Трудно переоценить Вашу роль в ходе формирования новой модели отношений двух держав в XX веке. Лейтмотив Ваших многочисленных научных трудов этого периода — теснейшее взаимодействие двух стран — веление не только времени, но и насущных интересов обоих народов, закономерный ответ на попытки формирования однополярного мира».

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНДР в РФ Ким Ён Дже, поздравляя российского ученого, заявил: «Мы всегда помним и благодарны Вам за то, что Вы прилагали активные усилия для укрепления и развития традиционных отношений дружбы и сотрудничества между КНДР и РФ, и выражаем надежду на дальнейшее укрепление нашего взаимодействия с Вами на этом пути во благо народов наших двух стран. Пользуясь случаем, от всей души желаю Вам доброго здоровья и долголетия, счастья и благополучия Вашей семье». Посол Ким Ён Дже зачитал также полученное из северокорейской столи-

цы письмо Директора Института международных проблем Корейской Народно-Демократической Республики Чан Юн Гона, в котором, корейский ученый выразил юбиляру теплые поздравления по случаю 80-летия и отметил: «Мы с радостью вспоминаем о нашей встрече в июле прошлого года в Пхеньяне, в ходе которой состоялся углубленный обмен мнениями по актуальным международным проблемам. Уверен, что дальнейшее расширение и развитие контактов и обменов между нашими институтами внесут активный вклад в развитие на новом уровне отношений дружбы и сотрудничества между КНДР и Россией, которые имеют давнюю историю и традицию».

Приятной неожиданностью стало для юбиляра поздравление Чрезвычайного и Полномочного Посла Социалистической Республики Вьетнам Фам Суан Шона. Вьетнамский посол заявил: «Пять лет назад, когда мы отмечали Ваш семидесятипятiletний юбилей. Президент Академии общественных наук Вьетнама До Хоай Нам наградил Вас почетным знаком “За вклад в дело развития общественных наук” и вручил Вам лично эту награду. Сегодня Вам 80 лет, и в связи с этой датой наш Президент Чыонг Тан Шанг очень высоко оценил Ваш заслуженный вклад в укрепление и развитие отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом и наградил Вас Орденом Дружбы».

Посол СРВ в Москве зачитал постановление Президента СРВ о награждении М.Л. Титаренко высокой наградой «За активный вклад в развитие гуманитарных наук Вьетнама и развитие дружественных отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией». Здесь же в зале, где проводилось торжество, состоялась церемония награждения М.Л.Титаренко высшей государственной наградой Вьетнама. Орден вручил Посол СРВ в РФ Фам Суан Шон в присутствии делегации сотрудников Посольства, сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН и руководства ИДВ. Церемонию освещали средства массовой информации Вьетнама и России.

Российского академика поздравил также Президент Вьетнамской академии общественных наук Нгуен Суан Тханг, который в своем письме обратил внимание на следующий аспект работы юбиляра: «За прошедшие годы Вы внесли большой вклад в российскую и мировую науку, особенно в области китаеведения, а также в усиление сотрудничества в сфере общественных и гуманитарных наук между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, между Академиями наук наших стран. Особенно активно развивается сотрудничество между Институтом Дальнего Востока РАН и Вьетнамской Академией общественных наук, в том числе — Институтом Китая, Институтом Европейских исследований, Институтом по изучению Юго-Восточной Азии... Многие вьетнамские ученые прошли подготовку в Институте Дальнего Востока, им была оказана большая и эффективная помощь российскими учеными и сотрудниками Института Дальнего Востока, в том числе, и лично Вами».

В адрес юбиляра поступило также письмо за подписью Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран, в котором он выразил надежду на то, что «в ближайшем будущем откроется новая глава в сотрудничестве между Посольством Исламской Республики Иран и Институтом Дальнего Востока РАН, и наше научное взаимодействие получит развитие по различным направлениям».

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в своем поздравительном послании отметил значимую роль М.Л. Титаренко в формировании за границей положительного образа России. «Благодаря Вашим научным трудам и обширной просветительской работе среди общественных и политических деятелей Китая, Японии, Кореи и других стран этого региона, — написал Патриарх, — формируется адекватный образ России, складывается более полное и ясное представление о традиционных ценностях нашего народа».

Особо следует отметить многочисленные поздравления российского и международного академического сообществ, поступившие в адрес юбиляра.

В своем поздравлении Президент Российской академии наук, академик В.Е. Фортвов отметил: «Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич! Президиум Российской ака-

демии наук сердечно поздравляет Вас, одного из выдающихся российских ученых-востоковедов, с восьмидесятилетним юбилеем. Большое значение имеют Ваши многочисленные труды по проблемам международных отношений в Азии и Евразии, развития связей России с ее дальневосточными соседями, адаптации России к процессам экономической глобализации в целях развития Сибири и Дальнего Востока и интеграции в мирохозяйственные связи в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Президент РАН напомнил, что академик М.Л. Титаренко — автор более 300 научных публикаций, в том числе 12 монографий и 11 брошюр, что многие его работы переведены на иностранные языки и изданы в Китае, Японии, США, Республике Корея, Германии, Вьетнаме, Индии и других странах. Под редакцией М.Л. Титаренко и при его авторском участии была издана шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая», которая имеет большое значение для дальнейшего развития отечественного и мирового китаеведения. «Ее выход в свет, — подчеркнул В.Е. Фортов, — крупный вклад в диалог цивилизаций, укрепление дружбы и взаимопонимания между народами».

Поздравительную телеграмму прислал вице-президент РАН академик В.В. Козлов. Поздравления и наилучшие пожелания выразили в своих телеграммах и письмах председатель Дальневосточного отделения РАН, академик В.И. Сергиенко, член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А.С. Запесоцкий, директор Института экономических стратегий, академик РАН Б.Н. Кузык, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС Г.Д. Толорая, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН В.В. Локосов.

Поздравляя М.Л. Титаренко, академик-секретарь Отделения глобальных и международных отношений РАН А.А. Дынкин назвал Институт Дальнего Востока, который возглавляет юбиляр, «флагманом отечественного китаеведения». Обращаясь к юбиляру, А.А. Дынкин отметил: «На Ваших трудах учится уже не первое поколение востоковедов, Ваши труды переведены на иностранные языки и получили признание во многих странах мира».

Директор Института Африки РАН, академик А.М. Васильев, перечисляя достижения юбиляра, особо подчеркнул: «Ваши способности как ученого-аналитика, успешно применяющего свои знания при разработке конкретных внешнеполитических вопросов, ярко проявились в Вашей деятельности в качестве члена ряда научно-экспертных советов при Совете Безопасности РФ, при Председателе Совета Федерации, Министерстве иностранных дел. Будучи блестящим исследователем, Вы никогда не замыкались в стенах своего кабинета, а стремились в непосредственном общении с людьми проверить свои научные выводы и заключения».

Директор Института всеобщей истории РАН, академик А.О. Чубарьян написал: «Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич! Дирекция и коллектив Института всеобщей истории РАН сердечно поздравляют Вас со знаменательным юбилеем. Мы высоко ценим Вас за Ваш весомый вклад в изучение истории и философии древнего Китая».

Директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин высоко оценил вклад академика Титаренко в развитие отечественного востоковедения, в исследование и выработку прогностических оценок развития ситуации в АТР, развитие российско-китайского стратегического партнерства. «Символично, что Ваш юбилей, дорогой Михаил Леонтьевич, совпадает с двумя важными датами — 65-летием образования Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между нашей страной и КНР», — отметил он. — В этом совпадении есть глубокий смысл: Китай был и остается для Вас страной, изучению которой вы посвятили свою жизнь».

Директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, академик П.Я. Бакланов, поздравляя М.Л. Титаренко, назвал его «выдающимся российским ученым, широко известным в мире и во всех уголках России, а особенно — на Дальнем Востоке». Ректор Юго-Западного государственного университета профессор С.Г. Емельянов в своем позд-

равительном адресе отметил: «Ваша верность высоким идеалам просвещения, подлинный профессионализм, богатый опыт, творческая инициатива, талант организатора сделали Вам широкую известность и признание как яркого, талантливого руководителя, лидера плеяды авторитетных российских ученых».

Директор Института философии РАН, академик А.А. Гусейнов, заявив об огромных заслугах юбиляра в развитии российских гуманитарных и политических наук, особо подчеркнул: «Нам приятно осознавать, что Вы и по своему образованию, и по роду своих нынешних занятий являетесь профессиональным философом, что во многом способствует тесному сотрудничеству наших обоих академических институтов».

«Созданные Вами и под Вашим руководством блестящие труды по философии и духовной культуре Китая, международным и межкультурным отношениям в Восточной Азии, а также по ключевым проблемам современных межгосударственных связей в эпоху сложных геополитических трансформаций, — написал в своем приветственном адресе юбиляру директор Российского института стратегических исследований Л.П. Решетников, — заслуженно ставят Вас в ряд выдающихся российских ученых, составляющих цвет и гордость отечественной науки. Вы являетесь почетным профессором университетов ряда зарубежных стран и академий, что является наглядным свидетельством международного признания Ваших заслуг в науке». С директором РИСИ солидарен ректор Дипломатической академии МИД России Е.П. Бажанов, который, обращаясь к юбиляру, отметил: «разработанная Вами концепция нового евразийства имеет как научное, так и практическое значение, широко востребована во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности России, в укреплении ее международных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета М.Б. Пиотровский написал в своем поздравительном письме: «Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич! Юбилей — время подведения итогов пройденного пути, и Вам есть чем гордиться — Вы прошли его достойно. Но это лишь рубеж на избранном Вами пути и мы желаем Вам здоровья и сил для новых свершений. А в том, что они непременно будут, мы не сомневаемся — гарант тому Ваша неистощимая энергия и преданность науке».

Директор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор И.И. Абылгазиев особо выделил энтузиазм и энергию юбиляра: «Этот юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил, в окружении Ваших учеников и соратников, вместе с Вами реализующих большое количество новых проектов и начинаний в области научных исследований, а также популяризации знаний о Востоке среди широкой общественности».

Академик-секретарь Отделения общественных наук РАН А.А. Кокошин написал в своей телеграмме в адрес М.Л. Титаренко: «Вся Ваша биография — блестящий пример творческого поиска добросовестного и плодотворного служения национальным интересам нашей страны и отечественной науке». Президент Российского совета по международным делам И.С. Иванов, поздравляя российского ученого, выразил признательность «за содействие развитию Российского совета по международным делам с первого дня его создания, за участие в инициативах РСМД». Директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова выразила восхищение умением юбиляра «успешно сочетать научную и административную деятельность» и подчеркнула, что благодаря усилиям М.Л. Титаренко «ИДВ РАН превратился в многопрофильный центр научных исследований по самому широкому кругу теоретических и практических проблем». Искренние поздравления выразил в своей телеграмме директор Института физики Земли, академик А.О. Глико.

Более 30 университетов и исследовательских центров Китая прислали свои поздравления М.Л. Титаренко и выразили уважение и признание заслуг юбиляра. Президент Китайской академии общественных наук Ван Вэйгуан с благодарностью отметил: «Вы с высоким чувством ответственности и необыкновенно горячей заботой посвятили себя делу укрепления дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией, чем завоевали ис-

креннее восхищение и уважение широкого круга коллег и друзей в Китае». Президент Китайской академии современных международных отношений Цзи Чжие в своем письме подчеркнул: «Под Вашим руководством на протяжении более 20 лет Институт Дальнего Востока РАН развивал плодотворное общение и сотрудничество с Китайской академией современных международных отношений. Заглядывая в будущее, я твердо уверен, что Вы, имея обширные знания, опыт и богатый научно-исследовательский потенциал, продолжите способствовать укреплению развития дружественных отношений между Китаем и Россией». «Весь мир относится с огромным уважением к Вашим научным заслугам и восхищается Вашим громадным человеческим опытом», — написал в личном письме Президент Шанхайской академии общественных наук, академик Ван Чжан. В свою очередь Президент Тяньцзиньской академии общественных наук Чжан Цзянь назвал М.Л. Титаренко «искренним другом китайского народа» и подчеркнул: «Как выдающийся общественный деятель, председатель ОРКД, Вы внесли огромный вклад в пропаганду китайской культуры, в развитие дружбы между народами». Президент Академии общественных наук провинции Хэйлуньцзян также подчеркнул выдающийся вклад М.Л. Титаренко в дело сотрудничества между Китаем и Россией. Юбиляра также поздравили директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Ли Юнцюань, выразивший уверенность в том, что «научное взаимодействие и сотрудничество между нами и Вашим институтом достигнет новых высот», директор Института Северо-Восточной Азии Синь Цзиньай, президент Китайского института международных исследований Цюй Син, ректор Цзилиньского университета Ли Юаньюань, заведующий Ученым советом Цзилиньского университета Чэнь Давэнь, директор Пекинского административного института, профессор Ван Миньчжун, Директор Института мировой экономики и политики Чжан Юйянь, директор Института новой истории КАОН, Генеральный секретарь исторического общества Китая Ван Цзянлань, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашэн, директор научно-исследовательской лаборатории партийной литературы при ЦК КПК Лэн Жун, директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета Ли Син. Поздравления получены из Института международных отношений Пекинского университета, Института мировой экономики и политики КАОН, НИИ Центральной Азии Синьцзянского университета, Международного фонда Лю (Тайвань), Тамканского университета (Тайбэй), Пекинского объединенного университета, исследовательских организаций Гонконга.

Большое количество поздравлений пришло в ИДВ РАН из партнерских организаций других стран. Свои поздравления выразили Казахстанский институт менеджмента, экономики и политики, Вьетнамский институт изучения культуры и искусства. Французская академия этики и политики, Институт китаеведения Берлинского свободного университета, Федерация болгаро-китайской дружбы, индийский Институт китаеведения, южнокорейский Ханьянский университет. Поздравления также поступили из Центра международной безопасности и сотрудничества Стэнфордского университета, университета Бостона, Университета Кэйо (Япония), Шиллеровского института (Германия) и многих других исследовательских центров мира.

Особую роль академик М.Л. Титаренко сыграл в сохранении, укреплении, а затем и в расширении деятельности Общества российско-китайской дружбы, других общественных организаций дружбы с зарубежными странами, прежде всего, Восточной Азии. Неслучайно в адрес юбиляра пришло больше сотни поздравительных телеграмм и писем от общественных организаций зарубежных стран и из отделений ОРКД со всей России, из организаций дружбы с зарубежными странами Вьетнама, Японии и др. Процитируем письмо Китайского народного общества дружбы с заграницией (КНОДЗ) за подписью старого друга и соратника М.Л. Титаренко Чэнь Хаосу. «Как Председатель общества российско-китайской дружбы Вы являетесь одним из главных лидеров российской народной дипломатии. Вы с глубоким вниманием относитесь к дружбе и сотрудничеству России и Китая, лично принимаете участие в планировании и проведении разнообразных по фор-

ме и содержанию мероприятий, связанных с дружественными обменами между Россией и Китаем по неофициальной линии. Вы внесли важный вклад в российско-китайскую дружбу на века».

Чэнь Хаосу также посвятил Михаилу Леонтьевичу замечательное стихотворение, строки из которого наилучшим образом заключают этот обзор:

России предан, и не на словах
Китай считаешь Мудрости Владыкой.
В Москве ты на Нахимовском — в трудах,
Но сердцем — у стены Великой.
«Я утренней зари с Востока жду», —
Вот связь души твоей с вельнем службы.
С учеными мужами ты в ладу,
Шагаете одной дорогой Дружбы.

Гляжу в грядущее: в нем наш союз —
Совместное творенье, что нетленно,
Китай — Россия: прочность этих уз
Не разомкнуть. Содружество бесценно.
Пожатье рук друзей не ускользнет,
Марш Мира — нет надежнее заставы!
Начало возрожденья метит взлет,
Сбываются в борьбе мечты Державы!

*А. Исаев, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Политика

Украинский кризис 2013–2014 гг. и позиция Китая

© 2014

Д. Кузнецов

В статье рассматривается реакция Китая на события, происходящие на Украине. Анализируются экономические и геополитические причины повышенного внимания со стороны КНР к украинскому кризису.

Ключевые слова: Китай, Украина, политический кризис инвестиционные проекты, военно-стратегическое сотрудничество.

Острый политический кризис, охвативший в 2013–2014 гг. Украину, вызвал колоссальный резонанс в мире. Реакция на события, происходящие в Украине, последовала со стороны практически всех крупных стран мира, включая Китай.

Причины такого повышенного внимания со стороны Китая являются разнообразными. Пожалуй, важнейшая из них заключается в том, что в последние годы в отношении Украины у Китая возникли вполне конкретные интересы экономического и геополитического характера.

К моменту возникновения «украинского кризиса» 2013—2014 взаимоотношения Украины и Китая достигли достаточно высокого уровня (их активизация началась в 2010 г. после избрания на пост президента Украины В.Ф. Януковича) и были оформлены в рамках стратегического партнерства и сотрудничества. По состоянию на 2011 г. договорно-правовая база украинско-китайских отношений включала более 200 документов¹. Они имели определенную динамику, развиваясь по целому ряду важнейших направлений².

Во-первых, между Украиной и Китаем сложились устойчивые торговые связи с постоянно растущим объемом товарооборота, исчисляемым миллиардами долларов.

К 2012 г. Китай стал для Украины главным торговым партнером среди стран АТР. По итогам 2012 г. товарооборот между Украиной и Китаем достиг 9,783 млрд долл., при этом экспорт Украины в Китай составил 1,858 млрд долл., а ее импорт из Китая — составил 7,924 млрд долл. Китай занял тогда второе место среди 217 стран, являющихся торговыми партнерами Украины. В 2013 г. внешняя торговля между Украиной и Китаем имела тенденцию к росту за счет увеличения объемов импорта (на 9,2%) и экспорта (на 46,4%). К 2015 г. была поставлена задача увеличить товарооборот между Украиной и Китаем до 20 млрд долларов.

Во-вторых, Украина и Китай развивали сотрудничество, связанное с деятельностью предприятий военно-промышленного комплекса. Китай давно присматривается к

Кузнецов Дмитрий Владиславович, кандидат исторических наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: kuznetsovd@mail.ru.

стратегическим ресурсам Украины, особенно в военной сфере. Фактически он наиболее крупный потребитель продукции украинского ВПК.

В-третьих, в последние годы КНР и Украиной были разработаны многочисленные совместные инвестиционные проекты, некоторые из которых носят специфический характер.

В 2009 г. начались переговоры в отношении проектов кольцевой автомобильной дороги вокруг Киева, а также мостов через Днепр. Заинтересованность в их реализации высказали китайские компании. Позднее было подписано соглашение о строительстве высокоскоростной железной дороги Киев — международный аэропорт Борисполь.

В 2013 г. стало известно о том, что Китай планирует арендовать на территории Украины около 3 млн гектаров сельскохозяйственных угодий сроком на 50 лет. Согласно планам, на первом этапе китайская государственная компания *Xinjiang Production and Construction* предполагала арендовать у украинского агрохолдинга *KSG Agro* 100 тыс. гектаров в Днепропетровской, Кировоградской и Херсонской областях, АР Крым, где арендаторы планировали построить несколько ирригационных систем и провести обводнение занимаемых территорий. В перспективе Украина рассматривалась в качестве самого крупного зарубежного производителя продуктов питания (пшеница, кукуруза и др.) для жителей КНР.

В 2013 г. между Китаем и Украиной была достигнута договоренность о совместных действиях, реализуемых в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», в который была включена программа по созданию так называемой Крымской зоны экономического развития, включающей, в первую очередь, территорию в районе Евпатории (Сакский район), где предполагалось построить глубоководный порт. Кроме того, Украина и Китай планировали совместно заняться реконструкцией и развитием Севастопольского морского рыбного порта и созданием вокруг него зоны высокотехнологичной индустрии, а также построить в Крыму аэропорт, верфь, нефтеперерабатывающий завод, терминал для сжиженного природного газа, учебные центры, пляжи и зоны отдыха. Сроки реализации проекта были обозначены в пределах 2014—2018 гг. При этом важно подчеркнуть, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» хорошо коррелируется с планами Украины, нацеленными на евроинтеграцию, о чем, в частности, заявил в начале декабря 2013 г. украинский посол в КНР О. Демин: «Китай как абсолютно цивилизованная страна спокойно реагирует на решения друзей и партнеров... Китай заинтересован, чтобы Украина была в европейском пространстве, потому что для них тогда Украина рассматривается как ворота в Европу»³.

В-четвертых, поддерживались двусторонние связи в гуманитарной сфере. К примеру, в последние годы состоялись Дни украинской культуры в Китае (2010 г.) и Дни китайской культуры в Украине (2011 г.) при участии деятелей культуры Украины и КНР проходили обмены гастрольными выступлениями. Кроме того, был успешно проведен всеукраинский этап Конкурса на знание китайского языка («Китайский мост»). Наконец, на территории Украины действует несколько Институтов Конфуция.

Развитию двусторонних украинско-китайских связей способствовали официальные контакты между представителями руководства Украины и Китая. 2—5 сентября 2010 г. тогдашний президент Украины В.Ф. Янукович совершил первый для него официальный визит в Пекин. Руководители обоих государств выразили тогда желание перевести отношения между двумя странами на качественно новый уровень. Во время встречи главами государств было подписано более десятка договоров. Среди них, в частности, кроме «Совместного заявления глав государств относительно всестороннего повышения уровня китайско-украинских отношений дружбы и сотрудничества», были подписаны «Основные направления украинско-китайских отношений (дорожная карта) на 2010—2012 гг.», соглашения о совместном сотрудничестве в различных сферах: межгосударственных отношений, финансов, развития инфраструктуры, энергетики, авиационно-кос-

мической промышленности, бизнеса, строительства железных дорог. Были также заключены договоры о таможене и карантине.

Большую роль в укреплении украинно-китайского сотрудничества сыграли государственные визиты Председателя КНР Ху Цзиньтао в Украину (18—20 июня 2011 г.) и президента Украины в КНР (3—6 декабря 2013 г.).

Примечательно, что свой последний визит в Китай президент Украины В.Ф. Янукович совершил уже после начала кризиса на Украине. 5 декабря 2013 г. в Доме народных собраний он провел переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином. В ходе беседы Си Цзиньпин назвал Януковича большим другом китайского народа. «Вы сделали позитивный вклад в стратегическое партнерство, дружбу между нашими народами. Я это высоко ценю», — заявил он. Лидеры двух стран обменялись мнениями о дальнейшем укреплении китайско-украинского стратегического партнерства и обсудили проблемы, представляющие взаимный интерес.

По результатам этого визита лидеры Китая и Украины договорились о дальнейшем углублении стратегического партнерства двух стран, действенных мерах по продвижению практического сотрудничества в таких сферах, как сельское хозяйство, энергетика, инфраструктура, финансы и высокие технологии. Они договорились также постоянно расширять сотрудничество в науке, образовании, культуре, здравоохранении, туризме и спорте, общение между людьми. Лидеры Китая и Украины посчитали важным поддержание тесного взаимодействия в международных и региональных делах, совместные усилия в содействии установлению справедливого и рационального нового международного политического порядка, противодействию вызовам глобально-го характера и отстаиванию общих интересов.

5 декабря 2013 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, который отобразил основные принципы развития украинско-китайских отношений стратегического партнерства и сотрудничества на двусторонней основе и в рамках многосторонних механизмов, содержал перечень приоритетных сфер развития практического сотрудничества. Кроме того, была подписана Совместная декларация о дальнейшем укреплении отношений стратегического партнерства, содержащая достигнутые сторонами основные договоренности относительно развития будущего взаимодействия. В документе был зафиксирован факт утверждения главами двух держав Программы развития отношений стратегического партнерства между Украиной и Китаем на 2014—2018 гг.⁴

Подобная активизация политики Китая в отношении Украины имела серьезную концептуальную основу. В КНР полагают, что Украина может стать для нее «опорным государством» на западном фланге евразийского пространства, тогда как Казахстан — «опорой» на его восточном фланге, обеспечивая таким образом баланс в отношениях Китая с другими странами СНГ. «Евразийская стратегия Китая формирует собственную стратегию с "одной осью и двумя опорами", где Россия играет ключевую роль как осевая страна. Казахстан и Украина как важные страны-опоры в евразийском регионе играют для Китая роль балансирования и стабилизации, они обеспечивают западное стратегическое пространство Китая», — подчеркивал, научный сотрудник Института России, Восточной и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Лян Цян⁵.

С учетом вышесказанного, Китай столкнулся с достаточно серьезными проблемами в том, что касалось реагирования на украинский кризис 2013—2014 гг., в особенности, после того, как был свергнут режим власти президента Януковича. Вследствие краха на Украине прежней системы государственной власти, дестабилизации, начавшейся в общественно-политической и социально-экономической сферах, реализация многих целей и задач, связанных с дальнейшим развитием украинско-китайских отношений, освоением Китаем Украины, территории Крымского полуострова оказалась под большим вопросом.

Первоначально Китай проявлял весьма сдержанную реакцию и фактически вплоть до конца февраля 2014 г. не делал никаких громких заявлений по вопросу кризиса

власти на Украине, не участвовал в каких-либо дипломатических акциях. Это, однако, не означало, что Китай не проявлял интереса к происходящим на Украине событиям, поскольку интенсивно и очень внимательно следил за ситуацией в этой стране.

Центральное телевидение Китая широко освещало события в Украине, но в определенных, весьма жестких рамках. Основная идея репортажей Центрального телевидения КНР состояла в том, что «протесты против правительства ведут к хаосу». Однако с 22 февраля 2014 г., когда В.Ф. Янукович бежал из Киева, произошли серьезные изменения. Репортажи внезапно прекратились. Когда официальные каналы СМИ обнаружили, что представители оппозиции взяли верх, а глава государства покинул страну, ЦТКНР переключило свое внимание на проблему возрождения японского милитаризма.

Сдержанностью отличалась и официальная позиция Китая. МИД КНР подчеркивал, что Китай не намерен вмешиваться во внутривнутриполитические дела Украины, он уважает решения народа Украины и готов в дальнейшем к дружественному диалогу и сотрудничеству. Еще 4 декабря 2013 г. последовало заявление МИД КНР: «Китай следит за развитием ситуации в Украине. Мы надеемся и верим, что все заинтересованные стороны в Украине могут решить конфликтную ситуацию путем консультаций и совместно поддерживать социальное единство и стабильность. Мы также надеемся, что международное сообщество будет играть конструктивную роль в этом отношении»⁶.

Между тем, вскоре в официальной позиции Китая все чаще стали проявляться элементы антизападной риторики, что имело своим следствием сближение позиций КНР и РФ в отношении ситуации на Украине.

Спустя несколько дней после визита президента Украины В.Ф. Януковича в Китай информационное агентство «Синьхуа» выступило с критикой западных лидеров, поддержавших тысячи протестующих, которые к тому моменту уже три недели проводили демонстрации на «Майдане независимости» в Киеве. «Запад не должен вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, — писало агентство. — Выражая поддержку участникам антиправительственных протестов, он наносит серьезный удар по украинской демократии, не говоря о том, что это может существенно осложнить ситуацию в регионе». Кроме того, «Синьхуа» обвинило Запад в «разжигании конфронтации» и «нестабильности в регионе», поскольку он подталкивает Украину к Евросоюзу, «напрямую бросая вызов Москве». «Вмешательство Запада помешало независимому диалогу между правительством и оппозицией, посеяв семена дальнейших социальных и политических распрей внутри страны», — утверждало агентство «Синьхуа»⁷.

6 февраля 2014 г., накануне открытия XXII зимних Олимпийских игр, в Сочи состоялась встреча Председателя КНР Си Цзиньпина с Президентом РФ В.В. Путиным. На переговорах китайский и российский лидеры подробно обсудили международную тематику, в том числе конфликт на Украине. В результате Россия и Китай резко осудили попытки вмешательства извне в ситуацию в этой стране⁸.

Антизападной риторикой была пропитана редакционная статья «Сближение Китая и России демонстрирует тройной стратегический эффект», опубликованная 10 февраля 2014 г. в «Жэньминь жибао». «В настоящее время дух "холодной войны" витает в воздухе, Украина уже накрыта им... В таких условиях стратегическое сближение Китая и России становится якорем мировой стабильности, оно препятствует "самореализации предсказания" о "холодной войне", представляет собой стратегическую гарантию...», — писала «Жэньминь жибао»⁹.

События, приведшие к бегству из Киева президента Украины Януковича 22 февраля 2014 г., и переходу власти в руки представителей оппозиции стали в определенной степени переломными в отношении позиции Китая.

Его значительные экономические интересы на Украине вынуждали руководство КНР искать возможности для установления контактов с новыми украинскими властями в надежде, что последние подтвердят достигнутые ранее договоренности. Уже 25 февраля

2014 г. последовало заявление МИД КНР: «Мы уважаем выбор украинского народа, сделанный на основе особенностей ситуации в стране. Мы рассматриваем Украину в качестве важного стратегического партнера и готовы поддерживать развитие всестороннего сотрудничества на основе принципов равенства и взаимной выгоды»¹⁰.

Таким образом, Китай фактически, проявил готовность сотрудничать с новыми украинскими властями, хотя сложность ситуации заключалась в том, что руководство КНР откровенно негативно относится к любым попыткам революционным путем свергнуть действующие власти, что противоречит самому мироощущению китайской элиты.

Сложность ситуации заключалась также и в том, что в геополитическом плане Китай был вынужден следовать позиции, которая отражала стремление КНР к сближению с РФ. Конкретным проявлением близости позиций КНР и РФ в отношении событий на Украине стала ярко выраженная антизападная, а по сути, антиамериканская по своему характеру линия. Это становится понятным, учитывая, что в последние годы и КНР, и РФ рассматривают США в качестве ключевого конкурента на международной арене, в результате чего формируется согласованная и, как правило, нацеленная против США, общая позиция КНР и РФ по целому ряду актуальных международных проблем (кризисы вокруг ядерных программ в Иране и Северной Корее, ситуация в Сирии и др.).

28 февраля 2014 г. «Жэньминь жибао» подвергла критике попытки Вашингтона «соперничать» с Москвой на почве кризиса власти на Украине. В статье, которая к тому моменту стала самым значимым обозначением официальной позиции Пекина по вопросу политического кризиса в Украине, США были представлены увязшими в «мировоззрении времен "холодной войны"». «Теории времен "холодной войны", связанные с политикой, экономикой и безопасностью, до сих пор властвуют над умами многих людей и определяют их мировоззрение, многие на Западе все еще не поборолли свою обиду на Россию, — писала «Жэньминь жибао», призывая Запад отказаться от «устаревшего мышления» и работать сообща на общее благо: «освобождение от оков ментальности "холодной войны" сократит ненужную конфронтацию и позволит наладить дружественные международные отношения»¹¹.

Таким образом, вышеперечисленное подтверждает определенную близость подходов Китая и России, считающих, что действия США, осуществляемые в последние десятилетия на международной арене, во многом являются рецидивом «холодной войны», и в них проглядывается попытка перемещения на Восток разделительной линии, уже сложившейся на европейском континенте, в том числе с использованием технологии так называемых «цветных революций». Угрозу в этих действиях США узрели и Россия, и Китай.

В связи с возникновением так называемого крымского кризиса Китай был вынужден обозначить свою позицию более четко. В нее был внесен целый ряд новых элементов.

2 марта 2014 г., после обозрения Советом Федерации РФ возможности использования вооруженных сил России на территории Украины, МИД КНР выступил со специальным заявлением по ситуации в Крыму. Он заявил, что Китай глубоко озабочен ситуацией, сложившейся на Украине, и призывает заинтересованные стороны стремиться к политическому разрешению разногласий, обеспечения мира и стабильности в регионе посредством диалога и переговоров на основе уважения международного права и норм международных отношений. «Мы крайне осуждаем насильственные акты, возникшие в предыдущие дни в Украине... Китай издавна придерживается принципа невмешательства во внутренние дела, уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины», — констатировал МИД КНР отметив, что китайская сторона будет пристально следить за ходом развития ситуации на Украине¹².

Таким образом, Китай, пусть и косвенно, обратил внимание на весьма важный аспект «крымского кризиса», а именно: на проблему сепаратизма, имеющую исключительную актуальность для китайского государства и в очередной раз громко напомнившую о себе 1 марта 2014 г., когда произошел крупный террористический акт на железно-

дорожном вокзале г. Куньмин (провинция Юньнань). В этом же контексте следует расценивать дипломатический инцидент, имевший место 21 февраля 2014 г., когда МИД КНР выразил крайнюю озабоченность встречей Б. Обамы с Далай-Ламой XIV, а поверенный в делах посольства США в Пекине Д. Критенбринк был вызван в Министерство иностранных дел КНР для выражения протеста¹³.

Позиция Китая, однако, отличалась от позиции, занятой другими крупными державами. К примеру, страны-члены группы G-7, выступая в поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины, осудили действия России, выступили с призывом немедленно убрать все войска с Украины и отказаться от планов вторжения. Учитывая наличие тесных связей с Россией, Китай не мог себе позволить высказаться в адрес своего партнера так же жестко, ограничившись призывами не вмешиваться во внутренние дела, уважать независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины.

3 марта 2014 г. во время заседания Совета Безопасности ООН Китай, как и ожидалось, занял крайне туманную позицию по Украине и Крыму. Напрямую КНР не поддержала РФ на заседании Совета Безопасности ООН, обозначив свою озабоченность сложившейся ситуацией и высказавшись за мирное решение проблем Украины, за невмешательство в ее внутренние дела и соблюдение ее независимости, суверенитета и территориальной целостности¹⁴.

Особенность позиции Китая заключалась и в том, что, не одобряя на словах российскую точку зрения, он, тем не менее, не встал на сторону США, Великобритании и Франции, которые подвергли Россию жесткой критике за ее действия в Крыму. Но и поддержать Россию Китай также не имел возможности, учитывая наличие проблемы сепаратизма в пределах КНР.

Совершенно очевидно, что имея серьезные проблемы, связанные с деятельностью сепаратистских организаций на территории КНР (Тибетский автономный район, Синьцзян-Уйгурский автономный район, автономный район Внутренняя Монголия), принципиально выступая против любых проявлений сепаратизма, Пекин никогда в открытую не пойдет на оправдание аннексии какой-то страной части территории другой страны, даже используя для этого обтекаемые дипломатические термины. В лучшем случае Пекин сдержанно промолчит.

Сложность усиливается и в связи с наличием у Китая собственного «острова Крым» — Тайваня, установление контроля над которым находится в числе важнейших задач будущей политики КНР. В связи с этим не следует сбрасывать со счетов то, что Китай вполне может использовать Крым в качестве примера для решения проблемы Тайваня.

4 марта 2014 г. состоялся телефонный разговор Президента РФ В.В. Путина с Председателем КНР Си Цзиньпином, после которого информационное агентство «Синьхуа» дало следующий комментарий: «Председатель Республики Си Цзиньпин имел телефонный разговор с Президентом России В. Путиным, в ходе которого стороны обменялись мнениями о китайско-российских отношениях, а также о ситуации на Украине. Си Цзиньпин изложил принципиальную позицию Китая, подчеркнув: у того, что ситуация на Украине дошла до нынешней стадии, были свои неизбежные причины. В настоящее время ситуация в высшей степени сложная и чувствительная, и она оказывает воздействие на обстановку в регионе и международные дела в целом. Си Цзиньпин выразил уверенность, что российская сторона сможет во взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами продвигаться к достижению политического урегулирования, действуя в интересах сохранения мира и стабильности в регионе и во всем мире».

Симптоматично, что в отличие от комментария, который дала пресс-служба Кремля, обратившая внимание на то, что «Владимир Путин и Си Цзиньпин с близких позиций обсудили сложившуюся на Украине чрезвычайно сложную ситуацию», и «была выражена надежда, что предпринимаемые российским руководством шаги позволят снизить общест-

венно-политическую напряженность и обеспечить безопасность русскоязычных граждан, проживающих в Крыму и в восточных регионах Украины»¹⁵, китайский комментарий имел более сдержанный характер, без упоминания «близости» позиций руководства РФ и КНР и указания на однозначную поддержку действий России со стороны Китая.

7 марта 2014 г. МИД КНР выступил с очередным специальным заявлением. Комментируя сложившуюся на Украине ситуацию, он выразил надежду, что стороны воздержатся от действий, которые могли бы усугубить ситуацию и найдут способ политического решения кризиса. После того, как один из присутствующих журналистов попросил прокомментировать позицию Китая относительно проведения референдума по вопросу вступления республики в состав России, а США, Европа и другие рассматривают данные действия как нарушение норм международного права, официальный представитель МИД КНР заявил, что Китай призывает все стороны в рамках закона и порядка путем переговоров мирно решить существующие разногласия, оберегать законные права и интересы представителей всех национальностей Украины, постараться как можно раньше вернуть общество к привычному порядку, поддерживать мир и стабильность в регионе. Коснувшись обсуждения США и Европой возможности введения санкций в отношении России, он заявил, что Китай неуклонно выступает против повсеместного введения санкций или угроз об их применении. «В сложившейся ситуации мы надеемся, что все стороны воздержатся от действий, которые могли бы усугубить ситуацию, и совместными усилиями смогут найти способ политического решения кризисной ситуации. Это и есть фундаментальный способ выхода из кризиса»¹⁶.

С другой стороны, в тот же день 7 марта 2014 г. информационное агентство «Синьхуа» выступило с комментарием, в котором прозвучало обвинение в адрес Запада в связи с эскалацией конфликта вокруг Украины: «На данный момент западным лидерам пора перестать поздравлять друг друга со своими "достижениями" в Украине... Украина находится на пороге хаоса и развала. Стратегия Запада, заключающаяся в установлении так называемого демократического и прозападного режима в Украине, не увенчалась успехом. Напротив, Запад лишь спровоцировал хаос, устранить который он не в состоянии, так как не обладает ни необходимыми ресурсами, ни достаточным благоразумием». И далее: «Этот злополучный план был обречен на провал с самого начала. Во-первых, страны Запада оказали себе медвежью услугу, вмешавшись во внутренние дела Украины под избитым предлогом поддержки демократии. Во-вторых, они недооценили готовность России защищать свои основные интересы в Украине. Возможно, Россия более не заинтересована соперничать с Западом за преобладание на мировой арене, но когда речь идет о расчистке хаоса, созданного Западом на заднем дворе этой страны, российские лидеры вновь продемонстрировали свою надежность и проницательность в планировании и осуществлении эффективных ответных ходов... На примере Украины люди других стран мира в очередной раз увидели, как одна большая страна раскололась на части из-за грубого и эгоистичного поведения Запада»¹⁷.

«Однако миру нет нужды впадать в пессимизм, — подчеркивало далее «Синьхуа». — Игра в Украине далеко не завершена. Международное сообщество все еще имеет возможность спасти эту страну совместными усилиями. Великим державам следует забыть о неприязни друг к другу и начать выработать компромисс. Украинцам следует прекратить политические раздоры и как можно скорее приняться за восстановление законности и порядка в своей стране. В конце концов, независимая, целостная и стабильная Украина в интересах всех, включая Китай»¹⁸.

«Жэньминь жибао» тоже выступила с «мягкой» поддержкой российских действий: «Направление примирительной деятельности Китая — оказание помощи России, а именно содействие признанию и уважению интересов РФ в Украине со стороны других участников. КНР следует повлиять на Запад, чтобы он сильно не давил на Россию, всем нужно вернуться в реальность, достичь компромисса, который будет приемлем каждой из сторон...

Сейчас Вашингтон очень хочет спуститься на ступень ниже, Москва же защищает свои интересы в Украине, однако она не хочет получить ожесточенное сопротивление в обмен на отправку своих войск. Новая власть в Киеве больше всего надеется на достижение конечного результата, который она сможет принять. В это время, если КНР сможет способствовать диалогу, то она пойдет навстречу требованиям сложившейся ситуации»¹⁹.

10 марта 2014 г. последовало заявление Председателя КНР Си Цзиньпина, который, в частности, сказал следующее: «Китай занимает объективную и справедливую позицию в украинском вопросе. Ситуация в Украине чрезвычайно сложна, в этих условиях все стороны должны проявлять хладнокровие и сдержанность, чтобы не допустить выхода напряженности на новый виток... Необходимо разрешить кризис политико-дипломатическим путем. Надеюсь, что все заинтересованные стороны надлежащим образом разрешат противоречия посредством контактов и консультаций, приложат усилия к тому, чтобы продвинуть политическое решение проблемы. Китайская сторона открыта для поддержки всех предложений и проектов, которые помогут смягчить ситуацию в Украине, готова продолжать контакты с США и другими заинтересованными сторонами»²⁰.

Практически аналогичное по своему содержанию заявление прозвучало с его же стороны 24 марта 2014 г., после встречи лидеров Китая и США в Гааге (Нидерланды), где проходил саммит по ядерной безопасности²¹.

Свою позицию, в целом благоприятную с точки зрения интересов России, Китай подтвердил накануне состоявшегося 16 марта 2014 г. референдума о статусе Крыма.

15 марта 2014 г., когда в Совете Безопасности ООН прошло очередное заседание, посвященное Украине, Россия использовала свое право вето в отношении проекта резолюции СБ ООН, предлагавшего объявить нелегитимным предстоящий в Крыму референдум о статусе полуострова. Документ был поддержан 13 странами-членами Совета Безопасности ООН, за исключением Китая, который воздержался.

В выступлении после голосования по проекту резолюции, Постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи отметил, что внешнее вмешательство стало главной причиной погружения Украины в кризис, и выдвинул предложения по разрешению кризисной ситуации. Он подчеркнул, что ключевым для этого является сохранение движения в направлении политического урегулирования, чтобы посредством диалога и переговоров как можно раньше решить имеющиеся разногласия. «Исходя из этого, мы предлагаем: во-первых, необходимо как можно скорее создать международный координационный механизм, в который войдут представители всех вовлеченных сторон, для обсуждения пути политического урегулирования украинского кризиса; во-вторых, в этот период стороны не должны предпринимать шагов, которые могут привести к эскалации ситуации; в-третьих, международные финансовые учреждения должны приступить к переговорам с тем, чтобы помочь Украине сохранить политическую и финансовую стабильность»²².

Разъясняя позицию Китая в Совете Безопасности ООН, представитель МИД КНР Цинь Ган заявил, что Китай всегда выступает за уважение суверенитета и территориальной целостности любого государства, Китай всегда придерживается этого основного внешнеполитического курса и считает, что украинский кризис имеет сложные исторические предпосылки и обусловлен современными реалиями, и все это необходимо анализировать и учитывать при урегулировании кризиса. Китай не поддерживает решение украинского кризиса путем противостояния. Голосование в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции именно сейчас приведет исключительно к противостоянию сторон и усложнит ситуацию, что не отвечает интересам и украинского народа и международного сообщества, — подчеркнул он, добавив, что в нынешней обстановке Китай призывает все заинтересованные стороны сохранять спокойствие и сдержанность во избежание дальнейшей эскалации напряженности, а содействие политическому урегулированию кризиса является самой актуальной задачей на сегодня²³.

По поводу результатов референдума в Крыму 17 марта 2014 г. МИД КНР сообщил, что китайская сторона придерживается по украинскому вопросу объективной и справедливой позиции, подчеркнув, что Китай с повышенным вниманием следит за развитием обстановки в Крыму, рассчитывает, что все стороны будут сохранять сдержанность, как можно скорее отыщут путь политического урегулирования путем диалога, на основе уважения разумных обеспокоенностей и справедливых прав всех сторон реализуют оптимальное решение и урегулирование крымской проблемы²⁴. Речь, как видно, о поддержке результатов крымского референдума не шла, однако, отсутствовала также критика, которая прозвучала со стороны ведущих стран мира.

В последовавшем 19 марта 2014 г. комментарии агентства «Синьхуа» поддержка в адрес России была высказана достаточно четко. Примечательным оказалось прямое указание на применение странами Запада политики «двойных стандартов»: «От Косово до Южной Осетии, а также от Коморов до Крыма западные страны применяют двойные стандарты в международных делах, исходя лишь из собственных интересов. Один и тот же факт, например, провозглашение независимости, Запад оценивает всегда по-разному: иногда называет это "национальным самоопределением", если развитие событий отвечает его интересам, а если нет — осуждает подобные шаги как "сепаратистскую деятельность". Такие действия отдельных государств Запада напоминают "раздвоение личности", и им трудно заслужить доверие международного сообщества. С учетом всего этого, разве не стыдно... выступать международным арбитром в национальном и территориальном вопросах чужих стран, рекламируя так называемую демократию и этику?»²⁵.

Наконец, 27 марта 2014 г. во время голосования Генеральной Ассамблеи ООН по резолюции «Территориальная целостность Украины» (в Совете Безопасности она не была принята вследствие вето со стороны России), в которой, в частности, говорилось, что «референдум, проведенный в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 г., не имея законной силы, не может быть основой для любого изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя», Китай воздержался. «За» проголосовали 100 государств-членов ООН. «Против» — 11. Воздержались — 58 государств²⁶.

Примерно в таком же ключе Китай сформировал свою позицию в условиях обострения ситуации в юго-восточных районах Украины — в Луганской, Харьковской, Донецкой и др. областях.

Когда 13 апреля 2014 г. вопрос, касающийся ситуации на юго-востоке Украины обсуждался в Совете Безопасности ООН, где США, Великобритания и Франция вновь вступили резко антироссийски, Китай, как и на предыдущих его заседаниях, посвященных Украине, занял сбалансированную, нейтральную позицию. Постоянный представитель Китая Лю Цзеи выразил обеспокоенность по поводу эскалации ситуации в Украине, призвал всех отказаться от насилия и проявлять сдержанность, а также высказался за активное использование политических и дипломатических каналов для разрешения разногласий.

Таким образом, позиция Китая, формально оставалась нейтральной, и в своих высказываниях по поводу украинского кризиса представители КНР избегали категоричных оценок, в связи с чем один из зарубежных экспертов, выступая на страницах журнала «*Foreign Policy*», подчеркнул: «Каждый раз, когда Пекин просили выразить его точку зрения на вторжение России на Украину, он прибегал к витиевато-уклончивым формулировкам»²⁷.

Как известно, Китай традиционно старается занимать нейтральные позиции даже в самых острых международных спорах, однако в случае с украинским кризисом и его важнейшей составляющей — «крымским кризисом» — внешний нейтралитет Китая оказался намного более благоприятным для России, чем для Запада, и в особенности для США.

Действительно, фактически позиция Китая эволюционировала в сторону пусть и не совсем однозначной поддержки России (по меткому выражению средств массовой информации, Китай — «это «молчаливый союзник России»), что, на наш взгляд, объясняется

в первую очередь геополитическими мотивами, стремлением Китая и России выступить в рамках «общего фронта» в ответ на попытки США и других стран Запада действовать путем навязывания своей позиции другим участникам международных отношений.

Идти на сближение с Россией Китай вынуждали также факторы, связанные с проблемой спорных территорий, в отношении которой США занимают достаточно жесткую позицию, а в связи с «крымским кризисом» еще более ужесточили ее²⁸.

Тем не менее, сближение Китая и России, происходящее под влиянием украинского кризиса, может иметь не только геополитическую подоплеку, но и вполне конкретные интересы в сфере экономики. Некоторые эксперты видят значительные экономические выгоды от развития украинского кризиса, а также режима санкций, введенных в отношении России. Подчеркивается, что оказавшись в экономической изоляции, Россия переориентирует поставки энергетических ресурсов в Китай, тогда как Китай заполнит вакуум западных инвестиций в России, а также превратится в крупнейшего поставщика товарной продукции на российский рынок²⁹.

Между тем, преувеличивать поддержку России со стороны Китая вовсе не стоит. В первую очередь исходя из национальных интересов страны, руководство КНР, очевидно, не исключает возможность реализации тех планов, которые в отношении Украины имел Китай еще до свержения режима В.Ф. Януковича. Во многом именно этим обстоятельством объясняется стремление Китая наладить отношения с новым руководством Украины и, в первую очередь, с П.А. Порошенко, избранным 25 мая 2014 г. на пост президента Украины. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 4 июня 2014 г. Си Цзиньпин направил П.А. Порошенко поздравительную телеграмму по случаю его избрания³⁰. На состоявшейся 7 июня 2014 г. инаугурации П.А. Порошенко присутствовал специальный представитель Председателя КНР Си Цзиньпина Цай У. Передав П.А. Порошенко поздравления от Си Цзиньпина, Он заявил, что китайская сторона придает большое значение китайско-украинским отношениям стратегического партнерства и намерена на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды содействовать благополучному и стабильному развитию двусторонних связей во всех областях на благо двух стран и их народов³¹.

Кроме того, руководство КНР, безусловно, понимает, что главные участники развернувшейся на глобальном уровне «борьбы за Украину», — РФ, ЕС и США, крайне заинтересованы в поддержке своей позиции со стороны одного из ведущих геополитических игроков, т.е. Китая. В результате, эта ситуация, которая, очень напоминает ситуацию, сложившуюся в эпоху «холодной войны» в 1970-е гг., когда СССР и США, разыгрывая «китайскую карту», всячески искали пути сближения с КНР, вполне может сыграть на руку Китаю.

Оставаясь в стороне от украинско-российского конфликта, Китай, может с успехом для себя сыграть на имеющихся в настоящее время острых противоречиях между РФ, ЕС и США по украинскому кризису. Обозначив в процессе «перетягивания» со стороны на сторону свой исключительный геополитический статус, Китай извлечет из этого очевидную выгоду: значительно усилит свою роль в современных международных отношениях, еще более увеличит свой вес в качестве действующего на глобальном уровне геополитического игрока и в итоге получит шанс серьезно укрепить влияние на мировые дела.

На наш взгляд, решающим фактором, способствовавшим эволюции позиции Китая в отношении украинского кризиса, стал геополитический. Очевидно, что в настоящее время наблюдается исключительно жесткая по характеру геополитическая игра, в центре которой находится Украина. Ключевые участники этой игры — США, ЕС, Россия, Китай. Украина, таким образом, находится в сфере интересов сразу нескольких игроков, у каждого из которых существуют свои экономические и геополитические интересы. Китай, хотя и присоединился к ним немного позже остальных, тем не менее, выступает в качестве полноправного участника этой игры. Во многом именно в этом контексте следу-

ет рассматривать большую часть действий, предпринимаемых в отношении Украины со стороны указанных выше акторов международных отношений.

Представляется, что на поле украинского кризиса развернулась, пожалуй, самая значительная по своим масштабам (с 1991 г.) геополитическая игра, все больше напоминающая схватку с участием США, ЕС, России и Китая, выходящая далеко за рамки Украины и имеющая глобальные масштабы.

Думается, что от ее исхода во многом зависит, состоится ли в ближайшее время окончательное переформатирование глобального мирового порядка в рамках «мультиполярности», учитывая, что в последние годы дрейф от однополярного к многополярному миру усиливается, инициируя завершение процесса демонтажа отдельных, сложившихся ранее элементов «PAX AMERICANA». Очевидно, что в настоящее время позиции США на международной арене ослабли, подтверждением чего является не ослабление активности Америки в мировых делах по сравнению с 1990—2000-е гг. На это обстоятельство указывают многие зарубежные, в том числе и китайские эксперты, приводя в качестве примера Украинский кризис³².

Таким образом, украинский кризис вполне может стать своеобразным «моментом истины», благодаря которому будет выявлена в действительности сложившаяся на данный момент расстановка сил на международной арене, обозначены ключевые «центры силы», от действий которых будет зависеть развитие международных отношений в будущем.

1. См.: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Доклады РИСИ. Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). 2012. М.: РИСИ, 2012. С. 7–56. URL: <http://www.riss.ru/journal/arhiv/2012/10-detail>.
2. Дипломатические отношения между Украиной и Китаем были установлены 4 января 1992 г. Подробнее об украинно-китайских отношениях см., например: *Мокрецкий А. Ч.* Китайско-украинские отношения в свете концепции «стратегического равновесия» Украины // Китай в мировой и региональной политике / Отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН. 2013. С. 232–253.
3. Китай видит Украину как ворота в Европу // Новостной портал СЕГОДНЯ.ua. 3 Декабря 2013. URL: <http://www.segodnya.ua/>.
4. «Жэньминь жибао» онлайн. 05/12/2013. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
5. См.: *Лян Цян.* Китайско-украинские отношения стратегического партнерства и евроазиатская стратегия Китая // Развитие стратегического партнерства между Украиной и Китайской Народной Республикой: результаты, проблемы и перспективы. Материалы украинско-китайской научно-практической экспертной конференции. 29 мая 2013 г. Киев: Дипломатическая акад. при МИД Украины, 2013. С. 45–48. URL: <http://dipacadem.kiev.ua/wp-content/uploads/2013/12/Матеріали-українсько-китайської-конференції.pdf>.
6. «Жэньминь жибао» онлайн. 05/12/2013. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
7. «Жэньминь жибао» онлайн. 06/12/2013. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
8. «Жэньминь жибао» онлайн. 07/12/2013. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
9. «Жэньминь жибао» онлайн. 10/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
10. «Жэньминь жибао» онлайн. 25/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
11. «Жэньминь жибао» онлайн. 28/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
12. «Жэньминь жибао» онлайн. 03/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
13. См.: «Жэньминь жибао» онлайн. 22/02/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
14. См.: S/PV.7125. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Шестьдесят девятый год. 7125-е заседание. Понедельник, 3 марта 2014 года, 15 ч. 30 м. Нью-Йорк. Предварительный отчет. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.7125>.
15. Телефонный разговор с Председателем КНР Си Цзиньпином. 4 марта 2014 года, 19:00. Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/>.
16. «Жэньминь жибао» онлайн. 08/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.

17. Commentary: The West's fiasco in Ukraine. By Xinhua writer Ming Jinwei. English.news.cn. 2014—03—07. 10:33:38. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/>
18. Ibidem.
19. «Жэньминь жибао» онлайн. 05/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
20. «Жэньминь жибао» онлайн. 11/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
21. «Жэньминь жибао» онлайн. 24/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
22. «Жэньминь жибао» онлайн. 16/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
23. «Жэньминь жибао» онлайн. 17/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
24. «Жэньминь жибао» онлайн. 18/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
25. «Жэньминь жибао» онлайн. 19/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
26. См.: А/RES/68/262.
27. В данном случае позиция Китая во многом основывается на фундаментальном принципе, в соответствии с которым, внешняя политика КНР опирается на рекомендации, высказанные в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Дэн Сяопином. Отдельные высказывания Дэн Сяопина, посвященные внешней политике, были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «сладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное». Однако особую популярность и в Китае, и за его пределами приобрела редуцированная формула внешнеполитических заветов Дэн Сяопина — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». См.: *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14—27.
28. В начале апреля 2014 г. целый ряд высокопоставленных сотрудников администрации Б. Обамы, в том числе помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Д. Рассел провели параллели между Крымским кризисом и проблемами в Южно-Китайском море, подчеркнув, что крымская модель может стать прецедентом для Китая в захвате территории в Южно-Китайском море силой или другими принудительными методами. Подобные высказывания вызвали протест со стороны Китая. См.: «Жэньминь жибао» онлайн. 09/04/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
29. См.: «Жэньминь жибао» онлайн. 12/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>. Частично это было подтверждено по итогам состоявшегося 20–21 мая 2014 г. визита Президента РФ В.В. Путина в Китай, в ходе которого был подписан пакет из нескольких десятков двухсторонних соглашений, в т. ч. Договор купли-продажи природного газа между ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, предусматривающий поставки российского газа по так называемому «восточному маршруту». Предполагается, что, начиная с 2018 г., в течение последующих 30 лет Россия будет поставлять в Китай до 38 млрд куб м газа в год. Общая стоимость поставок составит 400 млрд долл.
30. «Жэньминь жибао» онлайн. 05/06/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
31. «Жэньминь жибао» онлайн. 08/06/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.
32. Так, директор Исследовательского отдела Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайского института международных проблем Чэнь Баожун высказала точку зрения о том, что хотя руководители стран Запада уже сделали предупреждение, у них все еще нет эффективных средств борьбы с вводом российских войск в Крым. Чэнь Баожун подчеркивает, что из-за войн в Ираке и Афганистане, а также влияния мирового финансово-экономического кризиса, ставится под сомнение способность США в ответе на действия России. См.: «Жэньминь жибао» онлайн. 07/03/2014. URL: <http://russian.people.com.cn/>.

Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений

© 2014

К. Асмолов

В статье анализируются основные тенденции, влияющие на изменение стратегии и тактики Китая в корейском вопросе; характер отношений Китая с государствами Корейского полуострова; палитра китайских оценок в отношении острых региональных проблем; методы, которыми Китай укрепляет свое влияние в КНДР, и их перспективы. Развенчивается представление о том, что рано или поздно КНР бросит бывшего союзника, солидаризируясь с «международным сообществом».

Ключевые слова: Китай, КНДР, реальная политика, безопасность, геополитические тенденции.

Прошедший 2013 г. был ознаменован некоторыми важными коррективами во внутренней и внешней политике Китая. С учетом этого правомерен вопрос: сохранит ли Пекин неизменным свой курс на Корейском полуострове? Останется ли КНР той силой, которая в определенной мере противостоит Соединенным Штатам и их союзникам в решении корейской ядерной проблемы? Как видится Китаю будущее Северной Кореи в целом?

Прежде всего, следует упомянуть ряд факторов, которые, по нашему мнению, будут влиять на развитие ситуации в будущем:

Во-первых, это курс китайских экономических реформ, заставляющий некоторых политологов делать вывод о том, что идеологические противоречия между КНР и КНДР неизбежно достигнут того уровня, при котором Китай присоединится к западному сообществу в деле «наказания страны-изгоя».

Во-вторых, это растущие претензии Китая на роль глобальной супердержавы, которые способствуют усилению в нем великодержавных настроений, более активным внешнеполитическим действиям и «вассализации» им окружающих «малых стран».

С другой стороны, возвышение Китая встречает определенное сопротивление у Америки и ее региональных союзников, воспринимающих его усиление как виток «дилеммы безопасности». Имеется в виду ситуация, когда, чувствуя угрозу со стороны соседей, страна начинает наращивать свою мощь, что воспринимается этими соседями как угроза, в ответ на которую они также повышают боеготовность, запуская таким образом порочный круг. В этом контексте северокорейская карта используется противниками КНР как повод к наращиванию своего регионального влияния, созданию двусторонних альянсов, нацеленных не столько против КНДР, сколько на сдерживание Китая.

В-третьих, это рост китайской экономики, в том числе на Северо-Востоке страны, который, помимо прочего, способствует обеспечению приграничной стабильности и созданию на границе КНР подобия буферной зоны в лице КНДР.

В-четвертых, это смена поколений. Те, кто воевал в Корее и воспринимает китайско-северокорейские отношения сквозь призму этого боевого братства, постепенно уходят из жизни, хотя полностью игнорировать фактор личных связей не стоит. В первую пятерку нового руководства страны входит Чжан Дэцзян, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, эксперт по отношениям с Северной Кореей. Конечно, Чжан не относится к «старым борцам», но уровень его связей с КНДР может быть назван личным, основанным на долгом пребывании там, профессиональном владении темой и достаточном уровне личных связей.

В-пятых, это развитие ситуации в КНДР. В отличие от Ким Чен Ира, чей процесс интронизации период 1972–1994 гг., когда в качестве «любимого руководителя» при «великом вожде» Ким Чен Ир постепенно переключал на себя сначала вопросы культуры, затем экономики, оставив в ведении отца только стратегическое планирование и внешнюю политику), занял около 30 лет,» Ким Чен Ын находился в статусе «кронпринца» гораздо меньше.

При этом новый руководитель, как правило, ассоциируется с определенным снижением кредита доверия. Если Ким Чен Ир мог считаться достаточно предсказуемым политиком, и его стратегия в том или ином вопросе была вполне прогнозируемой, то в отношении молодого генерала прогнозы подобного рода делать намного сложнее, и из этого возникает более осторожный подход.

В-шестых, на китайскую политику влияют те же два фактора, которые определяют российскую позицию в этом вопросе¹. С одной стороны, Китай как постоянный член Совета Безопасности ООН и ядерная держава обязан поддерживать денуклеаризацию Корейского полуострова и осуждать игнорирование Северной Кореей резолюций ООН. С другой, ему важна приграничная стабильность, в то время как война или гуманитарная катастрофа на полуострове неизбежно приведут к появлению многомиллионного потока беженцев и массы сопутствующих проблем².

Основные проблемные узлы в корейско-китайских отношениях состоят, **во-первых, в стремлении КНДР не превращаться в вассала** и обеспечить себе пространство для маневра. Это важно как по политическим, так и по идеологическим причинам: идеология Северной Кореи построена на идее независимости и самостоятельности. В советское время Пхеньян довольно умело лавировал между СССР и Китаем, а сегодня, возможно, пытался бы балансировать между Китаем и США, если бы американская политика не была такой жесткой. Известно, что отношение северян к китайцам не особо дружественное (тем более в приграничных регионах), а северокорейские спецслужбы уже давно нацелены на работу против возможной китайской агентуры³.

Во-вторых, это ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП). Напомним, что каждое региональное обострение с участием Северной Кореи вызывает медиа-шлейф: «Северная Корея бросает вызов миру», и используется США и их союзниками для укрепления своих военно-политических позиций в СВА, направленных в первую очередь на сдерживание Китая.

С определенной точки зрения, развитие конфликта на Корейском полуострове является комплексным ударом по китайскому стремлению к гегемонии. Оно заставляет Китай терять лицо, поскольку в его зоне ответственности возник конфликт, который он не сумел урегулировать. Поэтому Китай заинтересован в восстановлении своих позиций, особенно на фоне конфликтов, связанных с островами Сэнкаку и спорными территориями в Южно-Китайском море.

В-третьих, это конфликты экономических интересов, связанные с возможными признаками административного кризиса в КНДР. Поскольку непонятно, насколько молодой руководитель контролирует все снизу доверху так же жестко, как это делал его отец, есть ощущение, что на фоне некоторого ослабления контроля на местах отдельные чиновники начинают пытаться «решать вопросы», игнорируя интересы КНР.

Наиболее шумным стал скандал в августе 2012 г., когда китайская горнодобывающая компания «Xiyang Group» открыто обвинила власти КНДР в незаконной конфискации ее бизнеса. Как утверждали представители фирмы, они инвестировали в совместный завод по добыче и переработке железной руды в общей сложности 37 млн долл. Однако вопреки договоренностям представители Северной Кореи (контракт предусматривал неизменные условия в течение 30 лет) резко повысили платежи: на оплату рабочей силы, на аренду земли, за электричество и т. п.

Китайцы отказались платить по новым ценам, после чего северокорейская сторона сначала отключила китайцам воду и электричество, а затем депортировала весь китайский персонал. В итоге совместное предприятие, которое начало работать в апреле 2011 г., встало⁴. Потери, по подсчетам компании, составили более 55 млн долл.

Подобные ситуации возникали и раньше, но на этот раз о конфликте пострадавшая китайская сторона заявила открыто⁵, причем опубликовала текст, изобилующий подробностями, свидетельствующими о коррупционности северокорейцев. Власти КНДР, в свою очередь, обвиняют саму компанию⁶. В заявлении, распространенном по каналам ЦТАК, отмечается, что "компания выполнила только половину своих обещаний по объемам инвестиций, хотя с момента подписания соглашения прошло четыре года".

Другой известный инцидент был связан с захватом 8 мая 2013 г. трех китайских рыболовных судов. По информации китайских судовладельцев, задержание произошло еще 8 мая в китайских территориальных водах Желтого моря, после чего суда были отконвоированы в воды КНДР⁷. За освобождение китайских граждан северокорейская сторона требовала выкуп (190,5 тыс. долл., затем 428,5 тыс. долл.), угрожая убить заложников, а корабли продать на торгах.

Кем оказались пираты, не уточняется, так как, с одной стороны, они были одеты в военную форму и вооружены, а с другой — помимо граждан КНДР там были и китайцы. Тем не менее, для разрешения ситуации Пекин действовал в тесном контакте с северокорейскими официальными лицами, требуя «обеспечения безопасности и законных интересов экипажей китайских кораблей»⁸. В итоге все суда и их экипажи были освобождены⁹.

Следующая проблема касается корейской диаспоры в Китае. Рост числа насильственных преступлений, связанных с северокорейской миграцией, уже давно фиксируется в приграничных с КНДР районах Китая, где находится 90–110 тыс. северокорейских граждан. Большинство из них — нелегалы, что служит благодатной почвой для криминальной деятельности, включая организованную проституцию и работорговлю¹⁰. Китайские сетевые СМИ фиксируют широкое распространение данных преступлений и высокую стоимость северокорейского живого товара¹¹.

Следует отметить и бизнес так называемых «брокеров», занимающихся как переправкой перебежчиков из КНДР в РК, так и миграцией китайских корейцев, которых выдают за беженцев.

Особая проблема в том, что корейские ОПГ нередко контактируют с теми или иными официальными структурами КНДР. В 2010 г. был факт перестрелки бойцов северокорейской погранохраны, прикрывавших группу контрабандистов, с китайскими пограничниками¹². В 2006 г. западные СМИ сообщали о фактах участия северокорейских военнослужащих в вооруженных грабежах на китайской территории¹³.

С другой стороны, следует упомянуть, что «кризис, связанный с репрессиями в отношении Чан Сон Тхэка», в КНР расценили как внутреннее дело КНДР. Китай интересовало скорее то, насколько ликвидация Чана как человека, который во многом контролировал торговлю с Китаем, послужит поводом для пересмотра уже заключенных договоров¹⁴.

Анализируя «китайский фактор» в деле Чана, нельзя игнорировать ряд противоречивых сигналов о том, каково было место Пекина в этой истории. С одной стороны,

посол КНДР в Китае остался на своем посту, несмотря на то, что с точки зрения формальных связей принадлежал к группировке Чана¹⁵.

С другой стороны, циркулировали слухи о том, что в Пекине были недовольны системой коррупционных связей, которую создал Чан¹⁶, а значительная часть банковских счетов, которые позиционировались как «тайные активы Ким Чен Ына», на самом деле были накоплениями его окружения, и именно китайцы не только «слили» на Север информацию о прегрешениях Чана, но и не дали ему возможности вывести из китайских банков в общей сложности миллиард долларов¹⁷.

Японский эксперт Хидэси Такэсада утверждал, что Чан Сон Тхэк играл важную роль в продаже Китаю северо-кореических природных ресурсов, но «занимался торговлей, руководствуясь архаичными взглядами. Поэтому отстранение Чан Сон Тхэка может приблизить внешнюю политику и торговлю Северной Кореи к глобальным стандартам»¹⁸.

В этом контексте интересна информация о том, что Чан Сон Тхэк был отправлен в отставку потому, что выступал против подписания соглашения с КНР о новой совместной экономической зоне¹⁹.

Освещение проблем КНДР в китайских СМИ

Если в 2010–2011 гг. конфликты интересов между Китаем и КНДР решались келейно, без «выноса сора из избы», в последнее время о существовании проблем стали говорить более открыто. В современном Китае можно наблюдать довольно широкую палитру мнений о том, какой должна быть политика по отношению к Пхеньяну, в том числе — в контексте ядерной проблемы.

Наиболее известные материалы, критикующие КНДР с позиции «гегемонизма», публикуются в газете «Хуанцю шибао», которая подчиняется «Жэньминь жибао» — официальному органу ЦК компартии Китая, обладая при этом определенной независимостью суждений не только в отношении Кореи, но и других региональных проблем²⁰.

В целом позиция газеты сводится к тому, что Китай стремится к сохранению китайско-северо-кореической дружбы, но и КНДР должна поступать так же. Ей не стоит «завязываться» и своими действиями «подставлять Китай», а если таковое случается, Пекин обязан «ставить Пхеньян на место» более жестко и решительно, чем сейчас. В случае очередного ракетно-ядерного испытания Пхеньян должен четко понимать, какую цену ему придется за это заплатить²¹. В отдельных статьях даже содержался намек на то, что разногласия между двумя социалистическими странами «могут стать причиной военного конфликта» (как это было между КНР и СССР или между КНР и Вьетнамом).

В одном из материалов утверждается, что «Северная Корея является для Китая стратегическим заслоном... однако иногда действия КНДР ставят нас в еще более трудное положение, чем США»²².

Китай находится в весьма неудобной позиции. Ни КНДР, ни Южная Корея и США не хотят прислушиваться к китайским увещаниям. И при этом Пхеньян требует от Пекина продемонстрировать «настоящую дружбу», а Южная Корея и США ожидают от Китая «настоящей сознательности». В этих условиях Китаю целесообразнее всего брать за отправную точку текущую геополитическую ситуацию и китайские национальные интересы.

Дальнейшее укрепление отношений между Северной Кореей и Китаем требует от КНДР отказаться от новых выходов, а от Китая, в свою очередь, предоставить ей необходимые гарантии безопасности. Однако перегибы в одну или другую стороны весьма опасны: восстановление китайско-северо-кореического взаимодействия до уровня военного альянса означало бы возвращение полуострова в условия «холодной войны», а радикально новое позиционирование Китая по отношению к КНДР практически неосуществимо²³.

Примечательно, что «Хуанцю шибао» критикует не только Север, но и Юг. В статье «Южная Корея не должна ценить США больше, чем Китай», в частности, гово-

рится, что «узким местом в развитии китайско-корейских отношений является распроданная в корейских политических, дипломатических и даже академических кругах американская парадигма мышления... Южная Корея продолжает рассматривать отношения с Китаем как дополнение к американо-корейскому союзу, а не как самостоятельные двусторонние отношения, которые по значимости равносильны отношениям Южной Кореи и США»²⁴.

Южная Корея должна показать Китаю, что ее союз с США не направлен против Китая, который уже является главным торговым партнером РК (объем торговли двух стран превысил общий объем торговли Южной Кореи с США и Японией). Отношения Китая и Южной Кореи не должны больше оставаться на «более низком уровне», и газета выражает надежду, «что новое поколение южнокорейских политиков отойдет от американского способа мышления». Это предоставит китайско-корейским отношениям еще более независимое, широкое и глубокое пространство для развития.

Однако надо помнить, что прочие правительственные газеты придерживаются более сдержанного тона, и здесь показателем являются опубликованные 16 февраля 2013 г. агентством «Синьхуа» комментарии ряда авторитетных китайских специалистов-международников в ответ на высказывания западных СМИ, утверждавших, что политика Китая в отношении ядерного оружия КНДР будто бы «потерпела неудачу»²⁵.

Так, заместитель директора Института современных международных отношений при университете Цинхуа профессор Лю Цзяньюн заявил, что «по этому вопросу винить надо США, Южную Корею и Японию». Профессор Народного университета Китая, директор Центра американских исследований при этом университете Ши Иньхун подчеркнул, что КНДР провела ядерные испытания, исходя из своих собственных интересов, а придерживаться взятых на себя обязательств должны все заинтересованные стороны²⁶.

Причины ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) заместитель директора китайского Института международных исследований Жуань Цзунцзэ видит в «дисбалансе» в региональной ситуации, проявляющемся в том, что РК и Япония прикрыты американским «ядерным зонтиком». Научный сотрудник Института США при Академии общественных наук КНР Тао Вэньжао связывает запутанность проблемы с 60-летней враждой между КНДР и США.

Что касается поиска путей к денуклеаризации Корейского полуострова, то, по мнению Ши Иньхуна, необходимо добиться исполнения соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и введения санкций, которые предотвратили бы разработку Северной Кореей ядерного оружия. Лю Цзяньюн выступает за развитие процесса переговоров: когда Вашингтон и Сеул проводили так называемую «солнечную политику», напряженность на Корейском полуострове снижалась. Жуань Цзунцзэ также полагает, что «проблема недоверия и вражды между США и КНДР должна быть решена через многосторонний переговорный механизм, такой как шестисторонние переговоры. Китайская сторона должна продолжать играть роль миротворца и посредника»²⁷.

Более либеральная на взгляд западных экспертов позиция была озвучена 27 февраля 2013 г. в «Financial Times» Дэн Юйвэнем в статье «Китай должен оставить Северную Корею». Ее автор полагает, что проведенное КНДР ядерное испытание — хороший способ пересмотреть отношения двух стран, исходя из ряда причин:

1. Хотя обе страны являются социалистическими, различий между ними больше, чем между Китаем и западными странами.
2. Восприятие КНДР как союзника устарело. Если во времена «холодной войны» КНДР и была полезна, сейчас эта польза под сомнением. Если США решат нанести превентивный удар по КНДР, разве не придется Китаю помогать ей с риском для себя?
3. Реформирование режима в КНДР невозможно: зачем поддерживать режим, который рано или поздно обречен на крах?

4. КНДР удаляется от Пекина. У нас любят рассматривать отношения с КНДР через призму совместных жертв в Корейской войне, а не реалий сегодняшнего дня.

5. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и возможность того, что КНДР обратит свой ядерный шантаж в сторону Китая.

Наилучшей стратегией Дэн считает содействие объединению Кореи. Вторым вариантом могло бы быть использование Китаем своего влияния для прихода к власти в Пхеньяне про-пекински настроенного правительства.

Несмотря на то, что за эту статью Дэн Юйвэнь был уволен с поста заместителя главного редактора газеты партшколы ЦК КПК, стоит помнить, что Центральная партийная школа была вотчиной нынешнего председателя КНР, и такая точка зрения может иметь распространение среди молодых прагматиков.

Так, профессор Института международных стратегических исследований при той же партийной школе Чжан Ляньгуй придерживается позиции, что страны-участницы шестисторонних переговоров должны оказать давление на Пхеньян, чтобы он отказался от «иллюзий» о ядерном статусе. По его мнению, ядерная политика КНДР не меняется, несмотря на словесные утверждения о готовности к возобновлению переговоров. Более того, после третьего ядерного испытания КНДР внесла в конституцию страны упоминание о себе как ядерной державе. В связи с этим участникам переговоров надо показать Пхеньяну свою твердую решимость к денуклеаризации полуострова²⁸.

Сдержанное отношение к КНДР проявляется в выпущенном недавно Академией общественных наук Китая докладе "О развитии ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе". Внимание привлекли выводы о том, что «через 10–15 лет главным вопросом на Корейском полуострове будет тема объединения», и «необходимо полностью устранить заблуждение в том, что в процессе поддержания мира и безопасности Китай якобы ни за что не откажется от Северной Кореи»²⁹.

Подобный тон отражает реакцию на весенний межкорейский кризис 2013 г., хотя официальную позицию по этому вопросу выразила статья в «Жэньминь жибао», которую писал эксперт по международным отношениям Хуа Ивэнь³⁰. Там констатировалось: «КНДР не следует ошибочно оценивать обстановку на Корейском полуострове». Да, у КНДР есть причины беспокоиться за собственную безопасность, однако нет оснований проводить ядерные испытания и запуск баллистических ракет. Да, у Севера «есть собственные политические потребности, выбор и стиль речей, это относится ко внутренним делам страны, в которые не могут вмешиваться зарубежные государства. Однако, если речи и действия Пхеньяна обостряют противоречия на полуострове, оказывают влияние на мир и стабильность в регионе, то вопросы приобретают международный характер и касаются уже не только КНДР. Ситуация на Корейском полуострове не обязательно будет развиваться согласно идеям и ожиданиям Пхеньяна».

Впрочем, оценки и рекомендации были даны всем. США не следует «подливать масла в огонь», потому что односторонние американские санкции против КНДР и давление на страну приносят негативные результаты. Республике Корея нельзя упустить суть проблемы: ей как одной из сторон конфликта на Корейском полуострове следует играть роль "тушителя пожара", а не подыгрывать КНДР или США. Японии не следует извлекать выгоду из чужой беды, обостряя ситуацию в регионе.

При этом китайские эксперты неоднозначно не верят ни в желание, ни в возможности КНДР «угрожать миру». Так, на фоне весеннего кризиса 2013 г. было процитировано мнение профессора университета «Тунцзи» Цуй Чжиина: «Заявления руководства КНДР не несут реальной угрозы. Ракеты КНДР не смогут долететь до военных баз США в Тихом океане, а результаты исследований показывают, что Пхеньяну пока не удалось создать ядерный заряд»³¹.

Эксперты из Академии общественных наук Китая также считают крайне низкой возможность возникновения полномасштабного конфликта на Корейском полуострове. В докладе отмечается, что КНА сильно уступает южнокорейской армии, а применение ядерного оружия восстановит против Северной Кореи весь мир³².

Не менее неприятной видится и смена режима. Обратим внимание на интервью уже упомянутого Ши Иньхуна газете *New York Times*, где он утверждает, что китайские чиновники не осмеливаются применять экономические рычаги против Северной Кореи, потому что в случае коллапса ее правительства может образоваться объединенная Корея, которая вступит в союз с США. Это было бы для Китая кошмарным сценарием³³.

В завершение о реакции масс. В современном Китае отношение к Северной Корее сегодня примерно такое же, как в позднем Советском Союзе, и средний обитатель китайского Интернета смотрит на Пхеньян скорее со смесью иронии и некоего раздражения. Не случайно одним из ведущих онлайн-сатириков Китая является «Цой/Чхве Сонхо из Пхеньяна (Pyongyang Choi Seongho)», выдающий себя за северокаорейского гражданина и периодически размещающий «новости оттуда» с большей или меньшей долей гротеска³⁴.

Тем не менее, хотя инцидент с «Xiyang Group» вызвал определенную волну анти-северокаорейских настроений, в конфликтах Юга и Севера китайская блогосфера поддерживает Север. Настолько, что южнокорейские спецслужбы по традиции пытаются объяснить это действиями агентов КНДР, которые «умышленно распространяют порочащие Южную Корею слухи»³⁵.

Текущая политика и экономика

В заявлениях официальных лиц изменения тона не наблюдается. Укрепление традиционных отношений дружбы с Китаем, "сформированных предыдущими поколениями лидеров двух стран, остается неизменной позицией партии и правительства КНДР". Такую оценку высказал лидер КНДР Ким Чен Ын в поздравительной телеграмме, направленной Председателю КНР Си Цзиньпину накануне 64-й годовщины образования Китайской Народной Республики³⁶.

Аналогичные выводы можно сделать и из письма, которое Председатель КНР Си Цзиньпин направил северокаорейскому лидеру в ответ на поздравление с днем рождения. В письме Си Цзиньпина отмечается, что он дорожит развитием китайско-северокаорейских отношений, поэтому партия и правительство КНР придерживаются курса двусторонних отношений на стратегической и перспективной основе³⁷.

Значительная часть шагов китайской дипломатии связана с ЯПКП. Пекин активно демонстрирует желание денуклеаризации полуострова. Как подчеркивал экс-глава МИД КНР Ян Цзечи, "нам надо идти вверх по склону отказа от ядерного оружия. Только денуклеаризация обеспечит Корейскому полуострову длительный и настоящий мир. Не имеет значения, насколько крутой либо длинный этот склон. Главное — работать постоянно без остановок"³⁸.

Китайская сторона постоянно поддерживает тесные контакты со всеми участниками шестисторонних переговоров, выражая надежду на то, что «все соответствующие стороны проявят мудрость»³⁹. В этом контексте Китай предложил шесть условий возобновления переговорного процесса:

- согласие участников на его возобновление;
- выполнение Пхеньяном совместной декларации от сентября 2005 г.;
- принятие реальных мер по денуклеаризации Корейского полуострова;
- учет интересов Севера в процессе денуклеаризации;
- улучшение отношений с РК, США и Японией;
- письменное соглашение о сохранении политической системы Севера⁴⁰.

Кроме того, Китай выступил с инициативой проведения т.н. «шестисторонней встречи в неофициальном формате» в качестве промежуточного шага для возобновления полноценных консультаций. КНДР выразила согласие на такой диалог, но со стороны США, Южной Кореи и Японии последовал отказ⁴¹.

В январе 2013 г. Китай поддержал резолюции Совета Безопасности ООН с осуждением запуска северокорейской ракеты⁴², предприняв ряд конкретных шагов в этом направлении. Так, в марте-апреле 2013 г. транспортные, таможенные, финансовые организации, органы охраны общественного порядка и пограничники получили от правительства КНР официальный документ, в котором говорилось о строгом выполнении требований резолюции 2087, принятой СБ ООН⁴³. Помимо этого, власти Китая стали проявлять строгость к действиям находящихся на территории КНР банков Северной Кореи. Суть мер заключается в том, что банкам КНДР запретили заниматься финансовыми операциями, так как их представительства/ филиалы в КНР по статусу имеют право лишь получать из своей страны деньги для оплаты аренды офисов и обеспечения расходов на текущую деятельность. Однако эти представительства выполняли роль полноценных банковских филиалов⁴⁴.

При этом КНР подчеркивает, что "санкции — это не весь набор мер, который может использовать Совет Безопасности ООН. Кроме того, санкции не являются фундаментальным способом решения проблем в подобных случаях"⁴⁵.

Критикуя любые попытки развязать войну и хаос на Корейском полуострове⁴⁶, Китай намерен жестко бороться с провокаторами и нарушителями стабильности, откуда бы ни исходили эти инициативы. Здесь можно вспомнить о жестких попытках противодействия Китая использованию китайской территории или китайских корейцев для анти-северокорейской деятельности в качестве ресурса неправительственных/религиозных организаций Республики Корея. В этом смысле весьма показательным задержание на китайской территории группы южнокорейских активистов и урегулирование этого инцидента на уровне министров госбезопасности⁴⁷.

КНР жестко выступила против сомнительного, с точки зрения информационных источников,⁴⁸ доклада о правах человека в КНДР⁴⁹. А после инцидента 31 марта 2014 г., когда стороны обстреляли воды друг друга, МИД Китая призвало сохранять "спокойствие и сдержанность"⁵⁰. Под эгидой Пекина 30 марта 2014 г. прошли межправительственные переговоры между КНДР и Японией.

Несколько слов о развитии китайско-севернокорейского экономического сотрудничества. Согласно данным за 2012 г., на долю Китая приходится более 70% внешней торговли КНДР⁵¹. По подсчетам Корейской ассоциации международной торговли, за период 2013 г. объем торговли между КНР и КНДР составил 6,545 млрд долл. Это рекордный показатель за всю историю торгово-экономических связей между Пекином и Пхеньяном. По сравнению с 2012 г., когда был зафиксирован показатель в 5,931 млрд долл., рост составил 10,4%. Дефицит торгового баланса КНДР в торговле с Китаем составил 721 млн долл., уменьшившись по сравнению с 961 млн долл. в 2012 г.⁵²

В Поднебесную уходит около 88% полезных ископаемых — в основном, углянтрацита и железной руды. КНДР экспортирует медь и текстиль, а импортирует мясо и мясные изделия, зерновые, машинное оборудование⁵³. В 2013 г. Пхеньян закупил в Китае в общей сложности 207 334 тонны удобрений⁵⁴.

КНР активно инвестирует в Север Корейского полуострова, особенно вкладываясь в созданную в 2011 г. свободную экономическую зону (СЭЗ) в Расоне, на северо-востоке КНДР⁵⁵. Группа китайских компаний во главе с корпорацией "Чжаошанцзюй" достигла договоренности об аренде на 50 лет трех причальных терминалов в порту Раджин. Кроме того, в Расоне планируется создать логистический центр, развивать переработку сырья, производство оборудования, высокие технологии и высокоэффективное земледелие.

лие. По просочившейся в прессу информации, Китай согласился инвестировать в Расон около 3 млрд долл.⁵⁶

Кроме Расона КНДР и Китай будут совместно эксплуатировать порт Чхончжин: специально образованная совместная компания будет управлять двумя причалами порта в течение 30 лет. Китайская компания инвестировала в модернизацию причалов 12 млн долл., что составляет более 60% уставного капитала совместной компании⁵⁷.

Еще одним местом приложения инвестиций станет остров Онсон, который расположен на реке Туманган, разделяющей КНДР и Китай. В соответствии с подписанным договором, КНР будет инвестировать в развитие туризма и строительство некоторых заводов в промзоне⁵⁸.

В марте 2014 г. базирующийся в Гонконге конгломерат «Great China International Investment Groups Ltd.» подписал договоренность о превращении северо-западного пограничного города Синыйчжу в специальную экономическую зону⁵⁹, а в апреле 2014 г. начнется работа по прокладке через всю территорию КНДР железной дороги и скоростного автобана Кэсон — Синыйчжу⁶⁰.

Насколько защищены такие инвестиции с учетом негативного опыта «Xiyang Group»? С одной стороны, заместитель генерального директора этой компании У Сишэн заявил, что "северокорейцы не создают никаких условий для инвестиций. Они говорят, что приветствуют инвестиции, но не готовят для этого никакой базы"⁶¹.

С другой, по словам одного из китайских бизнесменов: «Риски есть, и они значительные. Но если у вас имеются связи и есть определенная доля везения, то прибыли будут таковыми, что окупят все затраты. А потому мы едем в Северную Корею»⁶².

Наконец, на страже своих инвесторов стоит Пекин. В бытность премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао предъявил северным корейцам пять условий, без выполнения которых не может быть речи о дальнейшем сотрудничестве: принятие соответствующих законов о регулировании иностранного бизнеса, борьба с коррупцией, отмена практики введения новых налогов для инвесторов, оказание помощи со стороны властей, реорганизация таможи⁶³.

О рычагах влияния

Несмотря на мнение некоторых СМИ КНР, считающих, что у Китая нет «серьезных рычагов, с помощью которых можно было бы повлиять на ситуацию на полуострове»⁶⁴, Пекин стремится «укоротить поводок», пытаясь добиться того, чтобы его ближайший сосед был более послушным.

Во-первых, Пекин может вызвать на Севере коллапс, попросту перекрыв китайско-корейскую границу. Такие политические действия, естественно, оставляют на крайний случай, но в Китае давно проработаны самые разные варианты реагирования, вплоть до ситуации, когда в результате потрясений на Севере КНР вводит в страну войска для ликвидации гуманитарной катастрофы и обеспечения контроля над ядерными объектами⁶⁵.

Похожие действия Китая вероятны и в случае, если американско-южнокорейские действия по смене режима перейдут в «горячую фазу», и на территории КНДР случится масштабный вооруженный конфликт. Если такое произойдет, все вопросы послевоенного будущего будут неизбежно решаться с учетом китайских интересов, а это может означать и сохранение Северной Кореи на карте мира⁶⁶.

Следует особо иметь в виду периодически всплывающую информацию о консультациях, которые ведут представители Китая и США по северокорейской тематике. На наш взгляд, необходимо учитывать следующее: Китай готов вести консультации, обмениваясь мнениями о том, как он видит ситуацию в КНДР и ее перспективы. Он готов обсуждать гипотетическую кризисную ситуацию на Севере, но ставить знак равенства между активностью такого рода и зондированием условий сдачи Северной Кореи не следует.

Между тем, этот знак равенства очень стремятся поставить недруги КНДР. В ход идет все: и поддельное завещание Ким Чен Ира (опубликованное в японской прессе), где он призывает не доверять Китаю и максимально его использовать⁶⁷. И слухи о том, что в Северной Корее разрушили кладбища китайских добровольцев, сражавшихся в Корейской войне, полностью «вычеркнув» китайский фактор из ее истории. И «показания перебежчиков» о том, что женщины, забеременевшие от китайцев, попадают в лагерь как осквернившие чистоту нации. И набившие оскомину истории о том, что китайские спецслужбы предотвратили очередное покушение на Ким Чжон Нама, которого досужие журналисты называют главой прокитайской группировки — кандидата на пост главы КНДР, если Ким Чен Ын совсем выйдет из доверия. И даже разговоры о том, будто бы Ким Чен Ир еще в 2009 г. намекал, что выход из шестисторонних переговоров был направлен не против США, а чтобы освободиться от влияния Китая, и если бы США протянули руку помощи, КНДР могла бы стать самым надежным форпостом против КНР.

Расчет строится на том, что под воздействием информационного фона, свидетельствующего о том, что Китай недоволен Севером и готов его сдать, в КНДР могут прийти к выводу, что на Китай полагаться нельзя. После чего либо попробуют лавировать между Китаем и Америкой (а это открывает определенные возможности для проникновения за «железный занавес» с целью смены режима), или окончательно решат, что у страны есть только два союзника — ее ядерная и ракетная программы, развитие каковых приведет к дальнейшим осложнениям между Пхеньяном и Пекином.

С некоторыми оговорками можно сказать, что КНР пытается замкнуть экономические связи соседа полностью на себя. Китай привязывает экономику Севера к экономике провинций северо-восточного региона КНР и пестует определенную прослойку чиновников и предпринимателей, чье благосостояние и процветание связано с торговлей с Китаем.

Не случайно на рынках КНДР все больше используют китайскую валюту, полагая, что она более надежна, чем северокорейские воны⁶⁸. А одной из причин неудачи денежной реформы 2009 г. считают попытки запретить хождение юаня.

КНР также вкладывается в образование северокорейской элиты, особенно — молодого поколения, ибо подавляющая часть его представителей учится за рубежом не на Западе, а в Китае, в первую очередь в Шэньяне. Естественно, данная прослойка молодежи будет относиться к Китаю лояльно, а багаж ее знаний повысит ее конкурентоспособность на внутреннем рынке. В сочетании с экономическим сотрудничеством это позволит Китаю в перспективе сформировать в правящем классе КНДР лоббистскую группировку, которая будет выступать за дальнейшее развитие сотрудничества, против игнорирования интересов Пекина.

Подводя итоги

Безусловно, в течение ближайшего времени, плюрализм мнений по отношению к Северной Корее в Китае будет возрастать, и мы столкнемся с высказываниями самых разных точек зрения — от прозападных до ортодоксальных. И хотя в отношениях двух стран будет доминировать не идеология, а прагматические интересы «реальной политики», ослабления влияния Китая на корейские события не просматривается, меняться могут лишь мотивы этого влияния.

КНР, как и прежде, воспринимает северную часть Корейского полуострова как территорию своих жизненных интересов, стабильность на которой весьма важна для ее внутренней политики. На фоне экономического роста и увеличения политического веса Китая в стране повышаются великодержавные настроения, в рамках которых приграничная «благоприятная окружающая среда» начинает восприниматься как зона китайского контроля, и находящиеся в ней «малые страны» должны, как минимум, корректировать свои интересы с интересами Поднебесной.

Речь, однако, не идет о радикально новой стратегии — смена руководства КНДР лишь частично развязывает прагматикам руки, потому что с новым лидером многое можно начинать по-новому. В результате Китай будет методично усиливать влияние на Северную Корею, стремясь обеспечить там уровень стабильности, необходимый для функционирования КНДР в качестве буферного государства. При этом, подобно России, КНР не будет потворствовать попыткам Пхеньяна обеспечить свою политическую независимость исключительно за счет ядерно-ракетного козыря.

По словам министра иностранных дел КНР Ван И, "Корейский полуостров находится прямо на пороге Китая. Вот наша "красная линия": мы не допустим войны либо нестабильности на Корейском полуострове"⁶⁹.

1. О российской и китайской политике по этому вопросу более подробно см.:
URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/120665>.
2. URL: <http://freebeacon.com/troops-in-motion/>
3. URL: http://rus.ruvr.ru/2014_01_31/Kim-CHEN-In-vikorchevivaet-kitajskuju-agenturu-6610/
4. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/07/kndr-site.html>; <http://tttkkk.livejournal.com/243806.html>.
5. URL: http://rus.ruvr.ru/_print/103753706.html.
6. См. URL: <http://www.finomenov.ru/business/52561-severnaya-koreya-otvetila-na-rezkuyu-kritiku-kitayskoy-kompanii.html>.
7. URL: <http://ria.ru/world/20120517/651172314.html>.
8. URL: <http://ria.ru/world/20120518/651776440.html>.
9. URL: <http://japancenter.livejournal.com/999841.html>.
10. China: Korean women forced into sex slavery" by Carol Anne Douglas. Washington Post, 3/3/2004.
URL: <http://www.asianews.it/news-en/Fleeing-from-North-Korea-to-be-sold-in-China-as-brides-or-prostitutes-17627.html>.
11. URL: <http://women.sohu.com/20130403/n371615879.shtml>.
12. URL: <http://w.baike.com/eb944bd5dea84d468398963f65251545.html>.
13. URL: <http://www.theaustralian.com.au/news/world/test-raises-tension-on-border/story-e6f7g6so-111112331367>.
14. Еще китайскую блогосферу задело то, что переговоры и торговля с Китаем стали поводом для обсуждения темы коррупции. Но и это, и перспективы подписанных Чаном соглашений обсуждаются именно в блогах, а не в официальной прессе.
15. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2013/12/15/60/0401000000AEN020131215002051315F.html>.
16. Заметим, что Отдел административных органов, которым руководил Чан, формально осуществлял партийное руководство над всеми силовыми структурами, кроме армии. Это довольно «хлебная должность», если на ней находится коррупционер.
17. URL: <http://www.rg.ru/printable/2013/12/27/vkladi-site-anons.html>.
18. URL: <http://japancenter.livejournal.com/1959947.html#cutid3>.
19. URL: <http://onekorea.ru/2013/12/12/lider-kndr-otpravil-dyadyu-v-otstavku-pod-davleniem-kitaya-pishut-smi/>
20. URL: <http://news.rambler.ru/17547937/>
21. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/2/6/619081.html>.
22. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130122/204928224.html>.
23. URL: <http://inosmi.ru/foreast/20130314/206941204.html>.
24. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130122/204928224.html>.
25. URL: http://vestnik.kr/nk/nk_nuke/4116.html.
26. Интересно, что три года назад позиция Ши в отношении Пхеньяна была в целом жестче. См. <http://tttkkk.livejournal.com/199043.html>.
27. URL: http://vestnik.kr/nk/nk_nuke/4116.html.
28. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_in_detail.htm?No=32224&id=In.
29. URL: <http://www.rg.ru/2014/02/06/doklad-site.html>.

30. URL: <http://warsonline.info/koreya/kitay-kndr-oshibochno-otsenivaet-situatsiiu-na-koreyskom-poluostrove.html>.
31. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1151594/>
32. URL: <http://www.rg.ru/2014/02/06/doklad-site.html>.
33. URL: http://www.ng.ru/world/2012-06-26/1_korea.html.
34. URL: <http://beijingcream.com/2012/12/writer-choi-seongho-sina-weibo-star-dprk-patriot-brilliant-satirist/>; <http://www.globaltimes.cn/content/775419.shtml>.
35. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/28/razvedka-site-anons.html>.
36. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/896171.html>.
37. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=31169&id=In.
38. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/09/kitai-site-anons.html>.
39. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=32516&id=In.
40. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=32537&id=In.
41. URL: <http://rg.ru/2013/09/05/kndr-site-anons.html>.
42. URL: http://rus.ruvr.ru/_print/103753706.html.
43. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=31364&id=In.
44. URL: <http://rg.ru/2013/03/19/banki-site-anons.html>.
45. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20130309075738.shtml>.
46. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2014/02/19/0301000000AEN20140219009351315.html>.
47. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/05/08/they-re-provoking-north-korea-again-part-2/>
48. См., в частности, URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/03/09/kndr-i-oon-po-rassledovaniyu-pravcheloveka-v-severnoj-koree-chast-2/>
49. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2014/02/18/31/0301000000AEN20140218008700315F.html>.
50. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/2014031121537.shtml>.
51. URL: <http://www.rg.ru/2014/02/01/kndr-site-anons.html>.
52. В 2012 г. показатели роста были почти в два раза меньше — 5,4%.
53. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/896171.html>.
54. URL: <http://www.ruskorinfo.ru/data/economy/11897/>
55. URL: <http://lenta.ru/news/2012/08/14/agreement/>
56. URL: <http://rg.ru/printable/2013/11/14/yspehi-site-anons.html>.
57. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=29747.
58. URL: <http://onekorea.ru/2013/12/12/lider-kndr-otpravil-dyadyu-v-otstavku-pod-davleniem-kitaya-pishut-smi/>
59. URL: <http://www.ruskorinfo.ru/data/economy/11987/>
60. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/23/kndr-site-anons.html>.
61. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/07/kndr-site.html>.
62. URL: <http://olegkir2002.livejournal.com/16532.html>.
63. URL: http://rus.ruvr.ru/_print/96415929.html.
64. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130122/204928224.html>.
65. URL: <http://www.newsru.com/world/08jan2008/knrkndr.html>
66. Асмолов К.В. Останется ли Китай фактором стабильности на Корейском полуострове: Доклад на 23-й конференции ИДВ РАН — Центр ИТР Ханъянского университета (Сеул, РК), Москва, 21–22 июня 2011.
67. URL: <http://news.rambler.ru/13544385/>
68. URL: <http://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LS2D&mid=shm&sid1=100&sid2=268&oid=421&aid=0000535033>.
69. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/09/kitai-site-anons.html>.

Япония: текущие проблемы политики, экономики, дипломатии

© 2014

П. Калмычек, В. Кистанов, Е. Леонтьева

Победа коалиции Либерально-демократической партии (ЛДП) и партии Комэйто на выборах в нижнюю палату парламента в декабре 2012 г. привела к стабилизации внутривполитической обстановки в Японии. Устойчивые позиции в парламенте и высокий уровень общественной поддержки позволили новому правительству Синдзо Абэ реализовывать кардинальные экономические реформы, получившие название «абэномика». Важной сферой внешней политики Абэ стали взаимоотношения внутри треугольника «Россия—Япония—Китай».

Ключевые слова: Япония, Китай, США, Россия, парламента, выборы, оппозиция, конституция, «абэномика», территориальные споры, «китайская угроза».

Внутривполитическая ситуация: ЛДП укрепляет позиции

С. Абэ был избран на пост премьер-министра Японии в результате парламентского голосования 26 декабря 2012 г. В тот же день был оглашен состав нового кабинета министров, ключевые должности в котором заняли представители либерал-демократов. На пост вице-премьера был назначен Таро Асо, который был премьер-министром в 2008–2009 гг. (именно при нем ЛДП потерпела крупнейшее за всю свою историю поражение). Т. Асо также занял посты министра финансов и министра по финансовым службам. Генеральным секретарем кабинета министров стал Ёсихидэ Суга, министром иностранных дел — Фумио Кисида, министром юстиции — предыдущий глава ЛДП Садакадзу Танигаки.

Глава кабинета Синдзо Абэ уже занимал этот пост в 2006–2007 гг. Первый премьерский срок С. Абэ, несмотря на первоначальные надежды, оказался в целом неудачным: уже через год после назначения он ушел в отставку, сославшись на состояние здоровья, а его правление запомнилось, в первую очередь, разнообразными скандалами, связанными с членами его кабинета, и критикой самого Абэ со стороны СМИ за националистические высказывания. Главной проблемой Абэ в 2006–2007 гг. стал так называемый «перекрученный парламента», когда, несмотря на наличие у правящей коалиции большинства в его нижней палате, верхняя контролировалась оппозицией во главе с Демократической партией (ДП), которая отказывалась сотрудничать с правительством по вопросу принятия ключевых законопроектов.

Калмычек Павел Александрович, кандидат исторических наук, г. Токио. E-mail: pavel.kalmychek@gmail.com.

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124-06-01.

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Тел.: 8 (499) 120-43-32.

Вернувшись на пост главы кабинета, Абэ постарался учесть прошлые ошибки и занялся, прежде всего, решением насущных проблем в экономике. Экономический курс правительства по аналогии с американской «обаманомикой» (*obamanomics*) получил название «абэномика», а сам Абэ выделил три его приоритетных направления: достижение двухпроцентной инфляции, увеличение бюджетных расходов на общественные работы и поощрение частных инвестиций.

Быстрые и видимые экономические успехи помогли долгое время удерживать рейтинг кабинета С. Абэ на отметке выше 60%. Согласно исследованию общественного мнения, проведенному газетой «Ёмиури», в декабре 2012 г. 65% опрошенных выразили поддержку кабинету Абэ. После первых шагов нового премьер-министра уровень общественной поддержки продолжал оставаться на стабильно высокой отметке: в январе он составил 68%, в феврале — 71%, в марте, апреле и мае — 72, 74 и 72% соответственно¹.

Общественная поддержка курса кабинета Абэ снизила до минимума негативный эффект от напряженных отношений премьер-министра с оппозицией. Крупнейший конфликт между ними случился за месяц до выборов в верхнюю палату парламента. 26 июня 2013 г. верхняя палата японского парламента приняла резолюцию о порицании премьер-министра за отказ посетить заседание комиссии по бюджету. За принятие резолюции проголосовало 125 депутатов, против — 105. Подобное решение верхней палаты не несет никаких обязательных юридических последствий, однако ранее, как правило, приводило к нарушению в нормальной работе палаты из-за отказа оппозиции взаимодействовать с премьер-министром после вынесения ему порицания. В этот раз, однако, правительство не столкнулось со сколь-либо значительными трудностями из-за близости выборов, которые поменяли расстановку сил.

21 июля в Японии прошли общенациональные выборы в верхнюю палату парламента, в ходе которых решалась судьба 121 из 242 мест (советники в Японии избираются на шесть лет, при этом каждые три года половина из них переизбирается). Победу одержала правящая коалиция из Либерально-демократической партии и партии Комэйто, которые на двоих завоевали 76 мест (ЛДП — 65, Комэйто — 11) и довели общее количество своих мандатов до 135, обеспечив себе комфортное большинство в верхней палате. Правившая в Японии с середины 2009 по конец 2012 гг. Демократическая партия смогла завоевать лишь 17 мандатов, что стало для демократов худшим результатом с 1998 г. Несмотря на то, что ДП (у которой после выборов стало 59 мест) остается второй партией по числу мест в верхней палате, она окончательно утратила возможность оказывать прямое влияние на политику. По итогам выборов по 8 мест в верхней палате получили Общество реставрации Японии (*Ниппон Исин-но Кай*), Коммунистическая партия Японии и Партия всех (*Минна-но то*). Кроме того, одно место в палате советников завоевала Социал-демократическая партия, которая на протяжении всех послевоенных десятилетий была крупнейшей силой оппозиции, но с наступлением 1990-х гг. утратила свои позиции. Еще четыре места отошли представителям малых партий и независимым кандидатам.

Результат выборов не оказался неожиданным для политических обозревателей, которые еще накануне голосования предсказывали уверенную победу либерал-демократам. На фоне стабильно высокой популярности С. Абэ (по данным газеты «Ёмиури», в середине июля уровень поддержки кабинета Абэ составлял 58%²) оппозиционные партии оказались неспособны предложить альтернативу проводимому правительством курсу.

Демократическая партия, триумфально пришедшая к власти в августе 2009 г. после убедительной победы на выборах в нижнюю палату парламента, в 2013 г. ничем не напоминала партию, претендовавшую на роль второго столпа двухпартийной системы. Демократы за последние несколько лет не только не смогли сформулировать свой собственный политический курс, но и в течение всех трех с небольшим лет нахождения у вла-

сти последовательно отказывались от своих предвыборных обещаний. В 2013 г. стало очевидно, что партия переживает острый внутренний кризис. Задача найти выход из этой ситуации была возложена на Банри Каизэду, избранного главой демпартии после поражения демократов на выборах в декабре 2012 г. и ухода в отставку Ёсихико Ноды.

Еще одним неудачником выборов в верхнюю палату (наравне с демократами) стало Общество реставрации Японии. В 2012 г. эту партию называли в числе тех, кто способен сформировать политический «третий полюс», став альтернативой крупным партиям (на тот момент — ДП и ЛДП). Образованное в сентябре 2012 г., на декабрьских выборах Общество реставрации Японии завоевало 54 мандата, став третьей по представительству партией в нижней палате. С наступлением 2013 г. партия столкнулась с трудностями, связанными с постепенным ослаблением ее позиций в японском обществе. Риторика лидеров партии о «возвращении Японии», пользовавшаяся большой популярностью у консервативно настроенных избирателей, была удачно заимствована и использована Синдзо Абэ.

Главный удар по имиджу партии нанесли неосторожные заявления одного из ее лидеров, мэра г. Осаки Т. Хасимото: в мае 2013 г. он выступил с заявлением, в котором фактически оправдал существование в японской императорской армии системы «женщин комфорта». Политик заявил, что японские солдаты «нуждались в отдыхе» и «кто угодно способен понять [необходимость этой системы]»³. Несмотря на последовавшие извинения и попытки оправдаться, заявление вызвало резкую критику в СМИ, среди избирателей и политиков.

Предсказуемый исход выборов, а также продолжающееся падение доверия и интереса к политике в обществе привели к тому, что явка избирателей на выборах составила 52,61% — и на 5,31% ниже, чем на предыдущих выборах в верхнюю палату в 2010 г. Не помогла и попытка привлечь на выборы молодежь, впервые разрешив вести предвыборную агитацию в Интернете.

Победа на июльских выборах помогла действующему премьер-министру Японии Синдзо Абэ установить контроль над обеими палатами и преодолеть ситуацию «перекрученного парламента», когда правительство контролировало нижнюю палату, а оппозиция — верхнюю. В то же время либерал-демократы не смогли выполнить задачу-максимум и добиться большинства в две трети голосов, необходимого для внесения изменений в действующую конституцию⁴.

После оглашения предварительных результатов выборов в верхнюю палату парламента Японии 21 июля 2013 г. премьер-министр С. Абэ заявил в телеэфире, что результаты общенационального голосования свидетельствуют о широкой общественной поддержке политики кабинета, а также подтвердил первоочередность курса на решение экономических проблем, в первую очередь, проблемы дефляции.

Победа на выборах упрочила положение правящей коалиции и сделала положение Синдзо Абэ более устойчивым, чем у любого из его предшественников за последние семь лет.

Несмотря на спокойную осень, лишенную крупных политических новостей, первый месяц зимы в Японии оказался богатым на события. 6 декабря 2013 г. правящая коалиция в сжатые сроки приняла законопроект, ужесточающий наказание за разглашение государственных секретов. Газеты предположили, что кабинет сделал это под влиянием Соединенных Штатов, недовольных частыми утечками в СМИ со стороны японских госслужащих. Закон вызвал неоднозначную реакцию в обществе, в том числе из-за опасений, что с его помощью правительство сможет засекречивать и делать недоступной для широкого доступа неудобную для себя информацию.

9 декабря генеральный секретарь созданной в 2009 г. Партии всех Кэндзи Эда вместе с 13 другими депутатами заявил о своем выходе из партии в знак протеста против действий ее главы Ёсими Ватанабэ, который, по мнению протестующих, вел партию на

сближение с политическим курсом кабинета С. Абэ. Вышедшие из состава партии политики 18 декабря образовали новое политическое объединение под названием *Юи-но то*, которое можно перевести как «Партия единства»⁵.

19 декабря подал в отставку губернатор столичной префектуры Наоки Иносэ. Политик, с 2007 г. занимавший пост вице-губернатора, а в ноябре 2012 г. выигравший выборы главы Токио, оказался жертвой коррупционного скандала. Иносэ обвинили в незаконном получении от частной компании крупной суммы (около 500 тыс. долл.) на ведение предвыборной кампании. Дополнительное внимание к скандалу было привлечено тем, что в сентябре 2013 г. Токио выиграл право стать столицей Олимпийских игр 2020 г. Сам Иносэ первоначально отрицал, что деньги предназначались на ведение политической деятельности и настаивал, что взял их в долг на личные нужды и уже вернул, однако его неумелые оправдания на пресс-конференциях только ускорили его отставку⁶.

Последним значительным политическим событием уходящего 2013 г. можно назвать визит премьер-министра Синдзо Абэ в храм Ясукуни, где почитаются и души осужденных Токийским трибуналом военных преступников. Политик посетил храм 26 декабря, что немедленно вызвало негативную реакцию не только в Китае и Южной Корее, но и в Соединенных Штатах.

2014 г. начался с дискуссий в японском парламенте о возможных изменениях в интерпретации 9 статьи конституции. В СМИ появилась информация, что правительство С. Абэ намеревается расширить толкование этой статьи, предоставив Японии право на коллективную самооборону. Для Японии это в первую очередь будет значить возможность отправлять войска за границу для защиты другого государства по запросу его правительства⁷. В то же время вопрос внесения поправок в конституцию, по всей видимости, отложен на неопределенный срок.

9 февраля 2014 г. прошли выборы нового главы столичной префектуры. На них при поддержке правящей Либерально-демократической партии и премьер-министра С. Абэ победил Ёити Масудзоэ, за которого проголосовало порядка 2,1 млн избирателей — больше, чем за двух ближайших преследователей вместе взятых. Новый губернатор также выступает за перезапуск АЭС на территории Японии, а своей главной целью объявил успешное проведение Олимпийских игр 2020 г.

В феврале 2014 г. действующий мэр г. Осаки Т. Хасимото, не сумев заручиться поддержкой местных депутатов в отношении его планов по объединению города и префектуры Осака, решился на проведение внеочередных выборов мэра. Голосование должно было стать своеобразным вотумом доверия политику. Выборы прошли 23 марта 2014 г. В отсутствие реальных конкурентов от других политических партий Хасимото был переизбран мэром г. Осака. В то же время явка избирателей составила лишь 23,59%, а Хасимото стал объектом критики за «бесполезное» расходование порядка 600 млн иен на проведение выборов⁸.

Подводя итог первым полутора годам пребывания С. Абэ у власти, с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в Японии можно отметить устойчивость новой японской администрации. Добившись зримых экономических результатов, Синдзо Абэ обеспечил себе общественную поддержку⁹, что, в частности, помогло правящей коалиции выиграть выборы в верхнюю палату и упрочить свой контроль над парламентом. При условии, что нижняя палата не будет распущена досрочно, у правящей коалиции есть около трех лет, в течение которых она имеет возможность проводить последовательный политический курс, не отвлекаясь на электоральную деятельность.

Экономика: перелом долгосрочных тенденций

Премьер-министр С. Абэ выдвинул и начал выполнять большую программу экономических реформ, получившую в мировой прессе название «абэномики». Главные це-

ли кабинета Абэ — преодолеть дефляцию цен, которая продолжалась больше двух десятилетий, и вернуть экономику Японии на путь экономического роста.

В начале 2014 г. стало очевидно, что правительству Абэ удалось изменить экономическую динамику Японии. Статистика ВВП, капиталовложений, промышленного производства и цен (см. табл. 1) свидетельствует о начале подъема.

Таблица 1

Показатели экономической динамики (годовые приросты и индексы, %)

	2011	2012	2013	2014, 1-й кв.
ВВП*	-0,8	1,4	1,5	6,7
Частные инвестиции в основной капитал*	4,1	3,7	-1,5	9,1
Государственные капиталовложения*	-8,2	2,8	11,4	-10,5
Потребительский спрос домохозяйств*	0,1	1,9	2,0	9,4
Частное жилищное строительство*	5,1	2,9	8,9	13,0
Промышленное производство, индекс (2010=100),%**	98,7	95,8	97,0	102,2
Экспорт **	-2,7	-2,7	9,5	12,8
Импорт **	12,1	3,8	17,9	22,1
Торговый баланс, трлн. иен	-2 564,7	-6 941,6	-10 706,9	-11 828,2
Курс иены (¥/\$)***	77,85	89,18	100,4	102,2
Индекс оптовых цен, 2010=100, %	101,5	100,6	101,9	102,8
Индекс потребительских цен, 2010=100, %	99,7	99,7	100,0	103,4

Источники: * ESRI (Economic and Social Research Institute, Cabinet Office, Government of Japan), Quarterly Estimates of GDP. URL: www.cao.go.jp. Данные в ценах 2005 г.

** статистика Министерства промышленности и торговли. URL: www.meti.go.jp; таможенная статистика Министерства финансов ЯпоНИИ. URL: www.mof.go.jp

*** на конец периода.

Как показывают цифры, 2014 г. открылся ростом ВВП и промышленного производства. Уровень 2010 г. был превышен благодаря «рывку», сделанному в начале 2014 г. Национальная валюта подешевела по отношению к доллару США на целую треть, и несмотря на это, дефицит торгового баланса резко увеличился. А судя по динамике потребительских цен, долготная дефляция подошла к концу.

Движение курса иены к доллару определяется многими факторами, в том числе соотношением уровней ссудного процента между кредитными рынками (в США ставки в 2–2,5 раза выше), притоком или оттоком капитала и спросом импортеров на валюту.

Приток иностранных инвесторов на фондовый рынок создает спрос на иену и поднимает ее курс. Фондовый индекс Nikkei 225 поднялся с 8000 в конце 2012 г. до 16 000 в конце 2013 г., когда на японский рынок, в ожидании перемен, пришли иностранные инвесторы, движимые дешевой кредитом. В течение 2013 г. они скупили акции японских компаний на сумму в 15 трлн иен (142 млрд долл.).

В то же время массовая покупка долларов импортерами для платежа за импорт сжиженного природного газа и нефти (эти товары оплачиваются в долларах) работает в противоположном направлении. Япония срочно восполняет нехватку энергисточников импортом сжиженного природного газа, который привозится танкерами и обходится в несколько раз дороже, чем в странах Европы, куда он доставляется трубопроводным транспортом, и в США. Кроме того, японские компании покупают доллары для развития своих зарубежных производственных и сбытовых сетей.

Равнодействующая этих сил складывается в пользу девальвации иены. Обесценение иены (на 14,5% с начала 2013 г.) помогло увеличить объем товарного экспорта (см. таблицу 1). Однако это не спасло Японию от дефицита в товарной торговле.

Но в 2104 г., впервые за всю послевоенную историю японской экономики, экспорт товаров перестал играть обычную роль движущей силы на выходе из спада. Движущие силы роста начали действовать на стороне внутреннего рынка. Это — потребительские расходы населения (90% ВВП) и частные капиталовложения (13,4%), которые резко увеличились после сокращения в 2013 г. Примечательно, что государственные инвестиции («общественные работы» на деньги государственного бюджета) в прошлом году росли и «вытягивали» конъюнктуру, но в начале 2014 г. были заметно свернуты.

В 2014 г. на составляющие компоненты внутреннего спроса приходится почти 80% годового ВВП Японии (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура валового внутреннего продукта по использованию (%)

Годы	ВВП	Личное потребление	Частные капиталовложения	Государственное потребление	Государственные капиталовложения	Экспорт	Импорт
2010	100,0	59,3	12,7	19,7	4,6	16,2	-14,0
2011	100,0	60,5	13,3	20,4	4,4	15,1	-16,1
2012	100,0	60,9	13,4	20,5	4,9	14,7	-16,6
2013	100,0	60,6	16,3	20,4	6,1	17,3	-16,7
2014, 1-й кв.	100,0	59,2	13,4	20,4	4,9	18,9	-21,9

Источник: ESRI (Economic and Social Research Institute, Cabinet Office, Government of Japan), *Quarterly Estimates of GDP*. URL: www.cao.go.jp

Государственные капиталовложения планируются правительством и выполняются по целевым программам строительства и ремонта дорог, портов и других объектов инфраструктуры. Потребность в этих работах очень велика, так как многие сооружения (скоростные железные и шоссезные дороги, мосты, тоннели и пр.) были построены десятки лет тому назад и требуют ремонта, да и восстановительные работы на Северо-Востоке после землетрясения 2011 г. далеко не закончены. К тому же муниципалитет Токио уже начал готовить столицу к Олимпийским играм 2020 г.

Для финансирования этих работ Министерство финансов выпускает облигации так называемых строительных займов, одалживая средства у частных банков и страховых компаний. Эти выпуски «раздувают» огромный дефицит японского бюджета. Продажа банкам и страховым компаниям долговых бумаг правительства дает 46–47% поступлений в бюджет¹⁰.

На конец марта 2014 г. валовой внутренний долг японского правительства — 1,250 млрд иен — был равен 213% годового внутреннего продукта страны (482 млрд иен). Чистый долг (за вычетом переводов между бюджетными счетами) эквивалентен 197% ВВП, в любом исчислении это самый крупный долг среди развитых стран¹¹.

Японии не угрожает суверенный дефолт потому, что иностранцы держат меньше 10% ее долговых обязательств, а японские финансовые учреждения располагают

достаточно прочной депозитной базой. К тому же правительство не считает бюджетную ситуацию опасной, пока финансовые активы частных корпораций (1066 трлн иен) вместе с накопленными сбережениями населения (1588 трлн иен) в 2,8 раз превышают размеры государственного долга. Иными словами, частный сектор располагает достаточной суммой сбережений, чтобы поглощать новые выпуски и оплачивать обслуживание государственного долга¹².

Дело в том, что одним из принципов «абэномики» является «гибкое отношение к бюджетным расходам». Считается, что проблема бюджетного дефицита будет решаться постепенно, когда экономический рост начнет приносить все больше доходов и наполнять бюджет налогами с этих доходов.

Правительство надеется, что первичный дефицит, (чистое превышение расходов бюджета над доходами без обслуживания накопленного государственного долга) будет достигнут только в 2020 г. Министерство финансов выпускает все новые и новые облигации госзаймов для финансирования приоритетных расходов на социальные нужды, образование, здравоохранение, науку, оборону. Долговые обязательства дают почти половину поступлений в японскую казну. В бюджете на 2014/2015 финансовый год на «общественные работы» отводится 6,2% бюджетных расходов, а на обслуживание государственного долга — втрое больше¹³. Поэтому тяжелое состояние государственных финансов ограничивает возможности использования этого способа стимулирования экономики. Выполнение «общественных работ» переводится на уровень префектур и муниципалитетов, а их финансирование — в форму государственно-частного партнерства¹⁴.

Население Японии принимает решения о потребительских расходах, а ее предприниматели — о капиталовложениях, соотносясь с текущими доходами и прибылями и считаясь с ожидаемой динамикой цен, прибылей и зарплат. Среднемесячные денежные доходы японских семей в 2012–2013 гг. и первом квартале 2014 г. держались на уровне 5 млн 200 тыс. — 5 млн 220 тыс. иен (примерно 5120 долл.). Крупные корпорации располагают ликвидностью на сумму в 70 трлн иен (686 млрд долл.). Уровень их текущей прибыли в 2012 г. поднялся на 7,2%, а в 2013 г. — на 20,9%¹⁵.

Быстрый рост частных инвестиций в основной капитал (см. таблицу 1) — это следствие того, что оборудование предприятий успело устареть из-за длительного недофинансирования. По расчетам Министерства финансов, с начала кризиса 2008 г. капиталовложения в основной капитал промышленности (65 трлн иен) покрывали только 80% его амортизации (72,1 трлн иен), а средний возраст оборудования и сооружений дошел до 16,4 лет¹⁶.

Японский бизнес считает одной из своих главных трудностей нехватку рабочих рук при наличии огромного платежеспособного спроса. Сейчас, на подъеме, норма безработицы составляет всего 3,6% экономически активного населения. По данным статистики американского Министерства труда, почасовая оплата труда в японской промышленности — 35,34 долл. — фактически равна американской (35,67 долл.). Крупные корпорации в переговорах с профсоюзами согласились поднять почасовую оплату всего на 0,4%¹⁷. Промышленность и особенно строительная индустрия Японии испытывают острый дефицит рабочей силы. Строительным рабочим уже платят 96,72 долл. в час. В парламент внесены законопроекты, которые в 2015 г. облегчат приглашение иностранных рабочих. В настоящее время в стране работает всего 150 тыс. иностранцев. Вряд ли трудовая иммиграция будет массовой. Этому мешает языковой барьер — иностранцев надо учить японскому языку, их следует приучать к жестким требованиям трудовой дисциплины. Да и вообще «гастарбайтеры» плохо воспринимаются моноэтническим обществом Японии.

В частном секторе ситуация вполне благополучна. Население и предприятия начали активнее расходовать свои деньги, и это означает, что долголетние дефляционные ожидания прекратились. Можно ли перелом в поведении экономических агентов поста-

вить в заслугу «абэномике»? Можно, но не полностью, так как на динамику цен повлияли и другие факторы.

Во-первых, в 2013 г. очень резко — на 14,5% поднялись импортные цены на энергоносители. После катастрофы на северо-западе (11 марта 2011 г.) в Японии действовали только два из 54 атомных реакторов, и острый дефицит энергоносителей был восполнен импортом сжиженного природного газа (СПГ). СПГ доставляется в Японию не по трубам, а танкерами и потому обходится японским потребителям в несколько раз дороже, чем потребителям в США и Европе. В 2013 финансовом году (апрель 2013 — март 2014) энергетическая составляющая подняла оптовые цены на внутреннем рынке Японии на 1,9% и розничные на 0,8%.

Во-вторых, на уровень цен сильно повлияла запланированная кабинетом Абэ налоговая реформа. 1 апреля ставка налога на розничные продажи была поднята с 5 до 8%. Перед самым повышением ставки началась покупательская горячка, на которую и рассчитывало правительство Абэ. Правительство заранее, еще в прошлом году, приняло два дополнительных бюджета в 10 трлн иен (97,68 млрд долл.) и в 5 трлн иен, для финансирования «общественных работ», чтобы стимулировать экономический рост накануне этой реформы.

Потребители ринулись на рынок, чтобы успеть купить товары повседневного спроса в запас на полгода вперед, но не только: люди срочно покупали автомобили, квартиры, даже жилые дома¹⁸. Покупательский ажиотаж был поддержан высокими котировками японских акций на токийской бирже. Рост курсовой стоимости акций порождает известный «эффект богатства» у тех японцев, которые держат в акциях и облигациях часть своих сбережений¹⁹.

Средняя сумма ажиотажных трат составила 525 тыс. иен (5000 долл.). Повышение ставки этого налога подняло уровень розничных цен в Токио на 2,7%, а объем потребительского спроса — сразу на 4,1% (см. табл. 1). Но этот прирост будет очень трудно удержать, так как зарплаты не компенсируют растущих цен.

Налоговая реформа 1 апреля должна дать казне 4,535 млрд иен. Это те дополнительные налоговые поступления, на которые рассчитывает Министерство финансов. Она составит всего 9% налоговых сборов²⁰ и в бюджетном кризисе Японии ничего не изменит. Смысл этой налоговой реформы заключается в том, чтобы заставить население «развязать кошельки» в ожидании умеренной инфляции на уровне 2% в год, как рассчитывает Банк Японии. Правительство изучает возможность в 2015 г. поднять ставку этого налога еще выше — до 10%.

Эксперты Японского центра экономических исследований считают, что этого недостаточно. Следовало бы каждый год повышать ставку этого налога, чтобы к 2025 г. довести ее до 19%. Только таким путем в 2025 г. можно свести первичный баланс доходов и расходов государства к позитивной величине. Если же повышение ставки остановят на 10%, то Японии будет обеспечен экономический рост темпом всего в 1,1% в год, а бюджет останется дефицитным²¹.

Эффективная ставка налога на прибыль японских компаний — 35,6% в настоящее время выше, чем в ведущих странах Европы и Азии²². Правительство наметило снизить ее до уровня ниже 30% в ближайшие годы с тем, чтобы привлекать иностранные капиталовложения и побуждать японский бизнес к инвестированию в основной капитал своей страны. Соотношение вывоза и ввоза капитала сильно перекошено: прямые иностранные вложения в экономику Японии не превышают половины средств, вложенных японскими компаниями за границей (см. табл. 3). Зарубежные активы компаний растут намного быстрее, чем их основной капитал внутри страны.

В-третьих, главную положительную роль играет политика так называемого количественного смягчения, которая ведется денежными властями Японии, начиная с апреля 2013 г.

Таблица 3

Прямые инвестиции японских компаний за рубежом и иностранные прямые капиталовложения в Японии (млрд иен)

Годы	Прямые частные за- рубежные активы японских компаний	Прямые частные ак- тивы иностранных компаний в Японии	Основной капитал частных корпора- ций Японии
2000	31 216	3 473	516 791
2005	45 605	17 808	509 774
2010	67 691	17 501	541 846
2012	89 813	17 808	537 500
2013	117 726	17 976	...*
2014, 1-й квартал	120 244	19 913	...*

* Нет данных

Источники: статистика Банка Японии. URL: www.boj.or.jp; национальные счета. URL: www.esri.cao.go.jp

«Пузыри» на финансовых рынках развитых стран и следовавшие за ними дефляционные кризисы стали отличительной чертой мировой экономики в конце XX и начале XXI вв. Япония первой пережила такой кризис в 1990–2003 гг. Затем последовал кризис после «пузыря» на рынке субстандартных ипотечных облигаций в США, который начался в 2008 г., охватил практически все развитые страны и вызвал вторую волну спада и дефляции в Японии. В общей сложности японская дефляция была самой продолжительной (15 лет с небольшими перерывами).

Денежная политика «количественного смягчения» была выработана именно в Японии в 2001 г. усилиями ее центрального банка. В дальнейшем ее принципы были восприняты в США и странах Евросоюза и применяются там до сих пор.

Дефляция удорожает долги и поднимает реальную ставку процента выше номинальной. Она побуждает предприятия воздерживаться от рискованных капиталовложений, а потребителей — от крупных покупок. Она повышает реальную банковскую маржу, в силу чего банкам выгоднее покупать государственные облигации, чем кредитовать предприятия. Этот порочный круг помогает финансировать японский бюджетный дефицит.

Но банковская маржа склонна изменяться в зависимости от уровня ликвидности на денежном рынке межбанковских кредитов: чем выше ликвидность — тем ниже банковская маржа, а следовательно, и ставки процента, по которым клиенты будут брать кредиты у банков. Политика «количественного смягчения» призвана разорвать этот порочный круг, снизить процентные ставки, возобновить вложения в основной капитал, новое строительство и т.д., чтобы налоговые поступления начали активнее пополнять казну.

Центральные банки стимулируют экономику при помощи так называемых операций на открытом рынке²³. Продавая облигации государственного долга частным финансовым учреждениям, банки изымают деньги с рынка и финансирует правительство, а покупая эти облигации, вливают ликвидность в экономику, то есть увеличивают количество денег в обращении (денежную массу)²⁴. Вот как выглядит схема функционирования процентного канала денежной трансмиссии в простейшем виде: денежная масса растет → процентные ставки снижаются → инвестиции возрастают → выпуск продукции увеличивается.

Политика «количественного смягчения» состоит в том, что Банк Японии ведет операции на открытом рынке в огромных масштабах и очень быстро увеличивает коли-

чество денег в обращении. Он покупает не только государственные облигации (40–50% новых выпусков госдолга) у коммерческих банков, страховых компаний и пенсионных фондов, но и частные долговые бумаги, вплоть до коммерческих векселей. В результате соотношение динамики денежной массы и процентных ставок выглядит довольно убедительно:

Годы	Денежная масса трлн иен	Средняя контрактная банковская ставка по ссудам, %
2011 декабрь	1 455 300	1,475
2012 декабрь	1 495 003	1,475
2013 декабрь	2 004 141	1,034
2014 май	2 270 758	0,912

Источник: статистика Банка Японии. URL: www.boj.or.jp.

Управляющий Банком Японии Харуки Курода считает, что свернуть политику «количественного смягчения» можно будет только после того, как темп инфляции цен будет составлять 2% в год, а в настоящее время ее прекращение преждевременно.

К середине 2014 г. результат этой политики проявился не только в удешевлении кредита, но и в изменении тактики банков. Они «сбросили» (продали Банку Японии) 21% государственных облигаций со своих балансов, так как их доходность держится на низком уровне в 6% годовых. Эксперты Японского центра экономических исследований считают, что политика «количественного смягчения» несет с собой два вида риска. Первый: года через три переводы Банком денег в казначейство могут иссякнуть. Второй: сам Банк понесет потери от ухудшения своих балансов²⁵ и не сможет поддерживать стабильный межбанковский рынок.

Но в 2014 г. эта перспектива представляется довольно далекой. Достигнутая к настоящему времени цель означает, что Японии, первой из стран, испытавших на себе тяготы дефляции, удалось первой же выйти из этого гнетущего состояния.

Прогнозы на следующий финансовый год (апрель 2014 — март 2015 гг.) достаточно сдержанны. Правительство предполагает, что годовой прирост ВВП составит 3,3% в текущих и 1,4% в постоянных ценах. Потребительский спрос увеличится на 2,8% (0,4%). При этом частные капиталовложения возрастут на 5,9% (4,4%), а государственные инвестиции в инфраструктуру — всего на 0,9% (в постоянных ценах они даже сократятся на 2,3%). Объем экспорта увеличится на 6,8% (5,4%), импорта — на 5,7% (3,5%). Цены на потребительском рынке поднимутся на 3,2%, иными словами, возникнет небольшая инфляция. Скромность прогноза мотивируется тем, что положительное действие налога на розничные продажи сойдет на нет²⁶.

Прогноз Японского центра экономических исследований, выполненный в постоянных ценах, несколько оптимистичнее: прирост ВВП составит 2,3%, потребительского спроса — 2,5%, частных капиталовложений — на 4,8%. Государственные инвестиции увеличатся на 2,9%²⁷. Эксперты Центра учитывают возможные внешнеэкономические и политические риски. «Нестабильность в мире и возможное снижение инфляции в США, — пишут они, — это те факторы, которые могут снова вызвать повышение курса иены».

«Треугольник» Россия—Япония—Китай во внешней политике Абэ

В последние годы все более важным фактором политической обстановки в АТР, и, прежде всего, в Северо-Восточной Азии, становятся взаимоотношения в «треугольнике» Россия—Япония—Китай. Эти взаимоотношения требуют комплексного анализа, как в сфере экономики, так и в сфере безопасности. Но в настоящее время имен-

но территориальные проблемы выходят на передний план в отношениях между тремя указанными странами.

Как известно, проблема территориального размежевания между Россией и Китаем к настоящему времени решена, и можно надеяться, это сделано раз и навсегда. Однако территориальные проблемы в отношениях Японии, как с Китаем, так и Россией остаются неурегулированными и оказывают серьезное влияние на отношения между этими тремя ведущими акторами, как в Северо-Восточной Азии, так и АТР в целом. Попытки их урегулирования занимали важное место во внешней политике премьер-министра Синдзо Абэ в 2013 — первой половине 2014 гг.

Очевидно, что территориальный спор между Токио и Пекином по поводу принадлежности группы необитаемых островков Сэнкаку (по-китайски — Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море является наиболее острым. А в последние три года он приобрел беспрецедентный накал. В нем фактически сфокусировалось усиливающееся на глазах экономическое и военно-политическое соперничество двух азиатских гигантов: старого — Японии и нового — Китая.

Снижению уровня конфронтации двух стран не способствовала и смена в них администраций в конце 2012 г., когда Японию повторно возглавил Синдзо Абэ, а Китай — Си Цзиньпин. Наоборот, градус риторики и демонстративных действий с обеих сторон лишь возрос. Токио, встревоженный растущей экономической и военной мощью своего соседа, а также его наступательными акциями в отношении спорных островов, стремится всячески заручиться поддержкой различных стран в деле «сдерживания Китая».

На сегодня единственным гарантом своей военной безопасности и территориальной целостности Япония считает США, с которыми она имеет соответствующий договор безопасности. В издаваемой японским МИД «Голубой книге по дипломатии» за 2013 г. прямо говорится, что Япония сталкивается с угрозами ее сухопутному, морскому и воздушному пространству, а также жизням ее граждан, поскольку китайские суда постоянно заходят в воды вокруг островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море. В этих условиях, говорится в основополагающем внешнеполитическом документе страны, правительство полно решимости укреплять союз с Соединенными Штатами в качестве краеугольного камня политики национальной безопасности, так как усиление сдерживания является «неизбежным»²⁸.

Однако сам Вашингтон в отношении японского территориального спора с Китаем фактически ведет двойную игру. На встрече с председателем КНР Си Цзиньпином в Калифорнии в июне 2013 г. президент Обама призвал своего визави к деэскалации территориального спора с Японией. Но при этом Обама сказал, что США занимают нейтральную позицию в отношении суверенитета над островами Сэнкаку, предложив китайской стороне урегулировать территориальный спор с Японией посредством диалога.

Китай же в изданной в апреле 2013 г. «Белой книге по обороне» утверждает, что именно Япония создала проблему спорных островов²⁹. А представитель МИД КНР заявил, что острова Дяоюйдао представляют собой «коренные интересы» Китая³⁰. Поскольку ранее термин «коренные интересы» использовался Пекином лишь в отношении Тибета, Тайваня и Синьцзян-Уйгурского автономного района, японские эксперты оценили это заявление как намерение Китая не идти на какие бы то ни было уступки в территориальном споре с Японией.

Со своей стороны, «Белая книга по обороне» Японии за 2013 г. отмечает, что отдельные китайские корабли и самолеты вторгались в территориальные воды и воздушное пространство Японии и предпринимали опасные действия, которые могли послужить причиной возникновения чрезвычайных ситуаций.

Что касается так называемого нейтралитета США относительно проблемы суверенитета над Сэнкаку/Дяоюйдао, то высокопоставленные американские деятели неодно-

кратно заявляли, что указанные острова входят в сферу действия американо-японского договора безопасности. В подтверждение серьезности этих заявлений Токио и Вашингтон, несмотря на резкие протесты Пекина, провели в июне 2013 г. совместные военные учения в Калифорнии. По их легенде, подразделения Сил самообороны Японии во взаимодействии с вооруженными силами США высаживались на острове, захваченном противником, и отбивали его обратно.

Понятно, что под «противником» подразумевается армия Китая, а под островом — архипелаг Сэнкаку/Дяююйдао. Особую значимость акции придает то обстоятельство, что впервые в совместных учениях с США участвовали все три вида японских Сил самообороны: сухопутные, морские и военно-воздушные. Следует отметить, что учения лежат в русле нового оборонного курса Японии. Его цель состоит в усилении обороны цепи островов Нансэй, простирающихся от острова Кюсю до Тайваня и фактически перекрывающих выход Китая на просторы Тихого океана. Для этого, в частности, Токио намерен в ближайшем будущем обзавестись подразделениями морской пехоты и соответствующими десантными средствами по примеру американской армии.

Параллельно укреплению военного альянса с США ввиду наступательных действий Китая в отношении спорных островов Токио намерен заручиться военной поддержкой и ряда других стран АТР. С этой целью администрация Абэ в 2013 г. регулярно направляла высокопоставленных представителей Сил самообороны в ряд стран Азии и Австралию. В число азиатских стран входят Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индия и Пакистан. Японские СМИ не скрывают, что усилия правительства в этом направлении вызваны растущей озабоченностью усиливающейся морской деятельностью Китая.

В плане политики «сдерживания Китая» особое место отводится Индии — еще одному растущему экономическому гиганту Азии, чья политическая роль на международной арене в последнее время также значительно возросла. Японское правительство рассматривает эту страну не только как экономический противовес Китаю, способный в определенной мере ослабить чрезмерную и ставшую уже опасной зависимость Японии от китайской экономики, но и как его военно-политический балансир. При этом японские политики делают ставку на схожую обеспокоенность Дели наращиванием военно-морской мощи Пекином, а также наличие собственного территориального спора между ними.

Сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии также рассматривается администрацией Абэ не только как важный фактор оживления переживающей трудности японской экономики, но и как способ ослабления территориального давления Китая на другие, соседние с ним, страны. Японские попытки организовать противодействие Китаю в рамках АСЕАН, сильно зависящей от Китая экономически, пока не увенчались успехом. Тем не менее, Токио придает большое значение двустороннему взаимодействию в военно-политической сфере с теми членами этой организации, которые имеют собственные территориальные конфликты с Китаем в Южно-Китайском море — прежде всего с Вьетнамом и Филиппинами.

По мнению японских экспертов, состоявшийся в марте 2014 г. визит в Японию президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга, помимо усиления экономического сотрудничества, также имел целью демонстрацию возможности координации действий Японии и Вьетнама в отношении территориальных проблем обеих стран с Китаем. То же самое можно сказать о визите в Токио в июне 2014 г. президента Филиппин Беннигно Акино. Япония намерена поставлять обеим странам крупные патрульные корабли и подготовить их экипажи для усиления военного потенциала этих стран в морском противостоянии с КНР.

В общем, страны ЮВА, несмотря на всю их разнородность, все очевиднее рассматриваются Японией в качестве союзников в отношении так называемой «китайской угрозы». Этот термин в последние годы прочно вошел в лексикон не только

японских экспертов и политиков, но и официальные документы правительства Японии. В круг тихоокеанских стран, разделяющих идею «сдерживания Китая» в его территориальных спорах с соседними странами, Япония стремится привлечь и Австралию с Новой Зеландией.

В последнее время в экспертной среде, а также в СМИ Японии все активнее муссируется тема вовлечения России в глобальную систему антикитайских сдержек и противовесов, тщательно выстраиваемую Токио. Парадокс ситуации заключается в том, что японские аналитики усматривают в лице России, то есть страны, с которой у Японии нет формального мирного договора, соратника в борьбе с угрозой со стороны Китая — государства, с которым она имеет договор о мире и дружбе. Следует отметить, что конфликт вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао фактически «похоронил» торжества, широко намечавшиеся в Японии и Китае на август 2013 г. в связи с 35-й годовщиной этого договора.

Основанием для российско-японского сближения, по мнению японцев, служит якобы усиливающаяся в России тревога по поводу растущей экономической и военной мощи Китая, а также наращивания его военно-морской деятельности, в том числе планов освоения Северного морского пути. Эти факты, считают они, рассматриваются в России как «китайская угроза» на Дальнем Востоке в сфере экономики и безопасности, и заставляют Москву искать сближения с Токио для совместной нейтрализации этой «угрозы». Японские политологи полагают, что Япония со своей стороны должна воспользоваться такой обеспокоенностью Москвы в целях совместного противодействия Китаю.

На этот счет откровеннее других высказывается газета «Санкэй симбун», которая пишет: «Начиная с прошлого года, в России стали появляться идеи о необходимости укрепления сотрудничества с Японией. Одна из причин этого заключается в чувстве тревоги по поводу действий Китая, который стремится к морской гегемонии»³¹. Та же газета в другом номере отмечает, что премьер-министр Японии намерен воспользоваться желанием России к сближению с Японией и улучшению отношений с ней в целях построения так называемой «сети окружения Китая»³².

Правда, параллельно в Токио существуют собственные опасения по поводу координации действий Москвы и Пекина в их территориальных спорах с Японией. Более того, японские СМИ однозначно трактуют российско-китайское заявление, подписанное в ходе визита тогдашнего президента Д. Медведева в Пекин в сентябре 2010 г., как инструмент совместного давления России и Китая на Японию по поводу их территориальных конфликтов с ней. Либеральная газета «Асахи симбун» прямо утверждает: «Заявление можно интерпретировать как декларацию Китая и России о том, что они решили создать единый фронт в их спорах с Японией по поводу островов Сэнкаку и северных территорий (южных Курил. — В.К.), удерживаемых Россией с конца Второй мировой войны»³³.

Но, как представляется, вряд ли можно говорить о едином российско-китайском территориальном фронте против Японии в условиях, когда на современных картах Китая южные Курилы показаны как японская территория. Судя по всему, такими они стали в период конфронтации между СССР и КНР во второй половине прошлого века. Остается лишь надеяться, что этот факт является не более чем рудиментом той давней конфронтации.

Подтверждение своих предположений о тревоге Москвы по поводу так называемой «китайской угрозы» японские аналитики находят в факте создания новой переговорной структуры с участием министров иностранных дел и обороны России и Японии (2+2). О ней на апрельской встрече 2013 г. в Москве договорились Путин и Абэ. Рупор японских деловых кругов, газета «Нихон кэйдзай симбун» прямо пишет: «Такие факторы нестабильности, как военное усиление Китая и проблема ядерных вооружений Северной Кореи представляют собой общую угрозу и для Японии, и для России, и в этих условиях запуск переговоров в формате «2+2» является большим шагом вперед»³⁴. Правда, необходимо подчеркнуть, что российская сторона еще до начала первого раунда российско-

японских переговоров в формате «2+2» в ноябре 2013 г. в Токио официально заявила, что она не намерена обсуждать на нем «китайский вопрос».

Следует также отметить, что, делая ставку на якобы существующую обеспокоенность Москвы по поводу «китайской угрозы», японские эксперты надеются на уступки от нее в территориальном споре с Токио в отношении южных Курил как условие сближения России с Японией на антикитайской основе.

Логика необходимости нивелирования российско-японского территориального спора на фоне японо-китайского островного конфликта просматривается в комментарии газеты «Japan Times». Она пишет: «Администрация Абэ, которая переживает лобовое столкновение с Китаем по поводу суверенитета над Сэнкаку, делает упор на формирование отношений сотрудничества с соседними странами. Поэтому она не может позволить себе быть вовлеченной в длительные переговоры (с Россией. — В.К.) для решения территориального спора»³⁵. Видимо, это и есть один из главных японских мотивов ускорения переговоров о заключении мирного договора между Россией и Японией, о чем договорились Путин и Абэ во время визита японского премьер-министра в Москву в апреле 2013 г.

А газета «Санкэй симбун» выражает тревогу, что в условиях улучшения российско-китайских отношений, с одной стороны, и ухудшения японо-китайских — с другой, Пекин пойдет на дальнейшее сближение с Москвой. Газета задается вопросом: «Как далеко администрация Абэ сможет вклиниться между Китаем и Россией, которые координируют свои шаги?»³⁶.

В общем, можно полагать, что в настоящее время премьер-министр Абэ надеется добиться если не прорыва, то хотя бы каких-то позитивных для Японии подвижек, именно на российском направлении в территориальных спорах с соседями. Определенную надежду ему на это дают заявления российского президента В. Путина о готовности искать взаимоприемлемое решение территориальной проблемы в отношениях между Россией и Японией и даже необходимости стремления к некоей ничьей.

Эти заявления резко контрастируют с категорическим отказом Пекина и Сеула обсуждать их собственные территориальные споры с Токио. Таким образом, японское руководство хотело бы облегчить тяжелое бремя территориальных споров сразу с тремя соседними странами, включая Южную Корею. С ней, как известно, Япония спорит по поводу суверенитета над островами Токто (по-японски, Такэсима).

Судя по всему, этой цели было подчинено и демонстративное присутствие премьер-министра Абэ на открытии Олимпийских игр в Сочи на фоне отказа ряда западных лидеров приехать туда. Как откровенно писала «Санкэй симбун», обратной стороной укреплений отношений Японии с Россией является стратегическая цель продемонстрировать дружеские отношения с ней в целях сдерживания возвышающегося Китая³⁷.

Вместе с тем, крупнейшая японская газета «Ёмиури симбун» высказывает сомнения по поводу успеха «олимпийской дипломатии» Абэ. Газету тревожит тот факт, что накануне встречи руководителей России и Японии в Сочи российский президент встретился там же с Председателем КНР Си Цзиньпином.

На встрече оба лидера подтвердили, что в 2015 г., когда исполняется 70-я годовщина окончания Второй мировой войны, обе страны будут совместно проводить юбилейные мероприятия, посвященные победе в ней. Статья призывает Японию осознать, что Пекин и Москва действуют скоординировано по проблемам, касающимся истории Японии. А «Санкэй симбун», со своей стороны, считает, что Японии и дальше предстоит «перетягивание каната» с Китаем с целью привлечения России на свою сторону в политических конфликтах между двумя странами³⁸.

Таким образом, судя по всему, Япония весьма заинтересована в поддержании неконфронтационных отношений с Россией в виду прогнозируемого дальнейшего ужесточения политики Пекина в отношении Токио по территориальному и другим вопросам.

Именно в таком ракурсе японские аналитики рассматривают итоги прошедшей в марте 2014 г. в китайской столице очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей. Так, газета «Ёмиури симбун» цитирует слова министра иностранных дел Китая Ван И по поводу отношений с Японией, сказанные им на пресс-конференции во время проведения указанной сессии: «По двум принципиальным проблемам — истории и территориям — нет места для компромиссов»³⁹.

Очевидно, однако, что как бы ни складывались отношения между Японией и Китаем, Россия заинтересована в том, чтобы иметь на своих дальневосточных границах в их лице страны, с которыми она могла бы строить равнозначно добрососедские, взаимовыгодные отношения в сфере экономики, обеспечения безопасности и других областях. Ее интересам, как и интересам всего региона, отвечало бы также снижение напряженности в отношениях между Токио и Пекином и решение сложных проблем между ними, включая территориальную, на основе конструктивного диалога.

Геополитическая логика диктует России проведение политики равноудаленности в отношении Японии и Китая. Однако такие события 2014 г., как воссоединение Крыма с Россией и ситуация вокруг Украины могут внести коррективы в указанную логику.

В настоящий момент японские СМИ активно включились в развернутую на Западе ожесточенную кампанию критики и осуждения России за воссоединение с Крымским полуостровом. Причем дело доходит до того, что некоторые комментаторы проецируют ситуацию вокруг Крыма на территориальный спор по поводу южных Курил. Так, заместитель главного редактора газеты «Санкэй симбун» прямо пишет, что население оккупируемых (так в тексте. — *В.К.*) Россией северных территорий (так в Японии именуют южнокурильские острова) сейчас составляют русские. И если в результате трудных переговоров Япония восстановит свой суверенитет над четырьмя островами, то по примеру Крыма России потом якобы будет не трудно найти предлог для вторжения⁴⁰.

Однако японское правительство оказалось в сложном положении. Ему приходится искать золотую середину между желанием сохранить накопленный к настоящему времени позитив в отношениях с Россией, с одной стороны, и демонстрацией лояльности своему главному и единственному военно-политическому союзнику — Соединенным Штатам, с другой. Последнее особенно важно для Токио ввиду все той же пресловутой «китайской угрозы». К тому же Токио, в отличие от США, весьма сильно нуждается в российских энергоресурсах, прежде всего в связи с фактическим замораживанием своей атомной энергетики после аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» в марте 2011 г.

Попытки Токио в кризисе вокруг Крымского полуострова пройти между Сциллой и Харибдой просматриваются в том, что на фоне заявления о принятии санкций Японии в отношении России в японской столице в марте успешно прошел очередной российско-японский инвестиционный форум. Пока отложен, но фактически не отменен и намечавшийся визит в Москву министра иностранных дел Японии Фумио Кисиды. Он должен подготовить планируемый на осень 2014 г. визит российского президента в Токио. Да и сами санкции несут больше символический характер: приостановка переговоров о смягчении визового режима с Россией и отмена намечавшихся переговоров по инвестициям, а также о сотрудничестве в военной сфере и в освоении космоса.

Следует также отметить, что в рамках санкций Токио вслед за Вашингтоном объявил 23 высокопоставленных деятелей России невъездными в Японию. Список не опубликован, однако в начале июня в Японии побывал спикер верхней палаты российского парламента Сергей Нарышкин, который входит в аналогичный американский список. Он открыл фестиваль российской культуры в Японии. Тем самым, как считают некоторые японские аналитики, премьер-министр Абэ демонстрирует американцам определенную самостоятельность в политике Японии в отношении России.

Вместе с тем, нельзя исключать дальнейшего ужесточения позиции Японии в отношении действий России в ситуации вокруг Крыма и Украины. В своем выступлении в парламенте 19 марта Абэ впервые резко осудил Россию, заявив о неприемлемости попыток изменения статус-кво с помощью угрозы применения силы. Правда, некоторые комментаторы считают, что это заявление имеет двойное назначение: оно адресовано также Китаю по поводу его действий вокруг островов Сэнкаку.

С такой же резкой формулировкой японский премьер-министр выступил на пресс-конференции во время ядерного саммита «семерки» в Гааге в марте 2014 г. Однако заявление тут же было смягчено генеральным секретарем кабинета министров Ёсихидэ Суга, который на пресс-конференции в Токио сказал, что принятые в Гааге решения не означают, что Россию навечно исключают из "восьмерки".

Тем не менее, вполне вероятно, что впредь под нажимом Вашингтона и Брюсселя Токио будет более активно координировать свои действия с ними в плане «наказания» Москвы в рамках «семерки». Этому будут способствовать и опасения Токио, что если, дескать, «не наказать» Москву за Крым, то это может побудить Китай по примеру России силой отобрать у Японии острова Сэнкаку/Дяоюйдао. Именно эта тема преобладала на встрече Абэ с американским президентом Обамой в апреле 2014 г. в Токио.

Крымско-украинская ситуация порождает для японского правительства и дилемму в отношении непосредственно территориального спора с Россией. С одной стороны, как считают некоторые японские эксперты, перспективы изоляции Москвы могут побудить ее к уступкам в этом споре. А с другой, действия России в Крыму, полагают они, могут развеять все иллюзии относительно готовности Путина передать Японии какие-либо спорные острова, входящие в так называемые северные территории.

Влиятельный английский журнал «Экономист» в мартовской статье о российско-японских отношениях под характерным названием «Конец романа» однозначно придерживается второй точки зрения. Он пишет без всяких обиняков: «В настоящее время, по крайней мере, Япония может безопасно присоединиться к западным финансовым санкциям против России, не испытывая страха за собственные источники энергии... Но господин Абэ определенно может поцеловать на прощание свои амбиции подписать мирный договор. Сейчас еще менее похоже, что господин Путин уступит какие-либо территории. Единственным позитивным следствием этого является то, что теперь еще больше будет оказываться давления на господина Абэ, чтобы он смягчил напряженные отношения с другими важными соседями, Южной Кореей и Китаем»⁴¹.

Английскому журналу вторит «Санкэй симбун», которая полагает, что приостановка «семеркой» участия России в саммитах «восьмерки» неизбежно окажет влияние на переговоры о северных территориях. Газета указывает на то, что премьер-министр Абэ испытывает сильное желание решить территориальную проблему во время своего премьерского срока, однако, если Японии пойдет на сближение с Россией, то это нарушит единство действий «семерки». Японская газета полагает, что над территориальными переговорами опять сгущаются тучи⁴².

В любом случае, очевидно, что сценарий дальнейшего развития отношений между Россией и Японией во многом зависит от позиции Токио в ситуации вокруг Крыма и Украины. Как писала газета «Japan Times», Японии предстоит пройти по тонкой дипломатической линии, которая признает интересы России на Украине без согласия на расчленение суверенного государства. Этот акт балансирования, по мнению газеты, только начинается⁴³.

Как представляется, между двумя балансами существует определенная взаимозависимость: чем больше Токио будет склоняться в крымско-украинском вопросе в сторону Вашингтона и Брюсселя, тем сильнее Москва будет сближаться с Пекином. Перспектива российско-китайского сближения не может не беспокоить Токио. Вот что по этому поводу пишет рупор японских деловых кругов, газета «Nikkei»: «Лидеры G-7

также обсудили возможность того, что чрезмерное давление на Россию может подвинуть Москву ближе к Пекину. Эта дискуссия была открыта японским премьер-министром Синдзо Абэ, который заметил, что Россия поблагодарила Китай за его позицию по ситуации на Украине. Абэ сказал, что ситуация на Украине является глобальной проблемой и что нужны осторожные подходы, чтобы не допустить объединения Китая и России по этому вопросу⁴⁴.

1. Результаты опросов, проводимых изданием, публикуются на официальной странице газеты в сети Интернет и доступны по следующей ссылке: URL: <http://www.yomiuri.co.jp/election/poll/>
2. Ёмиури Симбун. 2013. 17 июля.
3. Асахи Симбун. 2013. 13 мая.
4. Перед вынесением вопроса о внесении поправок в конституцию на общенациональный референдум требуется одобрение двух третей депутатов обеих палат парламента. Несмотря на то, что часть оппозиции готова поддержать начинания Абэ, союзник либерал-демократов по правящей коалиции партия Комэйто выступает за сохранение послевоенной пацифистской конституции в неприкосновенности.
5. Санкэй Симбун. 2013. 18 дек.
6. Маиннити Симбун. 2013. 19 дек.
7. Маиннити Симбун. 2014. 3 мая.
8. The Japan Times. 2014. 24 марта.
9. Данные по рейтингу кабинета в первой половине 2013 г. приведены в тексте статьи. Что касается второй половины, то по данным газеты «Ёмиури», в августе уровень поддержки кабинета С. Абэ составлял 63%, в сентябре — 67% (рост произошел в основном под влиянием победы Токио на выборах столицы Олимпийских игр 2020 г.), октябре — 67%. В ноябре и декабре уровень поддержки снизился до 64% и 55% соответственно. В 2014 г. рейтинг остался на стабильно высоком уровне. Даже повышение потребительского налога в апреле 2014 г. не сказалось на популярности правительства, уровень поддержки которого в этом месяце составил 58% (незначительно снизившись с 59% в марте 2014 г.).
10. Japan's Fiscal Condition, December 2013. URL: www.mof.go.jp.
11. Следующий по величине валовой государственный долг Греции эквивалентен 165,6% ее ВВП. Japan's Fiscal Condition, December 2013; Budget Frame for 2014, March 2014. URL: www.mof.go.jp.
12. Чтобы облигации покупались банками и не сбрасывались, Минфин выплачивает 0,6% по самым распространенным облигациям со сроком погашения в 10 лет. Средняя банковская ставка по депозитам — 0,3%.
13. Highlights of the Budget for FY2014, URL: www.mof.go.jp.
14. The Nikkei, November 4, 2013. В 2012 финансовом году в рамках государственно-частного партнерства были выполнены проекты на сумму в 4 трлн 240 млрд иен. Работы, выполненные на средства только центрального бюджета, оцениваются в 5 трлн 260 млрд иен. Правительство предполагает увеличить эту сумму до 12 трлн иен в течение следующих 10 лет.
15. Данные Министерства промышленности и торговли Японии. URL: www.meti.go.jp.
16. The Nikkei, 07.05. 2014.
17. The Nikkei, 09.02. 2014.
18. The Nikkei, 0504. 2014. По данным опроса, в этом анжотаже участвовала половина респондентов газеты «Никкэй».
19. Индивидуальным инвесторам принадлежит 26% акций, выпущенных японскими компаниями. Данные Токийской фондовой биржи. Shareownership survey 2012. URL: www.tse.or.jp.
20. Highlights of the Budget for FY2014. URL: www.mof.go.jp p. 2. JCER, April 2014; URL: www.jcer.or.jp.
21. Japan Center for Economic research. "The 40th Medium-Term Economic Forecast (2013FY — 2025FY)".
22. Эффективная ставка центрального налога вместе с местными налогами еще выше — 40,69%. Та же ставка налога на прибыль в Германии — 29,8%; во Франции — 33,3%; в Китае — 25%.

23. Операции на открытом рынке (open market operations) — покупка или продажа центральным банком страны правительственных ценных бумаг.
24. Денежная масса зависит от того, как граждане и компании (держатели денег) распоряжаются своими деньгами — сколько тратят и сколько кладут на банковские счета. От того, сколько положенных на счета денег банки (эмитенты денег) превратят в кредиты и на какие сроки. Сколько на эти кредиты будет построено новых предприятий. Сколько позаимствует бюджет у банков, и т.д. Этими процессами Банк Японии управляет косвенно, через цены денежных инструментов.
25. Japan Financial Report. Quantitative and Qualitative Monetary Easing Effects and Associated Risks. The Japan center for Economic Research, December 2013. URL: www.jcer.op.jp.
26. Fiscal 2014 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management. January 24, 2014. URL: www.cao.go.jp.
27. The Japan center for Economic Research/ The 158th Quarterly Forecast, June 2014. URL: www.jcer.op.jp.
28. Цит. по: The Japan Times. 2013. 6 апр.
29. Цит. по: Ёмиури симбун. 2013. 22 апр.
30. Цит. по: The Japan Times. 2013. 27 апр.
31. Санкэй симбун. 2013. 8 февр.
32. Там же. 2013. 7 февр.
33. Асахи симбун. 2011. 4 янв.
34. Нихон кэйдай симбун. 2013. 1 мая.
35. The Japan Times. 2013. 11 янв.
36. Санкэй симбун. 2012. 19 дек.
37. Там же, 11.02.2014.
38. Там же.
39. Цит. по: Ёмиури симбун. 2014. 16 марта.
43. Санкэй симбун. 2014. 22 марта.
44. URL: <http://www.economist.com/blogs/banyan/2014/03/japans-relations-russia?zid=306&ah=1b164dbd43b0cb27ba0d4c3b12a5e227>.
45. Санкэй симбун. 26.03.2014. 26 марта.
46. The Japan Times. 2014. 3 марта.
47. The Nikkei, 21.04.2014.

Экономика

Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы

© 2014

В. Портяков

Проанализирована эволюция модели экономического роста в КНР в период 1992–2013 гг. Рассмотрены вероятные изменения в годовых темпах роста ВВП и в динамике инвестиций, конечного потребления и экспорта в десятилетней перспективе.

Ключевые слова: КНР, модель, трансформация, экономический рост, темпы прироста, накопление, потребление, экспорт, перспектива на следующее десятилетие

Неуклонное снижение годовых темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае в последние годы (10,4% в 2010 г., 9,3% в 2011 г., 7,7% в 2012 г. и 7,7% в 2013 г.¹) существенно актуализирует необходимость определенной корректировки сложившейся в стране модели экономического роста.

Рассматриваемая в политико-экономическом плане, «модель экономического роста» представляет собой комплексное понятие, включающее динамику, композицию основных факторов и тип (экстенсивный или интенсивный) роста народного хозяйства, его структурное наполнение (по подразделениям общественного воспроизводства и по отраслям) и качество роста, отражающееся в ресурсоемкости и экологичности создания и в социальных параметрах использования ВВП.

Модель экономического роста той или иной страны выступает одной из важнейших характеристик модели ее экономического развития. В то же время, первое, будучи существенно уже по содержанию и проще по структуре, не подменяет и не заменяет собой второе. «Модель экономического роста» и «модель экономического развития»² — это не синонимы, а скорее часть и целое, как правило, выступающие самостоятельными объектами исследования³.

Портяков Владимир Яковлевич, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, профессор. E-mail: portyakov@ifes.ras.ru.

Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 14–07–00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае».

I

Проблема корректировки сложившейся модели экономического роста для Китая не нова. В экономической истории Китайской Народной Республики известен целый ряд попыток организовать «большой» или «малый» скачок в темпах роста. Их негативные последствия не однажды приходилось преодолевать с помощью специальной политики «срегулирования» нарушенных народнохозяйственных диспропорций, прежде всего, между накоплением и потреблением, между подразделениями общественного воспроизводства (раньше чаще говорили о пропорциях между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью). В то же время в 1950-е — 1980-е годы главным лимитирующим фактором роста выступали инвестиции, тогда как богатые трудовые ресурсы страны казались неисчерпаемыми. А возможный ущерб окружающей среде как побочный результат экономического роста до поры до времени просто не принимался во внимание.

Впервые о необходимости трансформации модели экономического роста и переходе от опоры на экстенсивные факторы к опоре главным образом на интенсивные факторы роста китайское руководство заговорило на рубеже 1980-х — 1990-х годов. В немалой степени это было обусловлено неблагоприятной внешней средой для развития КНР после тьяньаньмэньских событий лета 1989 г. Резкий спад притока иностранных инвестиций в страну вкупе с кратковременным доминированием консервативных антирыночных настроений в правящих кругах имел результатом падение темпов прироста ВВП до минимальных значений за весь период реформ: 4,1% в 1989 г. и 3,8% в 1990 г.⁴ Появление в такой ситуации идеи большего акцента на эффективное и интенсивное использование внутренних факторов роста казалось достаточно естественным и было призвано оправдать выдвижение на пятилетие 1991–1995 гг. весьма скромного для Китая ориентира среднегодового прироста ВВП в 6%. Однако после запуска в стране более радикальных реформ рыночного типа, на чем настоял Дэн Сяопин в начале 1992 г., экономика Китая получила дополнительную внешнюю и внутреннюю ресурсную подпитку, что на ряд лет отложило идею корректировки традиционной модели роста.

Вновь вернуться к ней заставил азиатский финансовый кризис и стартовавшая непосредственно за ним — с 1999 г. — самая тяжелая фаза реформы государственных предприятий с высвобождением крупных контингентов рабочих и служащих. В конце 1990-х — начале 2000 гг., т.е. в период премьерства Чжу Жунцзи, темпы экономического роста в КНР заметно снизились по сравнению с предшествующим периодом (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Прирост ВВП КНР в 1999–2002 гг.

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Прирост	14,2	14,0	13,1	10,9	10,0	9,3	7,8	7,6	8,4	8,3	9,1

Источник: *Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25.*

Однако желание сохранить в непростых внутренних и внешних условиях приемлемые темпы развития, найти пути смягчения обострившейся социальной напряженности побудило буквально «скрести по сусекам», то есть использовать по максимуму весь имевшийся внутренний потенциал роста. Итогом этих усилий стало улучшение пропорции между накоплением и потреблением, нашедшее объективное отражение в обобщенных статистических данных (см. Таблицу 2)

Прежде всего обращает на себя внимание повышение доли конечного потребления в ВВП до уровня выше 60% в 1999–2001 гг. — на 2–3 процентных пункта выше, чем в период ускоренного реформаторства 1993–1996 гг. Во-вторых, до более приемлемых

значений снизилась норма накопления (минимум в 35,3% был достигнут в 2000 г.). Ни по потреблению, ни по накоплению оптимальной для КНР уровень достигнут не был, но важен уже сам по себе позитивный сдвиг в соотношении между ними в пользу потребления, говорящий и о реальных подвижках в модели экономического роста в этот период.

Таблица 2.

Структура использования валового внутреннего продукта в Китае в 1992–2002 гг. (%)

Наименование	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
1992	62,4	36,6	1,0
1993	59,3	42,6	- 1,9
1994	58,2	40,5	1,3
1995	58,1	40,3	1,6
1996	59,2	38,8	2,0
1997	59,0	36,7	4,3
1998	59,6	36,2	4,2
1999	61,1	36,2	2,7
2000	62,3	35,3	2,4
2001	61,4	36,5	2,1
2002	59,6	37,8	2,6

Источник: *Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунци чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 35.*

Эта позитивная тенденция, однако, не получила продолжения во время пребывания у власти четвертого поколения лидеров КНР, то есть Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Напротив, период 2003–2012 гг. в целом характеризуется повышением и сохранением на аномально высоком уровне нормы накопления и поддержанием на заниженном уровне показателя конечного потребления в ВВП Китая. За высокие темпы роста в эти годы стране пришлось заплатить серьезными диспропорциями в экономике (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

Годовые темпы прироста и структура использования ВВП КНР в 2003–2012 гг.

Наименование	ВВП	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
	прирост, %	доля, %	доля, %	доля, %
2003	10,0	56,9	41,0	2,1
2004	10,1	54,4	43,0	2,6
2005	11,3	53,0	41,5	5,5
2006	12,7	50,8	41,7	7,5
2007	14,2	49,6	41,6	8,8
2008	9,6	48,6	43,7	7,7
2009	9,2	48,5	47,2	4,3
2010	10,4	48,2	48,1	3,7
2011	9,3	49,1	48,3	2,6
2012	7,8	49,1	48,1	2,7

Источник: *Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунци чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25, 35.*

После прихода к власти Си Цзиньпина экономическая политика предшественников стала подвергаться в Китае определенной критике за одностороннюю погоню за тем-

пами роста в ущерб комплексному развитию и за фактический отказ от проведения назревших реформ. Не вдаваясь в детальный анализ данного сюжета, отмечу, что итоги экономической политики Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао и в самом деле оказались весьма противоречивыми. Неоднократные декларации о неотложности трансформации модели экономического роста в стране и достаточно качественная концептуальная разработка ориентиров и методов ее осуществления (например, в Программе экономического и социального развития КНР на XII пятилетку 2011–2015 гг., в Программе развития науки и техники на 2006–2020 гг.) не были адекватно реализованы на практике.

Здесь, на мой взгляд, сыграл свою роль целый ряд причин. Вступление КНР во Всемирную торговую организацию дало серьезный дополнительный рынок сбыта продукции многих отраслей китайской промышленности с избыточными производственными мощностями. Настоящая товарная экспансия Китая на мировой рынок, нашедшая ковенное отражение в аномально высокой доле в ВВП чистого экспорта (7,5% в 2006 г., 8,8% в 2007 г. и 7,7% в 2008 г.), не только принесла стране позицию одного из лидеров глобальной торговли, но и обусловила сохранение чрезмерного крена общей комбинации факторов экономического роста в пользу экспорта.

На погоню за высокими темпами роста объективно работала сама по себе стратегия долгосрочного экономического развития страны, принятая в начале 2000-х годов. Речь в первую очередь идет о задаче построения к 2020 г. среднезажиточного общества и ее цифровом «оформлении» — увеличении ВВП страны за 20 лет в четыре раза. Свою лепту внесли начатые в эти годы программы «большого освоения» западных территорий и возрождения промышленной базы на северо-востоке Китая. Сегодня уже можно задним числом констатировать, что в 2000-е годы Чжуннаньхай не справился с аппетитами региональных элит, стал скорее потакать им, нежели жестко противодействовать или хотя бы сдерживать.

Сказалась и возросшая зависимость глубоко втянувшегося в глобализацию Китая от ситуации в мировой экономике. По свидетельству китайских аналитиков, к серьезному переформатированию первоначально задумывавшейся экономической политики Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришлось прибегнуть уже в первый год их лидерства⁵. И дело не только в эпидемии атипичной пневмонии, повлекшей серьезные незапланированные расходы, но и в резком ухудшении для КНР мировой экономической конъюнктуры, в первую очередь из-за существенного роста цен на нефть после вторжения США в Ирак. Вместо планировавшегося активного проведения реформ главной для Китая стала тогда задача сохранения темпов роста и устойчивости народного хозяйства.

Крупный пакет мер стимулирования экономического роста с целью противодействия мировому экономическому кризису в 2008–2009 гг., позволивший сохранить достаточно высокие темпы прироста ВВП (соответственно, 9,6 и 9,2%) имел и серьезные негативные последствия: норма накопления в КНР подпрыгнула на новый, еще более высокий уровень — с 41,6% в среднем за 2005–2007 гг. до 43,7% в 2008 г., 47,2% в 2009 г. и более 48% в 2010–2012 гг. То есть крен в факторах роста в сторону инвестиций не только не ослаб, но, напротив, еще более усугубился.

Однако, похоже, задачи сохранения желаемых темпов экономического роста даже столь внушительная инвестиционная накачка уже не решает. После выхода в течение шести из десяти лет правления Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао на двузначные цифры прироста ВВП Китай сталкивается ныне с достаточно существенным снижением этого показателя: прирост ВВП в 2012 г. составил 7,8% (позднее прирост пересмотрен и снижен до 7,7%), в 2013 г. — 7,7%.

При этом, по оценке Международного валютного фонда, сделанной в июле 2013 г., без корректировки действующей модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на экспорт и инвестиции в инфраструктуру темпы прироста ВВП в Китае уже

после 2018 г. могут упасть до 4%⁶, что негативно сказалось бы как на реализации долгосрочных целей развития, так и на социальной стабильности в стране.

Именно поиском путей сохранения приемлемых темпов прироста ВВП и объясняется в первую очередь нынешний разворот в Китае к практической модификации сложившейся модели экономического роста.

II

Современное видение китайским руководством задачи смены модели экономического роста довольно полно отражено в ряде официальных документов, прогнозах ученых и выступлениях лидеров страны последних лет. XII пятилетняя программа экономического и социального развития КНР, принятая 14 марта 2011 г., охарактеризовала пятилетие 2011–2015 гг. как «ключевой период ускорения трансформации способа развития экономики». Ведущую роль в деле корректировки модели роста программа отведла «стратегическому урегулированию» структуры производства, в рамках которого были особо подчеркнуты задачи «формирования механизма расширения внутреннего спроса, ускорения развития новых стратегических отраслей и сферы услуг». «Важная поддерживающая функция» закреплялась за научно-техническим прогрессом и инновациями, а «обеспечение и улучшение жизни народа» по традиции было объявлено «исходным и конечным пунктом» смены способа развития экономики. Был намечен и ряд конкретных задач совершенствования структуры экономики, повышения ее социальной отдачи и снижения ресурсоемкости. В их числе — увеличение за пять лет доли добавленной стоимости в сфере услуг в ВВП страны на 4 процентных пункта, показателя урбанизации — также на 4 процентных пункта, снижение удельных затрат воды на выработку единицы добавленной стоимости в промышленности на 30% и энергозатрат на производство единицы ВВП — на 16%, обеспечение прироста среднедушевых располагаемых доходов горожан и чистых среднедушевых доходов жителей деревни не менее 7% в год, и т.п.⁷

В концептуальном плане проблемы перехода к новой модели экономического роста были наиболее фундаментально проработаны в обстоятельном докладе «Китай 2030. Построение современного гармоничного и креативного общества высоких доходов». Он был подготовлен совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР и впервые представлен на специальной конференции в Пекине в ноябре 2011 г.⁸ В работе сформулированы шесть основных задач, которые должен решить Китай для продолжения успешного роста. Это структурные реформы с целью усиления рыночных основ экономики, формирование открытой инновационной системы, ускорение «зеленой экономики», развитие системы социального обеспечения с гарантиями для всех слоев населения, укрепление финансовой системы, дальнейшее углубление взаимодействия с мировой экономикой.

На каждом из этих направлений имеется немало серьезных препятствий. Так, ущерб от деградации окружающей среды в КНР оценивается в докладе в 9% ВВП. Расходы страны на образование в 2008 г. составили 3,7% ВВП по сравнению с 5,4% в странах-членах ОЭСР, а на социальную защиту — всего 4,7% против 15,2%. Этот ряд легко продолжить.

Комплексные последовательные усилия должны будут, по мнению авторов доклада, привести к снижению доли накопления и росту доли потребления в ВВП до существенно более рациональных по сравнению с нынешним уровнем значений (см. Таблицу 4).

В любом случае, однако, прогноз лишний раз подчеркнул долговременность и непростой характер процесса трансформации модели экономического роста в Китае.

Пятое поколение лидеров КПК и КНР, занявшее руководящие посты по итогам XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) и первой сессии Всекитайского собрания народных представителей двенадцатого созыва (март

2014 г.), в целом солидаризировалось с унаследованной от предшественников задачей трансформации модели экономического роста в стране, но стало искать и предлагать свои собственные подходы к путям ее решения.

Таблица 4.

Прогноз динамики показателей накопления и потребления в ВВП Китая

Период	1995-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2025	2025-2030
Доля формирования капитала в ВВП на конец периода, процентов	46,4	42	38	36	34
Доля потребления в ВВП на конец периода, процентов	48,6	56	60	69	66

Источник: *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High Income Society — The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. P. 89.*

Весьма показательным в этом отношении стало выступление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна перед делегатами 16-го Всекитайского съезда профсоюзов 21 октября 2013 г. Поскольку в нем были даны некоторые новые или нестандартные трактовки ряда актуальных проблем экономического развития Китая, то в зарубежных СМИ после этого закрепился термин «ликономика», т.е. «экономическая политика по Ли Кэцзяну», впервые употребленный экономистами инвестбанка «Barclays Capital» в июне 2013 г.

Особого внимания заслуживает трактовка премьером проблемы темпов экономического роста в Китае. Он ввел понятия верхнего и нижнего пределов колебания темпов годового прироста ВВП в стране (буквально — «потолок и пола»). В качестве минимально возможного показателя назван прирост в 7–7,5%. Только при таком приросте Китай, как утверждал Ли Кэцян, способен ежегодно трудоустраивать не менее 10 млн новых работников — а такая необходимость сохранится в обозримой перспективе хотя бы по причине динамичного роста уровня урбанизации.

Потолок годового прироста ВВП в Китае определяется в первую очередь задачей не превысить уровня роста потребительских цен в 3,5%, с тем чтобы минимизировать воздействие роста цен на жизнь населения, особенно беднейших слоев (около 50 млн чел. на селе и 20 млн чел. в городе, живущих на пособия). Практически этот потолок также близок к показателю в 7,5%. По мнению Ли Кэцяна, если для Китая такие среднегодовые темпы прироста ВВП считаются средними (в сравнении с показателями двузначного роста, т.е. более 10%, достигнутыми ранее), то на общемировом фоне они остаются высокими. Как бы то ни было, благодаря некоторому снижению темпов роста, которых, впрочем, вполне достаточно для достижения к 2020 г. уровня «первичной зажиточности», Китай получает возможность сосредоточиться на урегулировании структуры экономики, освобождении от избыточных мощностей, прежде всего в некоторых отраслях тяжелой промышленности, развитии энергосбережения и улучшении охраны окружающей среды, на повышении качества роста в целом⁹.

В китайских СМИ с середины 2013 г. активно заговорили о «прощании страны с эпохой восьмипроцентного роста»¹⁰, о необходимости поддержания «рационального роста», «баланса темпов и качества» и избегания темпов, «от которых потом болят кости»¹¹.

В долгосрочной перспективе разностороннее содействие трансформации модели экономического роста должен оказать комплекс мероприятий по углублению в Китае преобразований рыночного типа, сформулированный в принятом 3-м Пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. «Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». В частности, непосредственное влияние на модификацию модели роста будут оказывать поощряемые «Решением» активизация инвести-

ционной деятельности предприятий негосударственных форм собственности, реформа системы первичного распределения и совершенствование системы перераспределения доходов, призванные сократить межрегиональные и межотраслевые разрывы в уровне доходов. В конечном итоге, как констатируется в «Решении» (пункт 44), в Китае должна сформироваться архитектура доходов типа «регбийного мяча» — то есть с небольшой долей лиц с очень высокими и очень низкими доходами при доминировании граждан со средними для общества доходами. Важную роль как в реализации принципа социальной справедливости, так и в стимулировании потребления (через сокращение доли средств, направляемой в сбережения) призвано сыграть создание устойчивой диверсифицированной системы социального обеспечения¹².

В целом, похоже, современное китайское руководство представляет трансформацию модели экономического роста как сугубо постепенный, долговременный процесс, призванный мало-помалу выправить перекосы и по максимуму сохранить сильные сравнительные преимущества сложившейся модели и характерные для нее высокие по общемировым меркам темпы роста. Показательно, что в отличие от зарубежных экспертов, как правило, говорящих о переходе Китая от инвестиционной или экспортно-ориентированной модели роста к опоре на внутренний потребительский спрос как главный фактор роста, в самой КНР акценты часто расставляются несколько иначе, не столь прямолинейно и однозначно. Так, ведущий политический еженедельник Китая журнал «Ляован» уподобил народное хозяйство страны трехколесному автомобилю, где каждое «колесо» — потребление, инвестиции и сбыт на мировом рынке — играет незаменимую роль. Базовая роль принадлежит потреблению, и в дальнейшем она будет усиливаться. Однако на нынешнем этапе индустриализации и урбанизации инвестициям принадлежит ключевая роль в обеспечении экономического роста. А спрос со стороны внешнего рынка помогает стабилизировать занятость и «переварить» избыточные производственные мощности. Так что экспорт выступает важной «подпоркой», от которой нельзя бездумно отказаться¹³. Словно иллюстрируя последнюю мысль, премьер Ли Кэцян в вышеупомянутом выступлении на съезде профсоюзов отметил, что в экспортном секторе страны непосредственно занято 30 млн человек, а вместе со смежными производствами — до 100 млн человек. А в докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва он почти дословно повторил формулировку «Ляована» о базовой роли потребления и ключевой роли инвестиций¹⁴.

III

Вполне естественно, что основные концептуальные представления о трансформации модели экономического роста заметно конкретизируются в разработках китайского научного сообщества и в той или иной мере корректируются в практике реального текущего функционирования народного хозяйства.

Одним из центральных неизменно является вопрос о *темпах* прироста ВВП страны в ближайшее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению ученых, Китаю предстоит всесторонне адаптироваться к переходу от высоких темпов роста к их постепенному снижению. Как полагает один из ведущих экономистов КНР Лю Шучэн, этот процесс последовательно пройдет несколько этапов. В настоящее время КНР от «высоких темпов прироста» переходит к «средне-высоким», а далее пройдет через этапы «средних», «средне-низких» и «низких» темпов. По его мнению, «рациональным» в ближайшие годы был бы годовой прирост ВВП в диапазоне от 7,5% до 9%¹⁵.

Если ранее основная задача макроэкономической политики состояла во всемерном сдерживании темпов роста экономики в верхних границах, то ныне, напротив, она заключается в предотвращении снижения прироста ниже условной нижней грани-

цы. Как показала экономическая ситуация первой половины 2013 г., такая угроза вполне реальна, давление факторов, действующих в пользу снижения темпов роста, весьма значительно. Поскольку замедление прироста ВВП породило такое негативное следствие, как неудовлетворительное поступление финансовых доходов в центральный бюджет, и, кроме того, дало повод для широкой циркуляции в мире слухов о «жесткой посадке» и даже «крахе» китайской экономики, то китайскому руководству пришлось предпринять меры по «стабилизации роста, урегулированию структуры и содействию реформам». В их числе называются ускорение железнодорожного строительства, ликвидация части городских трущоб, стимулирование экономии энергии и защиты окружающей среды, потребления информационных продуктов и услуг, а также политика развития городской инфраструктуры и сети услуг для пожилых людей. Уже в июле—августе 2013 г. положение стало выправляться, и прирост ВВП с 7,5% во втором квартале увеличился до 7,8% в третьем квартале¹⁶.

По мнению Лю Шучэна, главный резерв поддержания страны желаемых темпов роста состоит в полном использовании потенциала развития, вытекающего из «двух разрывов», ныне существующих в Китае. Первый из них — это разрыв в уровне среднедушевых доходов между регионами страны. Его постепенное преодоление предоставляет значительное пространство для будущего роста экономики.

Второй разрыв — между городом и деревней. Фактически показатель урбанизации в КНР в 2012 г. достиг 52,5%, но городскую прописку имеют лишь 35% жителей страны. Как полагает ученый, общее повышение уровня урбанизации и, особенно, ее качества — то есть «лечение» многочисленных «городских болезней», решение жилищных и социальных проблем сельских мигрантов и т.п. — будет способствовать одновременно трансформации модели и поддержанию требуемых темпов роста, увеличению и потребления, и инвестиций¹⁷.

Что касается прогноза темпов прироста экономики страны в средне- и долгосрочной перспективе, то различные группы китайских ученых дают в настоящее время близкие оценки. Так, ученые-экономисты Академии общественных наук Китая в последней по времени «Синей книге по экономике» за 2014 г. оценивают среднегодовой прирост ВВП в пятилетке 2011–2015 гг. в диапазоне 7,8–8,7%, в 2016–2020 гг. в 5,7–6,6% и в 2021–2030 гг. — в 5,4–6,3%¹⁸. А в прогнозе экономического роста в Китае на период 2014–2023 гг., подготовленном учеными Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР во главе с Лю Шицинем, предсказывается постепенное снижение темпов прироста ВВП страны с 7,5% в 2014 г. до 6,9% в 2016 г., 6,3% в 2020 г., 5,8% в 2021 г. и до 5,5% в 2023 г.¹⁹

В деле трансформации модели экономического роста в Китае одно из ведущих мест отводится внутреннему *спросу*. На 2-й сессии ВСНП 12-го созыва Ли Кэцян призвал к полному выявлению огромного потребительского потенциала населения страны и назвал ряд мер, призванных этому способствовать. Среди них повышение доходов населения, наращивание информационного потребления и потребления в сфере услуг, в т.ч. в сфере здравоохранения, туризма, культуры и т.п. Журнал «Ляован» прогнозирует, что в будущем Китай превратится в крупнейший потребительский рынок мира: в 2015 г. объем розничного товарооборота в стране может достичь 30 триллионов юаней (в 2013 г. 23,78 трлн²⁰), в 2020 г. — от 50 до 60 триллионов юаней. Сюда надо добавить 4 трлн долл. экспорта (в 2013 г. 2,21 трлн долл.) плюс объем обращения на рынке материальных ценностей, втрое превышающий ВВП...²¹. Вероятно, эти цифры нуждаются в уточнении, но факт остается фактом: близкие к правительству эксперты в Китае предрекают неуклонный поступательный рост доли потребления в ВВП. К примеру, по прогнозу Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР на 2014–2023 гг., опубликованному в апреле 2014 г., доля потребления в расходах ВВП должна с 49,6% в 2014 г. увеличиться до 52,6% в 2017 г., 58,2% в 2021 г. и 61,2% в 2023 г.²²

В то же время тезис о ведущей и возрастающей роли внутреннего спроса и потребления в экономической динамике грядущих лет не пользуется всеобщей поддержкой. Крайней здесь является та точка зрения, что сама идея переноса акцента в факторах экономического роста на спрос придумана на Западе с целью затормозить развитие китайской экономики²³. Однако высказываются и более аргументированные оговорки и возражения. Так, эксперт Государственного информационного центра Ню Ли отмечает: базовая роль потребления связана с тем, что оно представляет собой конечный спрос и в короткий срок не может ни вырасти, ни упасть значительно. Поэтому потребление делает экономический рост стабильным, устойчивым. Инвестиции же являются промежуточным спросом, и без них крайне трудно было бы подготовить и запустить в действие многие «точки роста» в экономике²⁴.

Во многом неясным является вопрос о реальном платежеспособном спросе населения, о том, насколько велик его потенциал. Солидный объем банковских вкладов жителей Китая (в 2012 г. 39,95 трлн юаней при ВВП 51,93 трлн юаней), структура расходов жителей города и села, их пока еще относительно невысокая обеспеченность такими предметами длительного пользования, как автомобили (в городе 21,5 машин на 100 семей, по селу данных нет) могут привести к выводу о наличии значительных резервов роста потребления в стране²⁵. Однако вряд ли это и на самом деле так: ведь как показывают исследования распределения доходов в КНР, половина семей не имеет каких-либо сбережений в банках и тратит деньги лишь на самое необходимое²⁶.

Более того, ряд ученых ставит под сомнение саму достоверность статистических данных о доходах и потреблении. По оценке Ван Сяолу из Национального института экономических исследований, в 2008 г. совокупный располагаемый доход населения Китая, направленный на потребление (включая строительство жилья за счет собственных средств) и сбережения, составил 22,1–22,6 трлн юаней, тогда как статистические данные, базирующиеся на выборочных обследованиях подворного (семейного) дохода, дают величину лишь в 13 трлн юаней²⁷. Скорее всего, разница отчасти объясняется крупными размерами «серых доходов» в Китае, которые, как показал тот же Ван Сяолу в другой своей работе, сконцентрированы главным образом в группах населения с высокими официальными доходами. Так, в 2008 г. на 10% горожан с наивысшими официальными доходами пришлось 62,5% всех «серых доходов», а на 20% горожан с наиболее низкими доходами — лишь 0,4% общей массы «серых доходов»²⁸. Главный вывод из всего этого, наверное, состоит в том, что «резервное пространство» наращивания потребительского спроса в Китае не столь велико, как принято считать и как кажется на первый взгляд.

Повышение доли потребления и адекватное снижение *нормы накопления* в распределяемом валовом внутреннем продукте является стержнем всего процесса трансформации модели экономического роста. Вполне естественно, что Центр исследования проблем развития Госсовета КНР прогнозирует снижение нормы накопления с 47,6% в 2013 г. до 44,6% в 2017 г., 40,7 в 2020 г., 39,0 в 2021 г. и 36,0% в 2023 г.²⁹

В то же время в Китае прекрасно осознают огромную инерционность инвестиционного процесса, «усугубляемую» весьма жестким противодействием региональных элит любым попыткам умерить их инвестиционные аппетиты. Поэтому достаточно типичными представляются заявления о необходимости изменять пропорцию между инвестициями и потреблением сугубо постепенно, в ходе будущего развития и реформ, делая упор на повышении эффективности инвестиций³⁰.

Директор института экономики и финансов Финансового университета Шанхая Чжао Сяолэй полагает, что с теоретической точки зрения потребление не может определять экономический рост. Самым главным источником и мотором роста экономики является накопление капитала и инвестиции. Другие факторы производства — и повышение производительности труда, и научно-технический прогресс — реализуются через вложение капитала. Основная проблема, по мнению Чжао Сяолэя, заключается не в

будто бы существующей несбалансированности норм накопления и потребления, а в отсутствии баланса прав и ответственности в инвестиционной политике и инвестиционных действиях местных правительств. Они не регулируются рыночными механизмами, что часто ведет к неэффективности капиталовложений. К тому же финансовая ответственность за результаты инвестиций сплошь и рядом отсутствует. Именно эту практику и следует реформировать³¹.

На наш взгляд, достаточно противоречивая ситуация с капиталовложениями в Китае может сохраняться еще какое-то время. Меры по стимулированию притока «народного» капитала (т.е. средств населения и предпринимателей) в ранее закрытые для него отрасли действуют в пользу дальнейшего наращивания объема совокупных общественных инвестиций. Вместе с тем, массовый выход местных правительств на опасный уровень задолженности³², ставший на данный момент одной из самых острых текущих проблем в экономике КНР, побуждает китайское руководство прибегнуть к «драконовским мерам» по упорядочению инвестиционной сферы.

Крупномасштабный экспорт товаров остается важной составной частью нормального функционирования экономики КНР. Кроме того, он играет незаменимую роль в укреплении позиций Китая в мировой экономике, а фактически и в мировой политике.

В последние годы стали чаще встречаться суждения о не столь значительной, как следует из соотношения объемов внешней торговли и валового внутреннего продукта, роли экспорта в обеспечении экономического роста в Китае. Они отчасти связаны с призывами и пожеланиями перенести здесь центр тяжести с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление. Многих водит в заблуждение и сравнительно небольшой вес чистого экспорта в ВВП страны.

Полагаю, прояснить картину может показатель доли экспорта в суммарном объеме производимой в стране продукции. Условно ее можно принять равной юаневой сумме общественного розничного товарооборота, инвестиций в основные фонды и экспорта товаров за границу (см. Таблицу 5).

Хорошо видно, что в 1980-е годы, в начальный период запуска политики внешнеэкономической открытости, доля экспорта была небольшой — в диапазоне 9–13% с постепенным повышением. «Первую скрипку» играла розничная торговля (50–60%), а на инвестиции приходилось примерно 30%. В 1990-е годы доля экспорта в массиве произведенной в Китае продукции выходит на уровень 20%, доля розничной торговли снижается до 45%, а доля инвестиций повышается до 35%. Именно это соотношение — 20:45:35 — многие китайские ученые-экономисты называли близким к оптимуму.

Плюсы членства во Всемирной торговой организации дали Китаю возможность пережить своего рода «золотой век» наращивания экспорта: в период 2003–2008 гг. его доля в экономике варьировала в диапазоне 25–29%. При этом доля инвестиций возросла до уровня 40% и более, а доля розничной торговли постепенно опустилась до 30%. Огромная инвестиционная накачка экономики Китая с конца 2008 г. подбросила долю инвестиций в анализируемой триаде до уровня 50% и более, опустив долю экспорта до 20%. Предполагаю, что в интересах Китая удержать ее на этом уровне.

Совершенно очевидно, что страна, ставшая в 2013 г. экспортером номер один в мире (2,2 трлн долл.), не собирается сокращать экспорт. Более того, учреждение в Шанхае зоны свободной торговли призвано обеспечить экспериментальную и законодательную отработку углубления взаимодействия КНР с мировым рынком.

Тем не менее, дальнейшее наращивание Китаем экспорта обещает не быть столь же динамичным, что и в «нулевые» годы. Будет отрицательно сказываться как общее замедление темпов роста мировой торговли, так и растущее стремление многих стран активнее противодействовать экспортной экспансии Пекина. Поэтому прогноз Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР о примерно 10-процентном среднегодовом приросте объема экспорта страны в следующие десять лет излишне оптимистичен³³.

Таблица 5.

Соотношение объемов и долей розничной торговли, инвестиций и экспорта в экономике Китая (млрд юаней/процентов)

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт
1981	235,0	96,1	36,8	367,9	63,9	26,1	10,0
1982	257,0	123,0	41,4	421,4	61,0	29,2	9,8
1983	284,9	143,0	43,8	471,7	60,4	30,3	9,3
1984	337,6	183,3	58,0	578,9	58,3	31,7	10,0
1985	430,5	254,3	80,9	765,7	56,2	33,2	10,6
1986	495,0	312,0	108,2	915,2	54,1	34,0	11,9
1987	582,0	379,2	147,0	1108,2	52,5	34,2	13,3
1988	744,0	475,4	176,7	1396,1	53,3	34,1	12,6
1989	810,0	441,0	195,6	1446,6	56,0	30,5	13,5
1990	830,0	451,7	298,6	1580,3	52,5	28,6	18,9
1991	941,5	559,4	382,7	1883,6	50,0	29,7	20,3
1992	1099,4	808,0	467,6	2375,0	46,3	34,0	19,7
1993	1427,0	1307,2	528,5	3262,7	43,7	40,1	16,2
1994	1862,3	1704,2	1042,2	4608,7	40,4	37,0	22,6
1995	2361,4	2001,9	1245,2	5608,5	42,1	35,7	22,2
1996	2836,0	2291,3	1257,6	6384,9	44,4	35,7	19,7
1997	3125,3	2494,1	1516,0	7135,4	43,8	35,0	21,2
1998	3337,8	2840,6	1522,3	7700,7	43,3	36,9	19,8
1999	3564,8	2985,5	1616,0	8166,3	43,6	36,6	19,8
2000	3910,6	3291,8	2063,4	9265,8	42,2	35,5	22,3
2001	4305,5	3721,4	2202,4	10229,3	42,1	36,4	21,5
2002	4813,6	4350,0	2694,8	11858,4	40,6	36,7	22,7
2003	5251,6	5556,7	3628,8	14437,1	36,4	38,5	25,1
2004	5950,1	7047,7	4910,3	17908,1	33,2	39,4	27,4
2005	6835,3	8877,4	6264,8	21977,5	31,1	40,4	28,5
2006	7914,5	10999,8	7759,8	26674,1	29,7	41,4	29,1
2007	9357,2	13732,4	9368,7	32452,3	28,8	42,3	28,9
2008	11483,0	17282,8	10039,5	38805,3	29,6	44,5	25,9
2009	13267,8	22459,9	8203,0	43930,7	30,2	51,1	18,7
2010	15699,8	25168,4	10702,3	51570,5	30,4	48,8	20,8
2011	18391,8	30239,6	12324,1	60955,5	30,2	49,6	20,2
2012	21030,7	37467,5	12935,9	71434,1	29,4	52,5	18,1
2013	23781,0	44707,4	13719,4	82207,8	28,9	54,4	16,7

Источник: Составлено и рассчитано по: Краткая статистика Китая 2013 [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 49, 154; Жэньминь жибао. 25 февраля 2014; Хайгуань тунцзи. 2013. № 12. С. 3.

В корректировке структуры общественного производства одной из наиболее сложных и в то же время неотложных проблем является сокращение избыточных производ-

ственных мощностей. 15 октября 2013 г. Госсовет КНР обнародовал «Руководящие принципы решения проблемы серьезного избытка производственных мощностей», где были выделены отрасли, ситуация в которых наиболее критична. На конец 2012 г. коэффициент использования имеющихся мощностей в производстве цемента составлял лишь 72%, в выплавке электролитического алюминия 73,7%, производстве оконного стекла 71,9%, судов — 75%, выплавке стали — 73,1%. Классическим примером может служить ситуация со сталью, мощности по выплавке которой с 300 млн т в 2003 г. выросли до почти миллиарда тонн в 2012 г. Поставлена задача сократить эти мощности на 80 млн т в течение пяти лет. Однако ее выполнение представляется весьма непростым делом из-за отчаянного противодействия местных властей, для которых сталелитейные производства нередко служат основным источником налоговых доходов. Так, завод, выплавляющий миллион тонн стали в год, платит 300–500 млн юаней налогов, что эквивалентно всем доходам обычного уезда³⁴.

Еще одна проблема, порожденная той же причиной — невыполнение решений правительства о концентрации производства. Например, пятилетним планом намечено в 2015 г. сосредоточить 90% выплавки алюминия в 10 крупнейших компаниях, однако пока их доля менее 40%³⁵.

В китайской печати высказывались предположения, что правительство КНР предпримет дополнительные меры по обеспечению приоритетов государственной промышленной политики, реорганизации промышленности и закрытию избыточных мощностей. Однако, судя по сообщениям зарубежных СМИ, подчас власти оказывались вынуждены вновь запускать уже остановленные производства в интересах сохранения финансовой и социальной стабильности на местах.

Показательно, что по итогам заслушивания на заседании Постоянного комитета ВСНП 25 декабря 2013 г. доклада главы Комитета развития и реформ Госсовета КНР Сюй Чжаоши о ходе реализации Программы XII пятилетки был сделан вывод, что «подвижки в структуре экономики в желаемом направлении замедлились. Модель экономического роста, опирающаяся на наращивание инвестиций, не претерпела коренных изменений»³⁶.

Реализация еще одного целевого ориентира структурных сдвигов в экономике — развития новых стратегических отраслей — в решающей степени зависит от наращивания *научно-технического потенциала* Китая и внедрения его достижений в производство. За период с 2006 г., когда руководство страны поставило задачу постепенного превращения Китая в инновационное государство, доля расходов на НИОКР в ВВП выросла в полтора раза и в 2013 г. превысила 2%. Вдвое возросли затраты на каждого занятого в фундаментальных исследованиях. Вместе с тем, существенные, прорывные подвижки менее впечатляющие. Так, ключевой показатель инновационности — индекс вклада научно-технического прогресса в экономический рост — вырос в 2012 г. по сравнению с 2005 г. всего на одну пятую, а индекс роста доли доходов от реализации новой продукции — на 11,5%³⁷.

Одной из причин относительно медленных сдвигов в увеличении роли научно-технического прогресса как фактора экономического роста страны в самом Китае считают все еще недостаточный уровень расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях. Если в мире в среднем на них направляется не менее 5% доходов от реализации продукции, а в США в таких сферах, как биология и медицина, это показатель превышает 15%, то в КНР эта величина заметно ниже: 2,18% в транспортном оборудовании (включая авиацию и космонавтику), 1,86% в приборостроении и 1,63% в медицинской технике. На наш взгляд, определенным изъяном, препятствующим систематическому достижению крупных прорывов в науке и технике, является и сама чрезмерно практичная структура расходов на НИОКР: в 2012 г. 83,9% всех расходов пошли на опытно-конструкторские разработки, 11,3% — на прикладные исследования и только 4,8% — на фундаментальные исследования³⁸. Здесь Китаю явно нужна стратегия дальних горизонтов.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что трансформация модели экономического роста в Китае представляет собой масштабную и весьма трудную задачу, реализация которой займет, как минимум, все следующее десятилетие. Представляется, что попытки руководства страны сохранить высокие темпы роста, объясняемые необходимостью обеспечить приемлемый уровень занятости и социальной стабильности, но, несомненно, питаемые также и глобальными амбициями Китая, сами по себе оказывают тормозящее воздействие на процесс смены модели роста. Пока мы имеем основания говорить не о кардинальных сдвигах, а, скорее, о некоторой модификации соотношения факторов роста. Дойдет ли дело до подлинно глубоких изменений и когда именно, покажет время.

1. Краткая статистика Китая 2014 [Чжунго тунци чжайяо 2014]. Пекин, 2014. С. 23.
2. Для лучшего понимания различия между двумя категориями приведу неоднократно дававшееся в различных публикациях авторское определение понятия «модель экономического развития»: Рассматриваемая в политико-экономическом аспекте, модель развития представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает: стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т.п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны (*Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. С. 128.
3. Тем не менее, подчас строгое разграничение двух этих категорий не проводится. Так, одна из немногих добротных отечественных работ, анализирующих именно экономический рост в Китае, носит «комплексное» название «Экономический рост КНР. Изменение модели развития (1993–2009 гг.)» (автор — В.В. Лапердина). Работа издана в Институте экономики РАН в 2011 г.
4. Краткая статистика Китая 2013. С. 22.
5. Особое влияние событий в самом Китае и в мировой экономике в 2003 г. на формирование экономической политики четвертого поколения лидеров КНР было, в частности, детально рассмотрено в лекции профессора Чжан Яньшэна из Комитета развития и реформ Госсовета КНР, с которой он выступил 22 сентября 2013 г. перед делегацией российских специалистов по БРИКС.
6. См.: *Юань Шиман.* Чжунго чжицао дэ «яофан» [«Лекарство», произведенное в Китае] // Синьхуа юэбао. Пекин, 2013. Сент., ч. 2. С. 33.
7. См.: XII пятилетняя программа экономического и социального развития Китайской Народной Республики [Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань ди шиэр унянь гуйхуа ганьяо]. Пекин, 2011. С. 1, 6–11.
8. *China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society.* Conference Edition. Washington, 2012. 468 p.
9. *Li Keqiang.* Address on China's Current Economy at the 16th National Congress of Chinese Trade Unions // Beijing Review. 2013. 21 Nov. Supplement. P. 1–4.
10. *Ма Гуаньюань.* Китайская экономика прощается с эпохой «8-процентного роста» // Китай. Пекин, 2013. № 8. С. 30.
11. *Ван Жэньгуй, Ши Сишэн, Цзяо Сыюй.* На следующий год в экономике вновь надлежит «повышать качество и контролировать риски» [Миньянь цзинци чунцай «ти чжи кун сянь»] // Ляован. Пекин, 2013. № 51. С. 12.
12. Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы [Чжунгун чжуньян гуаньюань цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюеднц]. Пекин, 2013. 60 с.
13. Ляован, 2013. № 51. С. 12.
14. См.: *Ли Кэцян.* Доклад о работе правительства. 05.03.2014.

15. Лю Шучэн. Экономический рост в Китае от высоких темпов переходит к средневысоким [Чжунго цзинци цзэнчжан ю гаосу чжуаньжу чжун гаосу] // Цзинцисюэ дунтай. Пекин, 2013. № 10. С. 4–6.
16. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. [2014 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ]. Пекин, 2014. С. 64, 56.
17. Лю Шучэн. Указ. соч. С. 7–8.
18. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 5.
19. Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014–2023) [Чжунго цзинци шинянь чжаньван]. Пекин, 2014. С. 41.
20. Статистическое коммюнике о народнохозяйственном и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2013 г. // Жэньминь жибао. 2014. 25 февр.
21. Ляован. 2013. № 51. С. 13.
22. Прогноз экономического роста Китая на десять лет. С. 41.
23. Именно такую точку зрения высказал известный ученый-экономист Вин Тай У (Wing Thye Woo) на презентации в Париже 4 сентября 2012 г. книги «A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same» (Singapore, 2012).
24. Ляован. 2013. № 51. С. 12.
25. Краткая статистика Китая 2013. С. 10, 102, 105, 110.
26. В частности, данная ситуация была детально рассмотрена в выступлении Го Цзаньняня (Юго-Западный финансово-экономический университет, Чэнду) на Крулом столе «Смещение фокуса мировой экономики в Азию — вызовы для Китая, России и ЕС», который был проведен в Москве 6 июня 2014 г. Фондом Фридриха Эберта и Институтом Дальнего Востока РАН.
27. Ван Сяоту. Преувеличены ли размеры серых доходов? [Хуйсэ шоуужу бэй куада лэ ма?] — National Economic Research Institute, China Reform Foundation. 2011. URL: <http://www.neri.org.cn/document/201204164011375191.pdf>. Дата обращения 11.06.2014.
28. Цит. по: A New Economic Growth Engine for China... P. 22.
29. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 41.
30. Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 156–157.
31. Чжан Сяолэй. Инвестиции и потребление: что является источником экономического роста [Тоуцзы юй сяофэй: шэньмо ши цзинци цзэнчжан юаньцюань?] // Вэньхуй бао. Шанхай, 2013. 19 авг.
32. По итогам ревизии, проведенной Национальным контрольно-ревизионным управлением КНР в августе—сентябре 2013 г., на середину 2013 г. прямая задолженность правительств всех ступеней в Китае составила 20,7 трлн юаней (9,81 трлн — долговое бремя центрального и 10,89 трлн юаней — местных правительств). Кроме того, объем гарантий правительств по различным долгам составил 2,93 трлн юаней (в т.ч. 2,67 трлн — местных правительств), а объем обязательств по санации — 6,65 трлн юаней. — URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501320.html>. Дата обращения 31.12.2013. Самым тяжелым в плане погашения обязательств для местных правительств является 2014 г., когда предстоит выплатить около 21,9% общей задолженности, и 2015 г. с выплатой 17,06% задолженности. URL: http://finance.people.com.cn/n/2014/0610/c/004_25126714.html. Дата обращения 11.06.2014.
33. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 130–131.
34. Deng Yaqing. Making Too Much. To achieve healthy and efficient growth, China must tackle overcapacity // Beijing Review. Beijing, 2013. 31 Oct. P. 32–33.
35. Lan Xinzhen. Too Much Metal. Non-ferrous metal giant's financial losses linked to overcapacity // Beijing Review. 2013. 14 Nov. P. 36–37.
36. Комитет развития и реформ — модель экономического роста, опирающаяся на инвестиции, не претерпела коренных изменений [Фагайвэй — тоуцзы ладун цзинци цзэнчжан моши мэй ю дэдао гэньбэнь гайбянь]. URL: http://npc.people.com.cn/n/2013/1225/c14576_23946559.html. Дата обращения 26.12.2013.
37. Инновационный индекс Китая составил в 2012 г. 148,2 пункта [2012 нянь Чжунго чуаньсинь чжишу вэй 148,2]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html. Дата обращения 19.02.2014.
38. Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 167–169.

КНР: 4-й этап реформирования государственных предприятий

© 2014

З. Муromцева

Рассмотрены итоги трех этапов реформирования госпредприятий в КНР и задачи, сформулированные на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) относительно четвертого этапа этих реформ. Весь комплекс разрабатываемых в настоящее время мер по их углублению нацелен на привлечение стратегических инвесторов, совершенствование корпоративного управления, продвижение акционерной формы предприятий.

Ключевые слова: госпредприятия, корпоративное управление, госкапитализм, рыночная конкуренция, акционирование.

Современная промышленность, представляющая ядро индустриального процесса и модернизации экономической структуры Китая в условиях углубления реформы и создания социалистической рыночной экономики, прежде всего, опирается на промышленные предприятия государственности. Как правило, все они в начале реформы представляли собой крупные или средние госпредприятия, на которых в дальнейшем были сосредоточены различные эксперименты по технико-технологическому инновационному продвижению в условиях глобализации индустриально-информационного пространства. Для них разрабатывались меры по ликвидации долгов, улучшению системы научного менеджмента и управления, увеличению инвестиционных вложений.

В начале XXI в. особую значимость получила организация финансовых компаний, развитие многоканальных источников финансирования, создание научно-технологических центров на основе связей науки и производства. Управление промышленными предприятиями (которые обрели статус юридических лиц, ответственных за хозяйственную деятельность) переходит к государственным инвестиционным компаниям, специально созданным холдингам, управлениям крупных объединений и финансовым органам в системе контроля и управления госимуществом. Созданы крупные объединения промышленных предприятий и холдинги, контролируемые государством посредством пакетов акций. Так действуют компании в оборонной, авиационной, нефтехимической промышленности, в производстве цветных металлов и др. За более чем 30-летний период перестройки «руководящая идеология» госпредприятий претерпела, по оценке китайских ученых-экономистов, 4 этапа изменений¹:

- 1978–1984 гг. — расширение самостоятельности и автономии госпредприятий;
- 1985–1993 гг. — начальная стадия разделения форм собственности;
- 1994–2002 гг. — создание «современной системы предприятий» и макета государственной экономики;

– с 2003 г. по настоящее время — перестройка управления госактивами, совершенствование «современной системы предприятий».

В китайской экономике соответственно с решениями КПК ведущая роль государства проявляется в отраслях, определяющих инновационное технологическое развитие, передовой уровень науки и техники, рост производительности труда, сокращение материальных и финансовых затрат, современные системы управления (при честной конкуренции с негосударственными формами собственности). Будучи на начальной стадии социализма, госэкономика проявляет, по версии китайской экономической науки, такие черты социализма, как обоснованное распределение материальных благ, демократизм управления, приверженность принципам социальной ответственности (все это и должны, в первую очередь, демонстрировать госпредприятия).

К началу 4-го этапа перестройки системы госпредприятий были определены права собственности, и предприятия в подавляющем числе стали независимыми субъектами рынка. В условиях развития социализма с китайской спецификой доминирование госсобственности не ограничивало существования других форм собственности и их диверсификацию. По принципу «ухватившись за большое, отпустить малое», госпредприятия демонстрировали по всему Китаю стандарты стратегической реорганизации и корпоративной реформы. При поощрении слияния и поглощения, стандартизации системы банкротства росла эффективность госпредприятий, и они приспособлялись к конкурентной борьбе. Были апробированы проекты возобновления трудоустройства, социальной помощи уволенным работникам, ширились возможности профессиональной переподготовки.

По мере углубления реформы на госпредприятиях, рост качества экономического роста, укрепление системы управления, поощрение технического прогресса при финансировании технологических инноваций, курс на разработку новой, на рынок ориентированной продукции — все это наглядно показывает их роль как основной базы технического прогресса в стране.

В ходе реформы стало очевидным, что функции, осуществляемые правительством, не следует передавать предприятиям. Дальнейшие реформы и реструктуризация правительственных учреждений должны учитывать и посреднические услуги на основе законодательства.

Перед реформой, как и ранее, стоит задача создания эффективных форм государственного управления и контроля при наличии механизма обеспечения сохранности и оценки госимущества и активов, недопущения их потери. Все очевидней проявляется необходимость создания системы социального обеспечения, индивидуальных пенсионных счетов, системы медицинского страхования, совершенствования страхования от безработицы, системы социальной помощи, реформирования жилищно-коммунальной системы. Для активного и стабильного развития рынка капиталов и поддержки инвестиций необходимо ускорить финансовую реформу. Чтобы укрепить лидерство созданных корпораций, нужно усовершенствовать их структуру управления, реформировать естественные монополии.

Для закрепления достижений первых трех этапов реформы (1978–2002 гг.) становлению «современной системы предприятий» помимо рационального планирования и перестройки структуры экономики «сверху» необходима поддержка со стороны населения, уровень жизни которого есть наиболее чувствительный барометр в определении успешности развития.

На старте 4-го этапа реформы госпредприятий 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) обозначил (в постановлении «О некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики») такие задачи:

- создание современной системы имущественных прав,
- реформирование государственных банков,

– внесение корректив в Закон КНР о компаниях от 1993 г.

10 лет спустя, на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва эти идеи получили развитие в постановлении «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы», где акцентирована задача «совершенствовать базовую экономическую систему, повышая активность, контроль и влияние государственного сектора экономики». Пленум утвердил Центральную руководящую группу по всестороннему углублению реформ, на которую возложена ответственность за общую структуру реформ, за координирование их продвижения, за стимулирование процесса их претворения в жизнь и за осуществление контроля за их исполнением, а также Совет государственной безопасности, усилия которого направлены на совершенствование стратегии государственной безопасности и ее гарантии².

Начиная с 2013 г. основное внимание партийного руководства и правительства КНР сосредотачивается на реформировании и совершенствовании «современной системы предприятий». Напомним, что необходимость перехода к таковой системе была обозначена более 20-ти лет назад, на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (1993 г.), принявшем «Постановление о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики».

«Современную систему предприятий» тогда обозначили следующими параметрами:

- права предприятия на самостоятельную деятельность как юридического лица и его ответственность за результаты хозяйственной деятельности;
- получение дохода от деятельности предприятия в зависимости от различных имущественных прав;
- права инвестора пропорциональны вложенным средствам.

Организационные формы «современной системы предприятий» включали компании с ограниченной ответственностью, акционерные компании с ограниченной ответственностью, компании с государственным холдингом и компании, полностью основанные на государственном капитале. Примерно 2000 предприятий военно-промышленного, топливно-энергетического комплексов и других важных отраслей промышленности должны были превратиться в корпорации со 100-процентной государственной собственностью.

В 1991–1995 гг. государство сосредоточило усилия на преобразовании 1000 крупных госпредприятий и их объединений. Были созданы крупные межотраслевые и межрегиональные государственные объединения, в которых промышленное производство соединялось с технологическими разработками и торговлей, с правом экспортно-импортных операций. Количество таких объединений в 1990-е гг. умножилось с 57 до 120.

К началу 2000-х гг. 512 важнейших госпредприятий, чьи основные фонды составляли 55% всех государственных фондов в промышленности, а прибыль — 68%, налоги — свыше 85%³, стали основой обеспечения конкурентоспособности китайской промышленности. В 2000 г. 1086 предприятий продавали свои акции на биржах⁴, а в 2006 г. их число увеличилось до 1434. В 2000 г. были оглашены в опытный порядок «Основные направления создания и усиления управления системы современных предприятий на крупных и средних госпредприятиях», включавшие 69 статей.

Итак, на основе «Закона КНР о компаниях», принятого в 1993 г., были подготовлены 7 лет спустя условия для функционирования «современной системы предприятий», причем некоторые предприятия быстро обрели ведущее место в рыночной экономике, вышли на внутренний и зарубежный фондовые рынки.

В «современной системе предприятий» особое место заняли предприятия центрального подчинения (*чжунъян ци 'е*). Непосредственно подчиненные центральному правительству КНР, они управляются Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом, созданным в марте 2003 г. Этот Комитет разработал в конце 2003 г. «Предложения о нормативном преобразовании государственных предприятий», регла-

ментировавшие весь процесс преобразования госсобственности. Этим документом были определены системы и правила:

- утверждения и инвентаризации, ревизии финансов,
- оценки активов,
- руководства сделками,
- регулирования цен,
- отстаивания по закону интересов кредиторов,
- защиты законных интересов правительства, служащих и рабочих,
- найма управленческого персонала.

В 2013 г. 73 китайских корпорации, среди коих преобладали предприятия центрального подчинения, входило в реестр 500 сильнейших объединений мира⁵. «Новые» госпредприятия, что были образованы в 2000-е гг. и составляли примерно треть от числа субъектов «современной системы предприятий», вызывают озабоченность и в среде китайского руководства, и у населения (подозревающего, к примеру, предприятия центрального подчинения в обретении сверхприбылей благодаря их монопольному положению). Таковых в 2004 г. числилось 179, ныне — 120⁶.

КНР успешно использует новую роль госкорпораций, которая характеризуется увеличением доли государственных активов в частных корпорациях. Этот процесс стал усиленно развиваться в условиях глобального кризиса 2008–2009 гг. не только в КНР (а также в других развивающихся странах), но и в странах с развитой экономикой. В 2012 г., по оценке «Forbes», в списке 20 ведущих глобальных компаний обнаружилось 6 госкорпораций (в 2008 г. не было ни одной). Однако, по всей видимости, не повторяется, как полагают эксперты, ситуация конца XX в. Тогда государственное участие в крупных корпорациях многих стран оказалось неэффективным, и они были приватизированы. В условиях открытого мирового рынка и защиты со стороны государства «новые» госпредприятия Китая и предприятия с государственной поддержкой стали создавать совместные предприятия с иностранными компаниями для продвижения научно-технических знаний и передовых технологий. Тем самым с помощью государственных субсидий и фондов осуществляется контроль за развитием и расширяется экспансия на мировые рынки.

Большое внимание в КНР уделяется опыту Сингапура, где государству принадлежат акции компаний, производящих 60% национального ВВП. В 2011 г. корпорации Сингапура заняли 2-е место в рейтинге мировой конкурентоспособности. Налицо устойчивая инновационная модель, в которой сосуществуют как народнохозяйственное планирование, так и свободный рынок.

Нефтехимическая компания «Petro China» в 2011 г. заняла 2-е место по капитализации, «Industrial & Commercial Bank of China» — 4-е, «China Construction Bank» — 7-е. В период 2004–2008 гг. в списке «Forbes» среди 2 тысяч мировых компаний значилось 117 госпредприятий из Китая, Индии, Бразилии и России (БРИК)⁷. «China Mobile» имеет в мире примерно 600 млн абонентов.

В 2011 г. в Китае доля государственных компаний на фондовом рынке составляла 80% (в России — 60%, Бразилии — 40%). Годом ранее было отмечено следующее: среди 10 крупнейших компаний мира по обороту значились 3 госкомпании КНР («Sinopet Group» с оборотом 273 млрд долл. — на 5-м месте, «China National Petroleum Corporation» с оборотом 240 млрд долл. — на 6-м и «State Grid» с оборотом 226 млрд долл. — на 7-м). Госпредприятия, банки развития, государственные пенсионные фонды, суверенные фонды, другие инструменты и формы госкапитализма заняли к 2014 г. центральное место в мировой экономике.

Госкапитализм, как поддержка государством крупнейших компаний становится, по мнению экспертов, существенной угрозой для рыночного капитализма. Новые формы

государственного вмешательства в экономику имеют институциональные механизмы, по которым государство осуществляет свой контроль.

В КНР число компаний с мажоритарным участием государства составило, по оценкам 2010–2011 гг., 167 тыс., субъекты с миноритарным участием пока не поддаются подсчету. Доля госпредприятий в экономике КНР оценивается в 29%, их доля в капитализации — 70%. Для сравнения: в России насчитывается свыше 8100 предприятий с мажоритарным участием государства и более 1400 — с миноритарным, доля госпредприятий в экономике — 20%, их доля в капитализации — 40%⁸. Как в России, так и в Китае государство использует структуры собственности в форме пирамид (т.е. государственный холдинг для управления своим пакетом акций в большом числе других компаний). В КНР Комитет по контролю и управлению государственным имуществом функционирует как холдинговая компания, осуществляющая контроль над примерно 120 самостоятельными и холдинговыми компаниями.

Как правило, госкорпорации в КНР руководствуются интересами государства. Такие известные из них, как компания информационных технологий «Lenovo», телекоммуникационная «Huawei», производитель потребительских товаров «Haier», автомобильная «Geely» считаются частными. При этом, однако, для частной компании «Lenovo» стартовый капитал предоставила Академия наук КНР, состоящая в госсобственности и по сей день являющаяся крупным владельцем ее акций.

Как показывает исследование китайских госпредприятий, в начале XXI в. в КНР существовало множество форм государственной собственности. Госсобственность была приписана к министерствам, военным и гражданским ведомствам, к отдельным предприятиям, к правительству. Не было ясной картины о правах на различные виды активов и получаемую прибыль. На XV съезде КПК (1997 г.) реформирование госсектора определялось формулой «ухватившись за большое, отпустить малое». В стратегических отраслях — энергетике, металлургии, транспорте, телекоммуникациях — сохранялся государственный контроль. Государство, обладая почти 80% акционерного капитала, поощряло госкомпании размещать акции на зарубежных рынках.

В процессе преобразования, реструктуризации и реформирования убыточные и менее крупные госпредприятия были переданы в управление местным властям или проданы. Предприятия, оставшиеся в госсекторе, оснащались профессиональными менеджерами и подверглись финансовой санации.

«Современная система предприятий» создаваемая в КНР с конца XX в. (цель которой — защитить внутренний рынок и интересы Китая на глобальном рынке) потребовала крупных финансовых средств и обученных по мировым стандартам финансовых менеджеров. В конце 2005 — начале 2006 гг. в КНР были заключены контракты с рядом иностранных финансовых институтов для инвестирования в государственные банки и кредитные учреждения Китая. Главной целью этих мер было обучение китайского персонала управлению финансовыми инновациями и рисками. В 2007 г. был основан Инвестиционный фонд Китая («China Investment Corporation»).

Государственная финансовая система КНР, действующая самостоятельно, без обратной связи и публичности, укрепила свои мировые позиции в период финансового кризиса 2008–2009 гг. Ею были внесены дополнительные 50 млрд долл. в МВФ; кроме того, совместно с Сянганом были вложены 38 млрд долл. в один из азиатских валютных фондов; заем в 25 млрд долл. был предоставлен российским нефтяным компаниям; 30 млрд долл. — добывающим компаниям Австралии. Уже к осени 2009 г. КНР подготовила кредиты до 70 млрд долл. для осуществления сырьевых и инфраструктурных проектов в Нигерии, Гане и Кении. Были также предложены займы компаниям в Южной Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии для гарантии поставок сырья и закупок.

Председатели совета директоров крупнейших государственных корпораций и компаний, как правило, входят в высший эшелон власти КПК и правительства. Десять-

ность предприятий госсектора направляет партийная система. Все назначения в руководстве осуществляются из числа кадров КПК. Лица, занятые в госсекторе, проходят обучение и регулярно повышают квалификацию в партийных школах.

Крупные госпредприятия КНР, зарегистрированные на фондовых биржах Сянган, Лондона, Нью-Йорка и т.д., публикуют перед процессом размещения своих акций справочные материалы о своей коммерческой деятельности. Однако кадровый состав компаний (как государственных, так и тех, что позиционируют себя как частные) проанализировать практически невозможно. Некоторые эксперты отмечают, что в Китае «видимая» рука государства и «невидимая» рука рынка не находятся в противоречии, но взаимно дополняют и укрепляют друг друга.

В соответствии с решениями съездов и пленумов КПК предприятия госсектора модернизируют работу. Под контролем государства и КПК они стремятся занять лидирующее положение в экономике по показателям добавленной стоимости и расширить нишу в глобальном бизнесе.

В настоящее время госкапитализм в мировом пространстве — это не только коммерческие компании, но и огромный капитал, который сосредоточен и управляется суверенными фондами. Одной из форм суверенных фондов является фонд национального благосостояния. В России таковой оценивается примерно в 87 млрд долл. Китайский Фонд «China Investment Corporation» в 2011 г. обладал капиталом в 332 млрд долл. Эта корпорация занимается поиском формирования оптимальных портфельных инвестиций.

Финансовый кризис усилил позиции фондов, финансирующих региональное экономическое развитие. Суверенные фонды нефтедобывающих стран стали активнее участвовать в НИОКР Китая, в управлении компаниями, чьи акции владеют через членство в совете директоров. Одновременно усилилась поддержка отечественных финансовых институтов через суверенные фонды в качестве альтернативного механизма инвестирования государственных сбережений в ценные бумаги с высоким уровнем доходности. Миноритарные пакеты акций в открытых компаниях начали выступать как объекты этих фондов. Большая часть их денежных средств направляется в зарубежные активы. В частности, «China Investment Corporation» покупает миноритарные пакеты акций китайских компаний и банков, но старается вкладывать накопленные средства в китайские компании, а не в зарубежные. Примерно так поступают в Сингапуре, где «Temasek» вкладывает более 30% своего капитала в местные компании. Китай это копирует. Однако наличие острых социально-экономических проблем затрудняет этот процесс.

Достоверных данных о деятельности предприятий центрального подчинения, по существу, нет. Среди китайской общественности ввиду разрозненности и несовершенства механизма оглашения информации, либо из-за ее недоступности сложилось весьма негативное отношение к предприятиям центрального подчинения, что засвидетельствовано в книге Цю Баолиня «Истинное состояние государственных предприятий»⁹. На примере нефтяной отрасли (и за ее пределами) автор показал значение центральных предприятий на мировом рынке. В 2013 г. 20% доходов и треть прибыли за пределами Китая получили предприятия центрального подчинения. По поводу дискуссии на тему «госпредприятия вытесняют частные» или «частные предприятия вытесняют государственные» Цю Баолинь дает однозначный ответ:

«У государственного и частного предприятия есть общее название — *китайское предприятие*, те и другие являются важной частью китайской экономики, надо поддерживать развитие китайских компаний в целом, а результат борьбы между государственными и частными предприятиями на внутреннем рынке может быть только один: «зарубежные компании вытесняют национальные»¹⁰.

Главные вопросы углубления 4-го этапа реформы, поставленные перед «системой современных госпредприятий», на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) сформулированы следующим образом:

- поощрение акционерных форм развития;
- укрепление государственного имущества посредством участия на рынке капиталов;
- разделение госпредприятий на монопольные и конкурентные при определении функций государства и предприятий;
- разграничение политических решений и вопросов инвестиций, а также введение порядка специальных разрешений на хозяйствование и правительственный контроль;
- выделение конкурентных операций и их отделение от хозяйствования;
- корректировка оценок производственной деятельности и эффективности хозяйствования, поощрение предпринимательской деятельности, маркетизация системы найма, введение нормирования окладов, допуск коллектива предприятия к его акциям.

По ходу обсуждения решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва отмечалось следующее: Комитет по контролю и управлению государственным имуществом готов применять политические меры при рассмотрении различных форм собственности с участием государства. Цели этого: облегчать доступ к рынку, способствовать формированию смешанной экономики, активно привлекать частный капитал и стратегических инвесторов для реструктуризации предприятий, их слияния и поглощения, продвигая акционерную систему госпредприятий.

Весь комплекс мер по дальнейшему реформированию организационных форм предприятий и структуры собственности, которые разрабатываются на основе решений пленума, направлен на ускорение создания «современной системы предприятий», чтобы в соответствии с требованиями рыночной конкуренции совершенствовалась структура корпоративного управления, нормативы строительства советов правления, система ответственности за ошибочные решения. Тем самым предполагается поднять роль китайских корпораций в глобальной экономике.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва уже в конце 2013 г. были конкретизированы в проекте «Руководящих положений об углублении реформы на государственных предприятиях», который был подготовлен Комитетами Госсовета КНР по контролю и управлению государственным имуществом и по земельным ресурсам¹¹. В проекте были представлены основные болевые точки дальнейшего реформирования госпредприятий, которые нуждаются в обсуждении и утверждении на основе институциональных и политических решений.

В материалах 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, состоявшейся 3–13 марта 2014 г., было подчеркнуто, что реформы «вступили в период штурма и глубоководья, прорывая окружение затвердевших связей интересов и используя реформу экономической системы в качестве движущей силы»¹². В докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна на этой сессии была отмечена необходимость оптимизировать размещение и структуру госсектора, ускорить развитие удельного веса смешанной формы собственности, создавать и оздоравливать режим современных предприятий и управленческую структуру компаний как юридических лиц.

Посредством совершенствования системы управления государственным имуществом и точного разграничения функций между разными типами госпредприятий предполагается продвигать пилотные проекты создания инвестиционно-управляющих компаний, которым вверено управление государственным капиталом. Ускорение реформы и структурного регулирования в экономике КНР (в особенности — госсектора) преследует, помимо всего вышесказанного, цель «культивировать новые преимущества международной конкуренции»¹³, чтобы укреплять позиции на мировом рынке.

Десятилетие, минувшее после старта 4-го этапа реформы госпредприятий, вылилось в беспрецедентное по масштабам мероприятие по реформированию госсобственности. 179 предприятий центрального подчинения, приоритетно задействованные в процессах углубления реформы, имели в 2004 г. основные фонды на сумму 9 трлн 195 млрд

юаней (т.е. 1 трлн 110 млрд долл.) и доходы от реализации продукции — более 5,5 трлн юаней (свыше 670 млрд долл.)¹⁴. В 2010 г. на государственные активы приходилось 26,9% от общей их суммы¹⁵. Комитет по контролю и управлению государственным имуществом инициировал 30 пилотных проектов¹⁶, что охватило 25% предприятий центрального подчинения.

В «современной системе предприятий» эксперты отмечают ряд непростых проблем:

- не ладится дело с внедрением справедливой конкуренции на рынке, ибо госпредприятия имеют монополию в сфере ресурсов (земля, недра и пр.), за которые либо платят мало, либо вовсе не платят;

- «современная система предприятий» развивается медленно. многие хозяйственные субъекты все еще остаются на уровне 1980-х гг., нет диверсификации капитала, и они лишь номинально числятся в «современной системе предприятий»;

- в последние годы ухудшились экономические показатели госпредприятий, их добавленная стоимость ниже, чем в частном секторе;

- в созданных государственных компаниях стираются границы между полномочиями правительства, корпоратива и предприятия, нарушается порядок распределения капитала и ужимается частный капитал для развития, что противоречит положениям правовой системы, создает риски.

Реформы китайских госпредприятий многоплановы. Прежде всего, потребуется работа по следующим направлениям:

- обретение общих корпоративных целей, определяющих жизнеспособность и инновационную деятельность;

- обеспечение общественных потребностей и услуг в сфере обороны, инфраструктуры, социальных благ;

- фундаментальные исследования и опытно-конструкторские работы;

- разумное распределение доходов, преодоление поляризации между бедными и богатыми;

- демократизация управления в сочетании с защитой прав трудящихся.

1. Чжунго гайгэ 2013. № 6. С. 10.

2. Жэньминь жибао. 2013. 16 нояб.

3. Гою цзиедэ гошуй, синьзай хэ цзянлай [Прошлое, настоящее и будущее государственных предприятий]. 1999. С. 183.

4. Там же.

5. Цюши. 2013. № 12. С. 33.

6. Чжунго гайгэ. 2013. № 6. С. 12.

7. МЭиМО. 2013. № 6. С. 3.

8. Там же. С. 7.

9. Аннотация на книгу Цю Баолия «Истинное состояние государственных предприятий» // Китай. 2013. № 6. С. 15.

10. Там же.

11. URL: http://russion.china.org.cn/exclusive/txt/2013-11/22/content_30674415.htm.

12. URL: http://russion.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/15/content_31791709_13.htm.

13. Ibid.

14. Синьхуа. 12.02. 2005.

15. Чжунго гайгэ. 2013. № 6. С. 14.

16. Там же.

Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России

© 2014

А. Картунова

Статья посвящена роли выдающегося дипломата Г.В. Чичерина в разработке и осуществлении китайской политики Советской России, его участия в корректировке ее стратегии и тактики, особенно по проблемам КВЖД, Маньчжурии, а также монгольскому вопросу в советско-китайских отношениях; роли Чичерина в установлении официальных советско-китайских отношений.

Ключевые слова: нарком, дипломат, Советская Россия, мирное сосуществование, китайская политика, Гоминьдан, КПК, КВЖД, Внешняя Монголия.

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) — выдающийся российский дипломат и видный государственный деятель советского периода¹. 12 лет он провел на посту руководителя Народного комиссариата по иностранным делам (1918—1930 гг.) Чичерин — это целая эпоха в истории внешней политики Советского государства. Все свои силы и талант дипломата Г.В. Чичерин, потомок аристократического рода, отдавал работе по защите безопасности и целостности Советской России, служению национальным интересам своей страны, будучи в то же время интернационалистом. Чичерин неуклонно выступал за принципы мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств с разными социально-политическими системами. Существует большой массив научных и научно-популярных работ, посвященных жизни и деятельности Г.В. Чичерина².

Кроме того, с середины 90-х годов XX в. по первое десятилетие XXI в. вышли в свет многие сотни прежде недоступных для исследователей документов и материалов, хранящихся в АВП РФ, РГАСПИ, РГВА и других архивах особенно таких уникальных, ранее строго засекреченных документов (под грифом «Особые папки») как протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)³, в которых отражена неизвестная прежде деятельность наркома Чичерина. Этой широкой источниковой базой мы активно пользовались при написании настоящей статьи.

Опубликовано также множество рассекреченных писем Георгия Васильевича, главным образом адресованных им полпредам и послам СССР, переписка Чичерина с родственниками, особенно с его братом Николаем другие материалы, ставшие ценными дополнительными документальными источниками о других малоизвестных сторонах его деятельности, в том числе как историка дипломатии России второй половины XIX в.

С большим интересом встречена в научных кругах впервые опубликованная в полном объеме неоконченная рукопись Г.В. Чичерина о деятельности князя А.М. Горчакова⁴, выдающегося русского дипломата, прослужившего на посту министра иностранных дел царской России 27 лет (1856—1882 гг.). Министр иностранных дел РФ С.В. Лав-

ров в предисловии к этой работе Г.В. Чичерина выразил убеждение, что она «станет достойной данью памяти двух выдающихся российских дипломатов [А.М. Горчакова и Г.В. Чичерина], источником новых знаний не только для специалистов-международников, но и для всех тех, кто не равнодушен к истории России и ее внешней политике»⁵.

Академик РАН И.Х. Урилов выделил главное, что являлось общим для деятельности двух глав внешнеполитического ведомства России. Вот как он характеризует А.М. Горчакова и Г.В. Чичерина: «Две яркие, незаурядные, выдающиеся личности в истории Российского государства... Они жили и работали в совершенно разные эпохи, служили принципиально отличным друг от друга государствам, вынуждены были проводить и проводили, часто через силу, под строгим контролем властей те идеи и принципы государственной политики России, которые, возможно, не всегда отвечали их гражданской и нравственной позиции. Но одно совершенно очевидно: оба они были беззаветно преданы России и пламенно защищали ее интересы на международной арене. Поэтому имена Горчакова и Чичерина занимают самые почетные места в летописи российской дипломатии, в истории культуры России»⁶.

* * *

Георгий Васильевич Чичерин, выходец из дворянского рода, представители которого посвящали себя дипломатической службе еще со времен Петра I, получил блестящее образование, в совершенстве владел несколькими европейскими языками. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета подал прошение о зачислении его в Государственный и Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел, куда он пришел с целью изучать историю по первоисточникам, в том числе историю дипломатических отношений России. В 1890 г. Чичерину в МИДе предложили участвовать в подготовке «Очерка истории Министерства иностранных дел России», и Чичерин взял на себя подготовку раздела о политике России в период, когда министром иностранных дел был князь А.М. Горчаков.

В 1904 г. под угрозой ареста за причастность к нелегальной революционной организации Георгий Васильевич вынужден был эмигрировать за границу. Находясь в эмиграции, Чичерин знакомится с марксистской литературой, которая оказала влияние на его мировоззрение. В 1905 г. в Германии он вступил в местную организацию РСДРП, однако после поражения революции 1905—1907 гг. переходит на позиции меньшевизма.

После февральской революции в России Чичерин, находившийся в Лондоне, был арестован и заключен в одиночную камеру Брикстонской тюрьмы по обвинению в том, что он агитировал английских рабочих выступать против войны.

В годы эмиграции Г.В. Чичерин познакомился с В.И. Лениным. Первая их встреча состоялась в Лондоне на V съезде РСДРП (май 1907 г.). Чичерин не был делегатом съезда, но, узнав, что созыв его находится под угрозой срыва, перевел значительную часть своих денег в один из английских банков и сам выехал в Лондон, чтобы принять участие в подготовке съезда.

В 1908 г. в Париже Ленин ближе познакомился с Чичериным и, по словам одного из современников, уже тогда высказал мысль, что Чичерин «обладает незаменимыми качествами. Из него получился бы превосходный дипломат»⁷.

В 1910 г. Ленин и Чичерин вновь встретились, теперь во время проходившей накануне Копенгагенского конгресса II Интернационала дискуссии об отношении к войне и милитаризму. Г.В. Чичерин считал, что по вопросам войны и мира были правы Ленин, большевики. Во время Первой мировой войны Г.В. Чичерин перешел на позиции революционного интернационализма, а к концу 1917 г. по своим политическим воззрениям он перешел на платформу РКП(б). Решающим для него была установка РКП(б) против мировой войны.

В январе 1918 г. Советское правительство добилось возвращения Г.В. Чичерина на Родину⁸. Вернувшись в Советскую Россию, он вступил в РКП(б) и был назначен Лениным заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР.

Не исключено, что формирование Г.В. Чичерина как дипломата, произошло еще в годы его работы над монографией о деятельности А.М. Горчакова под влиянием идей, принципов и задач российской дипломатии, как их трактовал и проводил в жизнь А.М. Горчаков.

После срыва Троцким в феврале 1918 г. брестских переговоров⁹ по настоянию Ленина была сформирована новая делегация, и 3 марта Чичерин подписал Брестский мир. Советской Республике нужна была передышка. Чичерин был уверен, что «передышка будет означать путь к победе»¹⁰.

В исключительно тяжелое для Советской России время, когда, стремясь сорвать Брестский мир и втянуть Советскую Россию в войну с Германией и захватить Советский Север, войска Антанты 9 марта 1918 г. высадились в Мурманске, вслед за ними 5 апреля во Владивостоке высадились японский и английский отряды, Германия оккупировала Украину, Крым и некоторые другие территории России, перед советской дипломатией встали труднейшие задачи по урегулированию отношений с обеими коалициями.

В таких чрезвычайных обстоятельствах 30 мая 1918 г. Г.В. Чичерин был назначен на пост народного комиссара по иностранным делам РСФСР. На должности наркома Чичерин быстро снискал славу выдающегося российского дипломата.

Так, бывший долгие годы сотрудником германского посольства в Москве Г. Хильгер и историк А. Мейер признавали, что Чичерин умел представлять интересы своей страны «с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением»¹¹.

В.И. Ленин высоко ценил Г.В. Чичерина за его принципиальность, редкую эрудицию, высокие человеческие достоинства. Он писал о нем: «Чичерин работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить»¹².

С 1920 г. Советская Россия вступила в новый этап своего развития, в период нэпа. Необходимо было добиться установления принятых в международной практике дипломатических и экономических отношений советского государства с западными странами.

Дополнительная трудность при решении НКИДом задачи установления дипломатических и экономических отношений с зарубежными странами состояла в том, что руководство РКП(б) и Коминтерна в 1920 г. принимают решение, согласно которому Коминтерн и НКИД, несмотря на фактически разнонаправленные функциональные задачи, работали за рубежом, координируя свои действия.

Представляется сомнительным, чтобы Чичерин мог безоговорочно, без внутренней борьбы согласиться с «координацией» за рубежом работы НКИД и КИ, так как, можно предположить, понимал лучше других в Москве всю делкатность проведения на практике такого рода координации работы. По документам можно судить о трудностях, которые приходилось преодолевать Чичерину, и необходимости предпринимать срочные меры, не запрашивая согласия на то у руководства ИККИ¹³.

Поскольку блистательная дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина на европейском направлении, особенно на Генуэзской конференции и в Рапалло нашла широкое освещение в литературе, мы обратимся к роли Чичерина в китайской политике РСФСР — СССР.

Г.В. Чичерин с самого начала своей дипломатической и государственной деятельности уделял пристальное внимание внешней политике на Востоке. «Восточная политика Советского правительства, — утверждал он, — является вполне самостоятельной, чрезвычайно важной и, может быть, даже важнейшей областью его международной деятельности». Коллеги по наркомату в шутку называли Чичерина «главой восточной фракции в наркоминделе»¹⁴.

Общие принципы политики Советской России в отношении народов Востока были провозглашены с первых дней становления новой государственности. Принципиальная политика России в отношении Китая ярко проявилась, в частности, в ряде документов конца 1917 г., 1918—1919 гг. Назовем лишь главные из них: Письмо наркоминде-

ла РСФСР Г.В. Чичерина Сунь Ятсену от 1 августа 1918 г.; Решение Президиума ВЦИК от 2 декабря 1918 г. о прекращении взыскания с китайского правительства сумм, причитающихся в виде военного вознаграждения по заключенному протоколу 1901 г.; Обращение Совета Народных комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г.¹⁵ и другие, в которых Советская страна заявляла об отмене неравноправных договоров царской России с Китаем и установлении равноправных, добрососедских отношений между двумя странами.

В Соглашении от 31 мая 1924 г. правительство СССР воплотило дух своих послеоктябрьских деклараций. Оно добровольно отказалось в пользу Китая от концессий в Тяньцзине и Ханькоу, от консульской юрисдикции и экстерриториальности для своих граждан в Китае; оно также добровольно отказалось от всех привилегий, которые были предоставлены царской России на КВЖД — от права иметь в Китае свои войска, полицию, суд и от других военно-административных функций, которые были до того прерогативой российских властей на КВЖД и во всей полосе отчуждения этой дороги¹⁶.

Г.В. Чичерин лично участвовал в разработке политики в отношении стран Востока, историей и культурой которых он увлекался еще в университете. В ноябре 1921 г. Г.В. Чичерин, подчеркивая принципиальную позицию Советского государства в отношении стран Востока, писал, что «Россия ставит во главу угла своей восточной политики полную симпатию к стремлениям восточных народов к укреплению и развитию своей самостоятельной политической и экономической жизни»¹⁷.

Видимо, в связи с этим Чичерин в письме И.В. Сталину от 19 ноября 1921 г. выдвинул предложение о том, что советскому государству необходимо наряду с политической поддержкой освободительного движения на Востоке оказывать молодым национальным государствам помощь в развитии экономики, в подготовке кадров¹⁸. В.И. Ленин, ознакомившись с этим письмом, написал 20 ноября под текстом: «тов. Сталин! Не пришлете ли мне копию Вашего ответа Чичерину? По-моему, он прав»¹⁹.

В условиях стабилизации капитализма (1924—1928 гг.), когда становилось ясно, что мировая пролетарская революция в видимой перспективе не просматривается, руководство Советского Союза и КИ корректируют свою стратегию в виде перенесения главного акцента в их деятельности на активную поддержку национально-освободительных и национально-революционных движений в странах Востока. («восточный маршрут» революции.)

Г.В. Чичерин лично занимался проблемами китайской политики Советского Союза. Он фактически являлся одной из ключевых фигур, принимавших участие в разработке и корректировке политики этого направления. Особенно много неизвестных подробностей по этим вопросам содержится в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом.

Деятельность Чичерина по вопросам политики в Китае охватывала период (1918—1926 гг.), в течение которого происходили крупные перемены в истории этой страны. Наиболее важными из них были: образование КПК; становление и укрепление Южнокитайской революционной базы, возглавляемой Сунь Ятсенем; I съезд ГМД (январь 1924 г.) и создание единого антиимпериалистического фронта на базе сотрудничества ГМД и КПК; подписание советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г.; государственный переворот, совершенный в Пекине генералом Фэн Юйсяном 23 октября 1924 г.; антиимпериалистическое «движение 30 мая» 1925 г., положившее начало национальной революции 1925—1927 гг.; военно-политический переворот Чан Кайши в Кантоне 20 марта 1926 г.; Северный поход НРА, официально начавшийся 9 июля 1926 г.

Чичерин держал руку на пульсе всех этих событий, анализировал их, постоянно держал связь с полпредами СССР в Китае, особенно с Л.М. Караханом, в 1923—1926 гг. ориентировал их в сложных моментах по текущим вопросам их деятельности, давал им прямые директивы.

Г.В. Чичерин постоянно докладывал на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) о выполнении директив Политбюро, вносил предложения по решению текущих

проблем китайской политики. Он также был постоянным докладчиком на заседаниях Китайской комиссии Политбюро ЦК партии, как наркоминдел осуществлял связи с кантонским правительством.

После двух посещений и бесед военно-политической делегации Сунь Ятсена во главе с его начальником штаба Чан Кайши, находившейся в 1923 г. в Москве, с Г.В. Чичериным последний обратился с письмами к Г.Е. Зиновьеву от 1 ноября, затем — от 5 декабря 1923 г.²⁰, в которых выдвинул инициативу о необходимости создания комиссии при ИККИ «для наблюдения за отношениями с Гоминьданом».

В результате решения Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1925 г. была создана комиссия в составе: Фрунзе, Чичерина, Молотова и Петрова (Ф.Ф. Раскольников) (с заменой Войтинским) «для наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гоминьдану и сочувствующим ему группам»²¹. Впоследствии она стала известна как Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б). Создание этой комиссии, обладавшей широкими полномочиями, было вызвано, прежде всего, быстрым возрастанием в 1925 г. роли китайской политики во внешнеполитической деятельности Советского Союза и увеличением его советнической, военной и финансовой помощи национально-революционному движению в Китае. В связи с этим появилась необходимость централизации и координации участия в китайской работе различных советских наркоматов и ведомств.

Работа Г.В. Чичерина по подготовке к установлению официальных отношений Советской России с Китаем началась с 1920 г. Георгий Васильевич относился к ней весьма предусмотрительно, взвешивая все нюансы существовавшего внутреннего и международного положения Китая, который олицетворялся пекинским правительством²².

Первые шаги по установлению соглашения Советской России с китайским правительством в Пекине были совершены непосредственно в Китае А.К. Пайкесом, чрезвычайным уполномоченным и главой дипломатической миссии РСФСР, находившейся в Пекине с декабря 1921 по июль 1922 гг. Программа миссии Пайкеса была составлена в Москве в период советско-монгольских переговоров при непосредственном участии Г.В. Чичерина, Б.З. Шумяцкого и А.К. Пайкеса.

В инструкции Г.В. Чичерина от 11 ноября 1921 г. А.К. Пайкесу изложена политическая программа его миссии. Основные ее положения сводятся к следующему: 1) «систематически всегда принципиально поддерживать идею единства, независимости и суверенных прав Китая»; 2) «должны сноситься и принципиально решать вопросы с пекинским правительством как принципиальным носителем центральной власти в Китае»²³. Однако усилия А. Пайкеса выполнить поставленные перед ним задачи не достигли цели.

К этому времени деятельность представителей Советского Союза, КИ и его дочерних органов в Китае (Профинитерн, КИМ) значительно расширилась, постепенно увеличивала свое влияние КПК. В этих условиях Советский Союз и КИ продолжали дальнейшие контакты с Сунь Ятсеном. В результате нескольких встреч и бесед А.А. Иоффе²⁴ с Сунь Ятсеном в Шанхае 27 января 1923 г. было опубликовано Сообщение РОСТА о коммюнике полномочного представителя РСФСР в Китае А.А. Иоффе и Сунь Ятсена по поводу советско-китайских отношений²⁵. Сунь Ятсен и полпред РСФСР «обнаружили полное совпадение их взглядов на китайско-русские отношения», особенно по трем вопросам, беспокоившим Сунь Ятсена.

Прежде всего, Сунь Ятсен заявил, что в настоящее время в Китае не могут быть введены коммунистический строй или даже советская система, поскольку в стране нет условий, необходимых для их успешного утверждения.

Сунь Ятсен признал, что вопрос о КВЖД может быть разрешен лишь на компетентной русско-китайской конференции и заявил, что «действительное положение вещей вызывает потребность *modus'a vivendi* в вопросе о нынешнем управлении дорогой», и что он согласен с тем, что существующее управление должно быть временно реорганизовано соглашением китайского и российского правительств.

Что касается эвакуации русских войск из Внешней Монголии, Сунь Ятсен считал немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии «ни действительно необходимой, ни соответствующей действительным интересам Китая».

Для руководства РСФСР высказанные Сунем позиции представляли несомненный интерес и учитывались в китайской политике.

Главные усилия Г.В. Чичерина в 1923—1924 гг. по китайской политике были направлены на достижение признания Китаем Союза ССР де-юре, установление официальных дипломатических и консульских отношений с пекинским правительством, а также на то, чтобы наладить отношения с генералом Чжан Цзолинем прежде всего по решению проблем КВЖД, а затем заключить официальное соглашение с мукденским правительством по всему спектру существующих проблем. И третье направление — по существу коминтерновская работа, в которой должен был участвовать и НКИД, относилось к национально-революционному движению — создание единого национального антиимпериалистического фронта на базе сотрудничества ГМД и КПК.

В 1923 г. после возвращения А.А. Иоффе Советское правительство предложило Пекину перенести переговоры в Москву. В связи с отказом от этого предложения в Москве встал вопрос, кого направить в Пекин. Г.В. Чичерин, считавший что «Восточные дела — сложнейшие, важнейшие, требующие конкретного знакомства»²⁶, предложил направить в Пекин для переговоров с правительством Китая об установлении дипломатических отношений Л.М. Карахана²⁷.

В августе 1923 г. Л.М. Карахан выехал в Китай в качестве главы дипломатической миссии в ранге чрезвычайного полномочного представителя СССР в Китае. По пути следования Карахан побывал в Харбине и Мукдене специально для предварительных переговоров с Чжан Цзолинем и 2 сентября прибыл в Пекин. Всюду по пути следования Карахана приветствовали многочисленные делегации. По его прибытии в Пекин началась активная дипломатическая деятельность, а также пропагандистская работа с целью разъяснения китайской общественности политики СССР в отношении их страны. На Карахана была возложена также обязанность вести переговоры с Японией, чем он также занимался.

Деятельность Л.М. Карахана в Китае проходила под непосредственным руководством Г.В. Чичерина по всем принципиальным вопросам. Все подробности разработки в Москве и осуществления этой политики в Китае, директивы наркома полпреду, регулярная информация Л.М. Карахана о положении в Китае и его работе, а также его оценки происходивших событий в стране и предложения о возможном решении возникавших проблем впервые стали известны из недавно опубликованной переписки И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом.

Еще до отъезда Л.М. Карахана в Китай, в Москве уже сложилась оценка положения в этой стране и приняты направления политики СССР в отношении пекинского правительства, а также Чжан Цзолиня и Сунь Ятсена. Цель состояла в создании национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунь Ятсеном, с руководящим влиянием тех групп, которые в Москве объединялись под словом «Гоминьдан». Пекинское правительство оценивалось в этих планах «совершенно игрушкой» в руках у дипломатического корпуса, с одной стороны, и Цао Куня, У Гэйфу и Фэн Юйсяна, с другой стороны. Исходя из этого, в Москве считали, что оно не является той политической силой, с которой Советская Россия могла бы твердо договориться и, опираясь на которую, можно было бы развить «нашу работу в Китае». Ближайшие задачи связывались с разрешением вопросов по КВЖД, которые, могут быть решены, по мнению Москвы, только с Чжан Цзолинем²⁸.

Все эти планы были мало реалистичны, так как строились на отрывочной информации из Китая и без учета реального соотношения сил Сунь Ятсена и региональных дущюней, которые не допустили бы Суня к руководству пекинским правительством ни при каких обстоятельствах.

В 1923 г. Советский Союз и КИ сделали свой выбор на сотрудничество в пользу кантонского правительства Сунь Ятсена, рассматривая часть территории провинции Гу-

андун, подвластной этому правительству, как главную опорную базу для работы по ее укреплению и расширению национально-освободительного движения в Китае.

По просьбе Сунь Ятсена в начале октября 1923 г. в Кантон стали прибывать советские военные советники. 6 октября 1923 г. прибыл и М.М. Бородин (Грузенберг), которого Сунь Ятсен назначил советником по реорганизации ГМД (позже он стал политическим советником ЦИК ГМД и кантонского правительства).

С 1924 г. Сунь Ятсен стал получать из Советского Союза финансовую помощь и оружие²⁹. Г.В. Чичерин в 1923—1926 гг. постоянно принимал участие в работе по оказанию помощи Кантонскому правительству, через него шла финансовая и другая помощь Кантону.

В связи с затянувшимися переговорами Карахана с представителем китайского правительства Ван Чжэнтином Г.В. Чичерин дал указание советскому полпреду настаивать в первую очередь на официальном признании Китаем Советского Союза — установлении дипломатических связей и консульских отношений. А соглашения по ряду конкретных вопросов оставить до советско-китайской конференции. В противном случае китайской стороной немедленно будут поставлены вопросы о КВЖД, Внешней Монголии и другие, что затянет подписание главного документа. В этом направлении и вел напряженную работу полпред СССР.

25 февраля 1924 г. советская и китайская делегации договорились о порядке переговоров. К 1 марта был разработан проект соглашения. Ван Чжэнтин 3 марта вручил президенту Цао Куню этот проект. 13 марта кабинет министров одобрил проект соглашений, и уполномоченные Советского Союза и Китая парафировали их³⁰.

Однако 14 марта пекинское правительство заявило, что Ван Чжэнтин не имел должных полномочий для подписания соглашений, и его подпись была дезавуирована. Об этом Карахану стало известно лишь вечером 15 марта.

16 марта 1924 г. Г.В. Чичерин направил китайскому представителю в Москве письмо, в котором с сожалением уведомил его о том, что под давлением Франции и других держав³¹ китайское правительство отказалось утвердить соглашение и указало, что ответственность за этот отказ всецело ложится на пекинское правительство³².

Срыв подписания Соглашения и переговоров, как информировал Карахан Г.В. Чичерина, «вызвал очень большое оживление и большое общественное движение, обострил отношения в самом кабинете, обострил отношения между кабинетом и У Пэйфу и отдельными дучжюнями, на которых этот кабинет держится». Что касается У Пэйфу, то он требовал немедленного подписания Соглашения и присылал телеграмму за телеграммой на имя президента, кабинета, министра и Ван Чжэнтина³³. Срыв переговоров вызвал также недовольство общественных кругов Китая.

Советско-китайские переговоры возобновились через два месяца, 21 мая. После внесения некоторых исправлений, предложенных пекинскими властями, 29 мая Л.М. Карахан и министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь окончательно согласовали проекты соглашений³⁴. 30 мая их утвердило китайское правительство. 31 мая состоялось подписание известного Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой.

Таким образом, этот главный вопрос был решен, и нет сомнения, что большая заслуга в этом принадлежит Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану. В связи с этим приведу мнение американского историка О'Коннора: «И хотя не он был творцом политического курса государства — это входило в компетенцию Ленина и других членов Политбюро, — при Чичерине складывался дипломатический стиль, его деятельность во многом способствовала росту престижа советской дипломатии в 20-х годах, повышению авторитета и признанию Советской России»³⁵. Немалую роль играло и укрепление международного положения СССР в 1924 г.

При разработке в 1920-х годах *политики в отношении КВЖД* и связанных с ней проблем Советскому Союзу необходимо было рассматривать ее сквозь призму общей китайской политики, увязывая с отношениями с пекинским и мукденским правительст-

вами, а также с Японией. Нужно также было иметь в виду, что КВЖД в 1918–1925 гг. играла важную роль в международных отношениях в регионе, будучи объектом, с одной стороны, споров между Советской Россией — СССР и Китаем, затем с Японией, с другой — причиной серьезных столкновений европейских стран, США и Японии, как с Китаем, так и Союзом ССР³⁶.

Принципиальная позиция советского государства в отношении КВЖД была озвучена Г.В. Чичериным в докладе на V съезде Советов 4 июля 1918 г. Он заявил, что Китай был уведомлен о том, что РСФСР отказывается от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливает суверенные права Китая на той территории, по которой протекает важнейшая торговая артерия — КВЖД — собственность китайского и русского народа и принадлежащая только этим народам и никому более³⁷.

Китайское правительство в то время никак не отреагировало на это официальное уведомление.

Советское руководство осознавало, что КВЖД необходимо будет передать Китаю. Вопрос состоял лишь в том, когда, при каких обстоятельствах и на каких условиях будет реализовано это намерение.

Первым шагом на пути формирования конкретной позиции страны Советов в отношении КВЖД явилось положение в инструкции, которую вручил Г.В. Чичерин 11 ноября 1921 г. главе первой миссии РСФСР в Пекине А.К. Пайкесу. В ней содержались первоочередные на тот момент указания по вопросу о КВЖД. «Главное для нас, — указано в инструкции, — это управление — необходимость тройственного управления [Россия, ДВР, Китай]». Чичерин пояснил, что необходимость придать этому характер временной меры, вызвана ненормальностью положения, в особенности в Маньчжурии, необходимостью ограждения безопасности границ ДВР и товарообмена от всяких нападений белоохранителей³⁸. То есть причина была главным образом ситуативная.

Но 11 декабря 1921 г. Чичерин дополнительно телеграфировал Пайкесу. Заключительная фраза телеграммы «о наших проектах» относительно КВЖД была следующей: «Речь идет только о смешанном управлении при юридическом признании китайского владения»³⁹.

16 декабря при первой беседе Пайкеса с министром иностранных дел пекинского правительства Ян Хойцином, советский представитель заявил, что китайское правительство должно быть заинтересовано в том, чтобы КВЖД действительно досталась Китаю и не перешла в руки третьих стран, а также подчеркнул, что собственником дороги являются исключительно Советская Россия и Китай, с чем Ян Хойцин согласился⁴⁰.

Нарком Чичерин продолжал направлять указания Пайкесу. 9 января 1922 г. он, в частности, добавил: «Что касается КВЖД, мы требуем присутствия наших гарнизонов в полосе отчуждения в качестве друзей Китая». Он уточнял, что пребывание гарнизонов там будет временным, вплоть до окончательного успокоения страны и ухода всяких иностранцев и белоохранителей. Но совершенно ясно, — указывал он, — что при всевозможных семеновцах, капелевцах и японских гарнизонах мы не можем обойтись без введения туда наших гарнизонов. Он указывал, что Советская Россия передаст железную дорогу Китаю безвозмездно (когда — не указано. — А.К.), не требуя с него никаких возмещений наших расходов, «и именно поэтому мы вправе требовать для себя военных и экономических гарантий, то есть введения наших гарнизонов и совместного управления»⁴¹.

Однако А.К. Пайкесу не удалось выполнить поставленные задачи. Как считает С.Г. Лузянин, Пайкес «был в какой-то степени заранее обречен на неудачу, так как имел тактически неверную установку на замалчивание Советско-Монгольского соглашения»⁴².

М.С. Капица высказал другое мнение. Он считал, что миссии Пайкеса так и не удалось начать официальные переговоры с пекинскими властями, и «причина была не в так называемом монгольском вопросе, а в том, что на Вашингтонской конференции на Китай был оказан державами сильный нажим с целью не допустить заключения советско-китайского соглашения»⁴³. Думаю, что значение имело и то, и другое.

Советская Россия настойчиво продолжала усилия с целью установления официальных дипломатических отношений с Китаем, а также заключения торгового договора и соглашения о КВЖД. Эти задачи были возложены на вторую миссию в Китай во главе с полномочным представителем РСФСР А.А. Иоффе.

В утвержденной Политбюро ЦК РКП 31 августа 1922 г. телеграмме в адрес Иоффе по вопросу о КВЖД указано лишь на необходимость «предусмотреть ряд гарантий и преимуществ для нас, разработанных ведомствами в инструкции т. Пайкесу», требовавшей «равномерное участие» в управлении КВЖД Россией, ДВР и Китаем»⁴⁴.

После разгрома японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке и Приморье ДВР с 11 ноября 1922 г. прекратила свое существование и вошла в состав РСФСР. Еще накануне, 22 октября правительство ДВР передало И.И. Иоффе свои полномочия на переговоры с Китаем с заключением соглашения.

В новой обстановке КВЖД приобрела для РСФСР большое практическое экономическое значение как средство связи Владивостока и Приморского края с Центральной Россией.

Предложение делегации РСФСР договориться с Пекином о совместном использовании КВЖД не было принято китайской стороной, заявившей, что согласно Обращению Совнаркома РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. за подписью Л.М. Карахана, специальный пункт якобы гласил о безвозмездной передаче КВЖД Китаю. В одном из первоначальных проектов такой пункт, действительно был, однако Карахан вычеркнул его, и экземпляры, которые были подписаны им, не содержат этого пункта⁴⁵.

Но в Москве на передний план было выдвинуто как реальное и необходимое положение — добиться совместной эксплуатации КВЖД Советским Союзом и Китаем из-за опасения, что дорога может попасть в руки третьих стран. В инструкции Г.В. Чичерина Иоффе по вопросу о КВЖД нарком давал жесткие указания о том, что при переговорах мы не должны делать никаких уступок по вопросу о КВЖД. «Мы признаем теоретически собственность китайского народа на КВЖД, — писал Г.В. Чичерин, — но, безусловно, требуем себе права военных гарнизонов и управления КВЖД посредством смешанной комиссии»⁴⁶.

Официальные советско-китайские соглашения, касающиеся вопросов управления КВЖД, были заключены лишь в 1924 г. уже при изменившемся международном положении СССР.

Отмечу, что 31 мая 1924 г. после подписания советско-китайского Соглашения в тот же день обе стороны подписали Соглашение между Союзом ССР и Китайской Республикой о временном (до конференции)⁴⁷ управлении КВЖД, в котором было обозначено, что для обсуждения и решения всех вопросов, касающихся КВЖД, создается Правление железной дороги, состоящее из 10 человек, по 5 человек со стороны СССР и Китайской Республики, председателем Правления КВЖД будет гражданин Китая, управляющим КВЖД — гражданин СССР⁴⁸.

Чичерин предвидел, что выполнение подписанного о КВЖД соглашения, будет представлять массу трудностей, из-за постоянных новых требований Чжан Цзолина⁴⁹.

Г.В. Чичерин в секретном письме Карахану от 28 июня 1924 г. вторично затронул вопрос — о необходимости иметь Советскому Союзу на КВЖД в существующей обстановке свои гарнизоны⁵⁰.

В результате длительных переговоров советской стороны с Мукденом и с учетом положений по вопросам КВЖД, содержащимся в Советско-Китайском соглашении от 31 мая 1924 г., в Мукдене было заключено Соглашение от 20 сентября 1924 г., согласно которому КВЖД является чисто коммерческим предприятием.

Однако, несмотря на подписанное соглашение о временном совместном управлении КВЖД, мукденские власти препятствовали проведению в жизнь Соглашения, постоянно нарушали права Советского Союза на КВЖД.

В то же время и в действиях некоторых руководящих советских работников на КВЖД имели место серьезные нарушения принципиальной политики СССР в Китае. Так, до наркома дошли сведения о том, что управляющий КВЖД А.Н. Иванов и генеральный консул в Харбине Грандт склонны пренебрегать китайцами и не считаться с ними. «Это громадная ошибка, — писал Чичерин полпреду, — надо выказывать должное внимание китайским членам Правления. Надо спрашивать их мнения»⁵¹.

К концу 1925 г. — началу 1926 г. стали известны серьезные недостатки и ошибки, нарушавшие принципиальную политику СССР в отношении Китая, в деятельности советских советников, работников хозяйственных органов и других работников в Китае, особенно на КВЖД, остро стоял вопрос об отношениях с Японией. В связи с этим 14 января 1926 г. Политбюро утвердило авторитетную комиссию в составе А.С. Бубнова (председатель), И.И. Лепсе, Н.К. Кубяк, включен в комиссию был и полпред СССР в Китае Л.М. Карахан. Комиссии надлежало срочно выехать в Китай, выяснить положение в стране и информировать Политбюро; принять на месте совместно с Караханом все необходимые меры, поскольку они не нуждаются в санкции Политбюро; проверить, насколько обеспечен правильный подбор посылаемых в Китай работников и как они инструктируются⁵².

Через неделю на КВЖД произошел крупный конфликт, в том числе 21 января арестован управляющий дорогой А.Н. Иванов. В тот же день Политбюро приняло постановление поручить НКВД ограничиться применением для защиты интересов СССР на КВЖД мер дипломатического характера как по отношению к Китаю, так и по отношению к Японии⁵³, а также по докладу Чичерина о КВЖД было предложено комиссии т. Бубнова ускорить свой отъезд в Китай, в первую очередь ознакомиться с положением дела на КВЖД и подробно информировать об этом Политбюро.

22 января 1926 г. Г.В. Чичерин направил телеграмму временному Верховному Правителю КР Дуань Цижую и министру иностранных дел Ван Чжэнтину.

Г.В. Чичерин писал, что «Мы ожидаем от китайского правительства принятия необходимых мер для мирного разрешения вопроса, чтобы в трехдневный срок было достигнуто полное восстановление порядка на КВЖД, осуществление договора и освобождение т. Иванова».

В случае, если по каким-нибудь причинам Китайское правительство окажется не в состоянии обеспечить в мирном порядке разрешение этих вопросов в указанный срок, Советское правительство просит китайское правительство разрешить СССР собственными силами обеспечить осуществление договора и защитить обоюдные интересы Китая и СССР на КВЖД»⁵⁴.

25 января Политбюро приняло постановление: «считать, что состояние «ультиматума» после освобождения т. Иванова [24 января] прекратилось. Кроме того, дано задание в дальнейших переговорах в дополнение к соглашению, подписанному А.А. Краковецким (консул в Мукдене), настаивать на выполнении обещания об освобождении всех лиц, арестованных в связи с конфликтом на КВЖД, и на привлечении к ответственности лиц, виновных в насилиях над служащими и рабочими на КВЖД; на соблюдении договора о КВЖД и устава железной дороги и др.; Чичерину вменялось в обязанность подготовить интервью с освещением всего конфликта в Маньчжурии в целом, с предварительной рассылкой всем членам Политбюро. И, наконец, еще один пункт постановления: «сосредоточение войск на границе, согласно распоряжению, сделанному РВС, пока не приостанавливать»⁵⁵.

Акция с сосредоточением советских войск у границ Маньчжурии вызвала резко отрицательное отношение в рядах китайской общественности, а китайская печать, особенно антисоветской направленности, широко распространяла легенду о готовящейся агрессии Советского Союза в Китай⁵⁶.

4 февраля 1926 г. Политбюро заслушало информацию о КВЖД, рассмотрело текст интервью Чичерина и поручило ему изменить проект, согласно обмену мнений в Политбюро, и опубликовать интервью в печати 5 февраля⁵⁷.

Чичерин в тот же день дал интервью московским журналистам о конфликте на КВЖД. Он сказал, что бесчинства на КВЖД, начавшиеся 6 января, первоначально имели своей целью добиться бесплатности воинских перевозок вопреки имевшейся договоренности сторон. В дальнейшем начался захват железной дороги военными властями с устранением договорной администрации, арест управляющего КВЖД Иванова, массовые аресты железнодорожников, обыски, закрытие профсоюзов.

Советское правительство, говорил Чичерин, не хотело действовать помимо существующего в настоящее время государственного органа китайского народа. Он добавил, что китайское правительство немедленно отреагировало на обращение к нему Советского правительства и обратилось к Чжан Цзолиню с требованием о восстановлении на КВЖД договорного порядка. Переговоры советского консула Краковецкого с Чжан Цзолинем привели к благоприятному результату.

Январский конфликт 1926 г. на КВЖД настоятельно потребовал от советского руководства внимательно изучить положение в Китае и принять срочные меры для внесения корректив в советскую политику в Маньчжурии и в отношениях с Японией. В этих целях 18 марта 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало вопросы НКВД — о Японии и о КВЖД. По первому вопросу постановило утвердить вторую комиссию Политбюро в составе Троцкого, Чичерина, Ворошилова, Рудзутака и Трилиссера (известная как Комиссия Троцкого) с заданием ознакомиться с материалами о Японии и с вопросом об изменении методов работы в Китае.

По вопросу о КВЖД Политбюро приняло персональные решения: «а) Сменить т. Иванова, назначить вместо него Емшанова.; б) Провести чистку на КВЖД с устранением всех тех ответственных работников, которые скомпрометировали себя великодержавностью и шовинизмом. В дальнейшем твердо вести советский курс со стороны всей администрации КВЖД»⁵⁸.

Г.В. Чичерин, привыкший к успехам в своей дипломатической деятельности, проявил мужество самокритично признать ошибки, совершенные Советским Союзом на КВЖД. Разумеется, не он единолично решал эти вопросы, но факт остается фактом, что в течение нескольких первых лет ее формирования в Москве не смогли разглядеть ее несбалансированность, проявившуюся особенно остро в 1926 г. Он весьма подробно изложил в письмах Л.М. Карахану от 16 марта и 4 мая 1926 г.⁵⁹ причины «наших неудач» на Востоке и особенно на КВЖД, в Маньчжурии. Главную причину неудач советской политики на Востоке Г.В. Чичерин усматривал в противоречии между «нашей исторической сущностью и нашими фактическими империалистическими методами». Он отметил, что в экономической области такие методы проявляются в работе хозорганов и в Маньчжурии, и в Монголии... Чичерин считал, что это противоречие в китайской политике нигде не проявляется «так ярко, как на КВЖД, и нигде поэтому наша политика не подвергается такой опасности». Чичерин признал, что Советский Союз за истекшие несколько лет проводил линию «усиления власти управляющего, и теперь видно до какой степени последствия этого вредны». Получилось, что китайцев третируют, правление низводится лишь до украшения, китайцы систематически устраняются и пр. Нарком беспощадно осуждает единодержавие управляющего⁶⁰. Чичерин считал недопустимым использование КВЖД в политических целях.

Нарком возложил лично на советского полпреда в Китае Карахана обязанность проведения линии, которая вытекала бы из общих основ советской восточной политики вообще и китайской в частности, линии солидарности с китайским народом.

1 апреля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело проект резолюции, подготовленной комиссией по вопросам советской политики в отношении Китая и Японии и утвердило его с поправками и дополнениями⁶¹.

В этом документе озаглавленном «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» прежде всего отмечались изменения в международной обстановке, которая в связи с известной стабилизацией Европы, Локарнскими договорами и особенно «*постановкой империалистами китайской проблемы в полном объеме*» (курсив документа. — А.К.) стала

несравненно трудной. Ухудшилась внутренняя обстановка в Китае «на ближайший период» в связи с поражением и отступлением Национальной армии Фэн Юйсяна. Учитывая все эти обстоятельства, Комиссия пришла к выводу, что в этих новых условиях «руководящие революционные силы Китая, а тем более Советское государство, должны сделать все, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая». Для достижения этой цели предлагалась фактически тактика временного отступления. Так, в связи с тем, что «крайне опасной для китайской революции в настоящий момент может стать Япония», предлагалось «добиться здесь передышки», что означало на деле «отложить» вопрос о государственной судьбе Маньчжурии, то есть фактически примириться с тем, что Южная Маньчжурия останется на ближайший период в руках Японии⁶².

Такая политическая ориентировка не могла не задевать национальные чувства китайцев. Поэтому в документе была разработана целая система мер для исключения возможности «ложного истолкования этой политики» общественным мнением революционных сил «как жертву интересами Китая в целях улажения межгосударственных отношений СССР и Японии». Утверждалось, что Советскому государству нужно продление передышки так же, как и китайскому революционному движению.

Между тем в действительности, что касается последнего, о передышке вряд ли могла идти речь. Все еще продолжалась Сянган-Гуанчжоуская забастовка, развивалось рабочее движение, III съезд профсоюзов Китая и съезд крестьянских союзов (май 1926 г.) выступили в поддержку готовившегося Чан Кайши и его окружением Северного похода НРА.

Комиссия Политбюро провела дальнейшую работу по корректировке советской политики в отношении КВЖД: закреплялось положение, что основным элементом договоренности с Маньчжурией является выработка строго делового режима на КВЖД; утверждалась точная согласительная процедура (на паритетных началах) для всех спорных или конфликтных вопросов; в случае каких-либо осложнений вопрос переносился в Мукден и т.д.

Запрещалось предъявление китайским властям любых ультиматумов⁶³. Чтобы оградить на ближайший период дорогу от захвата ее империалистами, в документе требовалось сейчас же предпринять широкие меры культурно-политического характера для китайской дороги.

С другой стороны, указывалось на необходимость «теперь же тщательно собрать (и выяснять в дальнейшем) все случаи произвола и насилия «со стороны военщины, полицейщины и белогвардейщины» по отношению к русским рабочим и служащим КВЖД.

Неоднократно было выражено требование к соответствующим советским органам и лицам проводить линию, основанную на величайшем внимании к правам Китая, на подчеркивании его суверенитета, в разных формах заявлять, что советская политика устраняет мысль о каких бы то ни было интервенциях в Китай со стороны СССР.

Советский Союз продолжал выдвигать конструктивные предложения с целью нормализовать обстановку на КВЖД. Однако Чжан Цзолинь уходил от их обсуждения и теперь настаивал на отзыве Карахана⁶⁴ из Китая. На этом требовании настаивала и китайская реакция.

В письме от 25 мая 1926 г. Г.В. Чичерин дал прямые указания Л.М. Карахану: «В общей линии нашей политики чрезвычайно важное место занимает стремление наладить хорошие отношения с Мукденом и сблизиться с Японией⁶⁵».

Однако наладить «хорошие отношения» с Мукденом по вопросу о КВЖД Советскому Союзу не удалось. 13 декабря 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело требования Чжан Цзолиня для дальнейших с ним переговоров⁶⁶. 26 мая 1926 г. состоялось открытие Советско-Мукденской конференции. Переговоры оказались безуспешными и были прерваны. 21 августа 1926 г. Чжан Цзолинь предъявил Правлению КВЖД требования о передаче мукденским властям всех судов КВЖД, ликвидации учебного отдела дороги и передачи всех школ Управлению народного просвещения⁶⁷. Требование отозвать Л.М.

Карахана, как показало последующее поведение Чжан Цзолия, не было главным, важным для него оставался все тот же вопрос — получить КВЖД в собственность Китая⁶⁸.

Что касается *Внешней Монголии* и советской монгольской политики в советско-китайских отношениях, то истоки последней относятся еще к дореволюционному российско-китайскому соперничеству на территории Внешней Монголии в торговых отношениях⁶⁹.

Прежде, чем перейти к вопросу о монгольской политике РСФСР — СССР, мы коротко приведем два исторических обстоятельства в российско-китайско-монгольских отношениях. Не рассматривая здесь историю теократической Монголии⁷⁰, отметим лишь, что в результате длительных переговоров 25 мая 1915 г. состоялось подписание соглашения между Россией, Внешней Монголией и Китаем в Кяхте. Согласно этому тройственному соглашению международно-правовое положение Внешней Монголии определялось следующим образом: «Внешняя Монголия признает над собой суверенитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории». В соответствии с этим соглашением Внешняя Монголия лишалась права иметь свое дипломатическое представительство за границей, а также заключать с иностранными державами договоры по политическим и территориальным вопросам⁷¹.

Однако в октябре 1919 г. китайское правительство лишило Монголию автономии.

Второе обстоятельство заключалось в том, что освободительное движение монголов-революционеров с 1920 г. развивалось довольно быстро в немалой степени благодаря непосредственным контактам с представителями НКВД РСФСР, Коминтерна, Сиббюро ЦК РКП(б) и Дальбюро ЦК РКП(б), а также с Секцией восточных народов, образованной по решению ЦК РКП(б) Сиббюро в августе 1920 г.

В январе 1921 г. на основе Секции восточных народов был создан Дальневосточный секретариат ИККИ, с которым представители монгольских революционеров также находились в постоянном контакте.

Во время пребывания делегации Данзана в Москве в беседах наркома Г.В. Чичерина и Я.Д. Янсона с делегацией советская сторона обещала военно-финансовую помощь — оружием, кредитами и обмундированием. В результате для начала НКВД стал отпускать монгольским революционерам серебро и ценности⁷².

В условиях гражданской войны историческое значение для монгольских революционеров имела их встреча и беседа 5 ноября 1921 г. с В.И. Лениным, который дал им ряд важных советов по принципиальным вопросам освободительного движения монгольского народа, о значении и роли политической партии и ее характере в Монголии на то время⁷³.

Вскоре после возвращения делегации из Москвы 1—4 марта 1921 г. в пограничном русском городе Троицкосавске состоялся I учредительный съезд МНРП, на котором представитель Коминтерна высказал готовность КИ оказать помощь монгольскому народу, МНРП в их борьбе за свободу и независимость страны. Съезд принял решение иметь при ЦК партии представителя Коминтерна⁷⁴. В качестве главной задачи съезд МНРП в принятой программе выдвинул завоевание национальной независимости и установление народовластия.

13 марта 1921 г. в Троицкосавске на совещании было создано Временное революционное народное правительство Монголии, руководимое МНРП. Совещание наметило основные задачи Временного народного правительства⁷⁵.

Переходя к вопросу о формировании монгольской политики Советского государства, следует иметь в виду, что Внешняя Монголия имела для Советской России важное геополитическое значение. У них была общая протяженная граница. Монголия была своеобразной буферной зоной в случае агрессии на Советский Союз с востока. Немалое значение Монголия имела и в годы Гражданской войны в России, поскольку она (Монголия) являлась убежищем для белогвардейских и других антисоветских банд разного толка, враждебных также и Внешней Монголии, с которыми своими силами она справиться не могла.

Как уже отмечалось выше, в 1919 г. Китай восстановил свой суверенитет над Внешней Монголией, было устранено Омское правительство, усиливалось влияние Японии. Руководству РСФСР необходимо было с учетом этих факторов разработать полити-

ку и тактику в отношении Внешней Монголии, с целью помочь ей, сохранить свои интересы в Монголии и в то же время избежать в связи с этим напряжения с Китаем.

В обстановке, когда в 1921 г. советские войска разгромили отступавшие на территорию Внешней Монголии отряды барона Унгерна, Г.В. Чичерин 15 июня 1921 г. направил через Министерство иностранных дел ДВР правительству Китая заявление, в котором разъяснялось, что Россия и Китай имеют общих врагов, как, например, Унгерн, установивший свою власть в Монголии. Нападения белогвардейцев на Советскую Россию и союзную ей ДВР привели к военным действиям, что заставило советские войска, нанося ответные удары, пересечь границу Монголии⁷⁶. «Сражение с унгернскими бандитами продолжается в интересах самого Китая», — пояснял Чичерин. Далее в заявлении нарком указал, что российское правительство категорически заявляет, что оно ведет борьбу с Унгерном на базе признания прав Китая и что «русские войска эвакуируются из Монголии, коль скоро их задача будет выполнена»⁷⁷.

Китайские власти игнорировали это заявление, но два главных его положения — русские войска своевременно эвакуируются из Монголии и Советская Россия признает права Китая над Монголией — оставались неизменными в дальнейших советско-китайских переговорах.

В письме от 9 января 1922 г. Чичерин дал Пайкесу четкие указания о позиции РСФСР по монгольскому вопросу, а именно: «Из Монголии мы не можем вывести наши войска, пока Монголии грозит опасность со стороны всяких белогвардейцев и бандитов. Наши войска находятся там по просьбе самого монгольского правительства. Их присутствие там не связано с отношениями между Монголией и Китаем»⁷⁸. А 31 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило текст телеграммы полпреду Иоффе. В ней говорилось, что вопрос о государственно-правовом положении Монголии и выводе войск из нее должен быть решен соглашением России, Китая и Монголии и что при этом недопустимо устранение самой Монголии. «Это не противоречит тому, что мы признаем суверенитет Китая над Монголией»⁷⁹.

Во время переговоров А.А. Иоффе с представителями пекинского правительства китайская сторона при обсуждении монгольского вопроса вновь настаивала на выводе советских войск из Внешней Монголии. Располагая сведениями из печати о подписании секретного соглашения между РСФСР и Монголией, Пекин заявил, что не признает никаких соглашений, заключенных между правительствами Советской России и Внешней Монголии. 15 ноября 1921 г. Иоффе подтвердил, что действительно 5 ноября в Москве было подписано соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии о восстановлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Он добавил, что текст соглашения опубликован в официальных изданиях. Этим соглашением отменялись все договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством России и бывшим правительством автономной Монголии и никаких покушений на суверенитет Китая в соглашении не содержалось⁸⁰.

Интерес представляет оценка Г.В. Чичериным советской политики по монгольскому вопросу после того, как в Монголии уже существовало народное революционное правительство, и в связи с этим о перспективах советской политики в Монголии. Создание народно-революционного правительства в Монголии, по его оценке, было «одним из крупнейших успехов нашей политики». И что было важным, с его точки зрения, что «советизации там нет, и для нее в Монголии нет почвы». В Москве это хорошо понимали и не навязывали исторически не свойственных для того времени каких-либо форм власти. По мнению Чичерина, созданное в Монголии правительство — это «хорошее демократическое народное правительство первобытной национальности, представляющей благоприятную почву для такого строя, может быть целиком в руках Унгерна с его белогвардейцами и помогавшими ему японцами. Народные массы Монголии, — писал, далее Чичерин, — ждали нас и шедшую вместе с нами революционную монгольскую армию как избавителей... Са-

ми монголы умоляют нас не уходить и оставить * гарнизон в Урге для защиты их от всяких белогвардейцев, японцев, хунхузов и от войск Чжан Цзолия. Мы не имеем права бросить их на произвол судьбы». Чичерин видел и другую сторону такой позиции. «Это противоречит элементарнейшим нашим интересам, — пояснил он, — ибо Монголия в руках белогвардейцев, японцев, или других авантюристов держала бы громадную нашу сибирскую границу под вечной угрозой». Исходя из этого, Г.В. Чичерин дает четкие указания Иоффе, сделав упор на три положения советской монгольской политики: «Полное самоуправление и самоопределение Монголии должно быть неприкосновенным и нами поддерживаться»; «Претензии Китая будут в достаточной мере удовлетворены теоретическим признанием его суверенитета и в крайнем случае суверенитета без права вмешиваться в дела Монголии, в особенности без права держать там войска». Мы заявляем категорически, что наши войска останутся в Монголии по просьбе самого монгольского правительства лишь до тех пор, пока Монголия не может себя защитить. Их пребывание там временное...»⁸¹.

Монгольский вопрос снова был поставлен китайской стороной после возобновления прерванных китайским правительством переговоров в марте 1924 г.

Пекинские власти предложили внести в соглашение некоторые предложения, два из них касались Монголии: 1) Заявить об аннулировании не только договоров и соглашений, заключенных с третьими странами царским правительством, но и соглашений касавшихся Китая, заключенных после Октябрьской революции. (То есть речь шла об аннулировании советско-монгольского договора от 5 ноября 1921 г.).

2) Хотя порядок эвакуации частей Красной Армии из Монголии предполагалось обсудить на советско-китайской конференции, соответствующую статью соглашения уточнить таким образом, чтобы ясно был выражен суверенитет Китая над Монголией⁸². (В советско-китайском соглашении от 31 мая 1924 г. содержание этих предложений нашло отражение в статье 5⁸³).

Нет сомнения, что Г.В. Чичерин представлял себе, как будет воспринято в Монголии известие о подписании советско-китайского соглашения, содержащего указанные выше два положения.

Для смягчения настроений в руководстве Внешней Монголии в связи с предстоявшим подписанием советско-китайского соглашения в Москве разрабатывалась соответствующая тактика. Главным ее содержанием должна быть идейная пропаганда, направленная на изменение отношения монголов к китайцам, которые борются против империалистов. Новый полпред СССР в Монголии А.Н. Васильев, прибывший в Улан-Батор 3 января 1924 г., получил от Г.В. Чичерина инструкцию, в которой прямо указывалось обратить внимание на нежелательные антикитайские настроения в монгольском руководстве, что нужно сделать все для их искоренения и подводить монголов постепенно к осознанию «автономии в составе Китая на длительный период»⁸⁴.

В июне 1924 г. из Москвы от наркома Чичерина на имя монгольских руководителей пришла телеграмма, в которой говорилось о том, что СССР не ведет «двойную игру» за спиной Монголии, что Москва не бросает монголов на произвол судьбы и «один на один с Китаем», и что советские войска не уходят из Монголии, а «перейдут на службу к монгольскому правительству в качестве добровольцев»⁸⁵.

Накануне и после подписания соглашения от 31 мая 1924 г. в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана продолжается обсуждение разных сторон советско-монгольских отношений⁸⁶, в частности, что касалось подготовки к выводу советских войск из Монголии и в связи с этим необходимости оснащения Советским Союзом монгольской армии. Обсуждая вопросы о тактике в Монголии, Чичерин требовал считаться с настроениями самой Монголии, считаться с собственными стремлениями монголов.

Г.В. Чичерин 6 октября 1924 г. доводил до сведения Л.М. Карахана несколько измененный план защиты Монголии, состоявший в том, что находившаяся там советская часть будет пополняться бурятами, и с ее уходом останутся добровольцы-буряты. Одно-

* Так в тексте: имеется в виду «оставить».

временно много внимания уделялось Советским Союзом реорганизации военной школы в Урге с тем, чтобы она сделалась источником коммунистического ядра будущей монгольской армии. Уход наших войск из Монголии, — указывал Чичерин, — не должен произойти раньше середины 1925 г.»⁸⁷.

25 ноября 1924 г. Чичерин поставил Карахана в известность, как в Москве теперь решается военный вопрос для Монголии: «считается, что наши войска уже уведены, имеющиеся там 200 красноармейцев считаются охраной полпредства; центр тяжести монгольского военного вопроса переносится на монгольскую военную школу, где мы воспитываем коммунистический состав, на улучшение технического состава армии с нашим общим техническим персоналом...»⁸⁸ и т.п.

Что касается деликатного вопроса — Монголия в советско-китайских отношениях, то советская дипломатия при активном и постоянном личном участии в решении этого вопроса Г.В. Чичериным не приводила к обострению советско-китайских отношений.

Последние годы жизни и деятельности Г.В. Чичерина были отягчены многими обстоятельствами: прогрессирующая болезнь; тяжелая обстановка в НКВД, нагнетавшаяся рядом высокопоставленных деятелей наркомата; ссоры с рядом деятелей из высшего эшелона власти (в который Чичерин не входил) и прочее. Все это стало известно из прежде засекреченных документов, которые изучил и сделал достоянием читателей В.В. Соколов⁸⁹.

Как известно, Ленин ценил обширные знания, опыт и острый политический ум Чичерина, по важнейшим политическим вопросам их взгляды совпадали.

Более сложно складывались отношения Чичерина с другими членами Политбюро — Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, а также с некоторыми крупными работниками НКВД — М.М. Литвиновым, А.А. Иоффе, Л.А. Коппом. «Именно эти люди, — приходит к выводу В.В. Соколов, — сыграли немалую роль в том, что Чичерин слишком рано отошел от активной дипломатической работы»⁹⁰.

Новые «вожди» из рабочих — К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Я.Э. Рудзутак, пришедшие в Политбюро, не понимали Чичерина⁹¹.

Так, в секретном письме В.М. Молотову от 9 августа 1928 г. (копия Сталину и другим членам политбюро) Георгий Васильевич писал: «Положение будет нормальным и здоровым лишь тогда, когда во главе внешней политики будет лицо из внутреннего круга руководящих товарищей... Товарищ Ворошилов говорил на заседании Политбюро, что я больше защищаю интересы других правительств и упрекал меня моим происхождением; это ясно доказывает невозможность моей работы. Товарищ Рудзутак писал мне, что от моих писаний веет глупостью⁹²; высказывались и другие не менее «приятные» реплики».

Находясь на лечении за рубежом, Г.В. Чичерин не мог работать, но он не мог не читать, размышлять над происходившими на Родине событиями и проводимой руководством страны внешней политики, о положении в НКВД. И обо всем этом он писал в трех ставших известными письмах Сталину в 1929 г., в письмах Рыкову, Молотову, Карахану.

Письмо Чичерина Сталину от 22 марта 1929 г. было посвящено серьезным вопросам внешней политики, работе НКВД и многократным сокращениям его штата⁹³.

В письме Сталину от 20 июня 1929 г. Чичерин вновь обращается к противоречивым элементам внешней политики СССР, подрывавшим авторитет Советского Союза. Чичерин с возмущением писал, что «ложная информация из Китая привела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики (1923—1926 гг.))».

«Нет хуже несоответствия между тактикой и существующими силами», — писал он. И далее Чичерин перечисляет провалы акций компартий ряда стран Европы в результате допущенных ошибок, в том числе ошибок Коминтерна⁹⁴.

Георгий Васильевич резко высказывался против противоправной деятельности ГПУ / ОГПУ, осуждал политические процессы над священниками, социалистами-революционерами, так называемый шахтинский процесс и др., рассматривая их с точки зрения ущерба, который они наносят интересам советской внешней политики⁹⁵.

В отношении большого наркома Чичерина, учитывая его огромный авторитет в стране и на международной арене, Сталин проявлял достаточно такта и выдержки в свя-

зи с его «чуждачествами», прозрачной критикой политики советского руководства, регулярно отвечал на его письма, в копиях рассылал членам Политбюро письма Чичерина.

В начале января 1930 г. Чичерин выехал в Советский Союз, решив уйти на пенсию. Его просьба была удовлетворена 27 июля 1930 г.

Последние годы своей жизни Г.В. Чичерин жил уединенно, никого не принимал (даже родственников) и не давал никаких интервью. Его единственным другом оставалась музыка Моцарта.

Г.В. Чичерин умер 7 июля 1936 г. и 9 июля был похоронен на Новодевичьем кладбище.

В заключение хотелось бы отметить бесценное наследие Георгия Васильевича Чичерина, а также его усилия для установления и развития дружбы народов России и Китая. Еще в 1922 г. Чичерин говорил: «Советская Россия и Китай — естественные союзники, и в этой дружественной политике между ними предстоит будущее»⁹⁶.

1. В 1918–1930 гг. — народный комиссар по иностранным делам РСФСР (1918–1922 гг.) и СССР (с декабря 1922 г. по 1930 г.), в 1918–1928 гг. — член ЦИК и ВЦИК СССР, в 1920–1921 гг. — кандидат в члены ИККИ, где отвечал за связь ИККИ с НКВД, в 1925–1930 гг. — член ЦК РКП(б) / ВКП(б), в 1925–1927 гг. — член Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б).
2. Приведем наиболее известные из них: *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // *Международная жизнь* (далее — МЖ). 1991. № 2; *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин // *НИИИ*. 1994. № 2. С. 3–18.; *Горохов И., Замятин Л., Земсков И.* Г.В. Чичерин — дипломат ленинских школы. М., 1973; *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1975 (Серия «ЖЗЛ»); Историческая родословная благородных дворян Чичериных, собранная из достоверных известий Игуменом Ювеналием Воейковым. Тамбов, 1914; *Лавров С.В.* Вступительная статья к книге: Г.В. Чичерин. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009; Ленин В.И. ПСС. Статьи и письма. Т. 35, 37, 40, 42, 45, 50, 54; *Любимов Н.И., Эрлих А.Н.* Генуэзская конференция. М., 1963; *О'Коннор Т.Э.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930. / Пер. с англ. М., 1991; *Труш М.* Дипломат ленинской школы // МЖ. 1972. № 11; *Трофимова Л.И.* Вступительная статья к книге: Г.В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961; Чичерин Георгий Васильевич: Авторизованная биография // *Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат*. 7-е изд. Т. 41. ч. 3. Стлб. 215–229.
3. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994; Т. 2. 1926–1927; Т. 1, Ч. 2. М., 1996; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и Советское движение в Китае 1927–1931. В 2 кн. М., 1999; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы август 1923–1926 гг. М., 2008 (Далее: Переписка); *Большевистское руководство. Переписка 1912–1937*. М., 1996.
4. *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова / Предисл. министра иностр. дел РФ Лаврова С.В. М.: Любимая Россия, 2009.
5. Там же. С. 7.
6. Там же. С. 542.
7. Сведения о контактах Ленина и Чичерина в эмиграции и цитата приведены по: *Труш М.* Указ. соч. С. 88.
8. 3 декабря 1917 г. Советское правительство направило через бывшего английского посла в России Бьюкенена ноту правительству Англии с требованием освободить Чичерина. В ноте говорилось, что ни один британский подданный не может (в том числе и Бьюкенен) выехать из России, пока не будет освобожден Чичерин. 21 декабря Г.В. Чичерин был выпущен из Брикстонской тюрьмы (Там же).
9. Подробно об антироссийском заявлении Троцкого на переговорах, в том числе провозглашенном им приказе о полной демобилизации российских войск по всему фронту, см.: *Васецкий Н.* Наркоминдел Троцкий // МЖ. 1991. № 1. С. 112.
10. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. С. 98–99, 101.

11. Цит. по: *Горохов И. и др.* Указ. соч. С. 82.
12. Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 111. Это цитата из письма В.И. Ленина от 1 июля 1918 г., адресованного А.А. Иоффе, которого Ленин отчитал в этом письме за неуважительное отношение к Чичерину.
13. См., например: Письмо Г. Зиновьева и К. Радека в Политбюро ЦК РКП(б) об отношении НКВД и Коминтерна от 13 августа 1921 г.; Письмо Г. Чичерина В. Молотову от 14 августа о том же (как ответ на письмо первых) // *Коминтерн и идея мировой революции*. С. 306–307, 307–309. Чичерин, в частности, писал: «Не понимаю, почему ради Коминтерна требуется рассорить нас с Афганистаном, Персией и Китаем»....Все повсеместно смешивают РСФСР и Коминтерн, и несвоевременный шаг его может создать нам катастрофу» (Там же. С. 309).
14. Цит. по: *Горохов И. и др.* Указ. соч. С. 116.
15. Перечисленные документы см.: *Советско-китайские отношения 1917–1957*. Сб. документов. М., 1959.
16. ДВП СССР. М., 1967. Т. 12. С. 383–384.
17. См.: *Чичерин Г.В.* Статьи и речи. С. 46.
18. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 54. С. 28, 564 (Примеч. 63).
19. Из письма Г.В. Чичерина И.В. Сталину от 22 ноября 1921 г. ясно, что Сталин в то время не поддерживал эту идею по соображениям «о нашем собственном экономическом состоянии». Чичерин аргументированно отстаивал свою позицию. См.: *Большевицкое руководство*. Переписка. 1912–1927. С. 223–225 (Серия «Документы советской истории»). Эта позиция Г.В. Чичерина позже легла в основу государственной политики Советского Союза по этому вопросу, несмотря на немалую дополнительную нагрузку на бюджет страны.
20. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы, Т. 1. С. 277–278 (док. № 90) и С. 313–314 (док. № 100). Копии последнего письма были направлены Сталину, Троцкому, Каменову, Войтинскому и членам коллегии НКВД.
21. Там же. С. 534 (док. № 141). Председателем Китайской комиссии является М.В. Фрунзе, после его кончины в октябре 1925 г. — К.Е. Ворошилов. Часто заседания Комиссии проводил И.С. Уншлихт, замещая председателей. Состав комиссии пополнился впоследствии другими деятелями. 14 протоколов Китайской комиссии Политбюро см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. Первые 10 протоколов были выявлены и опубликованы д.и.н. Каргуновой А.И. и к.и.н. Шевелевым К.В. См.: *Военные архивы России*. 1993. Вып. 1. С. 309–323.
22. См., например, телеграмму Чичерина Янсону от 21 октября 1921 г. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 63–64 (док. № 11). До этого, в июле 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным (Гинтовт-Дзевалтовский) с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между ДВР и Китаем. Но добиться цели не удалось. Подробно см.: *Персиц М.А.* Дальневосточная Республика и Китай. М., 1962; *Катица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958; *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай: Полит. взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
23. Полный текст инструкции см.: Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг. // *НИИ*. 1997. № 4. С. 115.
24. Подробно о миссии А.А. Иоффе в Китае см.: Там же. С. 118–124. Он прибыл в Китай в августе 1922 г., а в июле 1923 г. ЦК РКП(б) было принято решение о его отзывании 19 июля 1923 г. Карахан в письме Давтяну (советник полпреда СССР в Китае), сообщил, что «ввиду болезни А.А. Иоффе и целого ряда других соображений я выезжаю на Дальний Восток, чтобы заменить Иоффе и в отношении Китая и в отношении Японии» (АВП РФ, Фонд Карахана. Оп. 8. Д. 7. П. 4. С. 54–56). В тот же день Карахан письмом оповестил Иоффе, что по решению ЦКРКП продолжать переговоры с Японией будет он (Карахан) и дней через 7–10 выезжает на Дальнем Востоке (Там же. С. 52–53).
25. Полный текст коммунике см.: *Советско-китайские отношения 1917–1957*: Сб. документов. С. 64–65. Известные китайские историки российско-китайских отношений Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ высоко оценивают «Декларацию Сунь Ятсена — Иоффе», по их мнению «не уступающую по значению договору» (*Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ.* История и современное состояние китайско-российских отношений. От трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» // ПДВ. 2002. № 5. С. 28).
26. *Катица М.С.* Лев Карахан (1889–1937) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции. В Китае имя Карахана стало известно по Обращению Правительства РСФСР

- к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. Под этим документом стояла его подпись.
27. Карахан с течением времени стал надежным другом наркома Чичерина, на которого он мог опираться в работе наркомата.
  28. См.: Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину из Мукдена от 27 августа 1923 г. // Переписка. С. 66–68.
  29. Эта помощь Сунь Ятсену начала поступать лишь год спустя принятого по этому поводу решения Политбюро ЦК РКП(б) от 3 марта 1923 г. Более подробно об этом см.: *Картунова А.И.* Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом // ПДВ. 2010. № 1. С. 124–135.
  30. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 108.
  31. Подробно о давлении США и Франции на пекинское правительство с целью воспрепятствовать подписанию советско-китайского соглашения см.: Там же. С. 113–115; Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 24 марта 1924 г. // Переписка. С. 190, 193–194 (док. № 46), а также док № 7, 12, 15, 44, 54.
  32. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 110.
  33. Переписка. С. 194–196.
  34. Переговоры с Гу Вэйцзюнем велись в закрытом режиме из-за его опасения, если сведения о переговорах просочатся, как бы они снова не были сорваны.
  35. *О'Коннор Т.Э.* Указ. соч. С. 18, 84.
  36. *Аблова А.Е.* Указ. соч. С. 3. Подробно о планах захвата КВЖД Францией см.: *Капица М.С.* Указ. соч. С. 18–19.
  37. Согласно этому контракту срок выкупа КВЖД определен в 80 лет.
  38. См.: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 115.
  39. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 66 (док. № 15).
  40. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 72.
  41. Цит. по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 116.
  42. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Полит. взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ОГНИ, 2003. С. 132. Советско-монгольское соглашение было подписано 5 ноября 1921 г.
  43. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 76.
  44. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 109 (док. № 30).
  45. Переписка. С. 88 (док. № 7). Этот вычеркнутый пункт появился в 1919 г. в брошюре В.Д. Виленского (Сибирякова) «Китай и Советская Россия» и в этом варианте стал широко известен в Китае с 1920 г. (*Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927 г. М., 1968. С. 154). Имеются также другие версии.
  46. Цит. по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 121.
  47. Конференция проходила с августа 1925 г. по апрель 1926 г., окончилась безрезультатно.
  48. См.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. С. 90–92.
  49. Переписка. С. 250 (док. № 62).
  50. Там же. С. 268. (док. № 66). В ноте полпреда СССР в Китае министру иностранных дел Китая Ван Чжэнтину от 19 января 1926 г. упомянуто, что правительство Союза ССР, «относясь с полным уважением к суверенитету Китая, отказалось от прав по охране дороги... что защита и охрана дороги и сохранение порядка целиком переданы китайским властям (ДВП СССР. Т. 9. С. 39).
  51. Переписка. С. 536.
  52. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 24 (док. № 5).
  53. Там же. С. 25 (док. № 6).
  54. ДВП СССР. Т. 9. М., 1964. С. 48.
  55. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 25 (док. № 7). Там же. С. 27. (док. № 8). Постановление Политбюро об отводе войск от границ Маньчжурии последовало 28 января 1926 г. // Там же. С. 34 (док. № 11).
  56. И.В. Сталин вернулся к этому вопросу в письме В.М. Молотову от 16 октября 1926 г., объясняя «тайну» нашей дипломатии о том, что «Мы только пугаем Чжан Цзолина, но воевать из-за КВЖД не станем» и что в январе мы также «не думали идти на Харбин» // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сб. документов. М., 1995. С. 88–89.
  57. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 35 (док. № 13). Интервью опубликовано 5 февраля в «Известиях».

58. Там же. С. 139–140 (док. № 30).
59. См.: Переписка. С. 609–612, 621–624.
60. Там же. С. 609–611.
61. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 165–173 (док. № 36).
62. Там же. С. 166.
63. Там же. С. 168.
64. Союзу ССР пришлось уступить. 14 октября Политбюро приняло постановление «признать необходимым формальный отзыв Карахана из Китая» (ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 472 (док. № 113).
65. Переписка. С. 634 (док. 193).
66. Содержание директив ПБ ЦК ВКП(б) см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч.1, С. 206–207 (док. № 51). Мы их здесь не приводим, так как переговоры были сорваны.
67. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 36. Л. 31.
68. КВЖД была продана Японии за бесценок в 1935 г., когда японская военщина, оккупировав Маньчжурию в 1931 г., полностью владела этой частью Китая под названием Маньчжоу-Го. КВЖД — КЧЖД была передана Советским правительством КНР в совершенно другой исторической обстановке в 1950 г. безвозмездно.
69. Как пишет С.Г. Лузянин, «главным проводником экономической политики России непосредственно в Монголии были русские купцы, длительное время жившие в монгольской глубинке... которым удавалось поддерживать на плаву русскую торговлю в Монголии и как-то противостоять серьезной китайской конкуренции» (Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 91. Прим. 13).
70. Подробно об этом см.: Лузянин С.Г. Указ. соч.; Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999.
71. Цит. по: Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 68.
72. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 54–55 (док. № 8).
73. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 232–233.
74. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНПР в борьбе за социализм. М., 1971. С. 36–37.
75. Там же. С. 40. Временное народное правительство действовало на определенной территории на севере страны.
76. 16 июня 1921 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало предложение Г.В. Чичерина о походе войск РСФСР в Монголию против Унгерна и утвердило это предложение. См.: Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 80 (док. № 44).
77. Цит. по: Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 121.
78. См.: Там же. С. 116.
79. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 109 (док. № 30). Однако в мае 1924 г. этот вопрос был решен двумя сторонами, без участия Монголии. Советская Россия вынуждена была пойти на это.
80. Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 121.
81. Цитаты из этого письма приведены по: Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 121–122.
82. Катица М.С. Указ. соч. С. 113.
83. См.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. С. 83.
84. Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 136.
85. Там же.
86. См.: Переписка. Док. № 9, 14, 15, 65, 97, 104.
87. Там же. С. 50 (док. № 97).
88. Там же. С. 374 (док. № 104).
89. Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // НИНИ. 1994. № 2. С. 3–18.
90. Там же. С. 4.
91. Там же.
92. Цит. по: Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. С. 9.
93. Там же. С. 12.
94. Соколов В.В. Указ. соч. Там же. С. 14.
95. Там же. С. 15, 16.
96. Чичерин Г.В. Статьи и речи... С. 223.

СССР и первые руководители КПВ

© 2014

Е. Кобелев

С началом реализации во Вьетнаме «политики обновления» (1986) и особенно за последние 10 лет в историографии этой страны начался активный процесс «очеловечивания» основных этапов новой и новейшей истории страны. Выходят монографические исследования, посвященные изучению и осмыслению деятельности конкретных творцов и участников новой и новейшей истории Вьетнама. Статья посвящена судьбам героических участников вьетнамского национально-освободительного движения — Ле Хонг Фонгу и Нгуен Тхи Минь Кхай, жизнь которых оказалась неразрывно связанной с нашей страной.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, Москва, Каминтерн, КПВ, Сайгон, «восстание Намки».

Среди многочисленных публикаций по тематике новейшей истории Вьетнама особенно выделяется солидное монографическое исследование, подготовленное коллективом известных вьетнамских историков — «Ле Хонг Фонг, несгибаемый боец международного коммунистического движения, выдающийся руководитель нашей Партии» (Ханой. 900 с.). В книге подробно, с использованием малоизвестных архивных данных и воспоминаний, часть из которых вводится в научный оборот впервые, рассказывается о Ле Хонг Фонге, который был одним из первых генсеков партии, а также о его жене и боевой подруге Нгуен Тхи Минь Кхай, которая была одним из руководителей сайгонской парторганизации. Причем особенно важно, что впервые авторы исследования акцентировали внимание на тех годах жизни и деятельности двух руководящих деятелей вьетнамской партии, которые они провели в Москве и России, показали роль нашей страны в их становлении как выдающихся деятелей международного и вьетнамского национально-освободительного движения.

Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай — фигуры насколько героические, настолько и трагические. Они вступили в активную борьбу с колониализмом в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в период создания компартии Вьетнама (Индокитай), под руководством которой борьба вьетнамских революционеров приобрела решительный, поистине самоотверженный характер. Естественно, реакция колонизаторов на это была жесткой. Их гильотины, тюрьмы и концлагеря работали бесперебойно. Партия потеряла десятки тысяч своих пламенных борцов, прежде чем в августе 1945 г. была обретена независимость их Родины.

Впоследствии вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин писал: «Товарищи Чан Фу, Нго Зя Ты, Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай, Ха Хюи Тап, Нгуен Ван Кы, Хоанг Ван Тху и сотни тысяч других товарищей поставили интересы Партии, революции, рабочего класса, нации превыше всего, впереди всего. Эти товарищи беззаветно верили в великие силы и славное будущее класса и нации... Они своей горячей кровью

Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН. Тел.: 8 (499) 124-08-33.

оросили древо революции, которое расцвело пышным цветом, и сегодня мы видим прекрасные результаты нашей революции».

Красный ветер

Ле Хонг Фонг родился в 1902 г. в уезде Хынгнгуен провинции Нгеан (Центральный Вьетнам) в бедной крестьянской семье. Его настоящее имя — Ле Хюи Зоан, а Ле Хонг Фонг — это его партийное имя, которое в переводе на русский язык означает Красный ветер. В детстве он учился в сельской школе, вначале изучал под руководством местного *pho si* — конфуцианца китайские иероглифы, а потом закончил начальную школу на «куокнгы» — латинизированной вьетнамской письменности.

В 1920 г. после смерти отца, чтобы прокормить больную мать и младших детей, он уехал в центр провинции город Винь искать работу. Это было время, когда захолустный в прошлом Винь на глазах становился главным торгово-экономическим центром всего Центрального Вьетнама. Вначале юноша устроился работником в торговой фирме одного хуацяо, а затем стал работать на спичечной фабрике Бентхюи.

На фабрике он сдружился с другим рабочим, которого звали Фам Хонг Тхай. В 1923 г. они вместе приняли активное участие в забастовке рабочих фабрики и за это были ее хозяином уволены с «волчьим билетом».

Это были годы, когда широко известным в патриотических кругах Вьетнама революционер-демократ Фан Бой Тяу¹ проводил кампанию «Донгзу» (На Восток), целью которой было способствовать выезду молодых вьетнамских патриотов прежде всего в Японию, а также в Китай и другие страны, чтобы готовить из них кадры для будущей национально-освободительной революции. В январе 1924 г. под руководством зятя Фан Бой Тяу Выонг Тхук Оаня 15 юношей из провинции Нгеан, в их числе и два друга, оставшиеся после увольнения без средств к существованию, преодолели горные перевалы хребта Чыонгшон и, пешком пройдя через весь Лаос, прибыли на горный северо-восток Таиланда.

Однажды, поднявшись на вершину высокой горы, Ле Хонг Фонг и Фам Хонг Тхай, подобно Герцену с Огаревым, дали друг другу клятву всю свою жизнь посвятить делу освобождения родины от колониального гнета: «Пока не зажжем свет над горами и реками, клянемся не возвращаться на Родину, к родным очагам!»².

Два друга не стали добираться до Японии, а обосновались неподалеку от своей родины — в Кантоне (Гуанчжоу). В Южном Китае сложились к этому времени благоприятные условия для деятельности вьетнамских эмигрантов — революционеров. Вьетнамцы работали в различных учреждениях Кантонского правительства, возглавляемого Сунь Ятсеном, служили в ее Народно-революционной армии, учились в военно-политической академии Вампу.

Всего несколько месяцев жизни в бурном, кипящем, как котел, революционном Кантоне привели двух друзей к выводу, что им не по пути с «Обществом возрождения Вьетнама» Фан Бой Тяу. Они жаждали участия в конкретных боевых действиях против колонизаторов. Общество же в основном состояло из конфуцианцев преклонного возраста, которые лишь клеймили колонизаторов красивым слогом на коллективных встречах.

В результате по инициативе двух друзей на свет появилась принципиально новая, боевая организация «Там там ха» — «Союз сердец». Главным направлением в ее деятельности стал индивидуальный террор, убийство высокопоставленных деятелей французского колониального режима. Летом 1924 г. Фам Хонг Тхай совершил покушение на генерал-губернатора Индокитая Мерлэна, находившегося с визитом в Шамяни — месте расположения в Кантоне кантонской резиденции консульств европейских держав. В результате взрыва брошенной им бомбы погибло несколько офицеров из свиты Мерлэна, сам же генерал-губернатор остался жив. Спасаясь от преследования полиции, Фам Хонг

Тхай бросился с моста в реку, но не смог доплыть до берега и погиб. (В истории вьетнамского национально-освободительного движения он остался одним из первых героев-мучеников будущей вьетнамской революции. — *Е.К.*)

Фан Бой Тяу был близко знаком с Сунь Ятсеном и уговорил его принять первых молодых вьетнамских патриотов, прибывших из Сиам в Кантон, в военную школу Вампу, в их числе и Ле Хонг Фонга. В школе Вампу в этот период уже преподавали советские военные, среди которых выделялся будущий маршал СССР В.К. Блюхер. Ле Хонг Фонга как самого здорового физически приняли на 9-месячные курсы в летную школу Вампу.

После их окончания правительство Сунь Ятсена предложило представителю СССР и Коминтерна в Кантоне М.М. Бородину направить способного вьетнамского юношу в СССР для профессионального овладения летным делом. В октябре 1926 г. Ле Хонг Фонг прибыл в страну, о которой грезил тогда тысячи вьетнамских патриотов, и был зачислен в военно-теоретическую школу воздушных сил в Ленинграде, где проучился до декабря 1927 г.

В сентябре 1928 г. в авиационном училище города Борисоглебска появился невысокий, подтянутый юноша. Михаил Литвинов — представился он курсантам. Те удивлялись: фамилия русская, а по виду вроде бы из Азии товарищ. Самые настойчивые пытались дознаться, откуда он родом, чем занимаются его родители. Но новенький только отшучивался и переводил разговор на другое. Одного он не скрывал — что страстно любит авиацию, мечтает стать воздушным асом и что в Борисоглебск он прибыл из Ленинграда, где уже учился в военно-теоретической школе воздушных сил.

Прошло несколько месяцев напряженных занятий и тренировочных полетов, и вдруг Литвинов так же неожиданно исчез, как и появился. Курсантам сказали, что он откомандирован в другое училище. Никто из них так и не узнал тогда, что их азиатский товарищ — это вьетнамский революционер Ле Хонг Фонг.

Еще долгое время после внезапного отъезда Ле Хонг Фонга в музее Борисоглебского училища можно было обнаружить его фото на почетной доске бывших курсантов. Хотя до освобождения Вьетнама было еще очень далеко, а до создания вьетнамских военно-воздушных сил еще дальше, Ле Хонг Фонга фактически можно считать первым вьетнамским летчиком, предтечей тысяч вьетнамских асов, которые в 1965–1973 гг. на советских МИГах героически защищали небо Вьетнама от воздушных атак самой мощной державы мира.

...Из Борисоглебска в Москву Ле Хонг Фонг был отозван по инициативе Исполкома Коминтерна и сразу же был зачислен в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Первым проторил дорогу в это политическое учебное заведение, которое готовило партийные и революционные кадры для колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки, Нгуен Ай Куок (будущий Хо Ши Мин), который в июне 1923 г. одним из первых вьетнамцев прибыл в Советскую Россию и окончил краткосрочные курсы в этом университете. Благодаря ему, начиная с 1924 г. КУТВ стал принимать на учебу вьетнамских революционеров, которые прибывали в Москву по двум основным каналам: из Франции — по рекомендации ФКП и из Южного Китая — по рекомендации Нгуен Ай Куока.

Четыре года провел Литвинов в стенах университета. Здесь он овладевал теорией научного коммунизма, здесь произошло его становление как убежденного марксиста-ленинца. Ле Хонг Фонг изучал марксистскую науку сквозь призму событий в Индокитае. Размышлениями о возможных путях развития вьетнамской революции полны его рабочие тетради того времени. Уже тогда Ле Хонг Фонг пришел к твердому убеждению, что победа вьетнамской революции и изгнание из страны колонизаторов возможны лишь на основе создания широкого общенационального фронта³.

В тот период в КУТВе уже собралась довольно большая группа слушателей из колониального Вьетнама. Все они, естественно, учились в группе французского языка и только Литвинов, который к тому времени уже практически свободно владел русским языком, был зачислен в группу русского языка. Но все вьетнамские слушатели независимо от группы подчинялись сектору Индокитая Исполкома Коминтерна (ИККИ), который возглавляла старейшая деятельница Коминтерна В.Я. Васильева.

В 1929 г. в жизни Ле Хонг Фонга произошло очень важное для него событие: его приняли в члены ВКП(б). В своих рекомендациях советские слушатели КУТВа Струль С.В., Пирумова А.Б. и другие отзывались о нем, как о «вдумчивом, серьезном, выдержанном товарище, достойном носить звание члена ВКП(б)»⁴. Собрание партийки слушателей единогласно проголосовало за прием Ле Хонг Фонга в ряды ВКП(б).

По инициативе В.Я. Васильевой в Восточном отделе ИККИ в конце 1920-х гг. взяли курс на подготовку наиболее способных вьетнамских слушателей КУТВа для последующей их отправки в Индокитай в целях укрепления рядов национально-освободительного движения и подготовки условий для создания там коммунистической партии.

В этих условиях на первый план, естественно, выдвинулся Ле Хонг Фонг как самый способный и практически свободно знающий русский язык, и поэтому, когда в середине 1928 г. в Москве собрался VI Конгресс Коминтерна, он был приглашен для участия в работе Конгресса в качестве наблюдателя⁵. Более того, ему было доверено руководство группой вьетнамцев-коминтерновцев, которая оперативно перевела на вьетнамский язык документы Коминтерна и несколько наиболее актуальных для вьетнамского освободительного движения произведений, в их числе «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме» В.И.Ленина и «АВС коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского. Все эти документы и книги затем издавались на вьетнамском языке во Франции, Германии, Чехословакии и тайно вывозились во Вьетнам⁶.

В 1930 г. после окончания КУТВа Ле Хонг Фонг был зачислен в аспирантуру, однако защитить диссертацию ему не довелось. Во Вьетнаме резко обострилась обстановка. В октябре 1930 г. в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная 3 февраля 1930 г. под руководством Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) Коммунистическая партия Вьетнама⁷. В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру России Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, были в течение почти года, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае.

«Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁸.

Сразу же после подавления восстания по всему Вьетнаму начал свирепствовать полицейский террор. Многие организации недавно созданной КПИК были разгромлены. Между продолжавшими функционировать подпольными центрами не было связи. В этих условиях ИККИ принимает решение направить Ле Хонг Фонга в Южный Китай для восстановления связей с действующими организациями КПИК.

В июне 1932 г. в организациях КПИК в Южном Китае, а затем и в самом Вьетнаме появляется подготовленная в Москве при участии Ле Хонг Фонга, Чан Ван Зяу⁹ и других вьетнамцев-коминтерновцев «Программа действий КПИК». Вьетнамские историки считают, что этот документ был «Программой — минимум» нашей Партии в новых условиях, и что «Ле Хонг Фонг внес огромный вклад в принятие, распространение и реализацию «Программы действий Партии»¹⁰.

В марте 1934 г. Ле Хонг Фонг приезжает в португальскую колонию Макао (Южный Китай), где создает Заграничный руководящий комитет КПИК, а затем налаживает

подпольное издание газеты «Большевик». В июне этого же года он созывает конференцию с участием членов Загранкомитета и представителей парторганизаций, тайно прибывших из Вьетнама, и руководит ее работой.

В это время из Москвы приходит сообщение, что вскоре состоится очередной конгресс Коминтерна, для участия в котором необходимо направить представительную делегацию КПИК. Загранкомитет поручает Ле Хонг Фонгу сформировать делегацию и возглавить ее.

Уже когда делегация находилась в Москве, 27–31 марта 1935 г. в Макао состоялся I съезд КПИК, который избрал Ле Хонг Фонга генеральным секретарем партии.

Делегация КПИК на VII Конгресс Коминтерна была сформирована в следующем составе: руководитель Ле Хонг Фонг и два члена делегации — юная Нгуен Тхи Минь Кхай, темнокожая, как крестьянка, с широкими, как будто постоянно раскрытыми от радостного удивления глазами, и мало кому знакомый тогда юноша по имени Хоанг Ван Нон — посланец самой северной вьетнамской провинции Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

Через несколько месяцев Ле Хонг Фонг снова в Москве как делегат VII Конгресса Коминтерна от Компартии Индокитая. Второй приезд в Москву стал для него радостным вдвойне — Нгуен Тхи Минь Кхай стала там его женой.

Нгуен Тхи Минь Кхай (1913–1941) родилась, как и Ле Хонг Фонг, в провинции Нгеан, в городе Винь. В 1927 г. в возрасте 14 лет впервые приняла участие в протестных акциях рабочих города Виня. Вступила в КПИК сразу же после ее создания, отвечала за агитацию среди рабочих завода в прибрежном районе Виня Бентхюи. Вскоре по решению руководства партии ее направили в Гонконг для работы в представительстве Восточного отдела Исполкома Коминтерна, где ее наставником и руководителем стал Нгуен Ай Куок.

29 апреля 1931 г. она должна была встретиться на явочной квартире по улице Цюлун с только что прибывшим из Советского Союза после окончания КУТВа членом КПИК Ле Хюи Боном. Однако ранним утром этого дня английская полиция окружила дом, где находилась явка КПИК. По приставной лестнице полицейские незаметно проникли через окно в квартиру и захватили Ле Хюи Бона спящим. В 9 часов утра в полицейский капкан угодил еще один посланник из Москвы Хо Тунг Мау. Минь Кхай, ни о чем не подозревая, поднялась в дом, где ее встретили два агента полиции в штатском. Так как Минь Кхай хорошо знала гуандунский диалект, она спокойно им ответила: «Я китайка».

Никаких улик при ней агенты не обнаружили, тем не менее препроводили ее в тюрьму. Из тюрьмы она сумела передать письмо Нгуен Ай Куоку: «Ни пытки, ни кандалы не заставят меня ни в чем признаться. Братья, будьте спокойны за меня»¹¹. Она не знала, дошло ли ее письмо до Нгуен Ай Куока, как вдруг получила с воли печальную весть о том, что 6 июня 1931 г. ее старший наставник также был схвачен английской полицией.

Три года провела Минь Кхай в гонконгской тюрьме, полностью отрезанная от друзей по партии и партийных дел. Наконец в ее судьбу, как до этого произошло и с Нгуен Ай Куоком, вмешалось Международное общество помощи борцам революции (МОПР), и она обрела свободу. Но что делать дальше, как восстановить связь со своими товарищами?

В Шанхае она подрядилась в пошивочную мастерскую и с утра до вечера сидела на тротуаре, лагая порванную одежду и внимательно следя за прохожими, не появится ли кто-нибудь из знакомых. Так прошло два месяца. Иногда она не выдерживала и проходила мимо советского консульства, на здании которого всегда развевался красный флаг с серпом и молотом. Наконец в один из дней произошло то, о чем она грезила во сне и наяву — неожиданно из толпы прохожих к ней подошел незнакомец и бросил на ходу: «Идите за мной, Вас ждут».

И вот долгожданная встреча со своими товарищами, на которой она неожиданно для себя узнает, что включена в состав делегации КПИК, которую возглавит Ле Хонг Фонг, для участия в VII Конгрессе Коминтерна в Москве.

Ле Хонг Фонг на первой же встрече ознакомил ее с планом, как они будут добираться до Москвы. На рейде шанхайского порта их должен ждать советский пароход. Минь Кхай вместе с Ноном на нанятой китайской джонке самостоятельно добираются до парохода. Сам же Ле Хонг Фонг прибывает туда позже.

Впоследствии Хоанг Ван Нон, который единственный из них троих дожил до победы революции во Вьетнаме, писал в своих мемуарах, с какими приключениями они добирались до советского парохода. Над рейдом стоял густой туман, хозяин джонки потерял направление, и они подплыли прямо к борту судна с... французским триколором. Только после целого часа блужданий среди пароходов из разных стран они наконец радостно вскрикнули, увидев прямо по курсу долгожданный красный флаг с серпом и молотом. Но приключения на этом не закончились. Они не знали русского языка, а встречавшие их советские офицеры и матросы, естественно, не знали французского. Только на следующий день, когда по трапу парохода поднялся Ле Хонг Фонг, все встало на свои места.

Через несколько дней их делегацию торжественно встречали в порту Владивостока. Затем — железнодорожный вокзал и 12 суток на поезде до Москвы. Кстати, таким путем добирались до Москвы десятки вьетнамских революционеров, из них особенно часто-будущий Хо Ши Мин.

19 мая 2009 г. на здании железнодорожного вокзала Владивостока, по инициативе местного филиала Общества российско-вьетнамской дружбы, была установлена Мемориальная доска следующего содержания:

«В 1924, 1927 и 1934 годах город Владивосток неоднократно посещал Хо Ши Мин, выдающийся деятель международного национально-освободительного движения, герой-освободитель вьетнамского народа, признанный ЮНЕСКО известный деятель культуры, заложивший прочную основу российско-вьетнамской дружбы».

Почти месяц Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай провели вместе — вначале на пароходе, затем в одном купе поезда. И произошло то, что не могло не произойти — они полюбили друг друга. Через несколько месяцев после завершения Конгресса Коминтерна вьетнамская диаспора в Москве стала свидетелем волнующего события — первой в истории Вьетнама «коммунистической свадьбы».

По мнению некоторых вьетнамских историков, Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай якобы заключили брак, еще находясь в Китае. Вместе с тем в 1970-х гг. автор этих строк, собирая материалы к книге «Хо Ши Мин» в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), неоднократно встречался с Н.Н. Голеновским — бывшим сотрудником Исполкома Коминтерна, ответственным за партийцев из стран Юго-Восточной Азии. Он утверждал, что хорошо помнит, как в одном из районных московских ЗАГСов в скромной обстановке, в присутствии только нескольких близких друзей, был официально зарегистрирован брак молодых вьетнамских революционеров, и может быть, и по сей день в архиве этого ЗАГСа хранятся документы об этом неординарном бракосочетании.

VII Конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 г. в Колонном зале Дома союзов. На нем присутствовало 513 делегатов от 65 коммунистических партий и международных организаций. Деятельность КПИК фактически с первого дня работы конгресса получила высокую оценку его участников, так как ее представитель Ле Хонг Фонг (он значился в документах конгресса под именем Хайян) был единодушно избран в состав президиума конгресса.

В ходе девятого по счету пленарного заседания 29 июля он выступил с развернутым докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Нгетиньских Советов». Доложив о развитии революционного движения во Вьетнаме под руководством КПИК за 5 лет по-

сле ее создания, Ле Хонг Фонг указал на основные достижения и недостатки в ее деятельности, отметив при этом «огромную заслугу коммунистов Индокитая в том, что был положен конец фракционным распрям, и достигнута внутривнутрипартийная солидарность. В ходе революционной борьбы партия установила тесные связи с борющимися массами, добилась того, что пролетариат стал главной руководящей силой этой борьбы»¹².

Говоря о перспективах и важнейших задачах, стоящих перед КПИК, он заявил: «В настоящее время мы располагаем гораздо большими возможностями для создания антиимпериалистического народного фронта, единого фронта всех народов Индокитая в борьбе против общего врага — французских империалистов»¹³.

Минь Кхай (в документах конгресса значилась под именем Фан Лан) как самой юной и одной из немногих азиатских делегатов президиум конгресса предоставил честь выступить с речью от имени женщин Востока. Впоследствии она вспоминала, что одним из самых волнующих событий стала для нее встреча и беседа с Н.К. Крупской.

Решения и выводы VII Конгресса Коминтерна, как показали дальнейшие события, имели весьма важное значение для развития вьетнамского национально-освободительного движения. Как известно, на нем были сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались, в первую очередь, европейских партий, выводы конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским революционерам впоследствии определить и последовательно претворять в жизнь правильную линию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы, расширяя экспансию все дальше на юг Китая, становился опасным потенциальным противником вьетнамской революции.

Для вьетнамских коммунистов важно также было то, что VII Конгресс отверг сформулированные в прежних документах Коминтерна левацкие установки о необходимости осуществления в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создания «советского правительства», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Необходимо было добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая широчайшие массы в борьбу против растущей империалистической эксплуатации, против жестокого порабощения, за изгнание империалистов, за независимость страны, с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-революционерами и национал-реформистами массовых антиимпериалистических движениях.

Во Вьетнаме не было ни возглавляемых националистическими элементами массовых движений, ни сколько-нибудь серьезной силы в лице национальной буржуазии. Существовавшие отдельные буржуазные и мелкобуржуазные партии, крайне слабые в политическом и организационном отношении, не были в состоянии выдвинуть политическую программу общенационального содержания и повести за собой широкие народные массы. Перед вьетнамскими коммунистами в силу этого не стоял вопрос, обычно связанный с мучительным процессом дискуссий и споров в партии, — участвовать или не участвовать в том или ином движении. Перед ними лежала, образно говоря, нетронутая целина, которую можно и нужно вспахать, а именно: выдвинуть общенациональные, общедемократические лозунги, найти приемлемую форму единого фронта и смело вовлекать в него самые широкие круги населения страны, всех, кто готов выступить против колонизаторов, в том числе и национальную буржуазию, которая в подавляющей своей части, так же как и вся нация, страдает от империалистического гнета¹⁴.

Для вьетнамских патриотов положения VII Конгресса Коминтерна о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали мощным руководством к действию. Именно тактика единого национального фронта, проводимая гибко и творчески с учетом степени зрелости национально-освободительного движения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов победы вьетнамского народа в августе 1945 г.

Участники VII Конгресса утвердили решение ИККИ, принятое еще в 1931 г., о приеме Компартии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набравшее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

После завершения работы VII Конгресса в Исполкоме Коминтерна довольно долго решали вопрос, каким путем наиболее безопасно вернуть членов делегации КПИК на родину. Поэтому первый месяц они отдыхали в одном из санаториев на берегу Черного моря, а затем, вернувшись в Москву, посещали курсы политечебы в Университете трудящихся Востока, где Ле Хонг Фонгу все было знакомо.

В этот период он написал для журнала «Инпрекорр», органа Коминтерна статью «Роль пролетариата в революции в Индокитае», в которой разъяснял, что «буржуазно-демократическая революция в Индокитае (антиимпериалистическая и антифеодалная) не только является неразрывной частью мировой социалистической революции, но победа этой революции, благодаря имеющимся объективным условиям, будет означать первый этап на пути перехода ее в революцию социалистическую» и отсюда делал логический вывод: «необходимое условие — пролетариат должен сохранять роль гегемона, руководителя этой революции»¹⁵.

В середине 1936 г. пути Ле Хонг Фонга и его боевой подруги временно разошлись. Ле Хонг Фонг отправился испытанным маршрутом во Вьетнам, чтобы как можно скорее информировать центральные органы КПИК о решениях Конгресса. А Минь Кхай вместе с Ноном отправились на родину через Европу: Германия, Франция, Италия, из Неаполя пароходом в Сингапур, оттуда — в Гонконг, и уже из Гонконга — в Сайгон. В Париже они стали свидетелями первых зримых завоеваний Народного фронта, массового ликования простых парижан. В такой обстановке два вьетнамских подпольщика, естественно, смогли легко избежать должного внимания со стороны французской полиции.

В июле 1936 г. в Шанхае появился одетый с иголочки богатый китайский коммерсант. Он разъезжал по городу в собственной роскошной машине. Его коммерческое дело процветало. Он постоянно с кем-то встречался, вел секретные торги. Даже если бы шанхайская полиция узнала, что преуспевающий коммерсант не кто иной, как Ле Хонг Фонг — один из руководителей компартии Индокитая, единственное, что она смогла бы сделать, — это выслать его из страны. У вьетнамского подпольщика не было при себе ни одного документа, который мог бы быть уликой. Все основные материалы VII Конгресса Коминтерна он выучил наизусть.

В ноябре 1937 г. Ле Хонг Фонг наконец добрался до Сайгона и с головой ушел в повседневную революционную работу. Великолепный конспиратор, он постоянно менял свое лицо. То он работает учителем китайского языка в одной из школ Тёлона (пригорода Сайгона), то агентом торговой фирмы, то слесарем в мастерской (он специально изучал в Москве слесарное дело и имел по нему четвертый разряд). Сайгонская полиция сбилась с ног в поисках неуловимого подпольщика.

В конце марта 1938 г. он созвал в пригороде Сайгона Зядинь пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в политическую линию партии в соответствии с решениями У П конгресса Коминтерна. С учетом прихода к власти во Франции правительства Народного фронта пленум одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократический фронт Индокитая.

В резолюции пленума были выделены следующие задачи.

— Стратегические задачи народно-демократической революции — это борьба против империалистов и феодалов. Однако с учетом принципиально новой обстановки КПИК считает наиболее актуальными задачами борьбу против реакционного колониального режима, против фашизма и войны, за свободу и демократию, за существование и

мир. Сегодня главный враг народов Индокитая — это колониальная реакция и их местные приспешники.

— Относительно лозунгов борьбы: необходимо временно не выдвигать требования «Долой французских империалистов» и о «Конфискации земли у помещиков и передаче ее крестьянам», а выдвигать требования «Свободы и демократии, существования и мира».

— В организационном плане: проводить линию на создание Единого народного антиимпериалистического фронта Индокитая, который включал бы в себя различные классы, партии, национальности, политические, общественные и религиозные организации.

— О методах борьбы: сочетать открытые и тайные, легальные и нелегальные формы борьбы»¹⁶.

На очередном пленуме ЦК КПИК этот стратегический лозунг был поставлен на практические, конкретные рельсы. Пленум констатировал, что привычные методы организационной работы партии не успевают за бурным развитием демократического движения масс. Кроме того, требовали пересмотра некоторые левацкие, чрезмерно радикальные организационные формы. В этой связи ЦК принял решение создать Антиимпериалистический союз молодежи Индокитая вместо существовавшего ранее Союза коммунистической молодежи, Народное общество социальной помощи вместо Красного общества социальной помощи, Профсоюзы вместо Красных профсоюзов.

С учетом широкого характера Демократического движения было принято решение всемерно поощрять создание в деревнях обществ пахарей, жатвы, траурных и свадебных обрядов, любителей «тео» (народная музыкальная драма. — *Е.К.*), групп изучения вьетнамской национальной письменности «куокнгы». Ставилась задача способствовать созданию повсюду народных организаций экономического, культурного, общественного характера, поддерживать инициативы масс по созданию обществ «ай ху» — братств, обществ взаимопомощи, спортивных и музыкальных организаций, которые, используя легальные и полуполициальные формы работы, втягивали бы в демократическое движение простых людей, многие из которых в прежние времена были весьма далеки от политики.

За два года, проведенных в Сайгоне до ареста, Ле Хонг Фонг проделал огромную работу. По его рекомендациям пленум ЦК КПИК принял решение об изменении революционной тактики. Благодаря созданию широкого народного фронта, движение за национальное освобождение Вьетнама вступило в новый этап. Оно стало поистине массовым и достигло в последующие годы невиданного размаха. Вьетнамские историки расценивают июльский пленум ЦК 1936 г. как исключительно важное событие, положившее начало новой эпохе во вьетнамской революции. В этом — огромная заслуга Ле Хонг Фонга.

Его неутомимую деятельность на благо дела национального освобождения остановила рука предателя — 22 июня 1939 г. он был схвачен колониальной охранкой. Но полицейские, как и следовало ожидать, не нашли при подпольщике никаких доказательств его принадлежности к КПИК. Чтобы расправиться с «опасным преступником» на законных основаниях (это был период, когда у власти во Франции все еще находился Народный фронт, а в самом Индокитае набирали силу процессы некоторой демократизации политической жизни) нужны были веские и неопровержимые улики. И возможность найти их, казалось, представилась — вскоре в полицейскую ловушку угодила и Нгуен Тхи Минь Кхай.

Геронческие и трагические дни

Невыносимо тяжелой для обоих стала встреча в сайгонском центре Ле Хонг Фонга с его боевой подругой. Кажется, совсем недавно они, взявшись за руки, бродили

по Сокольникам, по набережной Москвы-реки, слушали на Красной площади мелодичный бой кремлевских курантов. И вот они стоят друг против друга, закованные в кандалы, посреди камеры для допросов тюрьмы Кхамлон. Их свидание называется очной ставкой. Охранке нужны улики против неуловимого конспиратора Ле Хонг Фонга. Дело оставалось за малым — арестованные должны были признать друг друга на очной ставке. Однако измученные пытками революционеры ни словом, ни взглядом не выдали, что знают друг друга.

Минь Кхай даже не могла сообщить своему мужу, что год назад у них родилась дочь. Сразу же после родов через свою знакомую она передала для него краткую записку: «Я родила девочку, мы обе здоровы», но не была уверена, что эта записка дошла до адресата. А Ле Хонг Фонг не знал и не мог спросить Минь Кхай, кого она родила и где находится ребенок.

В середине 1980-х гг. автору этих строк довелось встретиться в городе Хошимине (бывшем Сайгоне) с дочерью героев этого очерка, которую звали Хонг Минь. Это имя дала ей мама, сложив его из частей своего имени и имени отца. Но это было не простое «сложение»: Хонг Минь по-вьетнамски означает — Утренняя заря, или, если переходить на поэтический язык, — Аврора. А ведь Минь Кхай, как и большинство вьетнамских патриотов той поры, боготворила Великую Октябрьскую революцию в России, и хотела, чтобы ее первенец — дочь носила имя символа этой революции крейсера «Аврора».

— Я совсем не помню своих родителей, — вспоминала Хонг Минь. — Ведь я родилась в тюрьме и была с ними разлучена. Лишь когда подросла, узнала об их судьбе. Хотя в детстве мои родители жили совсем недалеко друг от друга в провинции Нгеан, по-настоящему познакомились только весной 1935 г. в поезде, который вез их из Владивостока в Москву. Путешествие было долгим, они успели переговорить, наверное, обо всем на свете и поняли, как близки друг другу. Молодые подпольщики пронесли свою любовь, вспыхнувшую под российским небом, через всю свою короткую, но славную жизнь.

Не сумев раздобыть улики против Ле Хонг Фонга, судебные власти Сайгона приняли решение выслать его на родину в провинцию Нгеан под домашний арест. Однако в ноябре 1940 г. в Кохинхине произошли события, которые резко изменили судьбу и самого Ле Хонг Фонга и находившейся в тюрьме Минь Кхай.

К концу 1940 г. ситуация во Вьетнаме развивалась таким образом, что в Кохинхине (Южный Вьетнам) сложились наиболее благоприятные условия для активной деятельности КПИК. Там не было еще японских войск, тогда как они уже были введены в Тонкин (Северный Вьетнам). Параллельно с этим японская агентура спровоцировала сиамских милитаристов (Таиланд) на вооруженные вылазки против Французского Индокита в вдоль границ Лаоса и Камбоджи. Стремясь остановить сиамское наступление, французские колонизаторы провели широкую мобилизацию среди населения Камбоджи и Кохинхины, используя аборигенов как пушечное мясо. Это вызвало широкое возмущение среди населения Кохинхины, большое число вьетнамских солдат французских колониальных войск вышли из повиновения и начали дезертировать.

В создавшихся условиях члены Комитета КПИК Кохинхины сочли военно-политический момент крайне благоприятным для революционных действий и, хотя и после длительных дискуссий, приняли судьбоносное решение о начале вооруженного восстания в масштабах всей Кохинхины (оно было намечено на 22 ноября 1940 г.) и направили члена Комитета Фан Данг Лыу в Тонкин, чтобы информировать об этом ЦК КПИК и получить его одобрение.

Однако VII пленум ЦК КПИК, состоявшийся 6–9 ноября 1940 г. в северной части Вьетнама в провинции Бакнинь посчитал условия как на Юге, так и в целом в стране, еще недостаточно благоприятными для развертывания именно в данный момент массового вооруженного выступления, поэтому не одобрил решение партийной орга-

низации Кохинхины о переходе к восстанию, считая его несвоевременным и не отвечающим объективной обстановке в стране. Пленум ориентировал партию на сохранение и укрепление сил революции, создание и расширение партизанских баз, на подготовку к восстанию в масштабах всей страны.

Однако решение пленума не дошло до руководства партийной организации Кохинхины. Фан Данг Лью сумел прибыть в Сайгон только 22 ноября, то есть в день начала восстания. И, наконец, самое непредвиденное — французской охранке каким-то образом незадолго до восстания удалось завладеть документами, где указывались сроки начала и масштабы восстания. В результате власти успели мобилизовать оставшиеся надежными войска, разоружили революционно настроенных вьетнамских солдат и заперли их в казармах, ввели в основных городах дельты Меконга комендантский час и провели массовые аресты среди руководителей будущего восстания.

Несмотря на это, «восстание Намки» (Намки по-вьетнамски Кохинхина. — *Е.К.*) все-таки началось в запланированные сроки — в ночь на 23 ноября 1940 г. Партийные ячейки и комитеты Кохинхины на местах действовали оперативно и быстро. Было создано высшее военное командование, а также многочисленные отряды самообороны — основная ударная сила восстания.

Восстание быстро охватило провинции Зядинь, Бьенхоа. Митхо, Кантхо, а также главный город юга страны — Сайгон, затем быстро распространилось на западные провинции Кохинхины, вплоть до Ратьзя и Баклиеу. В самом начале восстания его участники уничтожили множество укрепленных постов врага и разрушили его коммуникации. В провинциях Митхо, Зядинь, Бакльеу были созданы органы народной власти и революционные суды и проведены некоторые демократические реформы. В ряде мест революционные власти конфисковали землю и рис, раздавая их безземельным и малоземельным крестьянам.

Примечательно, что именно в разгар этого восстания в ряде районов провинций Митхо и Виньлонг впервые в руках повстанцев появился красный флаг с желтой звездой, который стал впоследствии государственным флагом Демократической Республики Вьетнам, а ныне — Социалистической Республики Вьетнам.

Но охваченные восстанием революционные районы продержались недолго. И хотя восставшие добились крупных успехов — в некоторых районах органы народной власти просуществовали почти два месяца. — восстание было подавлено, причем с жестокостью, превосходившей даже самые страшные дни террора 1930–1931 гг. На подавление восстания были брошены не только полицейские силы, но и регулярные войска с применением авиации. Войска окружили Тростниковую долину — болотистый район в дельте Меконга, где укрывались восставшие. В течение 40 дней в четырех провинциях — Зядинь, Митхо, Лонгсюен, Кантхо было схвачено и расстреляно около 6 тысяч повстанцев. Несколько деревень подверглись бомбежкам с воздуха и были полностью разрушены. Немало местных организаций КПИК было разгромлено; еще накануне восстания на основе захваченных охранкой документов были арестованы и приговорены к смертной казни видные представители КПИК, в их числе секретарь сайгонского комитета КПИК Нгуен Тхи Минь Кхай.

В этих условиях Верховный суд Франции пересмотрел «дело» Ле Хонг Фонга, привязав его к «восстанию Намки». В конце 1940 г., после нескольких месяцев заключения в сайгонской тюрьме, его этапировали на остров смерти Пуло-Кондор (сегодня — остров Кондао).

Французы захватили остров Кондао, расположенный в 97 морских милях к югу от курортного города Вунгтау, в 1862 г. и почти сразу стали обустривать его как огромную тюрьму для политических заключенных — наиболее видных участников национально-освободительного движения. При французах лагерь делился на четыре "Bagne" — каторжных участка. В ходе американской агрессии число этих каторжных участков было

доведено до восьми. В первые 50 лет существования концлагеря число заключенных варьировалось в районе 1 тыс. человек. Однако по мере нарастания революционного движения и, особенно, после «восстания Намки», оно стало быстро увеличиваться и к 15 января 1943 г., согласно докладу властей концлагеря, достигло 4403 человека¹⁷.

Хотя все участники «восстания Намки» были размещены в Bagne III и Bagne II, Ле Хонг Фонга решили изолировать от них, определив в «тигровую клетку» в километре от основной базы лагеря. Но там уже давно действовала подпольная партийная организация, которая вскоре установила с ним регулярную связь. Секретарем партячейки был избран Нгуен Зуй Чинь, а ее членами были Тон Дык Тханг, Фам Хунг, Ле Ван Лыонг и др.¹⁸ Ле Хонг Фонг устно передавал им основные положения решений VII Конгресса Коминтерна, особенно касающиеся вопросов создания единого антиимпериалистического фронта и борьбы против мирового фашизма и войны.

Это был период наивысшего ужесточения тюремного режима на Кондао. «Восстание Намки» потрясло до основания колониальный режим во Вьетнаме. Колонизаторы, с одной стороны, развернули в отместку массовые репрессии, с другой — в их действиях сквозил страх перед революционной стихией. Тюремщики боялись даже закованных в кандалы революционеров и жестоко издевались над ними. Однажды во время принятия пищи один из тюремщиков ударил Ле Хонг Фонга по голове так, что его миска окрасилась кровью. «Красный ветер» спокойно продолжал есть и только сказал своим сотоварищам: «Наши враги хотят нашей смерти, мы же должны драться за жизнь, чтобы продолжать служить делу революции»¹⁹.

Вскоре его перевели в один из барачков «Bagne — 2». Соседями его по барачку стали несколько весьма колоритных фигур — Нгуен Ан Нинь, Та Тху Тхау и Хюинь Ван Тхао²⁰.

Между двумя последними шли постоянные споры философско-религиозного характера. Иногда эти споры принимали такой яростный характер, что Ле Хонг Фонгу приходилось вмешиваться и примирять спорщиков. Он спокойно разяснял им, что такое диалектический материализм, раскрывал положения марксизма о религии, классах и классовой борьбе, о решающей роли человека в конкретных исторических условиях. И в этой связи напоминал им о том, что перед вьетнамскими патриотами стоит сегодня одна общая задача — борьба за национальное освобождение, а задача узников Кондао — крепить солидарность, чтобы плечом к плечу бороться против репрессивного режима колониального концлагеря.

Когда германские фашисты напали на Советский Союз, узники Кондао, даже те, кто содержался в «тигровых клетках», все-таки находили возможность следить за ходом Великой Отечественной войны советского народа. В дни, когда с советского фронта приходили безрадостные вести, Ле Хонг Фонг рассказывал своим товарищам о величии России, о том, каких успехов добился советский народ в строительстве социализма, и убеждал их, что никогда фашистам не победить такой народ. Он сочинил восьмистишие, в котором нарисовал картину победы советского народа и скорого освобождения Вьетнама и выразил уверенность, что в свободном Вьетнаме остров Кондао станет природной жемчужиной и местом отдыха вьетнамских трудящихся. Он даже разучил с несколькими своими друзьями — соседями по барачку песню «Русская девушка», которую он сочинил сам в далекие 1920-е гг., когда учился в России.

Годы заключения на острове Ле Хонг Фонг жил с незаживающей раной в сердце: он ничего не знал о судьбе своей Минь Кхай. Летом 1942 г. он случайно познакомился с охранником — индусом, недавно прибывшим на остров с Большой земли, и спросил его, не знает ли тот, что случилось с женщиной по имени Минь Кхай, которая содержалась в одиночке центральной сайгонской тюрьмы Кхамлон, и услышал от него трагическую весть:

— Великая госпожа Минь Кхай давно расстреляна. Я называю ее великой, потому что так оно и есть — горы должны рухнуть перед ее памятью, деревья должны склонить свои ветви, приветствуя ее мужество²¹.

И индус рассказал, что день 28 августа 1941 г., когда ее расстреляли, стоит у него перед глазами, словно это было вчера. Перед расстрелом Минь Кхай надела белое платье, чтобы подчеркнуть, что все ее помыслы, все ее стремления всегда были чисты, она всю свою жизнь боролась против зла и угнетения, за свободу и счастье своего народа. Палачи пытались перед казнью завязать ей глаза, но она сбросила с лица черную повязку, громко крикнув:

— Я не боюсь смерти и встречу ее с открытыми глазами!

Идя на эшафот, она призывала заключенных не поддаваться врагу, бороться за свое освобождение. В отместку конвоиры кололи ее штыками, и по ее белой одежде текла кровь. Она попросила у палачей дать ей время, чтобы обратиться к людям, стоявшим вокруг стен тюрьмы. Ей дали всего пять минут. Она говорила вначале на вьетнамском, а затем на французском, обращаясь к французским солдатам:

— Наше дело правое. Мы хотим видеть Родину независимой, а народ счастливым. Мы не совершали никакого преступления.

Когда прозвучала команда офицера приготовиться, и солдаты направили на нее дула винтовок, она успела громко воскликнуть:

— Да здравствует Компартия Индокитая! Да здравствует победа вьетнамской революции!

На стене камеры, в которой содержалась Нгуен Тхи Минь Кхай, нашли потом надпись: «О себе не беспокоюсь. Все мои помыслы — о спасении партии»²².

Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан дал однажды такую характеристику Минь Кхай: «Я встречался и вместе работал с большим числом женщин — членов партии, но никогда не видел, чтобы кто-то из них осознанно стремился взвалить на свои плечи роль революционного руководителя, как товарищ Минь Кхай»²³.

Ненадолго пережил Ле Хонг Фонг свою боевую подругу. В начале 1940-х годов, по неполным данным колониальной статистики, в результате жестокого тюремного режима и от болезней — узников Кондао буквально косили дизентерия и скоротечная чахотка — скончалось около 3 тыс. революционеров, в их числе — Ле Хонг Фонг и Нгуен Ан Нинь.

Ле Хонг Фонга смерть настигла 6 сентября 1942 г. Последними его словами, обращенными к соседям по бараку, были: «Товарищи, передайте Партии, что Ле Хонг Фонг до последнего вдоха всем сердцем верил в славную победу нашей революции»²⁴.

Пророческими оказались предсмертные слова Красного ветра. Всего через три года во Вьетнаме победила Августовская революция и его родина стала независимой и свободной. Сразу же после освобождения Кондао все политзаключенные собрались у могилы Ле Хонг Фонга и возвели временный памятник из кирпичей, которые производились ими же на острове. 17 сентября 1945 г. на остров прибыла делегация Правительства сопротивления района Намбо (Южного Вьетнама. — *Е.К.*), чтобы приветствовать оставшихся в живых политзаключенных. Члены делегации возложили траурные венки на могилы Ле Хонг Фонга и Нгуен Ан Ниня.

В годы войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946–1954), так же как и в период американской агрессии, враги не раз разрушали скромный памятник над могилой Ле Хонг Фонга, чтобы стереть о нем память у вьетнамского народа. Но каждый раз узники Кондао тайком восстанавливали его. После полного освобождения Южного Вьетнама 30 апреля 1975 г. и воссоединения страны по решению правительства СРВ на его могиле был воздвигнут величественный памятник, достойный неопределенного вклада этого стойкого борца в конечную победу вьетнамского национально-освободительного движения.

А совсем недавно сбылось и другое предвидение Ле Хонг Фонга: остров Кондао объявлен правительством СРВ курортной зоной, куда уже приезжают на отдых тысячи вьетнамских и зарубежных туристов, в том числе и из далекой России, которую он так любил.

1. Фан Бой Тяу (1867–1940) — выдающийся деятель вьетнамского национально-освободительного движения, сторонник вооруженной борьбы за освобождение Вьетнама от колониальной зависимости, основатель патриотической организации «Общество возрождения Вьетнама»
2. Le Hong Phong. Chien si cong san quoc te kien cuong, Nha lanh dao xuat sac cua Dang ta [Ле Хонг Фонг. Несгибаемый боец интернационала коммунистов. Выдающийся руководитель нашей партии]. Ha Noi, 2012. Tr. 6.
3. См.: «Вьетнамская тетрадь» (Архив Коминтерна).
4. Там же.
5. Quinn-Judge S. Ho Chi Minh. The Missing Years, 1919–1941. London, 2003. P. 125.
6. Le Hong Phong. Op. cit. Tr. 413.
7. На первом пленуме ЦК партии в октябре 1930 г. она была переименована в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Это было сделано по рекомендации Исполкома Коминтерна, который исходил из того, что французский Индокитай представлял собой тогда и политически, и географически единое целое, и перед народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи стояли одинаковые цели борьбы против колонизаторов, за национальное освобождение.
8. *Hồ Chí Minh*. Toàn tập. Hà Nội, 1996. T. 10. Tr. 9.
9. Чан Ван Зяу (1911—2010) — видный деятель вьетнамского национально-освободительного движения. В 1930–1932 гг. — слушатель КУТВа. Один из руководителей КПИК в Кохинхине. Активный участник Августовской революции 1945 г. в Сайгоне. В ДРВ стал крупным историком, автором фундаментальных исследований по истории вьетнамского рабочего и коммунистического движения.
10. Le Hong Phong. Op. cit. Tr. 414–415.
11. *Nguyet Tu*. Chi Minh Khai. Truyen ki. Gia Lai, 2013. Tr. 55.
12. Dang cong san Viet Nam: van kien Dang. Toan tap. Ha Noi, 2000. T. 5. Tr. 320, 324.
13. Ibid.
14. См.: Резолюции VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935.
15. Dang cong san Viet Nam: van kien Dang. Toan tap. T. 5. Tr. 377.
16. Dai cuong Lich su Viet Nam. Ha Noi, 2010. Tap 2. Tr. 327–328.
17. *Nguyen Dinh Thong*. Con Dao tu goc nhìn lịch sử [Кондао под историческим углом зрения], Th. pho Ho Chi Minh, 2012. Tr. 11.
18. Нгуен Зуй Чинь — министр иностранных дел Демократической Республики Вьетнам в 1970-х гг.; Тон Дык Тханг — при жизни Хо Ши Мина — вице-президент, а после его кончины — Президент ДРВ; Фам Хунг — член Политбюро ЦК ПТВ (впоследствии — КПВ) в 1960–1970 гг.
19. *Nguyen Dinh Thong*. Con Dao tu goc nhìn lịch sử. Tr. 169.
20. Нгуен Ан Нинь — видный патриот-националист, основатель двух самых влиятельных оппозиционных колониальному режиму газет “La cloche fele” и “La lutte”; Та Тху Тхуа — видный революционер, руководитель троцкистской фракции в коммунистическом движении Вьетнама; Хюинь Ван Тхео — один из политических лидеров влиятельной в Кохинхине религиозной секты Каодай.
21. *Nguyet Tu*. Chi Minh Khai... Tr. 171.
22. Ibid. Tr. 172.
23. Ibid. Tr. 6.
24. *Nguyen Dinh Thong*. Con Dao tu goc nhìn lịch sử. Tr. 172.

Государство и общество

Перемены в жизни женщин республиканского Шанхая

© 2014

Ю. Курпянова

Статья посвящена описанию новой жизни представительниц среднего класса шанхайских женщин в результате изменений в их общественном положении в период Китайской Республики. Он характеризовался борьбой женщин за обретение равных прав с мужчинами, повышением их социального статуса, включением в производственную деятельность и сферу услуг. Вследствие изменения стиля жизни и социальных условий горожанок по сравнению с предыдущим временем жительницы Шанхая получили новые возможности для саморазвития и профессиональной реализации, но одновременно столкнулись с большими сложностями экономического и психологического характера.

Ключевые слова: Китайская Республика, Шанхай, положение женщины, женский труд, современное общество.

Рубеж XIX—XX вв. был ознаменован для Китая значительными переменами в различных сферах политической, экономической и культурной жизни. Происходившие сдвиги сильнее всего ощутили на себе городские жители. После Синьхайской революции китайские интеллектуалы на страницах печатных изданий стали активно излагать свое видение будущего Родины. Некоторые из них связывали залог успешного развития с заимствованием достижений западной культуры и науки¹, с изгнанием иностранцев из страны, другие выступали за самобытный путь развития с пересмотром традиционных положений конфуцианской доктрины². С этими событиями в китайской истории традиционно связывают и становление женского движения, которое заявило о себе особенно громко после окончания Первой мировой войны³. Борьба за освобождение женщины (*фуньюй цзефан*) стала одной из злободневных тем в публицистических и художественных произведениях китайских авторов 1910–1930-х гг. Однако некоторые исследователи подчеркивают, что рассматривая начальный этап движения, стоит говорить не о реальной борьбе самих женщин за свои права, а о включении их интересов в качестве составной части в общую программу действий по усилению Республики⁴.

Процесс обретения китайскими женщинами новых социальных и экономических прав в первые десятилетия после Синьхайской революции шел неравномерно. В городах прогресс был более заметным, что во многом было связано с включением женщин

в сферу производства, получением части из них доступа к образованию, а также более высоким культурным уровнем горожан. Безусловным лидером по темпам развития торговли, промышленности, образовательной и культурной сфер, а следовательно, по качеству изменений в жизни китайцев, был крупнейший торгово-промышленный центр страны — Шанхай. Во многом это было обусловлено его географическим положением и статусом открытого торгового порта. Однако гораздо более важной определяющей особенностью стало массовое присутствие иностранных резидентов на данной территории, начиная с середины XIX в. вплоть до 40-х гг. XX в.

В рамках более чем 80-летнего сосуществования коренных жителей города и трудовых мигрантов из различных регионов страны с представителями Запада (насчитывавшими в определенные годы до 45–50 тыс. человек⁵) шел постепенный процесс вестернизации местной среды. За национальное разнообразие жителей Шанхая его нередко называли «городом беженцев». Влияние иностранной культуры сказалось на всей истории республиканского Шанхая, определив направление развития всех элементов городской жизни. Многие перемены в жизни местных женщин в рассматриваемый период произошли именно благодаря уникальности местной среды, а не стали лишь закономерным итогом развития общенационального женского движения в Китае.

Образ «новой женщины» (*синь нюйсин*), активно обсуждавшийся на страницах прессы еще с середины 1910-х гг., формировался в сознании горожан под влиянием различных СМИ и стал важным фактором в изменении отношения социума к традиционным конфуцианским положениям о роли женщины в обществе и семье. Воздействие на постепенную модификацию данного образа во многом оказала массовая потребительская культура крупного мегаполиса. Женщины, представавшие на обложках журналов, в статьях периодических изданий, на рекламных плакатах, транслировали идею о том, что «новая женщина» должна быть «образованной, трудоустроенной, независимой и активно участвующей в публичной жизни»⁶. Менялось не только отношение мужчин к женским правам и свободам в обществе, менялись самовосприятие и самооценка китайцев.

Начиная с 1920-х гг., роль женщин в общественной жизни Шанхая непрерывно усиливалась, расширялись те сферы, в которых она могла проявить себя как личность, а не только как дочь, жена или мать. Как указывал в одной из своих работ китайский политический и общественный деятель Чэнь Дусю, самым главным вопросом в деле освобождения женщины являлось обретение ею экономической самостоятельности⁷. Социальная роль женщин в исследуемый период значительно расширилась, в основном за счет участия в трудовой деятельности и получения доступа к среднему и высшему образованию. Впервые в истории Китая женщина получила возможность заниматься собственным делом, обучаться, зарабатывать деньги наравне с мужчиной. Она стала равноправным членом общества, реализующим свой потенциал не только в стенах дома, но и вне его.

Перемены, происходившие в трехмиллионном Шанхае⁸, вели к тому, что многие прогрессивно настроенные горожанки стремились именно к социальной активности в ущерб семейной жизни. Показательным с этой точки зрения является замечание одной из самых известных женщин Китая середины XX в. Чжан Айлин, описывающее ее настрой в годы юности. «Касательно моего будущего у меня были грандиозные планы, после окончания школы я хотела поехать в Англию учиться в университете, одно время я хотела изучать мультипликацию, хотела познакомить Америку с традиционным художественным китайским стилем. Мне хотелось стать известнее Линь Юйтана⁹, носить самые изысканные наряды, объехать весь мир и иметь собственный дом в Шанхае, жить полной активной жизнью»¹⁰.

В результате социальных реформ женщины Китая в начале 1920-х гг. получили возможность не только получать образование, но и расти профессионально. Тем не менее, подавляющее большинство женщин Шанхая вынуждены были трудиться на заводах и фабриках, получая минимальную оплату за свой труд, которая была на 30–40 процен-

тов ниже, чем у мужчин¹¹. Жительницы Шанхая, как правило, шли работать на фабрики по производству тканей или табачных изделий. Они происходили из наиболее бедных слоев населения, и право на труд для них было не достижением, а насущной необходимостью, позволявшей выживать в новых условиях. Женщины из средних слоев населения, как правило, получали возможность заниматься более квалифицированным трудом, получая за него сравнительно высокую оплату. С течением времени данный процесс шел все быстрее. С началом «движения 4 мая»¹² женщины начали активнее проникать в те сферы производства, где изначально присутствовали одни лишь мужчины. Если в конце правления династии Цин в шанхайском обществе можно было наблюдать первых женщин преподавателей, медсестер, врачей, публицистов, то в начале 1920-х гг. горожанки уже становились сотрудницами таможни, почты, телеграфа, полиции. Стали появляться первые женщины-преподаватели в высших образовательных учреждениях. В резолюции о женском движении, принятой на 2-м съезде всекитайских представителей Гоминьдана в 1926 г., содержалось прошение о предоставлении женщинам права работать во всех учреждениях страны¹³.

Наряду с вполне естественными в развитом обществе женскими профессиями медсестры, преподавателя, машинистки или продавца возник спрос и на совершенно новые для Китая профессии — фотомоделей, манекенщиц, киноактрис. Появление этих профессий во многом было связано с популяризацией западного стиля жизни и массовой культуры. Некоторые женщины осмеливались заняться собственным бизнесом. Массовое появление женщин на общественной сцене стало возможным. Никогда ранее деятельность женщины вне рамок своего дома и семьи не могла считаться нормой, если только это не была девушка из дома терпимости или буддийская монахиня¹⁴. О быстром включении шанхайских женщин в сферу бизнеса писали даже иностранные резиденты. На страницах книги «Все о Шанхае» приводилось замечание о том, что традиционное отношение к женщинам в обществе стремительно меняется: «Сегодня многие китайки активно включились в работу. Например, в Шанхае есть «Женский банк», который полностью женщинам принадлежит и управляется ими. Тысячи китайских девушек в наши дни самостоятельно зарабатывают себе на жизнь... убедительно доказывают, что еще одна старая традиция Китая полностью преодолена»¹⁵.

Писательница Аделин Ма вспоминала про основанный в 1924 г. ее бабушкой Шанхайский женский банк как настоящий прорыв для китайского общества. Большая часть сотрудников банка были женщинами. Банк был основан специально для обслуживания женской клиентуры. Незамужние женщины приносили в банк свои сбережения или состояния, доставшиеся в наследство. Жены состоятельных господ отдавали на хранение свое приданное или деньги, выигранные в маджонг¹⁶. Женщины победнее вкладывали небольшие суммы, полученные от своих мужей или поклонников. Среди клиенток банка были также простые работницы заводов и женщины из рядов интеллигенции, которых раздражало снисхождение, с которым к ним относились сотрудники мужчины в других банках¹⁷. Однако блистательная карьера женщины, подобная описанной Аделин в мемуарах, была исключением для Шанхая тех лет, особенно если это касалось ведения собственного бизнеса. Даже женщины, имевшие западное образование, далеко не всегда могли применить имевшиеся знания и получать при этом оплату, сопоставимую с доходами мужчин.

Лишь отдельные жительницы города имели возможность сделать карьеру, стать знаменитыми и богатыми. Сфера искусства и индустрия шоу-бизнеса, активно развивавшаяся в Шанхае с конца 1920-х гг., дали им дорогу в жизнь, навсегда вписав их имена в историю страны. При этом часть из них происходила из обычных семей со средним или даже низким уровнем достатка. В 1930-е гг. в Шанхае был создан интеллектуальный клуб под названием «Чайные беседы об искусстве и литературе» (*Вэньи чахуа хуэй*), который собирался регулярно по субботам и издавал собственный сборник¹⁸. По воспомин-

наниям участников еженедельных чайных застолий, образованные девушки принимали активное участие в беседах и издательской деятельности¹⁹. Другие женщины обучались актерскому мастерству, вокалу, каллиграфии и живописи. В их числе были участницы созданного в 1934 г. в Шанхае «Китайского женского общества живописи и каллиграфии». Это общество явилось самым первым женским творческим объединением в современной истории Китая. В него входило более 150 участниц — выдающихся художниц и каллиграфов со всех уголков страны.

Женщины Шанхая активно проявили себя и на театральном поприще. Появление первых женщин-актрис в классических и современных китайских постановках стало настоящим переворотом в сфере китайского жанрового искусства. Безусловно, большая заслуга в этом принадлежала западным театральным традициям и кинематографу. В одном из шанхайских путеводителей отмечались значительная популярность нового китайского театра у зрителей: «Современные пьесы и театральные постановки в западном стиле с актрисами-женщинами (вещь совершенно немыслимая еще несколько лет назад) регулярно демонстрируются на сценах театров Шанхая и других открытых портов и при этом пользуются большой популярностью»²⁰. Более того, в исследуемый период в Шанхае появляются первые гастролирующие труппы, в составе которых отсутствовали актеры-мужчины. Поначалу, в 1920-е гг., спектакли с участием исключительно женщин не сумели завоевать любовь зрителя. Однако в 1938 г. в Шанхае стала популярной группа из пяти девушек, которые выступали в традиционном жанре китайского театра, исполняя шаосинскую оперу. Девушки решили назвать по-новому шаосинский жанр, в котором традиционно выступали лишь мужчины. В результате исключительно женская опера, ставшая популярной в Шанхае в 1930-е гг. и сохраняющая известность до наших дней, получила название «юэ-цзюй». К началу 1940-х гг. представления женских коллективов с оперой «юэ-цзюй» проходили в 40 театрах города, а количество поклонников этого жанра превысило число любителей традиционной пекинской оперы²¹.

Другой развлекательной индустрией, в наибольшей степени испытавшей воздействие западной, в основном американской культуры, был кинематограф. Шанхай с его вестернизированным стилем и сосредоточием интеллектуальной элиты стремительно превратился в центр Китая по производству и прокату фильмов. Многие исследователи оценивают период с начала 1930-х гг. до широкомасштабного развертывания военных действий в 1937 г. как золотую эру шанхайского кино²². Основная часть первых китайских фильмов была снята двумя шанхайскими кинокомпаниями «Минсин» и «Ляньхуа». Лица актрис, снимавшихся в них, были узнаваемы и любимы не только среди шанхайцев, но и повсюду в Китае. Во многом благодаря шанхайскому кино жители страны смогли познакомиться с образом «новой женщины». Китайские кинозвезды воплощали на экране образы современных женщин: смелых, красивых, самостоятельных, но порой несчастных и страдающих от тех конфликтов, которые вошли в их жизнь вслед за произошедшими переменами. Внешность и стиль поведения актрис и певиц Шанхая стали популярными темами женских журналов, почти каждую обложку которых украшали их фотографии. В условиях того времени кинофильмы и журналы были самыми влиятельными средствами пропаганды, поэтому неудивительно, что в глазах шанхайских девушек именно киноактрисы стали олицетворять «новую женщину» страны.

Помимо индустрии кино, на культурную атмосферу города существенно влияли многочисленные кабаре, дансинги²³, танцевальные вечеринки. Сама культура танца была абсолютно чуждой в традиционном китайском обществе. Любовь к танцам, присущая большинству слоев шанхайского общества в 1930–1940-е гг., зародилась в городе под воздействием западной культуры. Китайцам парные танцы в то время были совершенно неизвестны. Подобная форма досуга была им чужда и как форма установления социальных контактов, и с точки зрения эстетики. Поэтому достаточно долгий период сам термин парные, или бальные танцы даже не имел адекватного перевода на китайский язык,

не говоря уже об отсутствии желания китайцев приобщиться к данному виду искусства. В начале XX в. китайцы называли западные танцы *тяоси*, что можно перевести как «танцевальные представления». Лишь позднее, к 1930-м гг., в китайском языке появляется определение западных танцев как *цзяоци ву* («социальный танец») ²⁴. Начиная с 1920-х гг., когда западная культура стала все активнее проникать в городскую среду, западные танцы начали привлекать внимание китайской публики, став к 1930-м гг. XX в. весьма распространенной формой досуга шанхайцев ²⁵. Карнс и Паттерсон в своей книге о калейдоскопе шанхайской жизни посвятили увлечению танцами в городе целый раздел: «Китайцы любят танцевать. И делают это они хорошо. Как у мужчин, так и у женщин поразительным образом развито чувство ритма, что превращает их в отличных танцоров. Странно наблюдать подобное у людей, чья национальная музыка больше походит на хор орущих кошек. Бизнес в *дансингах*, отличных от кафе или ночных клубов, процветает» ²⁶.

Танцы стали популярными, в первую очередь, среди состоятельных горожан. Первое время в городе существовали кабаре и дансинги, ориентированные на богатую публику. Поэтому лишь дочери и жены из обеспеченных семей могли иметь доступ к развлечениям подобного рода. Со временем в Шанхае стали появляться заведения более низкого уровня, что позволило девушкам из средних слоев приобщиться к западной культуре. Однако в силу некоторых сохранившихся предубеждений многие китайские мужчины приходили в эти заведения без партнерш. Помимо субъективного отношения отцов семейства и мужей к участию женщин в танцах существовали и объективные причины. Для женщин Китая введение запрета на бинтование ног сразу после Синьхайской революции стало важным событием в жизни. Но еще в течение долгих лет этот пережиток продолжал оказывать влияние на их судьбы. Объективно лишь к середине 1920-х гг. в Шанхае появилось поколение молодых девушек, физически способных танцевать ²⁷. Как правило, они являлись студентками китайских частных женских колледжей или учебных заведений при католической миссии в Шанхае ²⁸. В 1930-е гг. в стенах таких учебных заведений стали активно преподавать балльные танцы. Также в Шанхае было открыто большое количество частных школ, кружков, центров культурного досуга, где учили игре на западных музыкальных инструментах и преподавали парные танцы. Но не все девушки с разрешения семьи могли позволить себе пойти в один из клубов, где устраивались танцы, и выйти с партнером на паркет. Отношение к танцам в обществе было неоднозначным. Чжан Айлин в рассказе «О танцах» упоминает, что часть общества считала танцы неприличными, часть же людей выступала в их защиту, называя танцы искусством: «...если кто-то находит в нем сексуальную подоплеку, так это проблема собственных неправильных помыслов» ²⁹.

С увеличением популярности дансингов, где проводились послеобеденные и вечерние танцы, многие китайские мужчины начали испытывать недостаток партнерш. Подобная ситуация привела к тому, что в среде горожан стали появляться профессиональные танцовщицы, которые работали в шанхайских клубах по найму. Так состоятельные китайцы, оценившие полезность данного вида увеселительных заведений для установления контактов, проведения переговоров и активного отдыха, получили возможность приходить в клубы без своих жен или подруг. По проведенной в конце 1930-х гг. переписи в десятке самых крупных танцзалов Шанхая официально было зарегистрировано около 1 тыс. танцовщиц. При этом невозможно определить, какое количество девушек работало в заведениях более низкого уровня. Часть танцовщиц, с учетом подарков от клиентов, зарабатывали невероятные для шанхайских женщин деньги ³⁰. Другим источником дохода девушек был процент от прибыли заведения, которая обеспечивалась за счет продажи чая и алкогольных напитков клиентам. Процент, получаемый танцовщицами, различался от заведения к заведению, но в крупных клубах, как правило, составлял десятую часть ³¹. Таким образом, материальное положение танцовщиц зачастую зависело не от их хореографического мастерства, а от умения удержать клиента

как можно дольше за столиком. По данным, которые приводит в своей книге Си По, ежемесячный доход танцовщиц в клубе «Парамаунт» в десять раз превышал уровень заработка среднего сотрудника этого же заведения³².

Внешняя привлекательность и умение вести себя с посетителями кабаре напрямую влияли на уровень заработка девушек. Поскольку клиентами заведений были как китайцы, так и иностранцы, танцовщицам приходилось тщательно следовать последним тенденциям городской моды. По уровню образования и социальному положению они едва ли могли сравниться с шанхайскими актрисами или другими представителями творческих кругов, однако их безусловным достоинством было умение самостоятельно зарабатывать на жизнь. Девушки из дансингов не были в полном смысле слова воплощением «новой женщины» Китая. Их труд часто был сопряжен с унижениями. Размер заработка зависел не от талантов и собственных умений, а от щедрости посетителей. Таким образом, танцевальная индустрия Шанхая, с одной стороны, давала части женщин возможность приобщиться к социальному общению и массовому культурному досугу, а с другой, содержала в себе элементы унижения и эксплуатации. Девушки, работавшие в подобных заведениях, были своего рода «красивыми вещами», доставлявшими радость окружающим их мужчинам. Присутствие танцовщиц, за деньги развлекавших гостей, продажа алкоголя, работа заведений допоздна и другие особенности данного бизнеса делали танцевальные, джазовые клубы и чайные схожими с шанхайскими борделями. Противоречивость новой массовой культуры нашла свое отражение в фильме «Новогодняя монета». Одной из финальных сцен картины является признание танцовщицы, выступавшей в престижном месте и, очевидно, относящейся к среднему классу горожан. Устав «продавать собственную плоть» со сцены, она хочет оставить доходную работу и устраивается простой учительницей пения и танцев в китайскую начальную школу, мотивируя это тем, что новая работа более достойная³³.

Другой известный фильм 1930-х гг. под названием «Богиня»³⁴ рассказывает об другой популярной профессии шанхайских девушек. Эта картина принесла всекитайскую славу актрисе Жуань Линьюй, которая оставила самый яркий след в истории раннего кинематографа Китая. В этом фильме Линьюй сыграла женщину, которая вынуждена заниматься проституцией, чтобы прокормить маленького сына. В приступе ярости героиня фильма убивает мужчину, отнявшего у нее последние деньги, потратившего их на алкоголь и азартные игры, и попадает в тюрьму. Режиссеру фильма удалось создать весьма нестандартный образ продажной женщины, благодаря чему главная героиня полюбилась тысячам китайских женщин. Она продает себя, занимаясь постыдной работой, но образ ее полон внутреннего достоинства, а стремление дать сыну образование и обеспечить хорошее будущее заслуживает восхищения. Фильм нес вполне понятное послание: современное общество дало женщине свободу. Перед ней открыт огромный мир возможностей. Но несовершенная система и слишком резкие изменения вынудили миллионы женщин заниматься унижительным ремеслом, чтобы прокормить себя и своих близких.

Наличие большого числа домов терпимости было одной из характерных черт, присущих Шанхаю. Во многом благодаря процветанию сферы сексуальных услуг этот порт получил наименование «всемирной столицы греха»³⁵: «В 1920 г. по официальной статистике в Шанхае насчитывалось 1200 куртизанок, 4900 жо-эр*, (*жо-эр — проститутки, жившие в веселых кварталах) 37141 — уличных и 21315 других проституток»³⁶. Иностранцы отмечали невиданное разнообразие сексуальных услуг, предоставляемых внутри сеттельментов. Западная исследовательница Гейл Хершаттер указывала, что в Шанхае насчитывалось порядка 100 тыс. женщин, занимавшихся проституцией. По ее мнению, «проститутки в 1930-х гг., возможно, составляли единственную столь многочисленную группу женщин, живших и работавших в городе. Не будучи столь же заметными и однородными в своем большинстве, как работницы хлопкопрядильной промышленности, проститутки, между тем, играли не менее важную роль в развитии города»³⁷. В статье,

посвященной феномену сексуальных услуг в Китае, О.В. Почагина отмечала, что в начале XX в. «ряды проституток пополнялись девочками и молодыми женщинами, похищенными и проданными в бордели (девочки продавались собственными родителями, молодые женщины — родственниками мужа в случае его смерти, жены — мужьями в случае отсутствия средств к существованию), а также женщинами из сельских районов, приезжавшими в города в поисках работы и попадавшими под власть сутенеров и посредников»³⁸. По сути, подобная ситуация характеризовала данную индустрию и в предшествующие столетия. Однако, по сообщениям других исследователей³⁹, а также по воспоминаниям части иностранцев⁴⁰, можно сделать вывод о том, что процент женщин, добровольно избравших занятие проституцией, с начала 1920-х гг. имел тенденцию к росту, по крайней мере, в крупных городах. Новые социальные изменения поставили часть женщин в условия, когда они должны были самостоятельно содержать себя и свою семью. Поэтому многие девушки Шанхая, не желавшие заниматься тяжелым физическим трудом на заводе и не способные найти иную работу, добровольно избирали данное поприще. Примечательно, что часть жриц любви имела возможность для «карьерного роста». В статье «Иерархия проституции в Шанхае между 1870–1949 гг.» описаны случаи, когда наиболее успешные жрицы любви открывали собственные заведения⁴¹.

Некоторые исследователи отмечают, что активизация общественной мысли в результате движений «За новую культуры» и «4 мая» способствовала изменению отношения части горожан к данной традиционной форме проведения досуга⁴²: «...интеллектуалы «движения 4 мая» считали проституцию символом национальной отсталости и социальной проблемой, требующей решения». Говорилось также о предпринятых в 1920-е гг. попытках шанхайского муниципалитета пресечь активность этого бизнеса в границах Международного сэттльмента⁴³. Однако по восторженности тона, с которым гости Шанхая 1930–1940-х гг. описывали его, можно сделать вывод, что эти попытки потерпели поражение⁴⁴. Во многом это произошло потому, что сама городская атмосфера и особенности ведения бизнеса благоволили развитию проституции. Наличие большого числа иностранных резидентов и путешественников, состоятельных китайских бизнесменов, а также многочисленных моряков способствовало поддержанию постоянного спроса на подобные услуги. Таким образом, можно сделать вывод о том, что быстрые социальные перемены в шанхайском обществе и значительное западное влияние оказали воздействие и на функционирование сферы сексуальных услуг.

Рассматривая социальное положение женщины в китайском обществе начала XX в., можно констатировать, что в вопросах ее участия в трудовой деятельности был достигнут значительный прогресс. Однако полученные права и свободы поставили женщин в нелегкое положение. Заявленные требования о равноправии во многом были выполнены лишь формально, общество менялось не столь стремительно, и многие нововведения давали сбой. В среде китайского населения продолжали существовать пережитки прошлого. При этом женщинам пришлось столкнуться с теми проблемами, от которых они традиционно были ограждены, и соответственно не были способны правильно с ними справиться. Таким образом, для шанхайского общества 30-х — начала 40-х гг. XX в. во многом справедливы те оценки, которые Н.Л. Пушкарева дала более позднему периоду женского движения на Западе: «Женщины начала 1960-х практически повсеместно добились избирательных прав, могли получать образование и работать — но эти права во многом только усложнили положение женщин: женщины окончательно вышли за пределы своего дома, вступили в мир мужской культуры и мужской деятельности и были вынуждены принять условия мужской игры, конкуренции»⁴⁵.

1. *Чэнь Дусю*. Кунцзы чжи дао юй сяньдай шэнхо [Путь Конфуция и современная жизнь]. Цит. по: *Чжэн Юнфу; Лу Мэйи*. Чжунго фунной тунши, миньго цзюань [История женщин Китая, период Республики]. Ханчжоу, 2010. С. 47.
2. *Чжэн Юнфу; Лу Мэйи*. Цит. соч. С. 21.
3. *Степанова Е.Н.* Основные этапы эволюции гендерной политики Гоминьдана // Восток. 2012. № 3. С. 115–125. С. 117.
4. См., например: *Хань Юйфэн*. Исследование живописи женского движения Китая // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 82–1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zhivopisi-zhenskogo-dvizheniya-kitaya>; Степанова Е.Н. Указ. соч. С. 115–125.
5. All about Shanghai and environs. A standard guidebook. Shanghai, 1934. [Sinomedia]. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/t-all.htm>; The megapolis of continental Asia // Fortune magazine. 1935. Vol. XI, № 1. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/fortune/t-fortune.htm>.
6. *Hershatter G.* Women in China's long twentieth century. Berkeley, 2007. P. 86.
7. Ibid. С. 47.
8. Если сравнить данные, которые приводят в своих заметках иностранные жители и путешественники, то можно увидеть, что в промежутке между 1930–1940-ми гг. население Шанхая увеличилось примерно на 50%, с 3 до 4,5 млн человек. См., например: *Gunther J.* Inside Asia. Shanghai, 1939; *Karns M., Patterson P.* Op. cit.; Flying Tiger: guide to Shanghai. New York, 1945. Российская исследовательница Таскина Е.Н. в одной из своих статей приводит данные о наличии в Шанхае в середине 30-х гг. 7 млн жителей (*Таскина Е.П.* Русские в Китае: Китайские годы Олега Лундстрема // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 147).
9. Линь Юйтан (1895–1976) — китайский писатель, философ, ученый.
10. *Чжан Айлин*. Сыюй [Сокровенное]. 1944. URL: <http://www.book.kanunu.org/book3/7108/index.html>.
11. *Чжан Чжунминь*. Цзиньдай Шанхай гунжэнь цзешэн дэ гуцзы юй шэнхо — и 20 шицзи 30 няньдай дяоча вэй чжунсинь дэ фэньси [Анализ жизни и уровня оплаты рабочего класса Шанхая на материале исследований 30-х гг. XX в.]. URL: <http://ecopomy.guoxue.com/?p=2741>.
12. Движение в Китае в мае-июне 1919 г., начавшееся с активного выступления молодежи по всей стране. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Подробнее о движении см.: *Картунова А.И.* К 90-й годовщине "движения 4 мая" // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 163–167.
13. *Чжэн Юнфу; Лу Мэйи*. Указ. соч. С. 6.
14. *Hershatter G.* The Hierarchy of Shanghai Prostitution, 1870–1949 // Modern China. 1989. Vol. 15, No. 4. P. 473.
15. All about Shanghai...
16. Маджонг (также мацзын, или мадзын) — китайская азартная игра в фишки с использованием игральные кости, для четырех игроков.
17. *Янь Цзюньлин*. Указ. соч. С. 9.
18. *Носк М.* Gentility in a Shanghai literary salon of the 1930s: The quest for gentility in China / Ed. by Daria Berg. Abington, 2007. P. 60.
19. Ibid. P. 67.
20. All about Shanghai...
21. *Дай Юньюнь*. Шанхай сяоцзе [Шанхайская девушка]. Шанхай, 1999. С. 108.
22. *Conner A.W.* Don't Change Your Husband: Divorce in Early Chinese Movies // Law review. 2005. Vol. 40, № 5. P. 2.
23. Дансинг (кит. *утин*) — определенный тип развлекательных заведений, совмещавший в себе ресторан и танцевальный зал. Шанхайские дансинги отчасти были схожи с кабаре, однако важным их отличием было то, что популярностью в них пользовались западные парные танцы, а не представления на сцене. Слово «дансинг» встречается в мемуарах и автобиографических произведениях русских мигрантов, проживавших в 1930-е гг. в Шанхае.
24. *Сунь Мэньин*. Лаошанхай дэ янжэнь [Иностранцы старого Шанхая]. Шанхай, 2010. С. 12.
25. Там же. С. 32.
26. *Karns M., Patterson P.* Op. cit.
27. *Дай Юньюнь*. Указ. соч. С. 91.

28. Чжэи Юнфу, Лу Мэйи. Указ. соч. С. 537.
29. Чжан Айлин. Тань тяоу [О танцах] // Тяньди. 1944. № 14. С. 1.
30. Karns M., Patterson P. Op. cit.
31. Дай Юньюнь. Цит. соч. С. 92.
32. Шанхай чжэньдан [Редкие хроники Шанхая] / Под ред. Си По. Шанхай, 2007. С. 13.
33. Ясуй цянь [Новогодняя монета]. Реж. Чжан Шичуань. Шанхай, 1937.
34. Нюйшэнь [Богиня]. Реж. У Юнган. Шанхай, 1934.
35. Почагина О.В. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае // Пробл. Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 77.
36. Там же. С. 78.
37. Hershatter G. The Hierarchy... P. 463.
38. Почагина О.В. Цит. Соч. С. 78.
39. См. например: Hershatter G. The Hierarchy... P. 463.
40. Karns M., Patterson P. Op. cit.
41. Hershatter G. The Hierarchy... P. 483.
42. Почагина О.В. Указ.соч. С. 78.
43. Flying Tiger...
44. См. например: All about Shanghai...; Gordon A.H. The streets of Shanghai. Shanghai, 1941; Baum V. Sity-by-the-Sea. Shanghai, 1937. URL: <http://www.earnshaw.com/shanghai-ed-india/tales/library/pott/index.html>.
45. Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. СПб., 2001. Т. 1. С. 278.

Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг.

© 2014

А. Маленкова

В статье предложена периодизация истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1922 по 1938 гг. На основе событий внутренней и внешней политики Советского Союза, отношений советских властей и китайских мигрантов, а также изменений внутри диаспоры были выделены три периода. Подобный подход помогает глубже проанализировать определенные успехи политики в отношении мигрантов и понять причины депортации китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР.

Ключевые слова: китайские мигранты, Дальний Восток, периодизация, НЭП, депортация.

Изучение истории любой диаспоры требует учета как истории страны проживания, так и того региона этой страны, где она непосредственно расселена. Это относится и к китайской диаспоре на Дальнем Востоке России и СССР, обладавшем весьма сильной региональной спецификой.

Цель данной статьи — предложить один из возможных вариантов периодизации истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР с 1922 по 1938 гг., то есть со времени включения этих территорий в состав Советского Союза и до депортации большей части оставшегося там китайского населения в Синьцзян, советскую Среднюю Азию и Казахстан в 1938 г., основываясь как на изменениях в политике властей по отношению к диаспоре, так и на социальных изменениях внутри ее самой.

Основными источниками для изучения данного вопроса служат официальные документы (данные переписей, статистические справочники, постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и региональная периодическая печать тех лет на русском и китайском языках)¹. Весьма важными для данного исследования также являются воспоминания современников (как китайцев, так и русских), работавших на Дальнем Востоке или побывавших там (Д. Мечник, Е. Кишкина, Се Хуайдань, Ши Чжэ, Р. Вяткин, В. Бережков).

Первые работы по изучению китайцев на Дальнем Востоке СССР были начаты еще в 1920-е гг. китаистами А.Г. Шпринциным и Т.Ф. Скворцовым-Токариным, однако, они затрагивали в основном вопросы латинизации китайского языка и топонимики². Комплексное же изучение китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–30-е гг. стало возможно только в последние десятилетия. Наибольший вклад в исследование жизни китайцев на Дальнем Востоке в советский период внесли труды О.В. Залесской,

Н.Г. Кулинич, Е.Н. Чернолуцкой и других авторов³, однако целый ряд вопросов все еще остается нерешенным, включая вопрос о периодизации истории китайцев Дальнего Востока.

Как известно, большая часть Дальнего Востока формально вернулась под контроль общероссийского центра, когда 15 ноября 1922 г. территория Дальневосточной республики вошла в состав РСФСР в качестве Дальневосточной области, а затем вместе с Россией стала частью Советского Союза. Дальневосточный регион обладал своей весьма существенной спецификой, которая влияла как на политику властей, так и условия жизни местного населения. Главной его проблемой было несоответствие между огромной территорией, значительными ресурсами и огромным стратегическим значением, с одной стороны, и небольшим населением и ограниченными возможностями государства, с другой. Когда в 1926 г. был образован Дальневосточный край (ДВК), его территория составила 2,6 млн. км кв., однако, численность населения согласно переписи равнялась лишь 1,9 млн. чел. Эти обстоятельства создавали постоянную потребность в притоке рабочей силы при освоении местных ресурсов, которая удовлетворялась, в том числе, и за счет притока иммигрантов из соседних стран. Согласно официальным статистическим данным, значительную часть иностранных жителей ДВК составляли китайцы — более 72 тыс. чел из 154 тыс. местных иностранцев⁴. Однако, действительная численность китайской диаспоры в Дальневосточном крае была значительно больше, чем цифры зафиксированные статистикой. Согласно секретной справке «Китайцы в Дальневосточном крае» (1930 г.): «Данные переписи 1926 г. ни в какой мере не дают представления о действительном количестве китайского населения в Крае, так как в силу текучести его нет возможности зарегистрировать всех китайских граждан, проживающих на территории Дальне-Восточного Края»⁵. Значительное присутствие китайского населения ощущалось всеми побывавшими на Дальнем Востоке в это время. Корреспондент «Немецкой центральной газеты» («Deutsche Zentral Zeitung»), издававшейся в Москве, в 1927 г. так описывал город Владивосток: «Когдаходишь в зал ожидания вокзала Владивостока, сразу наконец ощущаешь, что находишься на Востоке. Даже можно подумать, что находишься в Китае — так много китайцев! Да, Владивосток очень похож на китайский город...»⁶ И даже статья о Владивостоке в первом издании «Большой советской энциклопедии» отражает явное китайское влияние в городе: «Наличие иностранных судов, — главным образом, японских, — значительное количество живущих в городе японцев, китайцев и корейцев, китайские носильщики (кули), китайские лавочники, харчевки и театрики, оригинальные китайские парусные суда, — все это придает Владивостоку тихоокеанский колорит»⁷.

Регион, отдаленный от столицы на тысячи километров, обладал определенными особенностями, которые были связаны с его географическими характеристиками и этническим составом населения. Следует также учитывать, что экономические меры, принимавшиеся советским партийным руководством, «доходили» до дальневосточных окраин немного позже, чем начиналась их реализация в центральной России.

Еще одним отличием региона от остальной части СССР было его международное положение. Географически он был частью Восточной Азии, но политически постепенно оказывался изолированным от нее. Кроме того, в 1920–30-е гг. на ситуацию на Дальнем Востоке влияли и изменения внешнеполитической ситуации: присутствие милитаристских группировок и бандитских формирований на северо-востоке Китая, наличие белой эмиграции в Харбине, события на КВЖД в 1929 г., вторжение японцев в Манчжурию в 1931 г. Естественно, что внешние факторы повлияли и на политику, проводимую там советскими властями, хотя местная специфика не всегда принималась во внимание.

Рассматриваемый период в истории России был временем коренных изменений во внутренней политике государства и создания экономики, общества и культуры, кото-

рые должны были базироваться на новых нормах. Все общественные и политические перемены, происходившие в Советском Союзе в то время, в большей или меньшей степени отразились и на жизни китайского населения на Дальнем Востоке страны, однако этот процесс, как уже говорилось, имел свою специфику и свою периодизацию.

Анализ трансформации китайской диаспоры на Дальнем Востоке России и изменений в воздействовавших на нее экономических и социально-политических процессах, позволяет выделить в этом этапе ее истории три основных периода. (Рубежи этих периодов определены, исходя из того, когда соответствующие тенденции общественно-политического развития стали преобладающими, а не исходя из времени появления этих тенденций).

Первый период длился с 1922 по 1929 гг. Для Советского Союза это время реализации НЭПа (с марта 1921 г.), когда существовал рынок и различные формы собственности, в форме концессий в советскую экономику активно привлекался иностранный капитал, была проведена денежная реформа, после которой рубль на время стал конвертируемой валютой. На Дальнем Востоке СССР в этот период государственную политику во многом определяли задачи экономического развития. Власти, стремясь наращивать там экономический и военный потенциал и не имея пока достаточных сил и средств для контроля над местным населением, часто шли тогда на весьма существенные даже для этого периода компромиссы, когда политические принципы приносились в жертву экономической целесообразности. Сказывалась на общей обстановке и предшествующая история региона.

Как отмечает Е.Н. Чернолуцкая, особенностью НЭПа на Дальнем Востоке было то, что «здесь в период гражданской войны не был разрушен рынок. Дальневосточный частник более легко адаптировался к реалиям советской жизни, так как счастливо избежал трагических событий периода “военного коммунизма” и сплошной экспроприации, имевших место в центральных губерниях России в годы революции и гражданской войны»⁸. Таким образом, китайские купцы и мелкие торговцы также некоторое время могли беспрепятственно продолжать свою деятельность, лишь расширяя свое присутствие в регионе. Согласно сохранившимся статистическим данным за 1926–1927 гг. в составе частной торговой сети края имелось «свыше 50% торговых заведений, принадлежащих китайским гражданам, и охватывающих, примерно, такой же процент торгового оборота»⁹.

Проживавший в это время на Дальнем Востоке театральный режиссер Донат Мечик¹⁰ так описал эпоху в своих воспоминаниях: «Атмосфера Владивостока легко открывала двери НЭПу. По-прежнему работали: датский телеграф, бельгийский трамвай, греческие кафе “Куруппи” и магазин восточных сладостей Калояни, чешские кондитерская фабрика “Пригода” и иллюзион “Глобус”, немецкий универсальный магазин Кунста и Альберса, фотография японца Хосито, два китайских театра, популярный магазин Сан-Хо-шина, бесконечное количество прачечных, парикмахерских и лавчонок китайских предпринимателей»¹¹.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке, в регионе происходит постепенное восстановление хозяйственной жизни и увеличение доли государства в экономике: «В 1923–1924 гг. были национализированы ряд заводов, пищевые предприятия, домовладения, восстановлены угольные шахты Сучана, пущены в эксплуатацию законсервированные в войну цехи крупнейшего на Дальнем Востоке судоремонтного предприятия — Дальзавода, расширялась сфера действия Владивостокского торгового порта». При этом, «присоединив Приморье к Советской России политически, в экономическом плане Москва поначалу предоставила регион самому себе в связи с катастрофической нехваткой государственных средств и отсутствием экономических связей центральных районов страны с Дальним Востоком»¹².

Стоит выделить и еще одну особенность региона. В 1920-е гг. Дальний Восток СССР играл важную экономическую роль, так как он, как отмечал С.Е. Чуцкаев, пред-

ставлявший ДВК на XV Съезде ВКП (б) в 1927 г., «увеличивал экспортные и валютные ресурсы Союза» и давал «значительные валютные средства»¹³. Поэтому менять экономический порядок на Дальнем Востоке в тот период было не выгодно для государственных доходов.

Экономический рост этих мест в большой степени зависел от притока на Дальний Восток мигрантов. Для осуществления замыслов по развитию данной территории¹⁴ планом Крайземуправления¹⁵ предусматривалось вселение в край в первое десятилетие I млн. человек. Однако расчет на внутреннюю миграцию не оправдался: далеко не все жители европейской части Союза захотели и смогли жить и работать в предлагаемых сложных условиях. Китайские же рабочие готовы были выполнять работу за меньшие деньги, чем советские (исследование условий труда рабочих в ДВК показало, что «зарплата неорганизованных восточных рабочих составляет едва 20 проц. по отношению к таковой же у членов союза»¹⁶) и жить в помещениях, непригодных, с точки зрения советского рабочего, для нормального существования. Особенно жуткими были общежития на экономически значимых предприятиях угольной и золотодобывающей промышленности. Комиссия, которая обследовала бытовые условия жизни китайских рабочих в 1929 г., обнаружила, что они жили или в «матязных бараках /МАТЯЗА — в переводе на русский язык — конюшня/», или в землянках «скученно, в антисанитарных условиях», и пришла к выводу, что если бы русский рабочий «был поставлен в те же жилищные условия, что и китаец, он не проработал бы и одного дня»¹⁷. Также необходимо было учитывать разницу в подходе и отношении к труду со стороны русских и китайцев. Китаец для большого количества работ был предпочтительнее русского.¹⁸

Именно для первого периода характерны не только наибольшая численность китайской диаспоры и ее максимальное экономическое влияние в крае. В эти годы также, в большей степени, чем в дальнейшем, там сохранялись и функционировали традиционные формы социальной организации китайцев: купеческие общества, религиозные общины, система найма и организации труда рабочих.

В 1920-х гг. верхушку китайского общества на Дальнем Востоке России все еще составляли крупные и средние торговцы, либо временно приезжавшие из Китая, либо прочно обосновавшиеся на русской советской территории и даже имевшие советское гражданство. Китайцы торговали очень широкой номенклатурой товаров: от элементарного промышленного и сельскохозяйственного оборудования до дров, одежды и продуктов питания. При этом китайские коммерсанты пытались занять все свободные товарные ниши и торговые территории. В основном «китайская торговля специализировалась преимущественно в следующих отраслях: съестные припасы, напитки и табачные изделия — 22,1%; мануфактура и галантерея — 3,8%; смешанная торговля (мелочная) — 48,5% и заведения по предоставлению питья и пищи (столовые, харчевки и т. д.) — 10,2%»¹⁹. Таким образом, китайские торговцы были весьма важным элементом общества дальневосточных приграничных территорий СССР.

Особую роль в организации жизни китайской общины в это время играли китайские купеческие общества (*шанхуй*). Несмотря на преследования со стороны советских властей, эти общества в ДВК продолжили свое существование открыто, сменив название на общества взаимопомощи, и оказывая значительное влияние на китайскую диаспору. Одно время они издавали во Владивостоке газету и содержали больницу, а также школу, в которой обучали китайских детей по китайским программам. Китайские купеческие общества на Дальнем Востоке фактически выполняли функции и административного органа, так как работали в тесном контакте с Пекином и оказывали большое влияние на местное китайское население. Китайский консул фактически работал под их руководством и наблюдением. Одно время консул даже получал от членов обществ жалование и ни одного паспорта не мог выдать без их санкции²⁰. Согласно сведениям из справки о положении китайского населения 1929 г., «поддерживая мате-

риально китайское консульство в ДВ Крае, эти общества в то же время служат проводниками консульского влияния на китайское население, вплоть до осуществления последними консульской юрисдикции на нашей территории».²¹

Рабочие-мигранты, составлявшие большинство дальневосточных китайцев, также часто были интегрированы в социальные традиционные структуры (побратимские союзы, религиозные общины и тайные общества). Продолжала функционировать и традиционная для китайских рабочих схема найма рабочих: основную роль в этом процессе, по-прежнему, играли подрядчики-старшинки, джангуйды-хозяева, компрадоры-посредники²². Борьба с ними не приносила должного результата из-за того, что без их участия организация и выполнение работ силами китайцев, по мнению местных управленцев, была невозможна.

Источники сохранили ряд интересных примеров попыток борьбы советской власти с подобными явлениями, которые свидетельствуют, что она была затруднена из-за позиции китайских рабочих. «В прошлом году (1928 г. — *А.М.*) на постройку элеватора в Средне-Белой сформировалась артель исключительно из восточников²³. Какой-то чисто одетый китаец получил в Благовещенске аванс на всех рабочих для поездки на место работы... Весь аванс он присвоил себе, а рабочие поехали в Средне-Белую на свои деньги. “Володя” — так звали джангуйду — преспокойно устроился на винзавод и здесь работал, ожидая очередного перевода от своих крепостных. Когда трюк джангуйды был разоблачен, то выяснилась полная невозможность доказать юридически его проделки. Рабочие стояли за него горой. Другой случай был в Архаре. Там джангуйда устроился гораздо удобнее. Числясь членом артели, он не работал, а разъезжал, подыскивая подряды и даже имел собственную контору, где работали два конторщика. Когда его поймали, повторилась та же история: ни милиция, ни другие органы не могли добиться от рабочих ни одного слова и “Володя” № 2 ускользнул от суда»²⁴. Без посредника невозможно было представить ни одну сферу жизни китайцев. Как отмечалось в уже процитированной справке, «компрадор официально существовал в советских условиях еще в 1928 г. Этого посредника имел советский торговый флот. Если китайцу-рабочему нужно было купить билет, он шел не в агентство Совторгфлота, а в суб-агентство некоего Ли-Фу, которое брало 6 рублей лишних. Компрадором пользовались и Владивостокский Откомхоз для получения платы с китайцев-рабочих за пользование электричеством. В китайском квартале на Семеновской улице существует китаец, у которого стоит отчетчик (так в тексте. — *А.М.*) и если китайский рабочий хочет завести электрическую лампочку, то он должен присоединиться к этому компрадору-китайцу»²⁵.

Китайская диаспора Дальнего Востока имела и собственные банки, которые пересылали заработанные мигрантами деньги в Китай. Возможность перевода денежных средств на родину была важным фактором привлечения китайских рабочих в СССР. Несмотря на то, что в 1928 г. из Советского Союза было выдворено 57 осужденных содержателей нелегальных китайских банков²⁶, в следующем году только по Владивостокскому округу насчитывалось 11 крупных китайских тайных банков, которые занимались переводом валюты в Китай и скупкой червонцев на черной бирже, понижая курс червонца. Работа китайских тайных банков велась с соблюдением конспирации и записи о переводах делались шифром²⁷.

Традиционной оставалась и культура китайской диаспоры в советское время. Во всех крупных городах Дальнего Востока продолжали функционировать китайские театры, как и раньше спонсировавшиеся китайскими коммерсантами. Для китайской диаспоры театр оставался практически единственным законным развлечением и был чрезвычайно популярен. И хотя находились те европейские зрители, кто восхищался мастерством китайских актеров²⁸, по мнению местных властей такой театр нуждался в реформировании: его репертуар, декорации и костюмы не соответствовали необходимым идеологическим нормам²⁹. С точки же зрения китайских актеров дальневосточные театры были

хорошей гастрольной площадкой, что обеспечивало приезд достаточно известных актеров китайского театра. В регионе также активно действовали постоянные труппы, обладающие собственными помещениями во Владивостоке, Хабаровске и Уссурийске.

В первый период деятельности советских властей в регионе те не смогли трансформировать традиционные формы существования китайской диаспоры, но вместе с тем он стал временем начала реализации комплекса мер, призванных обеспечить установление контроля над китайским населением Дальневосточного края со стороны органов власти: создаются образовательные учреждения (клубы, красные уголки, ликпункты)³⁰ для китайцев, начинается борьба за улучшение организации труда китайских рабочих, а также наблюдаются первые попытки ломки традиционных китайских социальных структур.

Так как в этот период советское руководство не смогло решить проблему нехватки рабочей силы в ДВК, регион продолжал нуждаться в мигрантах, в том числе и в китайской диаспоре. В 1929 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), секретарь Далькрайкома И.Н. Перепечко отмечал: «Основным недостатком всего хозяйства края, препятствующим использованию колоссальнейших естественных его богатств, является острый недостаток, а иногда и полное отсутствие живой рабочей силы. В настоящее время мы вводим десятки тысяч иностранных рабочих»³¹.

Второй период продлился с 1929 по 1934 гг. В СССР на начало этого периода приходится кризис хлебозаготовок и, как следствие этого трудности снабжения в 1928–1929 гг., последовавшее за этим введение карточной системы для снабжения населения хлебом в условиях дефицита (отменена в 1935 г.), осуществление чрезвычайных мер по заготовкам (хлебозаготовки на основе контракции — т.е. механическая разверстка планов на районы, встречные планы) и коллективизации, как меры для борьбы с трудностями, возникавшими в ходе хлебозаготовок; свертывание НЭПа и запрет частной торговли в 1928 г. (решение о ее полной ликвидации было принято в 1931 г.); выполнение первого пятилетнего плана (1928–1933 гг.).

На Дальнем Востоке в это время власти практически полностью взяли под контроль экономику края и в дальнейшем определяли ее развитие. Радикальные перемены в экономической сфере и политические меры тех лет, естественно, сказались и на местной социальной структуре. Изменения в экономическом курсе, однако, приходили на дальневосточные рубежи с заметным опозданием³². НЭП фактически продлился в регионе до 1931 г. Лишь в начале 1930-х гг. в экономике региона «полностью возобладал социалистический сектор, частный и иностранный капитал был вытеснен, концессионное дело свернуто»³³.

Интересны свидетельства современников, которые застали переломную эпоху на Дальнем Востоке. Елизавета Кишкина³⁴ — будущая жена Ли Лисаня — в 1931 г. из Москвы уехала на работу в Хабаровск, где еще застала частную торговлю, придававшую Дальнему Востоку особый колорит и ощущение сытой жизни. Спустя год, в 1932 г. по заданию типографии она переехала во Владивосток, где экономическое положение было уже иным. Вот как она описывает его в своих воспоминаниях: «Этот красивый приморский город сразу привлек мое внимание. Наше издательство находилось в центре города и, сидя за рабочим столом, подняв голову можно было видеть необъятный океан, красивую бухту Золотой рог. Владивосток — это природная гавань, но в то время там ощущалось запустение, безлюдность, безжизненность, и он не был похож на оживленный и загруженный международный порт. Экономика была не на подъеме, имелись трудности с поставками угля, что заставило надолго задержаться в порту иностранные пароходы, из-за чего советскому правительству пришлось выплачивать штрафы в валюте. Так как производство угля и после этого сокращалось, экономика приграничья уже находилась в трудном положении»³⁵. Это было лишь начало экономических преобразований в крае. По воспоминаниям Е. Кишкиной, в дальнейшем условия жизни на Дальнем Востоке ухудшились даже для людей, находившихся на спецснабжении.³⁶

Еще одно свидетельство запустения Владивостока было описано корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» уже в 1934 г.: «Былая слава Владивостока прошла, остался только город с увлекательным прошлым, мрачным, доведенным до нищеты настоящим, и будущим омраченным неопределенностью и вероятной катастрофой. <...> Улицы пусты и бесцветные. Можно видеть только бедно одетых русских и истрепанных китайцев, и кое-где монголов, корейцев и японцев. <...> Владивосток слишком удален от центров советской индустриализации, чтобы он принимал активное участие в строительстве социализма. К тому же, он остался, со времен революции, обособлен от обычной торговой жизни Дальнего Востока. Захват Манчжурии Японией положит конец когда-то процветающему порту. <...> Здания разрушаются и улицы нуждаются в ремонте. Частые глубокие ямы на тротуаре делают ночные прогулки опасными. Две главные улицы, бывшие Алеутская и Светланская, были переименованы в улицы Ленина и 25-го Октября, но не более того, первая пятилетка и шесть условий товарища Сталина³⁷ мало что сделали для Владивостока. Он часто страдает от недостатка воды. Как и везде под русским правлением, частные дома когда-то богатых людей сейчас наполнены пролетариями. Благодаря притоку людей из внутренних районов страны, которые искали работу и пропитание, население удвоилось и обычной стала перенаселенность домов»³⁸.

В таких условиях существование мелких торговцев, ремесленников, прачек и различных кустарных рабочих стало весьма проблематичным, т.к. фактически они оказывались вне системы снабжения, а коммерсанты чем дальше, тем больше становились объектом преследований. Начался отток китайского населения из СССР, что сокращало слабо контролируемые властями слои диаспоры (по официальным данным на 1 января 1932 г. в крае проживало 52 тыс. китайцев³⁹), но было весьма негативным обстоятельством с точки зрения экономики, так как потребность в рабочей силе в те годы только возросла. Массовый отъезд китайского населения на родину (который безусловно превышал официальную статистику, так как уезжало и нелегально проживающее в крае население), первое время не компенсировался, заменить китайцев оказалось нечем, российское население мигрировало на Дальний Восток в недостаточном количестве. Возвращение китайцев на родину было также связано с продовольственными затруднениями в крае, а также прекращением «снабжения продуктами первой необходимости неорганизованного китайского населения»⁴⁰, что как уже говорилось, особенно затронуло всех тех, кто не был охвачен карточной системой.

Уменьшение численности происходило не только за счет увеличения выезда китайцев из СССР, но из-за сокращения въезда. В 1929 г. после начала конфликта на КВЖД китайско-советская граница была закрыта. После событий на КВЖД и оккупации японцами Маньчжурии советские власти принимают комплекс мер, направленный на дальнейшее укрепление границы с Китаем, пресекая все «неконтролируемые контакты с зарубежьем»⁴¹. Контроль над границей стали укреплять и японские военные вместе с властями Маньчжоу диго⁴², что сделало невозможным массовый приток рабочей силы из Китая в принципе. Ши Чжэ⁴³, работавший в СССР в описываемый период, писал: «К 1931–1932 гг. количество китайских мигрантов в Советском Союзе сократилось более чем на две трети. В 1932 г. когда Япония заняла Северную Маньчжурию, транспортное сообщение между Советским Союзом и Северо-Востоком Китая было прервано».⁴⁴

Необходимость в переселении людей на Дальний Восток, как уже отмечалось, только возросла. Официально в первый пятилетний план была заложена цифра в 800 тыс. чел.⁴⁵ Советское руководство открыто провозглашало, что в дальнейшем освоение природных богатств края должно будет происходить на базе широкого организованного переселения, которое во второй пятилетке должно было принять очень большие размеры⁴⁶. Однако, план по добровольному организованному переселению так выполнен и не был. К тому же на Дальнем Востоке всегда существовала проблема «закрепленности» добровольно переселяемого населения, большинство приехавших не хотели оста-

ваться в регионе из-за отсутствия достойных социальных и материальных условий (бытовой благоустроенности, диспропорции женского и мужского населения и т.п.)⁴⁷. Недостаток рабочей силы в наиболее трудных для проживания районах в течение 1930-х гг. постепенно был компенсирован крестьянами, уходившими из деревень после коллективизации, «спецпереселенцами»⁴⁸ и заключенными Дальлага⁴⁹, которые фактически заняли социальную нишу китайских рабочих, после чего во многом исчезла необходимость массового присутствия китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР.

Коллективизация, начавшаяся в 1931 г. (сроки завершения которой для Дальнего Востока были отодвинуты до весны 1933 г.⁵⁰), также ударила по той части дальневосточных китайцев, которая долгое время занималось снабжением дальневосточных городов свежими овощами и зеленью. В крае были организованы китайские колхозы, а с единоличниками начата последовательная борьба. Стоит отметить, что была в определенной мере сохранена «специализация» китайских колхозов на овощных культурах, так как они традиционно успешно выращивались китайскими крестьянами.

Начиная примерно с 1929 г., советские власти активизировали борьбу с китайскими торговцами и предпринимателями, а также с купеческими и некоторыми религиозными обществами, предпринимая меры по их закрытию. После начала кампании по свертыванию НЭПа и после конфликта на КВЖД деятельность подобных китайских обществ на территории ДВК была прекращена почти полностью. Дипломатические отношения между Китайской Республикой и Советским Союзом были прерваны. Под воздействием изменившейся внутренней и внешней политики СССР значительные изменения претерпели также сфера занятости⁵¹ и традиционные формы социальной организации китайской диаспоры.

Эти действия начали сказываться и на образе города. По свидетельству коммуниста-путешественника из Центральной Европы Отто Хеллера, посетившего Дальний Восток в 1932 г., Владивосток был городом, где присутствовало большое количество китайских рабочих, которые были включены в систему социалистического строительства. Он весьма идеалистически описывает условия созданные для китайских мигрантов: «Китайские портовые рабочие, которые работали не только в транзитных доках, но и в доках с лесоматериалами и углем, были особенно активны. Социалистическое соревнование, бригады, обучающие курсы, ликвидация безграмотности — все это были равные условия для европейских и азиатских рабочих»⁵².

Второй период определяется также началом активной советизации китайского населения: продолжением кампании по вовлечению китайцев в профсоюзы, формированием китайских пионерских отрядов, организацией китайских колхозов⁵³, кампанией по созданию китайской советской культуры, включавшей новую литературу и театр и т.д. Разворачивается работа по переводу китайского языка на латиницу⁵⁴ и ликвидации неграмотности с одновременным приобщением к основам советской идеологии.

В данный период советская власть активизирует работу по подготовке китайских кадров для Дальнего Востока. Так, в конце 1928 г. было решено отправить «студентов Университета им. Сунь Ятсена, членов партии и комсомола, в золоторудные районы Сибири для работы над идеологическим, политическим и культурным воспитанием восточных рабочих, [эта должность] называлась инструкторами восточных рабочих».⁵⁵ Однако, далеко не все китайские студенты соглашались долгое время работать на рудниках с китайскими рабочими. Большинство было настроено «против работы на приисках и с начала приезда» ставили «вопрос об откомандировании их обратно в Москву, изыскивая для этого всевозможные причины /болезнь, плохие жилищные условия, невозможность перевоспитания восточных рабочих из-за их неграмотности, возраста и т.д./»⁵⁶. Найти достаточное количество людей, которые могли бы проводить политику советских властей в среде китайских мигрантов, было практически невозможно. Нередко происходили курьезные случаи, например, когда в Арханском районе Амурского округа в рабочком был

избран китайский рабочий, но вместо ведения профсоюзной работы он стал старшиной и получал с рабочих процент от их заработка⁵⁷.

В начале 1930-х гг. было также положено начало трансформации старой культурной жизни и созданию совершенно новых форм развлечений. Как уже было отмечено, дальневосточные китайские театры играли важную роль в существовании китайской диаспоры. Для большого количества неграмотных китайцев именно театральные представления были основным зрелищным мероприятием и источником сведений о прошлом Китая и об устройстве мира. Значимость китайского театра в идеологическом воспитании диаспоры понимали и советские власти, поэтому особое внимание было уделено реорганизации традиционного китайского театра, где было решено заменить репертуар, который включил в себя новые пьесы, написанные на современные темы⁵⁸. Более того, была осуществлена попытка создать принципиально новый китайский театр. В 1931 г. из китайских рабочих и учащихся китайской партшколы была сформирована труппа театра. Этот коллектив артистов начал свою работу в новой популярной театральной форме — театра рабочей молодежи (ТРАМ)⁵⁹. Сейчас можно говорить о том, что активное желание советских властей переделать традиционный китайский театр и создание ТРАМа привело к угасанию этого явления китайской культуры на Дальнем Востоке России: для китайских мигрантов он перестает быть местом сосредоточения национальной культуры и теряет свою популярность (нельзя также не отметить, что внешнеполитические события сделали невозможным гастрольные выступления китайских знаменитых актеров).

Новые формы искусства и культурных мероприятий XX в. также затронули китайскую дальневосточную диаспору. В 1929 г. была осуществлена попытка наладить радиовещание станции Общества друзей радио на китайском и корейском языках (так в первой трансляции было передано сообщение о перевыборах совета, а также концерт китайского хора)⁶⁰. Большим событием для китайских мигрантов было и открытие в 1929 г. во Владивостоке китайского кинотеатра «Тай-пин-ян» («Тихий океан»), где первое время шли фильмы на китайском языке. В отличие от традиционного театра, в здании кинотеатра устанавливались строгие правила поведения: запрещалось курить, плевать и шуметь. Кинотеатр работал семь дней в неделю и устраивал два сеанса ежедневно⁶¹.

Начало 1930-х гг. стало и временем, когда на Дальнем Востоке стала активно издаваться литература на китайском языке и на новом китайском латинизированном алфавите. За 1931–1938 гг. увидело свет множество изданий различной тематики: книжки для начального чтения малограмотными взрослыми и книжки для детей; переводы русских классиков (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Горький) и произведений китайских писателей, в частности местных авторов; общественно-политическая литература — тексты партийных и государственных документов, докладов, выступлений и т.д.; различная учебная литература: справочники, учебные пособия, буквари, хрестоматии по литературе, учебники по географии, естествознанию, учебник арифметики.⁶²

В первой половине 1930-х гг. советские власти, осознавая тот факт, что большая часть китайцев после занятия Японией Маньчжурии потеряла возможность вернуться на территорию Китая, начали кампанию по паспортизации китайцев. Масштабная выдача паспортов китайцам началась 1 сентября 1933 г. в рамках общей паспортизации дальневосточного населения⁶³. Кампания была призвана решить проблемы преступности, неконтролируемой миграции, распределения рабочих мест, а также обеспечить защиту китайских рабочих от экономической эксплуатации в Дальневосточном регионе. Пропаганда необходимости введения единой паспортной системы велась и на страницах местных газет: «Проведение паспортизации среди восточников имеет огромное политическое значение. Пролетарскому Владивостоку, имеющему многотысячное китайское и корейское население, давно пора освободиться от оставшихся бывших “джайгунд”, которые и сейчас продолжают потихонечку заниматься своими делами, зарывшись в трущобы “миллионки” (район Владивостока, где жили китайцы. — А.М.). Проведение паспортизации сре-

ди восточного населения является суровым пролетарским фильтром... Мы должны превратить дни паспортизации в дни подлинных боев, в дни, которые взорвали бы остатки старой гнили: миллионку, опекурильни, притоны и т.д...»⁶⁴.

Несмотря на проведение кампании по паспортизации «восточников» к 1935 г. ситуация на Дальнем Востоке сильно не изменилась. В одном из документов того времени содержится такая оценка сложившегося положения: «В крае проживает изрядное количество китайцев с просроченными паспортами, без всяких паспортов, среди которых не мало таких, которые не имеют права проживать в городах края. Оформление перехода в советское гражданство идет крайне медленно, учет принятых в гражданство СССР никак не используется в повседневной советской работе и вся эта работа в целом идет самотеком»⁶⁵. Беспаспортные китайцы, которых обязывали получить документы, нередко решали проблему легализации пребывания на территории СССР двумя путями: либо шли к консульству и оформляли документы, оставаясь китайскими гражданами, или шли и записывались в колхозы, где работали наемными рабочими, тем самым скрываясь от принудительной паспортизации⁶⁶.

Второй период — время самой активной работы советских властей с китайскими мигрантами: были сделаны определенные успехи в ликвидации неграмотности, борьбе с «эксплуаторами» среди китайских мигрантов, приобщении китайцев к советской культуре. В то же время реализация этих мер внутри диаспоры в полном объеме была вряд ли возможна, прежде всего, из-за недостаточной численности необходимых для этого кадров и ресурсов. К середине 1930-х гг. для центральных властей стало очевидно, что дальнейшее существование многочисленной китайской диаспоры на дальневосточных рубежах становится нежелательно, так как наличие плохо поддающейся контролю среды китайских мигрантов представляет угрозу безопасности государства, поэтому на эти же годы приходится начало осуществления репрессивной политики в отношении китайцев.

Третий период, продолжавшийся с 1935 по 1938 гг., время начала широкомасштабных репрессий в Советском Союзе. Убийство М. Кирова 1 декабря 1934 г. запустило политические процессы, результатом которых было смещение и ликвидация многих руководителей страны (процесс 19–24 августа 1936 г. над троцкисто-зиновьевским блоком; декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 г., открывший дело Бухарина и Рыкова). Решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором Ежов сказал, что страна наводнена «шпионами, диверсантами и вредителями» и его приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» направили эти репрессии и на остальное население Советского Союза.

На Дальнем Востоке СССР политический курс властей стал доминировать над экономическими интересами и идеологическими постулатами. Стремление нейтрализовать или ликвидировать «неблагонадежное» население, в условиях разворачивавшихся репрессий внутри страны и ухудшения внешнеполитической обстановки привело властные структуры СССР к осуществлению действий, результатом которых стало почти полное разрушение мира китайской диаспоры и кризис или исчезновение связанных с ним звеньев дальневосточной экономики. Формально, этот курс не соответствовал декларируемой в стране идеологии, но в практической работе партийные органы и госбезопасность тогда уже опирались на другие представления: «иннонациональности» (народы, имевшие собственную государственность за пределами СССР) воспринимались как потенциально опасный слой населения⁶⁷.

Эти годы — время массовых арестов и депортации китайцев. Данный период также характеризуются постепенным прекращением работы всех организаций, созданных для китайского населения края: были закрыты китайские школы и театры, распущены китайские колхозы, ликвидированы редакции газет на китайском языке.

Репрессии 1930-х гг. затронули не только «классово чуждые элементы» в китайской общине. Не смотря на то, что многие китайцы — члены ВКП(б) принимали ак-

тивное участие в революционных событиях 1917 г., гражданской войне, партизанском движении на Дальнем Востоке, советском и партийном строительстве, они не избежали обвинений в шпионаже и троцкизме. Так, например, с 1936 г. по доносам Замкова (Пэн Сюлунь), который был инструктором Далькрайкома, были исключены из партии и осуждены китайские коммунисты: Чугунов (Чжоу Давэнь), Пирогов (Ян Гошэн), Одинок (Сян Юймэй), Сабуров (Ли Госы), Орлинский (Дун Исян) и др. Большинство из них были обвинены в шпионаже в пользу Японии и репрессированы⁶⁸. Позже репрессиям подвергся и сам Замков.

В конце 1937 г. состоялись первые массовые аресты китайцев. Всего таких чисток во Владивостоке было три: еще две прошли в феврале и марте 1938 г.⁶⁹ Заключение под стражу китайцев происходило стихийно, по словам одного из очевидцев событий, их «хватили прямо на улице, в общественном транспорте, не спрашивая даже документов. Рабочих арестовывали целыми бараками, включая женщин и малолетних детей»⁷⁰. Подобные мероприятия меньшего масштаба были организованы в это время и в других областях региона, всего арестовано по итоговым оценкам более 11 тыс. человек⁷¹. В июне 1938 г. началось выселение китайской диаспоры с Дальнего Востока⁷². Всего депортировано было 7,9 тыс. человек в Синьцзян, 1,4 тыс. — в Казахстан, 1,9 тыс. переселено во внутренние районы ДВК⁷³.

Интересно, что большинство социальных проблем китайского населения так и не были решены к моменту ликвидации китайской диаспоры в Дальневосточном регионе. Характерен пример описанный Л.М. Васильевым⁷⁴, когда он познакомился с условиями жизни китайцев во Владивостоке в 1938 г. Во как он рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Горсовет предложил нашему тресту взять один из освобождаемых китайцами домов для рабочих. Наши рабочие не были избалованы хорошими условиями жизни и даже новые дома строили из расчета одной комнаты на семью в четыре человека. Когда я пришел осматривать дом, только что освобожденный китайцами, то убедился, что он не имеет комнат в обычном смысле этого слова. Вдоль коридора шел ряд темных клетушек, размером по несколько квадратных метров. В каждой такой клетушке и жила китайская семья. Двери клетушек еле закрывались, иногда вместо дверей висели какие-то лохмотья, помещения были ужасающе грязными. Даже ко всему привыкшие советские рабочие не могли быть поселены в таком доме, и трест вынужден был от этого отказаться»⁷⁵.

Депортация китайцев была приостановлена⁷⁶ вследствие многочисленных протестов со стороны китайского консульства⁷⁷. Однако, и после лета 1938 г. китайцы продолжали покидать территорию Дальнего Востока, направляясь через Среднюю Азию в Китай. Следует обратить внимание на то, что значительную часть депортированных и добровольно выехавших составляли члены смешанных семей, т.е. русские жены и дети китайцев (около 1,5 тыс. человек)⁷⁸. В китайских источниках сохранились многочисленные истории китайских мигрантов, которые увезли с собой из СССР большие семьи⁷⁹.

Выселение китайцев негативно сказалось на экономической ситуации на Дальнем Востоке: порты, многие промышленные и горнодобывающие предприятия потеряли трудолюбивых и малотребовательных рабочих, а городские жители лишились свежих и недорогих продуктов питания. По словам Р.В. Вяткина, «потеря китайской и корейской диаспор, конечно, обеднила Дальний Восток, и его жители очень скоро это почувствовали — на своих желудках прежде всего»⁸⁰.

Вот как описывал изменения, произошедшие во Владивостоке после депортации китайцев, Валентин Михайлович Бережков⁸¹, проходивший военную службу на Тихоокеанском флоте в 1937–1938 гг.: «Уже при мне началась депортация этой части населения. Вскоре почти никого из них не осталось, чем был нанесен непоправимый ущерб экономике Приморского края. Ремесла пришли в упадок, китайская опера закрылась, начисто исчезли овощи. С тех пор, и вплоть до наших дней (начало 1990-х гг. — А.М.), их завозят

в основном из-за Урала и с Украины. Таков результат волны шпиономании, поднявшейся вслед за репрессиями 1937 года против высшего командования Красной Армии. Но мне посчастливилось еще застать лучшие времена Владивостока»⁸².

Репрессии в отношении «восточного» населения Дальнего Востока и депортации китайцев в Сынцзян 1937–1938 гг. полностью изменили облик этого региона СССР. К 1937 г. во всем Дальневосточном крае по официальной статистике осталось 24 589 китайцев⁸³ (это означает, что за советское время численность китайцев на Дальнем Востоке сократилась более чем на две трети). Согласно же данным переписи 1939 г., проведенной «для исправления ошибок предыдущей», статистика Приморского края вообще не отмечала присутствие китайцев, а в Хабаровском крае (в состав которого по новому административному делению входила и Амурская область) проживало лишь 5117 китайцев. Большая их часть (4650 чел.) теперь была расселена в сельской местности⁸⁴.

Нетрудно заметить, что основные параметры политики властей в советский период определялись изменениями в политической жизни СССР в целом (реализацией НЭП, переходом к активному «социалистическому строительству» и началом репрессий). При этом ход событий здесь имел целый ряд весьма существенных особенностей, которые определялись как региональной спецификой, так и развитием внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке. Вначале советской эпохи политика была ориентирована на то, чтобы использовать китайскую рабочую силу для решения экономических проблем региона; при этом власти относительно терпимо относились к существовавшим у китайцев формам организации общества, не имея сил их изменить, а в некоторых случаях воспринимая их как неизбежное зло. Все это приводило к возникновению условий для сохранения традиционных социальных структур китайской диаспоры, существованию слоя посредников и в конечном итоге информационной изоляции и социальной замкнутости китайцев. Затем была предпринята попытка «советизировать» китайцев Дальнего Востока, включив их в социально-политическую систему СССР и заместив старую китайскую культуру новой, основанной на общесоветских ценностях. Это привело к эмиграции значительной части китайского населения, не находившей своего места в новом обществе. Одновременно, были созданы советские структуры, которые должны были организовать жизнь китайской диаспоры в СССР: китайские клубы, кружки по ликвидации неграмотности, красные уголки и др. Впрочем, зачастую эти структуры не выполняли возложенные на них функции, лишь имитируя активную работу с китайским населением. В третий период власти перешли от действий по советизации диаспоры к курсу на ее ликвидацию, в результате чего большая часть китайской диаспоры подверглась арестам, высылке или расстрелам.

В целом, положение китайской диаспоры в это время определялось политико-экономической ситуацией в регионе и основное содержание трех этапов, на которые делится ее история с 1922 по 1938 гг. можно определить следующим образом: на первом этапе задачи экономического развития Дальнего Востока доминируют в политике властей над политическими задачами; на втором государство берет под свой контроль экономическую ситуацию в регионе и стремится трансформировать диаспору; третий этап — это время, когда приоритет в управлении регионом отдан политическим задачам, что приводит к ликвидации диаспоры и частичному разрушению связанных с ней сфер экономики.

---

1. Основными газетами, издававшимися в 1920–1930 гг. на Дальнем Востоке, были: «Красное знамя» (Владивосток), «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), «Амурская правда» (Благовещенск). Главным периодическим изданием на китайском языке с наибольшим тиражом была газета «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь»).

2. Например: *Скворцов-Токарикин Т.Ф.* Географические названия Дальневосточного края у местных китайцев // Вестн. Дальневосточ. филиала АН СССР. 1932. № 3–4. С. 59–66; *Шпринцин А.Г.* О работе китайской секции Дальневосточного комитета нового алфавита // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 64–67.
3. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009; *Кўлинич Н.Г.* Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920–1930 гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 4.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 8.
5. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 2.
6. *Friesen. Der Ferne Osten.* Moscow, 1927. P. 17. Цнт. по: *Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. Praeger, 1954. P. 45.
7. Большая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 11. С. 555.
8. *Чернолуцкая Е.Н.* Приморский край в Советский период. URL: <http://www.fegi.ru/primoreye/history/soviet.htm> (Дата обращения 04.08.10).
9. Дальневосточный край в цифрах: справочник. Хабаровск, 1929. С. 196.
10. Мечик Донат Исаакович (1909–1995) — театральный режиссер, отец С. Довлатова. В своих мемуарах он описал время становления советской власти во Владивостоке начала 1920-х гг.: «Советизация Владивостока, отстоявшего на десять тысяч километров от столицы, шла заторможено. Все еще были в ходу японские иены и американские доллары. Царское серебро продолжали принимать по курсу два или два с половиной за бумажный рубль» (*Мечик Д.* Театральные записки. Нью-Йорк, 1989. С. 126).
11. *Мечик Д.* Театральные записки. Нью-Йорк, 1989. С. 127.
12. *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч.
13. Речь тов. Чушкаева // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1928. С. 834. С.Е. Чушкаев (1876–1944) — советский государственный и партийный деятель, с марта 1927 по 1929 гг. являлся председателем Дальневосточного краевого исполкома советов, избирался членом бюро крайкома ВКП(б).
14. Согласно изданию Дальневосточного переселенческого управления, политика советской власти там имела следующие цели: «Дальний Восток, страну казармы и каторги превратим в экономически мощный и хозяйственно цветущий край. Вместо крепостей и тюрем построим фабрики и заводы, разовьем сельское хозяйство, и все народное хозяйство организуем на социалистических началах». (Заселение Дальне-Восточного края (Материалы ко II краевому съезду советов). Хабаровск: Изд. ДВ переселенческого управления. 1927. С. 3.
15. Земельное управление при исполнительном комитете краевого совета.
16. Положение труда на Дальнем Востоке. Чита, 1924. Предисловие.
17. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 24.
18. Многие годы изучавший Дальний Восток и его население В.К. Арсеньев так оценивал трудовые навыки русского и китайца: «Там, где нужно произвести спешную работу в короткий срок, великоросс является незаменимым работником, но при условии, чтобы эта работа не имела тяжелого характера и не была однообразна и монотонна; но где работа длительная и методично-однообразная, там приходится отдавать предпочтение китайцу. Когда тот и другой работают рядом, великоросс сначала быстро обгоняет китайца, затем начинает отставать. Первый ищет большого заработка, второй не ставит на первом месте расценки труда, — для него важно только, чтобы источник заработков был возможно продолжительным или даже неиссякаемым» (*Арсеньев В.К., Титов Е.И.* Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток, 1928).
19. Дальневосточный край в цифрах: справочник. Хабаровск, 1929. С. 196.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1 (1923 г.), ч. 1. С. 673–674.
21. Китайцы в Дальне-Восточном крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 4–5.
22. Старшинка — подрядчик артели; «*джангуйда*» (*чжангуйдэ*) — хозяин лавки, опиесурильни или какого-то предприятия. Нередко в русском языке эти понятия смешиваются, обозначая китайца, который отвечает за трудоустройство своих соотечественников в России. В советское время оба слова имеют ярко выраженную отрицательную окраску, так как олицетворяли экономическую эксплуатацию китайских рабочих.

23. Так на Дальнем Востоке называли рабочих из соседних стран — китайцев, корейцев и японцев.
24. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 20.
25. Там же. л. 21.
26. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 353.
27. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 30.
28. Так, Рюрик Ивнев отмечал следующее: «Но отбросив в сторону сюжет, надо сказать, что мастерство китайских актеров является предметом удивления многих. Помимо тонкой игры, китайские актеры не могут не удивлять зрителя своими прекрасными акробатическими способностями: во время действия им приходится исполнять всевозможные акробатические и жонглерские трюки. Кроме того, они должны уметь хорошо фехтовать, иметь развитое и гибкое тело, быть гимнастами и физкультурниками» (*Рюрик Ивнев. Жар прожитых лет. СПб., 2007. С. 346–347.*
29. Справка по истории китайских театров на ДВ, составленная управляющими китайскими театрами. ГАХК, ф. п-2, оп. 9, л. 75; Тихоокеанская звезда. 1927. 19 янв.
30. Тихоокеанская звезда. 1926. 24 янв.
31. Речь тов. Перепечко // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 126.
32. Позднее окончание НЭПа характерно только для дальневосточных окраин страны. В других регионах рубежными являются 1927–1928 гг. По мнению исследователя Е. Осокиной, «достоинство взглянуть на мемуары, рассказывающие о последних годах нэпа, чтобы увидеть, где прошел водораздел. До 1927 г. авторы описывают изобилие рынков и еду в достатке, затем по всей стране устанавливается однообразный и скудный рацион: черный хлеб да постные капустные щи» (*Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927 — 1941. М., 1999. С. 37.*
33. *Чернолуцкая Е. Н.* Указ. соч.
34. Елизавета Павловна Кишкина (род. 1914 г., китайское имя — Ли Ша) — известная русистка, профессор Пекинского университета иностранных языков, жена Ли Лисаня. В 1931 г. добровольно поехала на Дальний Восток, где работала техническим редактором Дальневосточного краевого издательства в Хабаровске и Владивостоке (*Ли Ша. Дали моего детства, 1914–1921 // Волга — XXI век. Саратов, 2009. С. 138.*
35. *Ли Ша.* Водэ Чжунго Юаньфэнь. Ли Лисань фужэнь Ли Ша хуйлилю [*Кишкина Е. П.* Моя китайская судьба. Воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша.] Пекин, 2008. С. 27.
36. Е. Кишкина писала: «С 1931 по 1932 гг. Советское правительство развернуло крупномасштабную индустриализацию и коллективизацию, сделав главный упор на тяжелую промышленность, игнорируя развитие легкой промышленности, животноводства, придерживалось четко установленных норм, пыталось форсировать развитие отдельных сфер экономики, что вызвало серьезные диспропорции в советской экономике. В Дальневосточном регионе, также как и в других регионах Советского Союза, ежедневное снабжение рынка было затруднено. Не знаю, почему на рынках пропали китайские овощи, китайские колхозы также бесследно исчезли, предположительно они были принудительно распущены. (на самом деле китайские колхозы не были ликвидированы, они существовали до депортации китайских мигрантов, но с завершением НЭПа был нанесен удар по китайским частным хозяйствам, которые традиционно кормили Дальний Восток свежими продуктами питания. — *А. М.*) Когда я только приехала туда, в магазинах еще можно было купить красную икру и рыбные консервы, и так как они были дешевыми и хорошего качества, они стали нашим основным продуктом питания. Однако вскоре даже они пропали, полки магазинов опустели, даже хлеб давали по талонам. Мы могли питаться только в определенной столовой. Говорили, что это была специальная столовая для инженеров и кадровых работников, находившаяся на спецснабжении, но [там] три раза в день, в течение всех четырех сезонов подавали только один продукт — сардины с кашей. Если даже наш стол был таким, можно себе представить, какой была жизнь простых людей. Иногда [там] также была свежая рыба, но ее приходилось варить на воде, не добавляя ни капли масла, также не было никаких приправ, и с течением времени, как только [это блюдо] выставлялось на стол, у людей сразу пропадал аппетит. После этого в течение десятилетий я испытывала чувство отвращения при виде рыбы» (*Ли Ша.* Водэ Чжунго Юаньфэнь. Ли Лисань фужэнь Ли Ша хуйлилю [*Кишкина Е. П.* Моя китайская судьба. Воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша.] Пекин, 2008. С. 28.

37. «Шесть условий товарища Сталина» — комплекс хозяйственно-политических мероприятий, выдвинутых И.В. Сталиным на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.: распределение и использование рабочей силы, зарплата по труду, организация труда, создание своей производственно-технической интеллигенции и привлечение старой интеллигенции, внедрение хозрасчета. В первой половине 1930-х гг. этот раздел доклада Сталина печатался отдельной брошюрой.
38. *Effie Hopper*. Vladivostok, in decay, awaits a new destiny // *New York Times*. 1934. 24 Jun.
39. Список китайских колхозов. Численность корейского и китайского населения по областям ДВК на 1-е января 1932 г., ГАХК, ф. п-2, оп. 11, д. 233, л. 5–6. — л. 6.
40. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 3.
41. *Чернопучкая Е.Н.* Указ. соч.
42. Согласно докладу командующего ОДВА В.К. Блюхера на XVII съезде ВКП(б), к 1934 г. Япония в Манчжурии построила около 50 авиационных баз, более 1000 км железных дорог, 2200 км шоссейных дорог, которые располагались или были направлены либо к приграничной зоне, либо были стратегически выгодны для решения будущих военных задач. Для правительства Советского Союза было очевидно, что «несмотря на, казалось бы, мирные заверения официальных руководителей японской политики <...> идет лихорадочная подготовка к войне, что Северная Манчжурия превратилась в тот плацдарм, который Япония с отчаянной решимостью, истощая весь свой государственный организм, подготавливает для того, чтобы с этого плацдарма сделать прыжок на наш Советский Дальний Восток». XVII Съезд ВКП(б). (Стенографический отчет. М., 1934).
43. Ши Чжэ (псевд. Карский, 1905–1998) — работал в органах безопасности ЦК КПК и в Бюро переводов ЦК КПК. С 1929 по 1938 гг. работал оперуполномоченным Полномочного представительства ОГПУ (НКВД) СССР по Новосибирской области. Подробнее см.: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 318–319.
44. *Ши Чжэ*. Водэ ишэн: Ши Чжэ цышу. [Моя жизнь: воспоминания Ши Чжэ]. Пекин, 2001. С. 59.
45. Речь тов. Кржижановского. // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 128.
46. Речь тов. Куйбышева // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 171.
47. *Кулинич Н.Г.* Проблема «закрепляемости» населения Дальнего Востока России (Исторический аспект). // *Власть*. М., 2008. № 9. С. 104.
48. «На Дальний Восток в качестве “спецпереселенцев” (с 1934 г. — “трудпоселенцы”) направлялись раскулаченные крестьяне из Украины, Белоруссии, центральных районов страны, количество которых в регионе к концу 1930 г. равнялось 19 374 человека. В 1931 г. в ДВК прибыла вторая очередь спецпереселенцев и их количество на 1 января 1932 г. составило 40 440 человек. На январь 1933 г. их насчитывалось 40 563 человек. Указанное переселение людей было следствием государственной политики спецколонизации, то есть освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством принудительных миграций. При этом основной поток спецпереселенцев пришелся на Урал, Сибирь, Казахстан и Северный край. ДВК в этом плане занимал незначительное положение. Вклад спецпереселенцев в развитие сельского хозяйства региона также был несущественным: за 1930–1937 гг. ими было раскорчевано и расчищено от кустарника и мелкого леса 9 279 га, что составило только 1,3% плановой посевной площади зерновых ДВК в 1937 г.» (*Льюшилин Е.Л.* Красный Олимп. Советско-партийное руководство Дальневосточного края в процессе социально-экономического развития региона, 1926–1938 гг. Хабаровск, 2011. С. 62–63.
49. Дальлаг был создан в 1929 г. и просуществовал до реорганизации в 1939 г. Местом дислокации был г. Хабаровск. Заключение были привлечены для работы на лесозаготовках, добычи золота, каменного угля, дорожном строительстве, лове и переработки рыбы, в сельском хозяйстве, на производстве товаров ширпотреба, дноуглубительных работах на р. Амур, строительстве цементных заводов в районе Хабаровска, погрузочных работах на железной дороге, работе в мастерских Владивостока и Хабаровска. Количество заключенных к 1937 г. возросло до более чем 110 тыс. (на 1 янв. 1930 г. — 9 200; на 1 янв. 1935 г. — 59 515; на 1 янв. 1937 г. — 112 490) (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. URL: <http://www.mcmo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (Дата обращения: 28.01.12. Сайт Международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»).

50. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 272.
51. Китайская официальная статистика в 1934 г. фиксировала в Амурской области следующие профессии среди китайских мигрантов: рабочие золотых рудников (1567 чел.), рабочие на заготовке леса (1484 чел.), дорожные строители (575 чел.), крестьяне (510 чел.) и др. Всего в статистических данных присутствуют около 70 различных специальностей(!), но по сравнению с 1920 гг. их перечень претерпел значительные изменения. Владельцев небольших лавочек становится меньше, множество рабочих теперь объединены в союзы (Минго Эршисаньянь Вай-цзяогунбао [Внешнеполитический бюллетень за 23 год Республики [1934]. С. 69–71.
52. *Heller O.* The Port of Vladivostok, Once and Now // *International Press Correspondence*. 1932. 13 Oct. P. 962. Цит. по: *Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. Praeger, 1954. P. 45.
53. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 271–278.
54. Кампании по латинизации китайского языка посвящено немалое количество работ современных исследователей. Например, см.: *Дацзышен В.Г.* Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // *Россия и АТР*. 2008. № 3.
55. Се Хуайдань. Суйюе цзихэнь. [Следы прожитых лет. Воспоминания студентки Московского университета Сунь Ятсена]. Фучжоу, 1990. С. 56.
56. Китайцы в Дальне-Восточном крае (1930 г.). РГАСПИ. ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 57.
57. Там же.
58. Названия поставленных пьес были следующими: «Ван-Фу-Лин» (авторы — Кирюченко и Левин), «Бой начат» (Цай Ен), «Тудыгомин [*туди гамин*]» (Сяо), «Латынизация» (Козылю), «Уголь» (Цай Ен), «Защита Шанхая» (Тин Шан), «Рабочие Чапая» (Цай Ен), а также старые произведения, прошедшие идеологическую переработку: «Маньчжурские события» (Сун Бунмао), «Кантонская коммуна» (Ван Сюнмин), «Конец капитализма» (*Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 95; *Левин И.* Советский китайский театр // *Советский театр*. 1935. № 5–6. С. 23.
59. *Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 94.
60. Китайцы и корейцы во Владивостоке, 1929 (титры киножурнала «Совкино» № 6/185; оригинал фильма хранится в РГАК. ф. 801).
61. Гунжэнь чжилу [Рабочий путь]. 1929. 21, 24 сент.
62. Литература на китайском латинизированном алфавите СССР (библиогр. обзор). После 1959 г. Отдел рукописей РНБ. Шпринциз Александр Григорьевич. Личный архив. Ф. 1200, ед.хр. 21, л. 24.
63. *Чернолуцкая Е.Н.* Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1999. LXXI/1. С. 27.
64. Красное знамя. 1933. 10 сент. Цит. по: *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч. С. 27.
65. Протокол совещания при Культпропе ДКК ВКП(б) от 13.05.35. по вопросам издания китайского словаря и языковых учебников. ГАХК, ф.п-2, оп. 11, д. 201, л. 1–5, л. 3.
66. *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке // *Россия и АТР*. 2008. № 4. С. 29.
67. С 1933 по 1938 гг. были депортированы поляки, немцы, финны, курды, корейцы, иранцы. См.: *Сталинские депортации, 1928–1953*. М., 2005. Ч. 1.
68. *Головин С.А.* Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск, 2002. Вып. 2. С. 41–42.
69. *Сталинские депортации, 1928–1953*. М., 2005. С. 101–102.
70. *Коровяковский П.* Китайцы — жертвы сталинских репрессий // *Пробл. Дальнего Востока*. 1991. № 2. С. 144.
71. *Чернолуцкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // *Пробл. Дальнего Востока*. 2008. № 4.
72. Лев Васильев (см. ниже) так описал высылку китайцев и членов смешанных семей: «В 1937 году (в 1937 г. начались аресты, высылка началась в 1938 г. — *А.М.*) НКВД начало планомерное выселение китайцев. Бедных Юли-юли (так русские нередко называли китайских мигрантов. — *А.М.*) делили на две категории: китайских и советских подданных. Сначала высели-

- ли китайских подданных, а потом арестовали и выслали и всех советских подданных. Многие китайцы как первой, так и второй категории, были женаты на русских и имели детей. Это не помогло ни тем, ни другим, и русские жены китайцев разделили судьбу мужей» (*Васильев Л.М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954. С. 106*).
73. *Чернацкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 4. В Синьцзян отправляли китайских подданных и членов смешанных семей независимо от гражданства, в границах СССР оставались советские граждане.
74. *Васильев Лев Мстиславович (1903–1968)* — с 1944 г. работал советником торговой миссии при посольстве СССР в Тегеране, с 1950 г. в эмиграции. В 1937–1939 гг. работал управляющим одного из строительных трестов во Владивостоке, где стал свидетелем депортации китайцев. Подробнее см.: *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке. Сан-Франциско: СПб., 2005. С. 91.
75. *Васильев Л.М.* Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954. С. 106.
76. Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 103–104.
77. Дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой были восстановлены в 1932 г.
78. Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 103–104.
79. Так, в материалы написанные по воспоминаниям этнических русских, проживающих в Китае, была включена история китайца, чей дед со стороны матери Ли Мэнгун (русское имя Николай) уехал из Китая на заработки во Владивосток. В 1930 г. он женился на украинке Даше Лихалот. От их брака родились мальчик и две девочки. В июне 1940 г. с тремя детьми и семьей старшей сестры Даши Валентины он выехал в Синьцзян. Изложено по книге: *Элосыцу [Русские]. Куньмин, 2004. С. 271*.
80. *Вяткин Р.В.* История одной жизни (фрагменты мемуаров). Из книги: Юэ Тэ-цзинь ле чжуань (Судьба востоковеда Р.В. Вяткина). М., 1998. С. 212.
81. *Бережков Валентин Михайлович (1916–1998)* — известный журналист-международник, участвовал в качестве переводчика советских руководителей на многих международных встречах и переговорах военных лет. В 1938–1939 гг. служил на Тихоокеанском флоте во Владивостоке, где и застал процесс депортации китайского населения.
82. *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 267.
83. Перепись 1937 г. скорее всего отражает реальную тенденцию резкого сокращения китайского населения. Более точные данные по областям установить трудно, так как данные второй Всесоюзной переписи населения 6 января 1937 г. не устраивали высшее советское руководство, и поэтому в сентябре того же года специальным постановлением СНК СССР эта перепись была объявлена дефектной, а ее данные были засекречены (Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 4).
84. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 60–61.

Понимание и диалогичность: значение энциклопедии «Духовная культура Китая»

© 2014

Лю Ядин

Значение энциклопедии «Духовная культура Китая» для китайских читателей рассмотрено в русле развития мировой синологии. Авторы энциклопедии отличаются глубокое понимание своеобразия китайской культуры в свете «нового евразийства». Они рассматривают категорию *dao* с культурологической точки зрения и дают анализ ее значения во всех сферах общественного сознания и во всех философских учениях Китая на протяжении всей китайской истории.

Ключевые слова: энциклопедия, духовная культура Китая, новое евразийство, *dao*, творческое преобразование конфуцианства.

I

В преддверии выпуска энциклопедии «Духовная культура Китая» академик М.Л. Титаренко следующим образом охарактеризовал значение этого фундаментального труда для русского читателя: «...Познание опыта развития духовной культуры Китая... имеет принципиальное значение и для России, вырабатывающей в сложнейший для нее период идею национальной самоидентификации»¹.

Энциклопедия «Духовная культура Китая» имеет особое значение и для китайских специалистов, и для простого народа, активно включившегося в процесс построения «духовной цивилизации» и «социализма с китайской спецификой». Она помогает увидеть образ человека в китайской культуре и образ самой культуры Китая, отраженный в российской синологии — лучшей в мире, по признанию китайских ученых и политиков.

Факт выхода в свет энциклопедии на русском языке взволновал меня и моих коллег как профессиональных русистов. Волнение наше усилилось, когда мы приступили к переводу на китайский язык этого грандиозного труда², чтобы он стал доступен всему китайскому народу. Поэтому тем более необходим анализ значения энциклопедии для китайских читателей.

С одной стороны, цель российских китанов состояла в том, чтобы ознакомить читателей многонациональной России с пятитысячелетней китайской культурой. С дру-

---

Лю Ядин, доктор филологических наук, председатель научного совета Центра изучения современной России Сычуаньского университета, профессор филологического факультета Сычуаньского университета.

гой стороны, эта энциклопедия открывает путь так называемой народной дипломатии, путь диалогу культур — встрече вековых традиций, взаимопонимания и духовного обогащения. На фоне глобализации и столкновения цивилизаций такой тип диалога, как народная дипломатия, приобретает первостепенное значение.

В последние десятилетия в западных социологических исследованиях культур и цивилизаций большое внимание уделяется «столкновению цивилизаций». Так, С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» подчеркивает, что после окончания холодной войны мировая структура детерминирована несколькими основными цивилизациями: китайской, японской, индийской, исламской, западной, православной, латиноамериканской, африканской. С. Хантингтон пишет: «Холодный мир, “холодная война”, торговая война, квази-война, неустойчивый мир, напряженные отношения, острое соперничество, конкурентное сосуществование, гонка вооружений — в подобных выражениях с наибольшей вероятностью описываются взаимоотношения между объектами, относящимися к различным цивилизациям. Доверие и дружба встречаются редко»³. В таких условиях можно ли найти что-либо более ценное, чем равноправный диалог?

Развивая идею «нового евразийства», авторы энциклопедии пошли по пути выявления универсальных черт китайской культуры, начав с истоков духовности и ранней философской мысли китайцев. Эти черты обнаруживались, например, в десяти принципах учения Мо-цзы, таких, как «всеобщая любовь и взаимная выгода», «помощь сильного слабому», «справедливость и польза» и т.д. А в новое время, в 80–90-х годах XIX в., когда было популярно учение *янью*, универсалии китайской культуры проявлялись в установке на соединение духовно-нравственной культуры Китая с «заморскими» технологиями. Позже, в начале XX в., эту установку продолжил Сунь Ятсен, выступавший за творческое заимствование иностранного опыта — *хуаси* (букв. «китаизация западного»). Те же универсальные черты выражаются в настоящее время в построении «социализма с китайской спецификой» на основе открытости, реформ и модернизации, в построении «социалистической духовной культуры» и «создании человека из материала высокой духовности»⁴.

Сопоставление нравственных принципов китайской культуры с нравственными принципами других культур евразийского континента приводит к очевидному заключению: китайская культура открыта и готова к диалогу.

Мне кажется, что именно новое евразийство является отправной точкой нравственной логики энциклопедии «Духовная культура Китая». Именно в евразийстве авторам удалось найти смысловое пространство, в котором возможен диалог культур. «Вдумчивый читатель, — полагают авторы, — справедливо заметит, что, действительно, со стороны Китая стоит мощная, укорененная в природный ландшафт и китайские этносы культура. Она основана на собственном архетипе, имеет наименование *дао*, занята духовным воспроизводством человека, закладывает в него генетический код подлинной самости. Она помнит свое прошлое и прозревает будущее и тем просвещает своих мудрецов, поэтов и философов и пророчествует их устами. Она пластична и в то же время устойчива, не боится вторжения чужой культуры и готова к диалогу, построенному по согласованию с архетипом партнера»⁵.

Что касается русской культуры евразийского континента, то авторы не оставили ее безымянной. Они нашли ей имя: Глагол. Оно «стоит вровень с именами китайского Дао, индийского Ом и греческого Логоса, которые тоже имеют основное понятийное значение глагола — слово, речь, говорить, глаголать»⁶. Итак, теоретическая основа энциклопедии «Духовная культура Китая» — это «новое евразийство». Положив конец унизи-тельно-отрицательному подходу, свойственному западной синологии, новая энциклопедия ведет к равноправному диалогу с китайской культурой. В этом многолетнем труде, обобщающем 300-летнее развитие российского Китаеведения, китайская духовная куль-

тура рассмотрена в общечеловеческом контексте. Энциклопедия рождает в читателе сочувственное понимание китайской духовной культуры.

III

Назову еще одну из сторон энциклопедии, важную для современного китайского читателя и исследователя. Речь идет о понятиях архетипа культуры и *дао*. Впервые в энциклопедическом издании изложена теория архетипа китайской духовной культуры и *дао* как закона и процесса ее логического и исторического развертывания, из которого вырастают философско-мировоззренческие ценности китайской культуры — красота и добродетель. По всей видимости, это неотъемлемые качества евразийских культур. Может быть, именно по этой причине русский гений Ф.М. Достоевский говорил, что «красота спасет мир».

Вводя сложные историко-философские категории в описание творческих функций архетипа и *дао*, авторы, между тем, так используют пластические интуиции китайских текстов, что картина мира становится осязаемой и визуально доступной простому читателю. А для китайского читателя, воспитанного на эстетике иероглифического письма, это очень важно. Вот один из фрагментов такого описания: «В процессе сопряжения элементов архетипа *дао* выстраивается космос Поднебесной: из идеально-мыслительного качества образуется Небо и сфера разума (ноосфера), из телесного — земля и материальная сфера, из духовного — центр и духовно-нравственная сфера (этосфера)»⁷.

Отсюда проистекает и проекция статуарно оформленной космической триады, играющей сегодня роль программного тезиса построения духовной цивилизации в Китае: «Небо и человек — едины, Небо и человек взаимно преодолеваются (вливают друг на друга)». Это тождество развертывается в основную рефлексивную модель мышления, согласно которой живой космос мыслит себя в подобии человеку, а человек мыслит по законодательствующему образцу космоса и достигает искомого интеллектуального единства и просветления, что хорошо иллюстрирует «И цзин» («Канон перемен»): «Учитель (Конфуций) сказал: Поднебесная как мыслит, как думает? Поднебесная приходит к одному результату, идя разными путями. Единство достигается множеством различных мнений. Поднебесная как мыслит, как думает? Солнце уходит, луна приходит, луна уходит, солнце приходит. Солнце и луна друг с другом чередуются, и просветленность [озарение] рождается».

С точки зрения архетипа *дао* авторы энциклопедии демонстрируют также связь слов и действий у субъекта культуры. В данном случае им выступает конфуцианский *цзюньцзы*: «Слово и дело — высший метод управления благородного мужа... Слово и дело — это то, посредством чего благородный муж движет Небо и Землю». «Основным носителем духовной сущности культуры *дао* является человек. Он меднум, в котором сходятся, объединяются и от которого расходятся по своим местам небесное идеальное и земное телесное. Без срединной человеческой духовности вся гармоничная конструкция культуры *дао* рассыпается. Поэтому можно заключить, что культура *дао* в выражении себя в статусе единого есть *развивающаяся духовная культура с антропоморфным центром*. Конфуций закрепил это своим словом: «Человек может развить *дао*, но *дао* не может развить человека»⁸.

Каждый раздел энциклопедии отражает развитие духовной культуры *дао* соответственно специфике предмета и метода. В результате *дао* как центральная категория мыслительной системы объясняется в энциклопедии более глубоко и всесторонне, чем это обычно встречается в исследовательской практике. Несомненно, это будет весьма положительным фактором для понимания китайским читателем разносторонности и полноты собственной культуры.

Представленные в энциклопедии анализ понятия *дао* и галерея его художественных образов способствуют расширению и углублению диалога вокруг этой категории. Сходное наблюдается и в мировой синологии. Ученые Китая подчеркивали, что в разные периоды истории и в разных школах понятие *дао* имело различное наполнение. Например, Цянь Му замечал, что до династии Восточная Хань (25—220 гг.) в философских построениях большее внимание обращали на *дао*, а после периода Вэй и Цзинь (220—420 гг.) то же понятие чаще определяли как принцип *ли*⁹. В свою очередь, Чэнь Лифу и Вэй Чжэнтун объясняли сущность *дао*, опираясь на учение конфуцианской школы¹⁰. Дебора Соммер (Deborah Sommer) сделала попытку всестороннего описания категории *дао* в синхроническом и диахроническом аспектах на материале «Канона истории», «Изречений» Конфуция (551—479 гг. до н.э.), трактатов «Мэн-цзы» и «Сюнь-цзы» (IV—III вв. до н.э.), работ Хань Юя (768—824 гг.), Чжан Цзая (1020—1078 гг.), Чэн И (1033—1107 гг.), Чжу Си (1130—1200 гг.) и др.¹¹

Ряд китайских ученых рассматривает *дао* как категорию высшего уровня, употребляющуюся во всех сферах мысли на протяжении существования китайской культуры. Так, Ху Вэйси пишет: «*Дао* в китайской философии имеет два значения: *дао* Неба и *дао* человека. *Дао* означает бесконечность неба, в то время как *дао* человека представляет ограниченность человека. Общее значение *дао* заключается в том, как достичь бесконечности посредством человеческой ограниченности, то есть достичь единства Неба и человека»¹². Чжан Ливэнь и его соавторы в книге «*Дао*» проанализировали эволюцию понятия *дао* по эпохам: до периода Цинь *дао* есть *дао* триединства Неба, Земли и человека, выраженное через диаду Небо — Человек (*тянь жэнь хэ и*); в периоды династий Цинь и Хань *дао* есть *дао* как Великое Единое (*тайи*); в периоды династии Суй и Тан *дао* — это *дао* буддизма; в периоды династий Сун *дао* — это *дао* как принцип (*ли*); в периоды династий Юань и Мин *дао* — это *дао* как сердце (*синь*); в период династии Цинь *дао* — это *дао*, определяемое как пневма (*ци*); после Первой опиумной войны, в современный период *дао* — это *дао* гуманизма¹².

Сопоставляя эти трактовки *дао*, мы обнаруживаем, что авторы энциклопедии «Духовная культура Китая» рассматривают *дао* еще и в культурологическом аспекте, что восполняет пробел в мировой философской синологии и позволяет провести сравнительный анализ культур Логоса, Ом и Глагола. Евразийство как философская теория открывает новую страницу методологических изысканий. Таким образом, энциклопедия «Духовная культура Китая» входит в библиографический арсенал китаеведения не только как уникальный справочник, но и как глубокое научное исследование.

III

В условиях глобализации один из важных вопросов изучения китайской культуры заключается в том, как соотносятся с современностью конфуцианские ценности, актуальны ли они, или это только дань традиции, своего рода историческая память. Энциклопедия дает положительный ответ на вопрос об актуальности конфуцианства и освещает активную роль этого учения в социально-экономическом развитии Китая. «В отличие от стран конфуцианского культурного региона, — пишут авторы энциклопедии, — Японии, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня как части Китая, построивших “конфуцианский капитализм”, КНР, основываясь на реинтерпретации аналогичных ценностей раннего конфуцианства, строит еще невиданную в мире модель “китайского рыночного социализма”. Начав с претворения концепции *сяо кан*, КПК поэтапно развивает эту теорию, насыщая ее базовыми ценностями китайской цивилизации. Последним примером такой поэтапной реинтерпретации являются документы XVII съезда КПК, где уже обсуждалась проблема второй социальной утопии Конфуция — построения общества “Великого единения” (*датун*) с упором на повышение “народного благосостояния”. В материалах съез-

да уделяется внимание идее гармонии (*хэ*) китайского общества, где человек объявлен основой политики и поставлена долговременная задача построения гармоничного общества. Эта идея сочетается с тезисом древнекитайского философа Мо Ди о “всеобщей любви и всеобщей выгоде”, принципом Конфуция о “гармонии многообразного и исходного”. В теоретические основы новаций входит и традиционная даоская диалектика “раздвоения единого и сочетания двух противоположностей в едином”. Кроме того, преемственность сочетается с инновацией, с учетом реальных особенностей Китая и заимствованных передовых достижений как общественной мысли из-за рубежа, так и исследований китайских обществоведов»¹³.

Авторы энциклопедии рассмотрели и ряд конкретных примеров внедрения идей и терминов конфуцианства в современную социально-политическую жизнь Китая. Провозглашенная Дэн Сяопином концепция построения общества «малого благоденствия» (*сяокан*) пробудила в кругах китайских обществоведов интерес к конфуцианству как основе политической культуры страны. Активизировались научные разработки в этой области, о чем свидетельствовало, в частности, проведение в 1999 г. в Пекине международной конференции, посвященной 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция. Во время заключительной беседы с делегатами конференции в Доме народных собраний член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК председатель НПКСК Ли Жуйхуань в ответ на вопрос: «Как Вы оцениваете конфуцианство?» сказал, что конфуцианство является одним из важнейших элементов китайской духовной традиции, а что касается самого понятия *сяокан*, то оно уже заняло ведущее место в политической культуре КНР. О своей приверженности принципу *сяокан* Дэн Сяопин заявил в 1979 г., вскоре после знаменитого 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего кардинальные изменения в методы строительства социализма.

Авторы энциклопедии говорят о том, что если Дэн Сяопин связал свои реформы с первой социальной утопией Конфуция в трактовке Мэн-цзы, то Цзян Цзэминь ввел в политический лексикон возрожденное им в политической культуре новейшего времени конфуцианское понятие *дэ*. Он официально объявил, что отныне, наряду с концепцией *и фа чжи го* («управлять страной на основании закона»), второй составляющей социализма с китайской спецификой должна стать концепция *и дэ чжи го* («управлять страной на основании *дэ*», т.е. морали)¹⁴.

Вступая на пост Председателя КНР, Ху Цзиньтао в своем докладе впервые официально выделил тему «народного благоденствия»: «...Делать так, чтобы у всего народа было, где получить образование, зарабатывать себе на жизнь, лечиться и жить, чтобы в старости он был обеспечен, а значит, стимулировать строительство гармоничного общества». Большинство высказанных Ху Цзиньтао формулировок заимствовано из второй социальной концепции Конфуция — общества «великого единения» (*датун*). Ху Цзиньтао и нынешнее руководство КПК, приняв эстафету от Дэн Сяопина, творчески развивали и развивают конфуцианскую составляющую в идеологии КПК и постепенно продвигаются от *сяокан* к *датун*¹⁵.

Развернувшаяся среди западных и китайских ученых полемика о том, возможно ли творческое преобразование конфуцианства, продолжается уже более ста лет. Например, М. Вебер в книге «Конфуцианство и даосизм» и в других работах писал, что конфуцианская этика противостоит развитию капитализма. По его мнению, в конфуцианском обществе отсутствует дух капитализма, поскольку его члены менее энергичны и менее рациональны, чем протестанты. Немецкий социолог утверждал, что конфуцианское учение по самой своей сути враждебно экономическому развитию и социальной модернизации¹⁶.

Джозеф Левенсон в своем труде «Конфуцианский Китай и его судьба в современном мире» утверждал нечто сходное, предлагая смотреть на конфуцианство как антикварный экспонат, а это будет означать его погибель. Нужно не возрождать конфуцианст-

во, а рассматривать «его как историческую коллекцию в музее... чтобы его не было в современной культуре»¹⁷.

В течение последних сорока лет западные ученые и политики сосредоточивали внимание на практической роли конфуцианства в современном мире. «С начала 1980-х годов. — пишут Дэниэл А. Белл и Хам Чхэбон, — было много дискуссий о роли конфуцианства в модернизации Восточной Азии, особенно в экономической сфере. Это западные ученые первоначально назвали конфуцианство разгадкой экономического успеха этого региона. Именно «внешние наблюдатели» стали приписывать успехи Восточной Азии конфуцианству (Макфаркар, Хофхейнц, Колдер, Фогель и др.) Ирония заключалась в том, что мало кто из жителей конфуцианского мира считал, что своим политическим и экономическим успехом они обязаны конфуцианству»¹⁸. Конкретный пример деятельности сингапурского государственного деятеля Ли Куанью, который подчеркивал огромное значение конфуцианства и называл его «азиатской ценностью»¹⁹.

Другой западный ученый китайского происхождения, Ван Гэнью, отмечал: «...Для многих западных политиков конфуцианские ценности на самом деле означают китайские... Дискуссия о конфуцианской этике начиналась в Сингапуре. С конфуцианством соотносили чудеса Восточной Азии, прежде всего Японии, а также индустриальной экономики Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура, так называемых четырех тигров. Секрет их успеха заключался в конфуцианстве, потому что оно — это единственное, что объединяет эти пять мест. В Китае после 1978 года начался новый “Великий поход”, результатом которого был быстрый экономический рост 1980-х, но он закончился трагедией на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Когда Советский Союз рухнул, после этого стала бессмысленной идеология холодной войны, а конфуцианство быстро стало синонимом китайской энергичности и натиска. Так, в заморских китайцах, независимо от того, верили ли они в конфуцианство или в капитализм...одинаково стали видеть потенциальную поддержку китайской экспансии»²⁰.

Несомненно, что значительную роль в обращении к творческому преобразованию конфуцианства сыграл Ду Вэймин. «Конфуцианская политическая идеология, — пишет он, — обеспечила огромный идеологический ресурс для развивавшихся государств Японии и «четырёх малых драконов» — Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура. Ее влияние отчетливо прослеживается и в политических процессах, имеющих место в Китайской Народной Республике, Северной Кореи и Вьетнаме. Поскольку разграничительная линия между капиталистической и социалистической Восточной Азией начинает размываться, общность этических норм, простирающаяся по обе стороны «великого разделения», прекрасно может быть описана в конфуцианских терминах... Всепроникающая вездесущность таких идей, как сетевой капитализм, мягкий авторитаризм, коллективистский дух и консенсусная политика во всей Восточной Азии (как в экономической сфере, так и в области политики, а также в обществе) доказывает непреходящую значимость конфуцианской традиции для всей восточноазиатской современности в целом»²¹.

Конечно, здесь отображена весьма малая часть развернувшихся вокруг конфуцианства дискуссий, но уже из приведенных выше материалов видно, как динамичны эти споры и насколько актуально изучение конфуцианства. В свете этого значение энциклопедии «Духовная культура Китая» чрезвычайно возрастает: ведь в ней рассматривается конфуцианство во всех его исторических и содержательных трансформациях и, что еще важнее, в русле развития всей китайской культуры. Перевод энциклопедии на китайский язык (а возможно, в дальнейшем и на английский) сделает ее намного доступней для мировой синологии. Энциклопедия всесторонне и убедительно объясняет историческую и современную ценность творческого преобразования китайской культуры.

1. Титаренко М.Л. Энциклопедия духовной культуры Китая. Духовная культура и симфония культур // Пробл. Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 147.
2. Я как руководитель проекта занимаюсь переводом энциклопедии на китайский язык вместе с моими коллегами. В апреле 2012 г. Центр по изучению современной России Сычуаньского университета и Институт Дальнего Востока РАН подписали «Договор о переводе на китайский язык энциклопедии "Духовная культура Китая"». Для достижения наилучшего результата перевода энциклопедии Сычуаньским университетом была организована группа экспертов, приглашены советники и создан Комитет по переводу. В Комитет вошли: профессор Пекинского педагогического университета Сяо Чжусянь, профессор Сычуаньского университета Лю Ядин, профессор Института иностранных литератур Академии общественных наук Китая Лю Вэньфэй, профессор Пекинского университета иностранных языков Чжан Цзяньхуа, профессор Сычуаньского университета Ли Чжицян, профессор Нанькайского университета Ван Чжигэн. В качестве консультантов с российской стороны приглашены академик М.Л. Титаренко, профессор А.Е. Лукьянов и профессор А.И. Кобзев; с китайской стороны профессор Ли Минбинь, профессор У Юаньмай и профессор Сян Чу. Проект «Китайский перевод энциклопедии «Духовная культура Китая» поддерживается Китайским фондом общественных наук.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 477.
4. См.: Духовная культура Китая: Энциклопедия / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2006. С. 30.
5. Там же. С. 31.
6. Там же.
7. Там же. С. 19.
8. Там же. С. 20.
9. Цянь Му. Чжунго сысян тунсу цзяньхуа [Популярные лекции по китайской мысли]. Бэйцзин: Цзючжоу цзубаньшэ, 2011. С. 6.
10. См.: Чэнь Лифу. Сышу даогуань [Трактат о дао «Четырехкнижия»]. Бэйцзин. Чжунго юн чубань гунсы, 1991. С. 677–678; Вэй Чжэнтун. Чжунго чжэсюэ пьдянь дацунь [Энциклопедия китайской философии]. Бэйцзин: Шицзетушучубаньгунсы. 1989. С. 652–657.
11. Sommer D. Dao // Routledge Curzon Encyclopedia of Confucianism / Ed. by Xinzhong Yao. L.; N.Y.: Francis Group, 2003. P. 177–179.
12. Чжан Ливэнь и др. Дао. Бэйцзин: Чжунгожэньминьдасяючубаньшэ, 1989.
13. Духовная культура Китая: Энциклопедия. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Том 4. Историческая мысль. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2006. С. 15.
14. Там же. С. 212–213.
15. Там же. С. 216.
16. Вэйбо. Жуцзяо хэ даоцзяо. Ван Жуньфэнь и [Вебер М. Конфуцианство и даосизм. Пер. Ван Жуньфэнь]. Бэйцзин: Шаньбу иньшу гуань, 2003. См: Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998 (особенно гл. 4. С. 155–193).
17. Левэньсэнь. Жуцзяо Чжунго цзици сяньдай минъюнь. Чжэн Дахуа и [Левенсон Дж. Конфуцианский Китай и его современная судьба. Пер. Чжэн Дахуа]. Бэйцзин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2000. С. 227–338.
18. Bell D.A., Hahn Chaibong. The Contemporary Relevance of Confucianism// Confucianism for the Modern World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. P. 2.
19. Ibid. P. 3.
20. Wang Gungwu. Joining the Modern World: Inside and Outside China. Singapore: Singapore Univ. Press, 2000. P. 118.
21. Ту Вэймин. Подъем "конфуцианской" Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис. 2012. № 1. С. 14.

Дискуссионная трибуна

Китайский опыт: модель или антимодель?

© 2014

А. Салицкий, В. Тацкий

Многие развивающиеся страны проходят этап рыночных реформ и либерализации внешнеэкономической сферы, но немногие добились успехов, сопоставимых с достижениями Китая. Секрет, по-видимому, заключается в том, каким образом проводятся эти важнейшие преобразования и насколько они учитывают местные и внешние условия.

Ключевые слова: промышленная система, локализация, глобальные цепочки стоимости, норма накопления, инфраструктура, глубина развития.

Для начала заметим, что даже при сравнении среднедушевых показателей Китая с аналогичными индикаторами в динамичных соседях по Восточной Азии (включая ЮВА) китайский рост можно признать феноменальным. В 1980 г. уровень дохода в КНР был ниже, чем в Таиланде в пять раз. Этот же показатель в Индонезии был в три с половиной раза выше китайского, а разрыв с Филиппинами был четырехкратным. К 2013 г. Китай догнал Таиланд по уровню среднедушевого дохода, а Индонезию и Филиппины опередил по этому показателю в два — два с половиной раза.

Индии, наращивавшей темпы роста все три последних десятилетия, Китай в 1980 г. уступал по среднедушевому доходу примерно в полтора раза. Теперь он ее превосходит как минимум в два с половиной — три раза. Это сравнение особенно показательно, так как элиминируется фактор масштаба хозяйства при изначально схожих индикаторах развития азиатских исполинов, не говоря уже о репрезентативности опыта стран, в которых проживает 19 и 17% мирового населения соответственно.

Конечно, по среднедушевым показателям КНР продолжает значительно уступать первой четверке НИС (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Но практически во всех этих странах и территориях, ставших пионерами экспортной ориентации, географические условия изначально были гораздо более подходящими для международной торговли, становления современной инфраструктуры и ориентированной на внешние рынки обрабатывающей промышленности.

Четверка НИС представлена к тому же относительно не крупными территориальными образованиями, в экономической истории которых внешние факторы сыграли за-

---

Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: sal.55@mail.ru.

Тацкий Владимир Витальевич, кандидат экономических наук, первый вице-президент ОАО Газпромбанк. E-mail: V.Tatsiy@gazprombank.ru.

метную положительную роль. Так, в Южной Корее в 1955–1970 гг. использование внешней помощи обеспечило свыше половины инвестиций в экономику страны, примерно такая же ситуация наблюдалась на Тайване в 1950-е — первой половине 1970-х годов, а в Сингапуре иностранные инвестиции в основные фонды в 1970-е — 1980-е годы составляли 2/3 их общего объема.

Кроме того, индустриальное развитие НИС (как и Японии) в 1950-е — 1960-е годы облегчалось сравнительно невысокими в тот период мировыми ценами на сырье и топливо. В результате страны этого островного и полуостровного пояса могли концентрировать усилия и ресурсы на обрабатывающей промышленности, избегая дорогостоящих вложений в добывающую индустрию и инфраструктуру отдаленных внутриконтинентальных районов.

Промышленность и экспорт

Вполне вероятно, что именно «облегченная» (неполная) промышленная структура НИС подсказала китайским реформаторам первые шаги (1979–1982 гг.). Они, как известно, состояли в урегулировании экономики и перенесении внимания на товаризацию сельского хозяйства, производство и экспорт потребительской продукции — в том числе за счет значительного сокращения инвестиций в тяжелой промышленности.

Вместе с тем эта передышка, а также скромные поначалу успехи в развитии экспорта готовых изделий и привлечении иностранных инвестиций¹ показали, что полномасштабное перенесение на китайскую почву восточноазиатской экономической модели² малореально.

Внешние факторы в тот начальный период экономических реформ, конечно же, не могли сыграть ощутимую роль в преобразовании гигантской страны, решившей после некоторых колебаний, покончив с изоляционизмом, все же в основном сохранить верность *принципу опоры на собственные силы*. Примером такого разумного консерватизма стал отказ в середине 1980-х годов от гигантского кредита МБРР (200 млрд долл.), условия которого сужали экономический суверенитет страны и ее международную специализацию.

Комментируя выступление на сессии ВСНП весной 1986 г. тогдашнего премьера КНР Чжао Цзяяна, известный американский исследователь экономики Китая Н. Ларди находил «поразительными» призывы прилагать все усилия к тому, чтобы производить в стране все что возможно, и к максимальному замещению импорта. Для Н. Ларди такая линия выглядела противоречащей обозначенной в докладе Чжао Цзяяна задаче повышать конкурентоспособность страны на внешних рынках³.

Стремление к всемерной локализации промышленного производства в качестве одного из компонентов опоры на собственные силы формулировалось в КНР как создание «относительно целостной системы промышленности»⁴. В этом в период глобализации проявилось одно из главных и ярких отличий китайской индустриализации от «частичных» (неполных) индустриализаций большинства развивающихся стран. В подавляющем большинстве этих государств участие в «глобальных цепочках создания стоимостей» (GVC) и специализация на их трудоемких звеньях зачастую остаются единственным способом внешнеэкономической специализации. Китай, естественно, в этих цепочках тоже участвует, но старается замкнуть их на себя, упорно проводя политику повышения доли добавленной на территории страны стоимости в цене экспортных (и потребляемых в Китае импортных) товаров.

Характерно, что уже в наши дни китайский опыт движения к комплексной промышленной системе получил высокую оценку в странах ЮВА. Тайский аналитик подчеркивает в связи с этим, что в планах АСЕАН теперь содержится положение о создании в перспективе единой производственной базы для 630 млн жителей этого региона⁵.

И в новом веке в Китае продолжили движение по пути создания полноотраслевой промышленной структуры, сочетая привычное замещение импорта и развитие экспорта, а также стремясь по возможности локализовать производство по всей технологической цепочке. При этом ведущие промышленные корпорации страны, выйдя на глобальные рынки, пытаются, как и все глобальные игроки (в том числе восточноазиатские концерны), интегрировать апстрим и даунстрим, добиться контроля над наиболее выгодными звеньями разработки, изготовления и распределения продукции.

Постепенно уходит в прошлое преимущественная специализация китайской промышленности на трудоемкой продукции (при сохраняющейся социальной важности массива малых сельских предприятий, образовавшихся в ходе крупномасштабной мануфактуризации деревни в годы реформ).

Индустрия Китая стремительно модернизируется, что хорошо показано в недавнем исследовании McKinsey. Аналитики компании провели, в частности, сравнение структуры китайской промышленности (включая предприятия с иностранным участием) с мировой индустрией⁶.

Выяснилось, что по доле *трудоемкой* продукции в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (10%) китайский показатель теперь не очень намного отличается от глобального индикатора (7%).

Удельный вес *технически сложной* массовой продукции, произведенной крупными корпорациями для внутреннего рынка страны, в Китае такой же, как и в среднем по миру (около трети). Среди китайских игроков в этой сфере выделяются Bohai Chemical, ChemChina, China Resources Pharmaceutical Group, First Automotive Works (FAW), Midea, Shanghai Automotive Industry Company (SAIC), Shanghai Electric, Sinochem.

Следующая группа, выделенная экспертами McKinsey — *энергоёмкие и ресурсоёмкие* товары. Их китайская промышленность производит больше (25%), чем в среднем по миру (22%). Основные китайские игроки — Baosteel, Chalco, China Minmetals, China National Petroleum (CNPC), Shandong Chenming Paper, Sinopec.

Еще одну группу образует сравнительно простая *стандартная* продукция, производимая ТНК для местных рынков — продовольствие, напитки, печатная продукция, табачные изделия. Здесь китайская промышленность (20%) значительно уступает мировому индикатору (28%). Крупные китайские производители: China Tobacco, COFCO, Mengniu Dairy, Wahaha.

И, наконец, последняя группа товаров — *высокотехнологичная* продукция. Здесь доля китайской промышленности такая же, как и среднемировой индикатор (9%). Достойны упоминания Hisense, Huawei, Lenovo, Mindray, Semiconductor Manufacturing International (SMIC), Shinva Medical, Spreadtrum, ZTE.

Добавим, что по доле высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности (26%) Китай в конце нулевых годов догнал Южную Корею, превзошел США и Японию (18 и 17%), уступая, впрочем, Малайзии (43%) и Сингапуру (45%).

Иными словами, можно смело говорить о решительном и успешном преодолении китайской промышленностью технической отсталости. В свою очередь комплексная промышленная структура в сочетании с масштабом хозяйства и внешней торговли, а также энергичной экспансией китайских корпораций за рубеж дала и другой важнейший итог — преодоление зависимого положения в мировом хозяйстве или, по крайней мере, асимметричной зависимости от промышленно развитых стран и их ТНК.

Не менее важно и то, что крупная высококонкурентоспособная промышленность КНР является мощным генератором платежеспособного спроса на разного рода инновации, с одной стороны, и средством их массового тиражирования, с другой⁷.

Таким образом, индустриальное становление Китая, вписавшее одну из самых ярких страниц в мировую историю промышленной революции, в известном смысле завершено⁸. При этом доля обрабатывающей промышленности (наиболее производитель-

ного сектора хозяйства) в ВВП КНР составляет 30% (2011 г.) против 24% в Индонезии, 16% в России, 14,5% в Бразилии и лишь 14% в Индии. Возможно, столь высокий показатель — один из основных секретов высокой экономической динамики в КНР.

«Индустриализация нового типа» и сервисизация экономики, развернувшиеся на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., сигнализируют о начале новой крупной фазы в экономической истории страны. Фаза началась в условиях, когда Китай в эти рубежные годы стал крупнейшим мировым изготовителем промышленной продукции, а также ее экспортером (табл. 1).

Таблица 1.

Доля отдельных стран и групп стран в мировом экспорте товаров в 1948–2012 гг. %

Страны/годы	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2012
КНР	0.9	1.2	1.3	1.0	1.2	2.5	5.9	9.9	11.4
Шестерка*	3.4	3.0	2.5	3.6	5.8	9.7	9.6	9.6	9.7
США	21.7	18.8	14.9	12.3	11.2	12.6	9.8	8.7	8.6
Германия	1.4	5.3	9.3	11.7	9.2	10.3	10.2	9.2	7.8
Япония	0.4	1.5	3.5	6.4	8.0	9.9	6.4	4.8	4.9
Великобритания	11.3	9.0	7.8	5.1	5.0	4.9	4.1	2.9	2.6
Индия	2.2	1.3	1.0	0.5	0.5	0.6	0.8	1.3	1.6
СССР/СНГ	2.2	3.5	4.6	3.7	5.0	1.5	2.6	3.7	4.3

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

Рассчитано по: *International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 14; URL: comtrade.un.org*

Перечисленные достижения имеют важные мирохозяйственные и внешнеполитические следствия, на которых мы подробно остановимся в конце раздела.

Здесь же обратим внимание еще на два обстоятельства, существенно отличающие экономику КНР от хозяйств некрупных развивающихся и многих восточноазиатских стран. Во-первых, Китай значительно менее зависим от экспорта. Объем экспорта (реэкспорта) в расчете на душу населения в странах и территориях «шестерки» в целом в семь раз выше. В Таиланде (сопоставимым с Китаем по уровню дохода) он выше, чем в КНР примерно вдвое⁹.

Во-вторых, в китайской внешней торговле неуклонно растет доля продукции, полностью произведенной на территории этой страны. Против мирового показателя примерно в 60%¹⁰ доля продукции, произведенной в рамках GVC, составляет во внешней торговле КНР около трети, снизившись за последние семь лет с половины ее объема. В экспорте эта доля составляет 42% (2012) против 55% (2005).

Парадоксальным образом (возможно, в силу масштаба хозяйства) Китаю удается наращивать свое присутствие в мировой экономике одновременно с ослаблением некоторых видов зависимости от нее. Подчеркнем еще один момент: в 2005–2012 гг. курс юаня к доллару повысился на 30%. Одновременно КНР значительно увеличила свой вес в мировой торговле. Стало быть, конкурентоспособность китайской промышленности опирается уже не только на ценовые, но и другие факторы, включая системность и скоординированность местной промышленной структуры.

Иными словами, китайский опыт (эта экономика дала *качественно беспрецедентный* в новейшей истории пример успешной и сжатой во времени промышленной революции, который трудно анализировать и прогнозировать по привычным для нас схемам и эконометрическим формулам) выявил, что нет больших противоречий между двумя процессами. Это развитие комплексной, полноотраслевой индустриализации, с одной стороны, и использование на внешнем рынке сравнительных преимуществ в целом ряде

отраслей — с другой. Если угодно, в китайском случае мы имеем Д. Рикардо и И. Фихте «в одном флаконе» гигантского хозяйства.

Накопление и инфраструктура

Беспрецедентно высокая доля накопления в ВВП КНР — еще одно важное отличие этой гигантской экономики в новом веке. Заметим также тенденцию к повышению этого показателя в последние двадцать лет — за исключением периода рубежа столетий, когда кабинет Чжу Жунцзи (1998–2003 гг.) провел довольно жесткую реформу государственного сектора. В других азиатских странах в этот период снижение накопления, впрочем, было еще более значительным, но в силу внешних причин — и главным образом из-за кризиса 1997–1998 гг. (табл. 2).

Таблица 2.

Норма накопления в отдельных странах Азии в 1980–2012 гг., %

Страны\ Годы	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2012
КНР	32	36	42	35	42	48	49
Индия	18	26	26	24	35	37	36
Индонезия	26	31	32	22	25	32	35
Вьетнам	—	14	27	30	34	36	27
Таиланд	28	42	43	22	31	26	27
Южная Корея	31	38	37	31	30	30	28

Источник: *Key Indicators for Asia and the Pacific 2013. Manila: ADB, 2013. P. 216. Данные округлены.*

По сравнению с другими азиатскими странами, имеющими или имевшими в прошлом высокие показатели накопления, Китай выделяется также более высокой долей индустрии в целом (включая, помимо обрабатывающей промышленности, строительство, энергоснабжение и пр.) в ВВП. В 2012 г. указанный индикатор (начавший, как уже отмечалось, снижение в последние годы) составил 45% против 26% в Индии. Видна, таким образом, очень значительная разница между двумя крупнейшими странами мира. Она гораздо меньше при сравнениях КНР с Восточной Азией: доля индустрии в ВВП составляет 44% в Индонезии, 40% в Таиланде, 39% в Южной Корее¹¹.

Оба представленных выше рекордных показателя вполне объяснимы, если принять во внимание масштабы инфраструктурного строительства в современном Китае. Бум в этой отрасли, захвативший страну в первом десятилетии нынешнего века и нередко критикуемый с позиций финансовой эффективности, в том числе, несколько неожиданно для аналитиков, — и в самой КНР после прихода к власти нового руководства в 2012–2013 гг., имел под собой, если вспомнить недавнюю историю, весьма серьезные основания.

К началу века стали, в частности, слишком заметными и социально опасными разрывы в уровне благосостояния прибрежных и внутренних провинций Китая. Кроме того, значительных масштабов достигли сбережения населения в банковской системе — в том числе по причине слабого развития социального обеспечения. Родилась и затем была воплощена в жизнь идея «занять денег у детей и оставить им современную инфраструктуру»¹².

Заметим попутно, что показатели эффективности, принятые в развитых странах (где на остаточную продуктивность факторов производства приходится более половины прироста ВВП), не вполне приемлемы в развивающейся Азии¹³. В этой части света исключительная острота проблемы аграрного перенаселения снижает цену труда. Набор дешевой рабочей силы из сельской местности в промышленность или услуги оказывается более простым и эффективным способом увеличения выпуска продукции.

За счет работы в две-три смены лучше используется оборудование, быстрее происходит его обновление, что дает новые рабочие места и положительную обратную связь между накоплением и занятостью.

Считая экономию капитала и труда признаком «современного» или «интенсивного» роста, теоретически и практически трудно решить проблему обратного превращения высвободившихся денег в реальный производительный капитал: «излишек» в эпоху глобализации, как правило, уходит в финансовую сферу, нередко — за рубеж. Поэтому приложение к экономической политике только критериев финансовой эффективности в долгосрочном плане ведет к снижению реальной заработной платы и/или росту безработицы. Между тем повышение капиталовооруженности труда на ведущих предприятиях одновременно с приростом занятости в экономике в целом — жизненная потребность и, подчеркнем, возможность — если малый и средний бизнес имеют доступ к современной инфраструктуре¹⁴.

Китай в последние годы нередко упрекают в принесении потребления в жертву накоплению. Действительно, в последнее десятилетие наблюдается сокращение относительной доли домохозяйств в ВВП КНР. Этот показатель составляет в настоящее время порядка 36% против 45% в начале века. Тем не менее, снижение доли потребления в ВВП не мешает динамично расти потреблению в абсолютном выражении — благодаря высоким темпам экономического роста¹⁵.

Говоря же об эффективности инвестиций, заметим, что в КНР в 2001–2007 гг. приростная капиталоемкость ВВП¹⁶ снижалась (составив в среднем 4,1), достаточно благоприятно выглядит этот показатель и в целом за период 2001–2012 гг. (табл. 3). Заметим практически прямую связь между накоплением и экономическим ростом в Азии в этот период и постепенное ухудшение показателя приростной капиталоемкости по мере роста среднедушевого дохода — если сравнить, например, Таиланд и Южную Корею.

Таблица 3.

Средние показатели за 2001–2012 гг.

	Норма накопления	Прирост ВВП	Капиталоемкость роста ВВП
КНР	44,0	10,1	4,4
Индия	33,0	7,4	4,5
Индонезия	27,2	5,4	5,0
Вьетнам	35,0	6,9	5,1
Таиланд	25,9	4,1	6,3
Южная Корея	29,3	3,9	7,5

Рассчитано по: *Key Indicators for Asia and the Pacific 2013*.

В то же время средний показатель капиталоемкости роста ВВП в Китае за последние три года (5,3), при его ухудшении до 6,2 в 2012 г. вызывает определенную тревогу. Ухудшение, впрочем, имело место и во всех других сравниваемых странах¹⁷, чуть лучше китайского этот индикатор был в 2010–2012 гг. только в Индии и Индонезии (5,2).

Между тем уже ясно видно, что китайская экономика теперь качественно превосходит хозяйства этих двух крупных стран по уровню развития «ожесткой» инфраструктуры. Как невесело пошутил один индийский коллега, «в Индии строят то, что в Китае уже сносят». При этом мощный строительный комплекс КНР значительно облегчает внешнюю экономическую экспансию этой страны, своеобразное «пристраивание» к ее промышленной системе зарубежных сбытовых сетей, источников природных ресурсов и т.п.¹⁸

Главные задачи инфраструктурного строительства в крупных развивающихся странах все же преимущественно внутренние. В их числе консолидация и развитие наци-

онального рынка, увеличение занятости и повышение мобильности рабочей силы, а также других факторов производства. Требуя поначалу долгосрочных капиталовложений, а значит и государственной поддержки, создание инфраструктуры в дальнейшем позволяет организовать «глубину развития»: проявить сравнительные преимущества регионов, оптимизировать размещение производительных сил, улучшить экологическую ситуацию на наиболее густонаселенных территориях. В этом смысле КНР, бесспорно, лучше других способна к стратегическому и комплексному планированию экономического развития (и располагает для этого необходимыми институтами, в частности Госкомитетом по делам развития и реформ).

Характерно, например, то, что Китай уже давно и смело идет на весьма дорогостоящие вложения в «чистые» инфраструктурные объекты. В 2010 г. впервые в истории развивающиеся страны опередили развитые государства по стоимости реализованных «зеленых» проектов в энергетике. К ним относят применение энергии ветра, солнца, современных технологий использования биоресурсов и т.п. Суммарные инвестиции развивающихся стран в данную отрасль составили 72 млрд долл., причем на долю Китая пришлось почти 49 млрд долл., на 28% больше, чем в 2009 г. Для сравнения можно заметить, что все европейские страны вложили в «зеленые» проекты 35 млрд долл. — на 22% меньше, чем в 2009 г.¹⁹

Инвестиционный пыл Китая несколько поостыл в 2012 г. в связи с непростым процессом передачи власти, однако страна сохранила высокий уровень вложений в новую энергетику. Мировой вклад в ВИЭ-генерацию в целом составил чуть больше 240 млрд долл. На Китай пришлось 65 млрд долл. (или 27%), пока еще чуть меньше, чем в ЕС в целом, но много больше, чем в США (34 млрд) и Японии (16 млрд), вместе взятых²⁰.

Иными словами, КНР примкнула к числу мировых лидеров в важной отрасли перспективного жизнеобеспечения человечества, которая, впрочем, одновременно является крупным рынком реализации новых технологий и сферой острой конкурентной борьбы.

Инфраструктурное строительство при наличии его собственной материальной базы внутри страны способно, как показал недавний китайский опыт, оказаться и важным рычагом преодоления последствий кризисных явлений в мировом (западном) хозяйстве, ликвидации «провалов рынка», стимулирования активности частного капитала и т.п. Понятно, что другим необходимым элементом в такие периоды становится подчинение финансового (банковского) сектора интересам развития реальной экономики, сохранение (удешевление) доступного, в том числе долгосрочного, кредита. Этот важный элемент также присутствует в китайском хозяйственном арсенале.

В целом же можно, по-видимому, констатировать, что в крупных развивающихся государствах задачи инфраструктурного освоения обширных внутренних территорий надолго закрепляют за центральным правительством функции «государства развития» — стадии, которая уже пройдена наиболее развитыми восточноазиатскими странами²¹.

В Китае же незавершенность урбанизации (мыслимой как процесс, нуждающийся в жесткой организации), а также другие причины (включая экологические проблемы, масштаб хозяйства и пр.), заставляют продлевать данную стадию.

Другое дело, что все это не мешает КНР по примеру более развитых восточноазиатских соседей постепенно передавать промышленную (инфраструктурную) политику и инновационную функцию в руки крупнейших национальных корпораций (на них в 2012 г. пришлось около 75% всех расходов на НИОКР), в большинстве своем, впрочем, так или иначе контролируемых государством.

Говоря о разнице в нынешнем инфраструктурном обеспечении Китая и Индии, обратим внимание еще на одно обстоятельство. В обеих странах решающую роль в трансформации сбережений в накопления играют крупные государственные банки (в том числе специализированные финансовые институты развития) — при некотором повышении

в нулевые годы роли фондовых рынков. Однако в приоритетах банковских стратегий между двумя странами существует ярко выраженное отличие.

В Китае, где одним из алгоритмов рыночных реформ был, повторим, принцип «держат крупное, отпустив мелкое», госбанки в основном сосредоточились на кредитовании крупных государственных корпораций. В последние годы эту политику нередко критикуют, и в ней происходят определенные изменения в сторону большего внимания к частному сектору, потребительскому кредитованию и т.п. Хотя в целом картина изменилась незначительно.

В Индии банки, в том числе частные и иностранные, были, наоборот, изначально, причем в законодательном порядке, ориентированы на поддержку малого и среднего бизнеса. Для них регулятором установлен обязательный показатель по кредитованию этого сектора (40% кредитного портфеля).

В какой-то мере эти различия, а также тот факт, что Индия неизменно уступала Китаю по норме накопления, сказались на темпах создания общенациональной инфраструктуры, консолидирующей внутренние рынки и предьявляющей огромный спрос на инвестиционные товары²². Достаточно заметить, что по среднему потреблению электроэнергии КНР ныне превосходит Индию в пять (!) раз²³.

Заметим и еще один важный момент (также, кстати, отличающий Китай и Индию). Усиление позиций частного сектора в промышленном производстве и экспорте в КНР сопровождается в нынешнем столетии постоянным ростом доли государственных расходов (и доходов) в ВВП. С 16,3% в 2000 г. этот показатель вырос до 18,3% в 2005 г. и 24,2% в 2012 г.²⁴

При выросшем в последние четыре года дефиците бюджета КНР удается удерживать инфляцию в пределах 2–5% — параметрах, обычных для наиболее развитых стран Восточной Азии (в Индии, к сожалению, добиться такой стабильности пока не удалось²⁵).

Иначе говоря, в Китае повышение нормы накопления и государственных расходов в годы кризиса в западных хозяйствах пока себя оправдывает. Усиление государственного перераспределения, вероятно, является и необходимым звеном политики расширения внутреннего спроса, подтвержденной с особой силой новым руководством Китая. Более равномерное распределение доходов, как известно, теоретически увеличивает массовый спрос, а значит и емкость внутреннего рынка.

Пекинский консенсус или антимодель?

Китайский опыт развития часто и во многом справедливо рассматривают как теоретический противовес неолиберальной модели, альтернативу Вашингтонскому консенсусу.

Для этого есть вполне надежные основания: естественные, исторические, политические. Колоссальны, например, *естественные* различия в обеспеченности трудовыми и природными ресурсами хозяйств США и Китая. *Исторически* уже восточноазиатская модель (а до нее германская, японская и советская), на которые во многом ориентировались в КНР в годы реформ, во многом были противоположны англосаксонской. Наконец, *политически* китайский опыт развития был еще и искусным преодолением курса на сдерживание развития, фактически проводившегося международными финансовыми институтами в последние четверть века²⁶.

Характерно в этом смысле отсутствие у китайских реформаторов²⁷ и аналитиков каких-либо иллюзий по поводу характера глобализации. «Вероятность новой мировой войны невелика, однако на наших глазах, проникая во все уголки земного шара, стремительно разворачивается мировая экономическая война — и от нее никуда не денешься», — отмечал в конце 1980-х годов видный китайский международник²⁸.

Добавим, что китайский подход к инфляции почти противоположен современному монетаризму: цены на товары и услуги удерживаются не столько за счет ограничения денежного предложения, сколько путем кредитного стимулирования деловой активности, увеличения производства товаров и услуг. К этому прибавляется государственное регулирование цен — не только их административное регламентирование, но и товарные интервенции, серьезные вложения в биржевую инфраструктуру и т.п. Вдобавок китайский ЦБ прямо подчинен правительству.

Тем не менее все перечисленные и многие другие особенности китайского хозяйства и управления им вряд ли стоит представлять в виде модели, которую можно легко перенести на почву других развивающихся или переходных стран. Большинству из них, например, просто не хватает масштаба для становления полноотраслевой национальной промышленности и емкого рынка средств производства (отсюда и многочисленные проекты региональной интеграции в современном мире).

Можно, разумеется, расширить сферу противоречий между китайским путем реформ и западной ортодоксией на политико-идеологическую область, обозначив современный Китай в качестве чуждого Западу авторитарного устройства, неудобоваримого государственного капитализма и т.п.²⁹ Тогда Пекинский консенсус (в силу его успешности) начинает выглядеть еще и удобным инструментом критики западного мира, оказавшегося в последние годы в полосе серьезных кризисов. Однако такая критика не всегда будет конструктивной, более того, существует опасность, что ею станут прикрывать авторитаризм *per se* — при, добавим, нежелании всерьез воспринять уроки китайского опыта. Он же во многом является сугубо индивидуальным, сборным, содержащим контрастные региональные решения и т.п.³⁰ Его действительное содержание носит принципиально *антимодельный* (мультимодельный) характер, возводя на первое место рационально-практический, конкретный и неторопливый подход к делу, не исключающий, разумеется, заимствования, да и прямого копирования полезных западных образцов в экономике и политике.

Корни этого подхода можно, на наш взгляд, искать в самих реалиях огромной страны. Квалифицируя КНР как аграрное общество, многие экономисты вкладывают в это понятие оттенок некой недостаточности этой страны, ее бедности, отсталости... Забывая при этом о поголовной грамотности китайской деревни, ее традициях самоорганизации, уже существующей реальной выборности местных властей и даже регулярных массовых выступлениях крестьян в защиту своих прав в современном Китае.

Между тем, по нашему мнению, один из секретов успехов Пекина заключается как раз в исконном — крестьянском, глубоко утилитарном, взгляде³¹ на экономическое развитие как процесс, нуждающийся в планировании и расчете, последовательности³², относительной стабильности цен, коллективном подходе к решению крупных проблем, в том числе предупреждению катастроф и борьбе с их последствиями.

Не стоит сбрасывать со счетов и универсализм крестьянского взгляда на мир — в противоположность (дополнение) к узкопрофессиональному — городскому. Не забудем привычку к разумному ограничению трудовых затрат и потребностей³³ — то, что в конфуцианском мире называют «сяокан». С сохранением этого взгляда, возможно, следует связывать и успехи, и будущий вклад Китая в действительное благоустройство планеты — не только как промышленного, постиндустриального и агропромышленного, а как рационально-экономного и потому еще и экологичного мира.

Отчасти в этом пункте, возможно, как раз и заключен действительный узел противоречий между Пекином и Западом. Заземленный, нацеленный на практику «коммунистический Китай» выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его глобальными претензиями. Лицемерно выглядят, например, бомбардировки Ливии, едва покинутой китайскими строителями, с последующим обращением «гуманных» европейских лидеров к Пекину с просьбами дать займы. Противоречат духу глобализации и здравому смыслу многочисленные ограничения на инвести-

ции китайских компаний в экономику развитых стран. Странными выглядят обвинения Пекина в проведении «колониальной» политики в Африке и др.

Парадокс нынешнего исторического момента еще и в том, что если на Западе сложившуюся экономическую систему все чаще атакуют слева, то Китай практическими действиями «критикует» Запад, например, покупкой (не-покупкой) или продажей госдолгов развитых стран, апелляциями к нормам ВТО и т.п.

Имеющиеся успехи — не гарантия их повторения в будущем. Мы далеки от того, чтобы не видеть всей остроты проблем, стоящих перед Пекином — в том числе в социальной области. Куда более требовательным становится и китайское общество. Как и везде, здесь кипят страсти по поводу неравномерности распределения доходов, коррупции и т.п. Упомянутая выше задача расширения внутреннего рынка и спроса, помимо дальнейшего развития инфраструктуры, потребует очень энергичного и масштабного маневра, напоминающего «великое сжатие»³⁴ в США. К такому маневру Пекин довольно жестко вынуждают и внутренние социально-политические причины, и подчеркнуто государственный взгляд на мир, и уже приобретенные статусные характеристики (но это совсем не означает, что маневр будет удачным).

«Китайская антимодель» — это не учебник по социально-экономическому развитию. Это всего лишь ясно вытекающий из опыта огромной страны имплицитный призыв к творческому подходу к любым теориям и учету национальной специфики, местных условий.

Где-то есть условия для становления высокотехнологичных *укладов* (но не обществ!) или их *сегментов*³⁵, где-то на повестке дня аграрные реформы, где-то — начальная или повторная индустриализация³⁶. Где-то стоит либерализовать экономику, где-то пойти по пути приватизации. Где-то, наоборот, не обойтись без национализаций, государственного планирования и государственного капитализма, исторически, кстати, одинаково свойственного Гоминьдану и КПК. Китай же просто освобождает своим примером пространство для эволюционного возвращения к большему разнообразию проектов и инструментов — из сегодняшней лихорадочной погони за доверием «глобальных» инвесторов и высокими оценками рейтинговых агентств (которыми в КНР тоже не пренебрегают). При этом государственный капитализм (если говорить о политическом модусе китайского государства), рыночный социализм или смешанная экономика (если иметь в виду политэкономический базис страны) — вещи, достаточно хорошо известные из опыта многих стран³⁷.

Все же особо отметим одну из черт китайского опыта, имеющую прямую связь с традицией опоры на собственные силы и явное антимодельное содержание. Это очевидное нежелание Пекина полностью интегрироваться в международную финансовую систему в качестве ее рядового участника. Китай фактически постепенно строит собственную «финансомику» с глобальным прицелом и многофункциональным треугольником Шанхай — Гонконг — Шэньчжэнь. Интернационализация юаня по своей сути — альтернатива преждевременной полной конвертируемости национальной валюты как одной из стандартных процедур фиксации зависимого положения слабых стран в мировой экономике. Незадачливые адепты этой схемы, как правило, теряют контроль над национальным капиталом и рано или поздно становятся жертвами политики экспорта кризисов и сомнительных финансовых продуктов.

Китай же, добравшись в середине нулевых годов до стадии капиталодостаточности, уже стал крупнейшим мировым кредитором (если иметь в виду резервы), а в 2012 г. — еще и третьим экспортером прямых инвестиций.

На растущий торговый и технологический протекционизм Запада Пекин отвечает контролем над притоком капитала (и ссудного, и предпринимательского, который на внутреннем рынке уже тесним частником³⁸), а также продолжающимся регулированием курса и режима конвертации валюты. Он вполне сознательно затягивает дальнейшее усн-

ление позиций на международных финансовых рынках — в пользу той же внешнеэкономической независимости и по причине растущей достаточности собственного капитала.

Тем временем на просторы мировой экономики вслед за линкорами госкорпораций³⁹ и суверенных фондов начинает выдвигаться флотилия китайского частного капитала, традиционно опирающегося еще и на богатеющую зарубежную диаспору. Над интересами глобальной экономической аристократии нависает грозная тень всеядного китайского предпринимателя.

Вызов или предложение?

В ответ на вызовы глобализации КНР за последние три десятка лет создала конкурентоспособную промышленную систему и прочные финансы. В наши дни продолжается обрастание этого комплекса зарубежными активами и интенсивная консолидация внутреннего рынка Китая. Он все чаще оказывает решающее воздействие не только на движение товарных цен на отдельных мировых рынках, но и саму структуру глобального хозяйства, прочно привязывая к экономике КНР крупные сегменты хозяйств стран-партнеров. Притяжение Китая особенно остро чувствуется в сопредельных странах, где его воспринимают и как угрозу, и как возможности.

Но фактически, как отмечает И.С. Целищев, Китай уже стал экономическим интегратором Восточной Азии, «делясь» с соседями высокими темпами экономического роста и нисколько не претендуя на их гибкий экономический суверенитет⁴⁰.

Уточним И.С. Целищева лишь в одном пункте — о роли государства в экономике Китая. Дело в том, что эта роль в Китае с середины 1990-х годов не только модифицируется, но и усиливается — если учитывать финансовую роль центра, мощь (в том числе зарубежные активы) государственных корпораций, долю бюджета в ВВП, активную кредитную политику, инвестицию в науку и т.д. Не исключено, что это — объективная закономерность хода реформ: логика экономического развития на определенном этапе требует от государства не только защиты результатов рыночных реформ, но и вложений в инфраструктуру и усиления перераспределения — для повышения емкости рынка.

Такая стадия реформ, по-видимому, связана с тем, что основным ограничителем роста становится уже не дефицит капитала, а платежеспособный спрос. В Европе схожий этап приходится на рубеж 1950-х — 1960-х годов. Стоит напомнить, что в этот период в Европе и Японии господствовали национальные межотраслевые концерны (похожие на нынешние корпорации Китая), а государство активно регулировало рынок.

Именно тогда в европейских странах сложились социально ориентированные государства, склонные к конструктивному сотрудничеству с развивающимся миром и содействию ему в развитии — в том числе для расширения своих будущих рынков сбыта.

Зародившиеся тогда и оформленные в 1970-е годы в документах ООН идеи НМЭП до сих пор даже терминологически остаются важной частью официальной внешнеполитической и мирохозяйственной доктрины Китая. И одно из ее недвусмысленных предложений миру — возвращение к тем, возможно, не худшим в истории XX века, временам.

Такое возвращение означало бы частичное восстановление экономических суверенитетов государств, изрядно пострадавших за десятилетия глобализации. И, укрепившись, подобный тренд, помимо прочего, мог бы придать мировому хозяйству дополнительный ресурс устойчивости и антикризисный потенциал.

Хозяйство КНР выглядит в настоящее время как нечто особое, сопоставимое и одновременно обособленное от других центров образования. Возможно, такая обособленность Китая (особенно в финансовой сфере) фиксирует и достижение глобализацией некоего предела в своем развитии, во всяком случае, по линии «центр — периферия». Сохранение же относительно высоких темпов роста в азиатских странах в период 2008–2012 гг. показало, к тому же, что современная эконометрика преувеличивает вклад экспорта в эконо-

мический рост (а заодно и выгоды от либерализации внешней торговли). Несмотря на тесное переплетение национальных хозяйств в результате глобализации, экономически крупнейшие государства демонстрируют достаточно высокий уровень автономности, способность сохранять и даже повышать темпы роста при вялой динамике в развитых странах.

Опережающее развитие сферы услуг (многие виды которых теснее привязаны к национальной культуре и языку, чем стандартное промышленное производство), ставшее теперь реальностью и в Китае⁴¹, усиливает фрагментацию мирового хозяйства⁴², его полицентризм, и, опять-таки, стремление к национальному обособлению.

Начавшаяся реиндустриализация в США и призывы к инсорсингу или решорингу (а фактически — к «древнему» замещению импорта) в других развитых странах — еще и дань вызову в промышленном развитии со стороны Китая и Восточной Азии. Иначе говоря, и здесь заметна тенденция к фрагментации мировой экономики, подтверждающая движение планеты к полицентричному устройству, во-первых, и некоторой деглобализации (в том числе за счет регионализации), во-вторых⁴³.

Основное противоречие, выявившееся в ходе глобализации, можно сформулировать как сущностное различие между продолжением модернизации, ориентированной на внутренние цели и ресурсы, с одной стороны, и интеграцией в мировую экономику, с другой. Смещение цели и средства, чрезмерный упор на интеграцию чреват срывом модернизационного процесса. Иначе это противоречие можно представить как выбор между самостоятельным и зависимым развитием. Последнее почти неизбежно означает социальное расслоение и углубление анклавности, не оставляя государству достаточных рычагов перераспределения доходов. Усложняет ситуацию и то, что без продуманного участия в глобализации модернизация невозможна.

Критика глобализации, достигшая своего пика после азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг., как представляется, позволила Китаю определить достаточно рациональный баланс между модернизацией, мирохозяйственной интеграцией, внутренним рынком и социальной сферой.

Значительная часть стран Азии, включая, безусловно, Китай, добились существенных результатов в независимом развитии (в том числе коллективном региональном). Это, помимо прочего, снизило роль «глобальных» институтов — МВФ, МБРР и ВТО, сделав их ареной равноправных и острых дискуссий. Повысилось значение регионального сотрудничества, в том числе в финансовой области. Соответственно, расширяются возможности выбора путей развития и для других государств, тем более что валютно-кредитная монополия Запада, а с ней и возможность диктовать стратегии развития фактически становятся достоянием прошлого.

При самом активном участии КНР происходит внешнеполитическое возрождение идей развития, в том числе в деятельности БРИКС, ШОС, региональных организаций развивающихся стран (включая АСЕАН). Критика Запада приобретает конструктивный и деловой характер.

Выясняется, что взаимодействие в мировой экономике целеустремленного современного Востока (Восточной Азии) и постепенно осознающего утрату импульсов развития Запада носит теперь куда более симметричный характер, чем три с половиной десятилетия назад. Следовательно, на повестку дня выходит вопрос о совместном поиске новых рецептов и двигателей прогресса — действительно глобальных по содержанию и приемлемых социально.

---

1. В середине 1990-х годов привлечение Китаем иностранных инвестиций некоторые авторы достаточно справедливо квалифицировали как «тактическую линию, лежащую на фундаменте сталинской стратегии опоры на собственные силы и преимущественном внимании к произ-

- водству средств производства». (*Chow P.C.Y. Foreign Enterprises in Mainland China: Integration or Isolation // Issues & Studies. 1995. No. 7. P. 93.*)
2. Основные черты восточноазиатской модели и ее альтернативность англосаксонской модели капитализма хорошо показаны, в частности, в недавнем исследовании И. Целищева. Многие ее черты воспроизведены и в Китае (в прибрежных провинциях), но с существенными отличиями и на другой, менее благоприятной, фазе развития мировой экономики. См.: *Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012.*
  3. *Lardy N.R. China's Entry into the World Economy. N.Y., L.: University Press of America, 1987. P. 44–45.*
  4. *Чжэу Жунци. Китай. вступающий в XXI век // Общество и экономика. 1999. № 9. С. 5.*
  5. URL:http://europe.chinadaily.com.cn/opinion/2013-08/15/content_16894894.htm.
  6. URL:http://www.mckinsey.com/insights/manufacturing/a_new_era_for_manufacturing_in_china.
  7. По-видимому, не стоит преувеличивать технологическое превосходство развитых стран, с их переходом на «постиндустриальный» этап выясняется, что разрыв в области сферы услуг (в том числе информационных) можно преодолеть в более короткие сроки, чем отставание в промышленности.
  8. Одно из свидетельств — начавшееся сокращение доли промышленности в ВВП Китая.
  9. С другой стороны, КНР по этому показателю примерно в семь раз превосходит Индию, наглядно демонстрируя более высокую (и не только ценовую) конкурентоспособность промышленности.
  10. *World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. UNCTAD: N.Y., Geneva. 2013. P. 14.*
  11. Очень высока доля индустрии в ВВП нефтеэкспортеров, но это — иной случай.
  12. *Ли Цзиньвэнь. Дандай Чжунго цзинци жэдянь фэнси юй чжаньван: [Анализ и прогноз узловых проблем современного Китая]. Пекин, 1998. С. 114.*
  13. Впрочем, вклад ТФР в экономический рост в КНР во второй половине 1990-х годов достиг 35%.
  14. В Китае оправдала себя установка «держат крупное, отпустив мелкое». Малый бизнес в промышленности и услугах поглощает избыток труда, а крупная индустрия, опираясь на госбанки, обеспечивает технический прогресс. При этом в ходе развернутой модернизации с 1990 по 2005 г. одновременно выросли и доля промышленности (с 43 до 48% ВВП), и доля услуг (с 32 до 40%), при том, что доля промышленности (включая строительство и пр.) в занятости изменилась незначительно (рост с 22 до 24%). В услугах же занятость подросла существенно: с 18 до 31%. В результате добавленная стоимость на одного занятого в промышленности увеличилась с 5,2 тыс. юаней до 48 тыс., а в услугах — с 4,6 тыс. до 30,6 тыс. юаней. Учитывая же выросший массив сельской промышленности с невысокой производительностью труда, можно, опять-таки, заключить, что главная причина успехов КНР в тот период — индустриализация, и в основном — форсированное развитие крупной промышленности (а не только реформы и открытость, которые в 1990 г. имели уже десятилетний стаж). Добавим, что на долю негосударственных предприятий (не только частных) в КНР приходится примерно 65% ВВП и 80% занятости, т.е. госсектор в целом отличается высокая производительность (а также фондовооруженность).
  15. В пересчете по валютному курсу объем розничных продаж в Китае в 2012 г. составил 3,3 трлн долл. против 4,3 трлн долл. в США. Аналитики Standard & Poor's (S&P) считают возможным преодоление этого разрыва за 5 лет. См.: URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-08/15/content_16896830_2.htm.
  16. Отношение нормы накопления к темпам прироста ВВП. Чем выше этот показатель, тем дороже рост. В развитых странах он близок к 10.
  17. Существенно лучше оказались в эти три года показатели сравнительно некрупных Малайзии и Тайваня (4,1 и 3,9), практически завершивших создание современной жесткой инфраструктуры.
  18. Стоит заметить, что подавляющее большинство китайских ТНК (71 китайская корпорация входит в список 500 мировых лидеров) остаются в основном национальными концернами (нередко межотраслевыми), лишь у трех членов списка доля зарубежных операций превышает 50%.
  19. *Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. UNEP, Frankfurt School of Finance and Management, Bloomberg New Energy Finance: Paris, September 2011. P. 9.*
  20. *RE№ 21. Renewables Global Status Report 2013. P. 53.*
  21. Подробнее см.: *Целищев И. С. Указ. соч. С. 16–20.*

22. В связи с этим следует отметить еще одно важное преимущество Китая по сравнению с южным соседом: средний уровень ссудного процента в КНР значительно ниже, кроме того, в структуре кредитов выше доля долгосрочных заимствований.
23. Впереди Поднебесная и по многим другим, в том числе социальным, показателям. Продолжительность жизни в Китае 73 года, а в Индии — всего 64. Удельный вес плохо питающихся детей до пятилетнего возраста в Китае всего 5%, а в Индии — 40%. Поэтому не вполне корректно писать о «демографическом дивиденде» Индии по сравнению с КНР. Не проходит при сравнениях двух гигантов и «институциональный подход». Согласно ему, в начале реформ Индия была в несравненно более выгодном положении: в стране имелись демократическая система, крупные корпорации, ясное правовое поле для бизнеса, получившая образование на Западе элита и т.п.
24. Это выше, чем в России. Примерно такой же уровень государственных расходов достигнут в Южной Корее и Малайзии, где за последние двенадцать лет они также заметно повысились. Небольшое увеличение показателя отмечено также в Индонезии, Таиланде, Вьетнаме, Гонконге. См.: Key Indicators for Asia and the Pacific 2013. Manila: ADB, 2013. P. 320.
25. В Индии в 2012 г. правительство М. Сингха пыталось принимать меры по облегчению условий кредитования. Но ситуация с инфляцией оставалась весьма напряженной, и банки медлили с понижением ставок. Стимулирование накопления в Индии затрудняло еще одно обстоятельство: сокращение (даже по абсолютным показателям) сбережений, которые домохозяйства держат в банках: немалая часть населения в Индии предпочла в последние годы «уйти» в традиционно популярный актив — золото (а также недвижимость), страхуясь от инфляции.
26. Дж. Стиглиц характеризует эту политику еще и как «экспорт кризисов».
27. Хорошо известно высказывание Дэн Сяопина в адрес западных лидеров (1985 г.): «У этих людей на плечах головы старых колониалистов и они хотят нашей смерти».
28. Ван Цзикуань. Предисловие к монографии: *Лу Линьцзю*: Вай сянсин цзинцзи юй Чжунго цзинцзи фацжань: [Открытые экономики и развитие хозяйства Китая]. Пекин, 1988. С. V.
29. Такого рода оценки игнорируют два важных момента: мирную политическую эволюцию всех без исключения экономически успешных стран Восточной Азии, во-первых, а также растущую открытость (демократизм) современного Китая и действительную коллегиальность руководства в этой стране, во-вторых.
30. В известном смысле «китайскую модель» можно представить даже как существенно различающиеся модели развития отдельных провинций или макрорегионов (Восток, центральные провинции, Запад). Такие контрасты — не редкость в крупных странах, например, в Индии весьма различны социально-экономические модели штатов Гуджарат и Керала. Но не обойтись и без понимания более значимой (и возраставшей в последние полтора десятилетия) роли центра в Китае по сравнению с Индией.
31. Уместно напомнить, что вернувшиеся во второй половине 1970-х годов из ссылки в деревню (*сясян*) горожане (и многие руководящие кадры) сыграли важную внутривнутриполитическую роль в повороте страны к реформам. Упомянем и тот факт, что из 25 членов политбюро ЦК КПК, избранных на XVIII съезде (2012 г.), одиннадцать имели в жизни опыт «сясян».
32. В китайском опыте привлекает еще и последовательное перенесение центра тяжести с сельского хозяйства на промышленность и лишь затем — сферу услуг. Между тем в начале-середине нулевых годов многие аналитики не вполне, как выясняется, обоснованно полагали, что «индустриально облегченная» Индия, раньше других приобщившаяся к постиндустриальным технологиям, имеет немалые преимущества перед Китаем. См., напр.: *Economic Reform In China And India: Development Experience In A Comparative Perspective*. Joseph C. H. Chai, Kartik C. Roy. Northampton, MA: Edward Elgar, 2006.
33. Здесь вполне уместно вспомнить и о двух типах экономического поведения у Н.Д. Кондратьева: максимизации результата и экономии затрат.
34. Этим выражением П. Кругман характеризует резкое усиление равномерности в распределении доходов в США в 1940-е — 1950-е годы в результате воплощения идеологии «нового курса». К такому маневру в США наших дней призывают и другие американские экономисты-либералы.
35. Об очень скромном вкладе высоких технологий в ВВП и занятость даже в США не раз писал П. Кругман. «Цифры о новых рабочих местах в США, — отмечал в сентябре 2011 г. П. Робертс, — не имеют ничего общего с пропагандой о новой экономике».
36. «У США тоже есть промышленная политика — поддержка финансовой индустрии, которая якобы эффективно распределяет капиталы в наиболее перспективные сектора экономики. В ре-

- альности, как мы знаем, все это обернулось лишь раздуванием пузырей на финансовых рынках и в сфере недвижимости», — пишет А. Херш, экономист Центра американского прогресса. По его мнению, Штатам нужна полноценная реиндустриализация.
37. В наши дни гонконгский аналитик отмечает, что Китаю нужно и больше капитализма (имея в виду эффективность инвестиций), и больше социализма — ввиду отставания социальной сферы.
  38. Что не остается незамеченным в остальном мире. Так, из 149 мер инвестиционной политики, проведенных в 2010 г. в 74 странах и проанализированных в докладе ЮНКТАД (World Investment Report 2011), почти треть пришлась на новые ограничения и регламентации, тогда как десять лет назад их доля составляла всего 2%.
  39. Заметим, кстати, тот факт, что число и активность государственных ТНК в целом по миру после кризиса 2008–2009 гг. существенно возросли. По данным ЮНКТАД, в 2012 г. их численность достигла 845 против 650 в 2010 г. Суммарные же прямые инвестиции государственных корпораций увеличились в 2012 г. до 145 млрд долл. (примерно 11% всего их потока). В АТР, представленном в основном развивающимися странами, значение государственных ТНК еще выше. См.: World Investment Report 2013: Global Value Chains and Development: Investment and Value Added Trade in the Global Economy. UNCTAD: New York and Geneva. 2013.
  40. *Целищев И. С.* Указ. соч. С. 96.
  41. Тенденция к сервисизации экономики для развивающихся стран в определенном смысле выгодна. Многие виды труда в сфере услуг механизировать и автоматизировать невозможно. Так как производительность труда здесь ниже, чем в промышленности, увеличение числа занятых в секторе услуг для развитых стран означает общее снижение квалификации работников и нередко стагнацию доходов. Наоборот, для населения развивающихся государств занятость в сфере услуг — существенный шаг вперед по сравнению с работой в низкопроизводительном сельском хозяйстве или неформальном секторе.
  42. Симптоматично, что отношение международной торговли услугами (экспорт плюс импорт) к ВВП в 2008–2012 гг. снизилось в КНР с 7,2 до 5,8%, в Индии — с 15,8 до 14%, Японии — с 6,6 до 5,3%. Индонезии — с 8,9 до 6,6%. См.: URL:data.worldbank.org.
  43. Явно вразрез со стандартами МВФ в части либерализации движения товаров и услуг идет, например, рекомендации развивающимся странам в докладе о торговле и развитии ЮНКТАД 2013 года. См.: URL:<http://www.kommersant.ru/doc/2277845>.

События в Корее: взгляд из России

© 2014

А. Жебин

Важные события, происходившие в КНДР в течение 2011–2013 гг. породили очередной всплеск интереса к происходящему в этой стране. Полемизируя с отдельными российскими корееведами в оценке некоторых из этих событий, автор делает вывод о том, что в политической системе КНДР, а также в статусе ее нового лидера не произошло никаких принципиальных изменений по сравнению с периодом, когда во главе страны находился Ким Чен Ир.

Ключевые слова: КНДР, политическая система, армия, лидерство

Важные события, происходившие в КНДР в течение 2011–2013 гг. — смерть северокорейского лидера Ким Чен Ира и приход к власти его сына Ким Чен Ына, осуществленные при нем успешный запуск искусственного спутника земли и третье ядерное испытание, неоднократные перестановки в командовании вооруженных сил и, наконец, дело Чан Сон Тхэка, кульминацией которого стала казнь одного из самых высокопоставленных деятелей нынешнего пхеньянского руководства, породили очередной всплеск интереса к происходящему в этой, во многом остающейся малонизвестной для внешнего мира, стране.

Многие наши печатные и электронные СМИ, рассказывая об этих событиях, нередко ограничивались не критическим изложением самых невероятных слухов и домыслов. К сожалению, не избежали серьезных ошибок при анализе текущих политических событий и некоторые известные корееведы, которые вроде бы успешно поработали на других направлениях корееведения.

Остановлюсь на одной из публикаций, являющейся характерным образцом такого рода исследований. Она посвящена изменениям в политической системе КНДР в 2011–2012 гг.¹

Уже во введении автор, петербургский историк-кореевед С.О. Курбанов утверждает, что он распознал то, что осталось «незамеченным большей частью мировой общественности» — а именно, то, что «Ким Чен Ын не «унаследовал» власть отца... а занял совершенно иную, отличную от той, которая была у его отца, позицию в северокорейском обществе», которая, по мнению автора, дала новому лидеру «совершенно иные, гораздо более широкие полномочия».

Автор обосновывает свое «открытие» тем, что в совместной новогодней передовой статье трех газет КНДР 1 января 2012 г. Ким Чен Ын назван «высшим руководителем нашей партии, государства и армии». Для начала следует отметить, что впервые так место Ким Чен Ына в северокорейском обществе было охарактеризовано не 1 января, а 19 декабря 2011 г. в информационном сообщении о кончине Ким Чен Ира².

Из публикации явствует, что только из анализа материалов 5-й сессии Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва, состоявшейся 13 апреля 2012 г., автор узнал, что «якобы еще 3 года назад», в 2009 г. Ким Чен Ир в очередной раз был выдвинут на пост председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР и что тот, кто занимает этот пост, является «высшим руководителем республики».

Почему «якобы»? Что помешало автору прочитать об этом в конституции в редакции 2009 г., изданной в Пхеньяне в 2010 г. на иностранных языках и долгое время висевшей на сайте «нэнара» на корейском языке? Заодно бы автор узнал, что тогда же, в 2009 г. в конституции появился новый раздел «Председатель Государственного комитета обороны КНДР», в котором как раз и было прописано, что лицо, занимающее этот пост, является «верховным руководителем КНДР»³.

Автор пишет, что таким образом еще в 2009 г. была ликвидирована «нестандартная» для государства ситуация, когда действующий глава государства де-юре отсутствовал. Если это произошло в 2009 г., как можно уже на следующей странице утверждать, что «согласно поправкам к конституции 2012 г. в КНДР вводится новая система государственной власти, в которой впервые за 14 лет (т.е. после 1998 г.) появляется позиция «руководителя государства»?

Если сравнить конституцию КНДР в редакции 2009 г., где в главе 6 появился раздел 2 о полномочиях и обязанностях председателя ГКО, с редакцией конституции 2012 г., то никаких дополнительных полномочий Ким Чен Ын по сравнению с его отцом не получил. В обеих редакциях указывается, что председатель ГКО является «верховным руководителем КНДР».

Еще в 1998 г. в своем выступлении на первой после смерти Ким Ир Сена 1-й сессии ВНС КНДР 10-го созыва, Ким Ен Нам, вносивший от имени Политбюро ЦК ТПК кандидатуру Ким Чен Ира на пост председателя ГКО, четко разъяснил: председатель ГКО — это «высшая государственная должность», позволяющая «руководить и командовать всеми политическими, военными и экономическими силами страны в целом».⁴

Что же касается тех именно почетных, а не официальных титулов, на которые ссылается автор, то они многократно использовались и в отношении Ким Чен Ира. Министр народных вооруженных сил КНДР Ким Ен Чхун в выступлении по случаю переизбрания Ким Чен Ира на пост председателя ГКО в апреле 2009 г. использовал формулировку «высший лидер государства». Газета «Минчжу чосон» в передовой статье по случаю переизбрания Ким Чен Ира Генеральным секретарем Трудовой партии Кореи (ТПК) на 3-й конференции ТПК 28 сентября 2010 г. отмечала, что он стоит «во главе партии, армии и государства»⁵.

Ну, и наконец, читаем самого Ким Чен Ына, который в беседе с ответственными работниками ЦК ТПК 6 апреля 2012 г. прямо указал, что Ким Чен Ир «возглавлял партию, государство и армию»⁶.

Так что утверждения о том, что с 1998 г. «высшего руководителя государства» в КНДР не было, что Ким Чен Ир являлся якобы всего лишь «неформальным лидером страны» или «неформальным лидером государства», но «не был его руководителем», не подкреплены ни документами, ни материалами СМИ, ни реалиями самой КНДР и могут лишь вызвать ироническую улыбку у тех, кто на практике имел дело с этой страной.

В условиях, когда структура высших органов государственной власти осталось такой же, как и в 2009 г., а их полномочия практически не изменились, о какой иной «системе государственного управления», отличной от той, которая существовала при Ким Чен Ире, можно говорить?

Завершая тему почетных титулов, нельзя не обратиться еще к одному пассажиру рассматриваемой публикации, в котором утверждается, что Ким Чен Ына уже называют «отцом и матерью» народа, то есть титулом, которым при жизни величали Ким Ир Сена». Обращаемся к одной из работ Ким Чен Ира, в которой отмечается «Ким Ир Сен был

великим вождем народа, его отцом». А кому же Ким Чен Ир отводит роль матери? «Наша партия — это партия-мать», пишет он⁷.

Согласен с ним и нынешний руководитель КНДР Ким Чен Ын. В статье, опубликованной по случаю 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена он пишет, что «для наших солдат и народа он был самым близким любимым отцом», а народ «почитал его как вождя-отца», «отца нации»⁸. Кому же Ким Чен Ын отдает функции матери? Конечно же, партии. «Парторганизациям следует... с материнским сердцем... беречь и любить людей... Ведь мать никогда не отделяет от себя ни одного из своих детей»⁹.

Еще одним «открытием» петербургского историка стало утверждение о том, что Ким Чен Ир стал новым лидером КНДР не потому, что он является сыном Ким Чен Ира, а «потому (и может быть, прежде всего, потому), что он внук Ким Ир Сена».

Безусловно, для легитимации Ким Чен Ына в качестве нового лидера КНДР используется его внешнее сходство с молодым Ким Ир Сенем. Но являлось ли это обстоятельство решающим фактором при выборе наследника? Обратимся к фактам. Во-первых, решение о выдвигении Ким Чен Ына на пост Верховного Главнокомандующего КНА было принято согласно «завету» Ким Чен Ира от 8 октября 2011 г. Именно он «решил вопрос преемственности руководства», что названо «одной из самых ценных заслуг» Ким Чен Ира в речи председателя Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нама на центральном траурном митинге в Пхеньяне 29 декабря 2011 г. Кстати, главнокомандующим Ким Чен Ын стал не по «указу» ЦК ТПК, который вообще-то указы не издает, а в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ТПК, принятым 30 декабря 2011 г.

Стоит обратить внимание и на то, от чьего же имени правит Ким Чен Ын, на чей авторитет он прежде всего опирается. В этом аспекте показательны некоторые фотографии официальных мероприятий. Одна из них — зала расширенного заседания Центрального военного комитета (ЦВК) ТПК, состоявшегося в разгар очередного обострения обстановки на полуострове в феврале 2013 г. Вторая — зала расширенного заседания Политбюро ЦК ТПК 8 декабря 2013 г. по поводу дела Чан Сон Тхэка. В обоих случаях за спиной Ким Чен Ына и других членов президиума заседания — портрет Ким Чен Ира, а не Ким Ир Сена. Таким образом, при принятии важнейших внешне- и внутривосточных решений Ким Чен Ын апеллировал, прежде всего, к авторитету Ким Чен Ира¹⁰.

Особенно «впечатляет» объяснение автором причин присвоения Ким Чен Ыну звания «маршал». Оказывается, это было сделано «для того, чтобы найти для молодого лидера новый, более звучный титул», которым можно было бы его называть. По мнению автора, упоминание в СМИ таких должностей Ким Чен Ына как «Первый председатель ГКО» или «Первый секретарь ЦК ТПК» (автор опять напутал: аббревиатура «ЦК» здесь явно лишняя — Ким Чен Ын — первый секретарь ТПК) якобы «невольно» вызывает ассоциации с постами покойного Ким Чен Ира — Генеральный секретарь ТПК, председатель ГКО и, якобы, говорит о том, что «первый — это все же «второй после». «Маршал» же — он един, неповторим и уникален», подчеркивается в публикации.

При этом как-то упускается из виду, что и при таком подходе «уникальный» маршал, по логике самого автора, опять остается «вторым после». Дело в том, что Ким Ир Сен и Ким Чен Ир являются генералиссимусами. Причем Ким Чен Иру это воинское звание присвоено посмертно в феврале 2012 г, а звание «маршал» Ким Чен Ыну — пять месяцев спустя — в июле 2012 г. СМИ КНДР полны материалов, в которых в одном предложении упоминаются два генералиссимуса и маршал. Только при этом партийные и государственные посты Ким Ир Сена, и Ким Чен Ира не приводятся. Зато сплошь и рядом говорится, что маршал Ким Чен Ын осуществляет идеи, продолжает дело генералиссимусов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Так что и при упоминании «звучного титула» маршал ассоциаций относительно того, что новый лидер — «второй после» — также не избежать¹¹.

Трудно допустить большее количество неточностей и ошибок при описании обстоятельств присвоения этого звания Ким Чен Ыну, которое допущено в рассматриваемой публикации. Начнем со звания «маршал». Для автора аналитической статьи, претендующей на новое слово в исследовании политической системы КНДР, было бы уместно пояснить — маршал чего? Дело в том, что маршалы в КНДР были и есть, помимо трех Кимов. Только это — маршалы Корейской народной армии (КНА) — покойный О Дин У и все еще здравствующий Ли Ыр Сер. А вот маршалами КНДР становились только Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и Ким Чен Ын.

Такая же неточность присутствует при упоминании присвоения в сентябре 2010 г. Ким Чен Ыну звания генерала. Если для художественной литературы подобная вольность вполне допустима — «мне только бы досталось в генералы», то для данного текста полное название — «генерал армии» или по-западному — четырехзвездный генерал, представляется необходимым, особенно когда оно присваивается наследнику тогдашнего руководителя страны — Ким Чен Ира.

Наконец, о том, кто присвоил Ким Чен Ыну звание «маршал КНДР». Автор почему-то не считает нужным упомянуть идущий первым в этом списке ЦК ТПК. Следующий орган называется неправильно — Центральный военный комитет (ЦВК) ЦК ТПК, где «ЦК» опять же излишне, так как с 1982 г. ЦВК — это отдельный самостоятельный орган. Справившись без ошибок с названием третьего в списке органа — ГКО, автор делает очередное поразительное открытие — оказывается, упраздненный в результате изменений и дополнений в конституцию еще в сентябре 1998 г. Постоянный совет ВНС существует и дает добро на присвоение Ким Чен Ыну этого звания. На самом же деле в тексте официального северокорейского информагентства ЦТАК и газет черным по белому напечатано: Президиум ВНС КНДР. Это орган с совершенно другими функциями и полномочиями, глава которого Ким Ен Нам в феврале 2014 г. побывал у нас на Сочинской олимпиаде, где встретался с В.В. Путиным.

Публикация изобилует подобными ошибками и неточностями в наименованиях высших партийных и государственных органов и описании их полномочий. Приведем еще некоторые из наиболее существенных.

Так, автор утверждает, что согласно редакции конституции КНДР 1992 г. «ратификация и денонсация международных договоров передавалась от Президента Верховному Народному Собранию», а президент КНДР лишь «провозглашал» международные договоры. Смотрим пункт 5 раздела 2 главы 6 Конституции редакции 1992 г.: «Президент ратифицирует и денонсирует договоры, заключенные с иностранными государствами»¹². В пункте 19 1-го раздела этой же главы о полномочиях ВНС КНДР говорится, что этот орган «утверждает ратификацию и денонсацию договоров, предлагаемых Верховному Народному Собранию»¹³. То есть президент КНДР мог предложить ВНС ратифицировать тот или иной международный договор, а мог и не делать этого. И еще. Международные договоры — это, как правило, результат переговоров. Их парафируют, подписывают, заключают, ратифицируют, денонсируют, пролонгируют, наконец, но не «провозглашают», как уверяет нас автор. Даже человеку с полномочиями Президента КНДР это не дано.

Далее в материале утверждается, что редакция конституции 1992 г. зафиксировала создание нового органа — ГКО. Многие российские и зарубежные исследователи с этим не согласятся. Комитет обороны был прописан уже в конституции 1972 г. в качестве одного из специализированных комитетов при созданном тогда же Центральном народном комитете (ЦНК) КНДР. Так что речь идет не о принципиально новом органе, а повышении в 1992 г. статуса уже существующего и выводе его в этих целях из подчинения ЦНК. В пользу этого говорит и то, что в изданной в Пхеньяне на русском языке конституции в редакции 1992 г., в материалах агентства ЦТАК на русском языке и других русскоязычных изданиях КНДР прилагательное «государственный» перед словом «комитет»

до сентября 1998 г. отсутствовало и появилось только после реформирования высших органов государственной власти в сентябре 1998 г. Тогда после закрепления поста Президента КНДР за усопшим Ким Ир Сеном навечно, упразднения ЦНК, Постоянного совета ВНС статус и полномочия ГКО были расширены¹⁴.

Автор постоянно путается в названиях высших органов партии и государства. Так, оказывается, 28 сентября 2010 г. решением конференции ТПК Ким Чен Ын был назначен заместителем председателя «Комитета обороны ЦК ТПК». Читателей тут же предупреждают: «не путать этот орган с Государственным комитетом обороны». Спутать действительно трудно. Потому что такого органа — Комитета обороны ЦК ТПК — не было и нет в КНДР. А речь идет о Центральном военном комитете (ЦВК) ТПК.

Весьма сомнительными выглядят утверждения о том, что Ким Чен Ын до кончины Ким Чен Ира ни разу не выступил в качестве «самостоятельного политического лидера», лишь только сопровождал Ким Чен Ира в его поездках для руководства на месте, а также не публиковал никаких трудов. Отсутствие официальных сообщений на эту тему при жизни Ким Чен Ира отнюдь не доказывает того, что таких событий не было. Показанный по северокорейскому телевидению 8 января 2012 г. документальный фильм свидетельствует об обратном. В печати КНДР уже появились сообщения о том, что первые труды Ким Чен Ына, посвященные военной стратегии, были написаны им еще в 16-летнем возрасте¹⁵.

Столь же малообоснованными выглядят рассуждения о новизне, которую якобы демонстрирует Ким Чен Ын в экономической сфере. Первым аргументом автора является утверждение о том, что Ким Чен Ын 1 мая 2012 г. посетил завод, на котором «предпринимательскую деятельность» ведет «товарищ Хо Чхоль Ён». Основаны эти доводы на переводе слова «саопхада» как «вести предпринимательскую деятельность». Отсюда делается вывод, что своим посещением Ким Чен Ын показал, что он «уделяет особое внимание рыночным механизмам в экономике».

Но даже если оставить без внимания такой вариант перевода (а правильный перевод: «завод, где работает товарищ Хо Чхоль Ён») и дочитать до конца сообщения ЦТАК о посещениях руководителем КНДР этого и других предприятий, где различные «товарищи» якобы ведут «предпринимательскую деятельность», то выяснится, что указанный завод «много раз» посещал и «отец-полководец», т.е. Ким Чен Ир. Более того, незадолго до своей кончины, он дважды в течение одного месяца — 12 и 25 ноября 2011 г. — побывал на предприятиях, где, при принятии авторского варианта перевода, «велась предпринимательская деятельность». Так что никакой новизны и здесь нет, и следуя логике автора, Ким Чен Ир тоже не чурался уделять «особое внимание» рыночным механизмам¹⁶.

Если следовать предложенному автором варианту перевода, то предпринимательская деятельность ведется различными «товарищами» также на машиностроительных и судостроительных заводах, предприятиях по обработке камня, выпуску товаров повседневного спроса и даже в рыболовецких и рыбоводческих хозяйствах при воинских частях¹⁷. В репортажах о посещении таких предприятий Ким Чен Ыном отмечается, что некоторые из них были построены военными строителями, на других с помощью военных была проведена масштабная реконструкция, построены детсады, бани, спортзалы и другие объекты соцкультбыта¹⁸.

Можно только поражаться такому размаху госкапитализма в КНДР — армия строит и реконструирует заводы и передает их новенькими, с иголки «товарищам», занимающимся на них «предпринимательской деятельностью».

Столь же безосновательным аргументом в пользу разницы в рыночных устремлениях нового и прежнего лидеров КНДР является упоминание об усилиях «новой власти» по развитию «новых свободных экономических зон с участием капитала КНР». При этом упомянута только одна из них — на острове Вихвадо. Между тем две зоны — на

островах Хвангынпхен и Вихвадо были образованы согласно указу Президиума ВНС КНДР от 6 июня 2011 г., т.е. еще при жизни Ким Чен Ира. 8–9 июня 2011 г. в Китае прошли церемонии открытия этих зон, а также зоны совместного управления и развития в ТЭЗ Расон. Тогда же было проведено заседание совместной корейско-китайской комиссии по совместному развитию и управлению этими зонами. И раз, как утверждает автор, Ким Чен Ын до смерти Ким Чен Ира ни разу не выступал в роли «самостоятельного политического лидера», то нам не остается ничего другого, как воздать должное за эти экономические новации именно Ким Чен Иру.

Скоропалительность ряда суждений заставляет предположить, что автор руководствуется принципом — если он о чем-то не читал, то этого никогда не было и быть не может. Оказывается, Ким Чен Ын предпочитает «лично руководить» военными учениями в отличие от своего отца, который как утверждается в публикации, ограничивался лишь «посещением» воинских подразделений. Обратимся к докладу министра народных вооруженных сил КНДР Ким Ен Чхуна, сделанному 24 апреля 2011 г. на торжественном заседании по случаю 79-й годовщины создания КНА. Перечисляя заслуги Ким Чен Ира в руководстве вооруженными силами, докладчик прямо упоминает, что лидер «лично на месте руководил учениями» воинских частей КНА¹⁹. Более того, Ким Чен Ир занимался этим буквально до последних дней своей жизни. 3 декабря 2011 г. он руководил артиллерийскими стрельбами, а 13 декабря — за 4 дня до своей кончины учебными полетами в одной из частей ВВС КНА²⁰.

Этим же на протяжении своей жизни многократно занимался и Ким Ир Сен, чему посвящено несколько страниц вышедшего в Пхеньяне в 1988 г. на корейском языке в издательстве ТПК 9-го тома многотомника «Немеркнувшие революционные заслуги великого вождя товарища Ким Ир Сена»²¹.

Тот же самый претенциозный подход отличает и раздел публикации, посвященной внешней политике КНДР. Упомяну лишь об одном пассаже. Оказывается, «сенсационные договоренности», достигнутые КНДР и США в феврале 2012 г., были, считает автор, «проигнорированы мировыми СМИ». А вот им самим они оказались, разумеется, замечены.

У тех специалистов, кто профессионально занимается северокорейско-американскими отношениями и ядерной проблемой Корейского полуострова и буквально тонущих в те дни в потоке сообщений и комментариев на эту тему в российских и зарубежных СМИ, да и самих дававших в тот период по несколько интервью ежедневно, данное утверждение ничего, кроме вопроса об адекватности восприятия автором этих событий вызвать не может.

Претензии на «оригинальность» и «новизну» взглядов и оценок заставляют автора забывать и о нормах русского языка, и о терминах, адекватно описывающих те или иные процессы в международных отношениях. В то время как практически все эксперты, анализируя нынешние конфронтационные отношения между КНДР и США, пишут о «желательности», «необходимости», «перспективах» (в зависимости от политических взглядов того или иного специалиста) их «нормализации», «улучшения», автор утверждает, что «ключевым условием достижения стабильности на Корейском полуострове» является «стабилизация» американско-северокорейских отношений. Что в данном контексте обозначает «стабилизация» — сохранение их в нынешнем, явно ненормальном состоянии?

Из публикации студенты-международники узнают, что встречи на уровне заместителя министра иностранных дел (со стороны КНДР) и американского спецпредставителя, должность которого ниже заместителя и даже помощника госсекретаря США, теперь называются переговорами «на высшем уровне». Остается только гадать, как будут автором названы переговоры на уровне руководителей внешнеполитических ведомств, и тем более — глав государств.

Так что «новое слово», сказанное некоторыми учеными, никогда ранее систематически не занимавшимися изучением ни политических процессов в современной КНДР и ее внешней политики, ни международных отношений в целом, как показывает анализ их изысканий, зачастую порождено незнанием политических реалий и истории этой страны, эволюции ее политических институтов, игнорированием терминологии, используемой при описании указанных процессов и стремлением освоить эту проблематику кавалерийским наскоком. Отсюда выводы, основанные зачастую на отдельных, выхваченных из исторического контекста или случайно попавшихся на глаза фактах, невнимательном прочтении документов и других источников.

Появление подобных исследований — еще одно свидетельство того, насколько еще не готова наша высшая школа стать главной базой фундаментальных и прикладных исследований, заменив в этом качестве страноведческие институты РАН и отраслевые НИИ. Чиновники, принимавшие решения на этот счет, видимо, слабо представляют, что в действительности представляет собой «рабочее место» университетского доцента или профессора — гуманитария, на котором он должен, по их представлениям, создавать «новое знание». Это — один из столов в помещении кафедры (как правило, комнаты весьма скромных размеров, куда порой набиваются по несколько десятков человек). Этот стол он почти всегда делит с несколькими из своих коллег по кафедре. Об индивидуальном рабочем месте, оснащенном современной оргтехникой, доступом в интернет, с находящейся под рукой лично подобранной литературой по специальности и справочниками и, наконец, позволяющим просто поразмышлять в относительной тишине, абсолютному большинству вузовской профессуры можно только мечтать. Добавим сюда хроническую нехватку времени у «полноставочного» преподавателя из-за необходимости постоянно готовиться к лекциям, семинарам и т.п. и станет понятна еще одна причина, почему некоторые исследования ведутся урывками, бессистемно, знакомство с историей вопроса, в лучшем случае, превращается в очередное «открытие Америки», а в худшем — непознанное прошлое искажается, игнорируется или объявляется не имеющим отношения к делу, важные факты и тенденции сегодняшней жизни — упускаются.

Беда не только в том, что подобные «труды» подрывают авторитет российского корееведения в нашей стране и среди зарубежных специалистов. Какое мнение можно составить об уровне наших знаний о КНДР и понимании нами происходящих в ней процессов? Что еще хуже, издаваясь под эгидой уважаемых университетов и экспертных сообществ, попадая затем в библиотеки, списки рекомендуемой литературы, становясь учебными пособиями, они засоряют умы десятков и сотен студентов и других людей, интересующихся КНДР и непростой ситуацией, складывающейся в ней и вокруг нее.

1. Курбанов С.О. Новая политическая система КНДР и вопросы безопасности в Восточной Азии // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2012. С. 143–155.
2. Нодон снимун. 2011. 19 дек.
3. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 2010. С. 19.
4. Нодон снимун. 1998. 6 сент.
5. См.: ЦТАК. 2009. 10 апр.; Минчжу чосон. 2010. 29 сент.
6. Ким Чен Ын. Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного Генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 101 чучхе (2012). С. 4.
7. Ким Чен Ир. Трудовая партия Кореи — партия великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 2010. С. 18–19.

8. *Ким Чен Ын*. Великий Ким Ир Сен — вечный вождь нашей партии и народа. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 2010. С. 8–9.
9. *Ким Чен Ын*. Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного Генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 101 чучхе (2012). С. 11.
10. Нодон синмун. 2013. 3 февр.: 2013. 9 дек.
11. Нодон синмун. 2013. 27 июля.
12. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1993. С. 19.
13. Там же. С 16.
14. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1993. С. 20; Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1998. С. 20.
15. *Choe Sang-hun*. North Korea Tries to Build New Leader's Image // The New York Times. 2012. 9 Jan.
16. ЦТАК. 2012. 22 янв.
17. ЦТАК. 2011. 12 нояб.; 2011. 25 нояб.
18. См. сообщения ЦТАК: 2012. 22 янв.; 2012. 1 мая; 2013. 14 мая; 2013. 16 июня; 2013. 8 окт.; 2013. 1 нояб.
19. Нодон синмун. 2011. 25 апр.
20. ЦТАК. 2011. 3 дек.; 2011. 13 дек.
21. Немеркнущие заслуги великого вождя товарища Ким Ир Сена. Т. 9. Строительство чучхейских революционных вооруженных сил. Пхеньян: Изд-во ТПК, 1988. С. 399–401.

Научная жизнь

Научная конференция ЦСЭИК ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК: горизонты реформ»

В марте с.г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) «3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ».

«Отличительной чертой развития КНР в 2013 г. было снижение темпов экономического роста по сравнению с предшествующим периодом, — отметил в докладе «Экономика Китая в конце 2013 г.: проблемы и перспективы» заместитель директора ИДВ РАН, руководитель ЦСЭИК, д.э.н., проф. *А.В. Островский*. Если в 2001–2010 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составляли 10,2%, то в 2011 г. — 9,3%, в 2012 г. — 7,8%, в 2013 г. — 7,6%. На этом основании эксперты на Западе и в России заговорили о конце «китайского чуда», о том, что Китай попал в «ловушку средних доходов», о кризисе китайской экономики в ближайшей перспективе. Однако объективный анализ итогов 2013 г. и макроэкономические показатели китайской экономики в целом не свидетельствуют о том. По-прежнему, несмотря на некоторое снижение чрезвычайно высоких темпов прироста ВВП, эти показатели оказались заметно выше, чем в среднем по миру. В США, в странах Западной Европы и Японии, в России.

Несмотря на высокие темпы прироста ВВП в годы предыдущей 11-й пятилетки (11,2% при подушевом исчислении 10,6%), на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) среднегодовой прирост намечался сравнительно умеренный — 7%, что обусловило необходимость структурной перестройки экономики. Но в 2013 г. Китай эти установки не только выполнил, но и превзошел — при сохранении рациональных пропорций между основными экономическими показателями. При росте ВВП в 2013 г. на 7,6% объем его составил в денежном исчислении 55,8 трлн юаней.

В принятом на 3-м пленуме ЦК постановлении «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» содержался ряд конкретных мер реформирования основ экономической системы, включая регулирование рынка, государственного управления, бюджетно-налоговой сферы, городской, сельской и внешнеэкономической политики. Не были обойдены вниманием и меры по совершенствованию политической и судебной систем, охраны окружающей среды, дальнейшего укрепления национальной обороны.

Среди мер по реформированию экономической системы Постановлением предусматривается усовершенствовать порядок защиты имущественных прав государства, коллективных хозяйств, организаций и физических лиц, а также стимулировать приток частного капитала в государственные проекты. Сочтено необходимым модернизировать систему управления государственным имуществом, содействовать преобразованию госу-

дарственных предприятий в компании, установить приоритетные сферы для инвестирования государственного капитала, повысить отчисления от государственных предприятий в бюджет.

В отношении регулирования рынка и предпринимательской деятельности планируется упростить правила доступа на рынок (в том числе иностранным инвесторам), систему торгово-промышленной регистрации, ослабить вмешательство государства в ценообразование, усовершенствовать систему обеспечения справедливой конкуренции, создать единый рынок прав пользования землей (т.е. унификацию правил оборота земельных участков, находящихся в государственной и коллективной собственности).

Постановление содержит также предложения по совершенствованию рынка финансовых услуг, организации системы страхования вкладов населения, по предоставлению для частного бизнеса возможности создавать малые и средние банки и иные финансово-кредитные организации, по перестройке научно-технической сферы в целях поощрения инноваций.

В сфере государственного управления намечено перестроить правовое регулирование инвестиций, сократить разрешительные процедуры и передать значительную часть полномочий от центрального правительства местным органам, реформировать государственные учреждения, усовершенствовать структуру правительства.

Выдвинут ряд мер по реформированию налоговой системы. По мнению ЦК КПК, в Китае должна повышаться доля доходов от прямых налогов (на доходы предприятий и физических лиц), для чего необходимо усовершенствовать администрирование НДС.

Что касается политики на селе, расширены права крестьян, разрешена передача в залог прав на хозяйственный подряд земли и на использование ее под жилую застройку в сельской местности в целях содействия развитию крупных сельскохозяйственных предприятий и притоку частного капитала в сельское хозяйство, отметил в своем докладе А.В. Островский.

Многие из этих задач детально проанализированы в 23-х докладах научных сотрудников и аспирантов ИДВ РАН — участников конференции.

В рамках первого тематического блока «Общие проблемы» с докладом «Финансовая реформа в КНР: задачи и практическое воплощение» выступила г.н.с., д.э.н. *Л.В. Новоселова*.

В числе разнообразных направлений финансовой реформы, выработанных китайскими специалистами и принятых на официальном уровне, особое место занимает, по ее мнению, маркетизация банковской системы, включая либерализацию процентной ставки как действенного инструмента рыночного распределения ресурсов, а также курс на интернационализацию юаня. Именно эти аспекты реформы получили в последние годы наиболее заметное развитие с точки зрения научного обоснования и практического воплощения.

Г.н.с., д.э.н. *Я.М. Бергер* в докладе: «Внешнеэкономическая экспансия и эволюция военной доктрины КНР» отметил: «Усиление рыночной конкуренции в Китае стимулирует перемещение предпринимательской активности за пределы страны. Вывоз капитала становится важнейшим направлением экономической экспансии Пекина. Зарубежные инвестиции, особенно в инфраструктуру (например, в новый Шелковый путь) — важнейшая сила в реализации мечты о возрождении китайской нации. Перемещение важных экономических интересов и немалой части национального богатства КНР за рубеж влечет за собой перемены в военной доктрине: от защиты своей территории Китай переходит к противостоянию соперникам, покушающимся на зарубежные интересы».

В докладе заместителя директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. *В.Я. Портякова* «Особенности развития экономики Шэньчжэня в контексте модификации модели роста в КНР» показаны подвижки в структуре экономики этого города за последние годы и рас-

крыты их причины, проанализированы изменения в структуре промышленного производства в пользу высокотехнологичных, наукоемких и «экологически дружественных» видов продукции. Рассмотрено развитие новых видов услуг, прослежена роль внешне-экономических связей в развитии Шэньчжэня на современном этапе.

На примере КНР в исследовании Портякова показано, как существенная корректировка модели экономического роста страны влияет на особенности развития одного из ее ведущих экономических центров и, во-вторых, как важные новации и реформы в экономической и социальной сферах жизнедеятельности крупного государства отрабатываются через локальные эксперименты, нередко оказывающие «обратное» воздействие на экономическую политику страны.

Г.н.с., д.э.н., проф. *Э.П. Пивоварова* в своем выступлении «3-й пленум ЦК КПК: специфика китайской модернизации» сказала, что принятое Постановление нацеливает страну на решительные практические действия по реализации давно выдвинутых, но слабо пока что решаемых в КНР задач. Т.е. перейти от экстенсивного развития — к интенсивному с расчетом к 2020 г. достичь во всему Китаю уровня средней зажиточности, а к 2050 г. осуществить модернизацию, построив богатую, могущественную и цивилизованную державу.

Хотя уже в середине 1990-х гг. в КНР говорилось о необходимости переходить на интенсивный путь развития для восхождения к 2050 г. «на рубеж постиндустриализации и информатизации» и возведения «экономики знаний», специфика технико-экономической модернизации Китая объективно приведет к тому, что в технической оснащенности страны сохранится плюральная структура техники (передовая, среднего уровня и традиционная ручная).

Подтвердив верность стратегическому курсу своих предшественников, новое китайское руководство будет прилагать усилия к тому, чтобы продолжить социально-экономический прогресс в КНР, который сегодня становится возможным (из-за нарастающей дефицитности финансовых, материальных и трудовых ресурсов) лишь посредством реального перехода экономики на рельсы интенсивного развития — т.е. через вступление в решающий этап модернизации страны.

Г.н.с., д.э.н. *Л.И. Кондрашова* в своем сообщении «Китайское общество в канун нового этапа реформ» дала целостную характеристику состояния китайского общества (имущественная дифференциация, социальная стратификация) и показала его влияние на выбор стратегии «углубления реформ».

В докладе в.н.с., к.э.н. *О.Н. Борох* «Обсуждение стратегии экономических реформ после 3-го пленума ЦК КПК» рассмотрены новые акценты в концепции экономических реформ. Представители китайского руководства во главе с Си Цзиньпином, отметила она, в своих разъяснениях решений пленума затронули ряд аспектов теории реформ.

С.н.с., к.э.н. *И.В. Вахрушин* и аспирантка ИДВ РАН *О.В. Лин* затронули банковско-финансовую проблематику. Первый из них выступил с докладом «Перспективы развития рынка ценных бумаг в свете решений 3-го пленума ЦК КПК», тема второй: «Роль Народного банка Китая в осуществлении денежно-кредитной политики КНР». Народный банк Китая, отметила она, выполняет в современных условиях вспомогательную, стимулирующую и стабилизирующую роль. В их числе: ограничение роста цен путем регулирования объема денежной массы в стране; поддержание стабильности «цены валюты» (в том числе, по отношению к доллару), обеспечивающей конкурентоспособность китайских экспортных компаний; управление золотовалютными резервами страны, в том числе, через воздействие на валютный курс юаня; управление ликвидностью и воздействием на объем кредитов в банковском секторе с использованием различных инструментов, включая квотирование объема кредитов, регулирование процентных ставок, нормативов обязательного резервирования, операций РЕПО.

Особую актуальность в последнее время приобретает инструмент процентных ставок. Не случайно 3-й Пленум в числе наиболее важных реформ, предстоящих Китаю в ближайшем будущем, отметил необходимость отказа от установления процентных ставок Народным банком Китая. В своем нынешнем правомочии он влияет на конкуренцию в банковском секторе с точки зрения привлечения ресурсов, а также косвенно — на доступность кредитных ресурсов для частных компаний. Отказ Народного банка Китая от установления предельных ставок в банковском секторе носит последовательный и предусмотрительный характер; постепенная либерализация ставок ориентирована на переход к рыночным механизмам ценообразования. В результате принятых к настоящему моменту изменений Народный банк Китая определяет лишь максимальную ставку по депозитам в банках.

Из сообщения в.н.с., к.ю.н. *П.В. Трощинского* о направлениях развития гражданско-правового законодательства КНР после 3-го Пленума явствует, что в последние десятилетия руководством КНР осуществляются полномасштабные реформы экономической системы страны, которые были развернуты под закрепленным в Конституции лозунгом социалистической модернизации, а также на основе теории Дэн Сяопина о построении «социализма с китайской спецификой».

Важная составляющая нынешних преобразований — принятие необходимых нормативно-правовых актов, способствующих успеху усилий по изменению качества экономического роста. В ходе 3-го пленума были рассмотрены вопросы усиления правотворческой работы в деле всестороннего стимулирования осуществляемых в стране преобразований. По результатам партийного совещания приняты два нормативных документа, положения которых раскрывают содержание будущих законодательных шагов, предпринимаемых для углубления правового регулирования существующих в стране гражданско-правовых отношений. В предстоящие годы в законодательной системе Китая появятся новые нормативные правовые акты, положения которых будут направлены на совершенствование различных подотраслей гражданского права, предполагающие облегченный порядок осуществления его субъектами своей предпринимательской деятельности, снижения административных барьеров в экономической сфере, защиты прав интеллектуальной собственности и законных интересов потребителей в меняющихся рыночных условиях.

В.н.с., к.э.н. *Е.С. Баженова* в своем сообщении «Города в Китае: движущая сила новой модели экономического развития» обратила внимание на то, что основные черты развития народонаселения Китая в начале XXI в. — огромная его численность при относительно молодой возрастной структуре и первых признаках старения, а также интенсификация миграционных процессов. Демографические процессы современного Китая характеризуются высокими темпами урбанизации. За последние 10 лет значительно увеличилась доля городских жителей.

В выступлении в.н.с., к.э.н. *О.В. Почагиной* «Причины и последствия корректировки политики планирования семьи (некоторые экономические аспекты)» отмечено: корректировка политики «одна семья—один ребенок» обусловлена комплексом экономических, социальных и политических причин (таких, как сокращение трудоспособного населения, приумножение иждивенцев, проблема материального обеспечения стареющего населения). Государство рассматривает второго ребенка как актив, призванный обеспечить в будущем устойчивость пенсионной системы и социальную стабильность. В докладе рассмотрены также «социальные компенсации» за нарушение демографической политики в бюджетах местных органов власти, взаимосвязь семейно-брачных стратегий с дисбалансом полов, механизм госрегулирования соотношения «сбережение—потребление», роль частичной либерализации политики ограничения рождаемости в ориентации китайской экономики на внутреннее потребление, рост рынков жилья, детских товаров, медицинских и образовательных услуг, свадебной индустрии, расширение внутреннего

потребления при одновременном снижении уровня имущественной дифференциации как амортизатор нарастающего социального недовольства.

В рамках второго тематического блока «Отраслевая экономика» в.н.с., к.э.н. *Л.А. Волкова* выступила с докладом «3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: основной вектор продолжения реформ в деревне». Установки на модернизацию сельского хозяйства с целью обеспечения продовольственной безопасности страны, формирование хозяйственной системы нового типа и осуществление урбанизации нового типа в той или иной степени присутствовали и в решениях предыдущих пленумов, отметила она. Данный пленум акцентировал внимание на необходимости защиты имущественных прав и интересов крестьян при решении земельного вопроса, в распределении доходов, равноправном распределении ресурсов между городскими и сельскими районами.

В докладе г.н.с., д.э.н. *Л.Д. Бони*, посвященном проблематике формирования современного сельского хозяйства Китая проанализированы реформа земельной системы и углубление рыночных отношений в деревне как основные направления системных "прорывов" по формированию новой хозяйственной модели в сельском хозяйстве и новые тенденции социально-экономического развития села. Акцент сделан на следующие аспекты: обращение сельскохозяйственной земли, новые формы хозяйствования, будущие лидеры новых субъектов хозяйствования в агросфере — семейные фермы и крестьянские кооперативы, реформирование земельной системы, "разделение трех прав"; стабилизация и укрепление системы семейного подряда, расширение имущественных прав крестьян.

В.н.с., к.э.н. *М.В. Александрова* увязала в своем докладе решения партийного пленума с реформой госпредприятий старой промышленной базы Северо-Востока КНР, обратив внимание на то, что с момента образования КНР Северо-Восток исполнял роль «старшего сына» республики. После многолетних реформ госпредприятия в целом влились в рыночную экономику. Вместе с тем, у госпредприятий накопился ряд проблем и открылись некоторые порочные стороны, поэтому они нуждаются в дальнейших реформах.

В докладе в.н.с., к.э.н. *З.А. Муромцевой* также затронута проблематика госпредприятий. В нем показана ретроспектива их развития как вектора в становлении рыночных преобразований, модернизации и завоевании пространства в глобальной экономике.

В рамках «второго блока» руководитель Отдела информационных технологий *А.В. Пиковер* выступил по теме установок 3-го пленума ЦК КПК по информатизации КНР». В.н.с., к.э.н. *С.Л. Сазонов* представил доклад «Реформа железнодорожного транспорта Китая в свете решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва».

В сообщении «Проблемы экологической безопасности Китая: национальный и международный аспекты» с.н.с., к.э.н. *Е.И. Кранина* отметила, что в Постановлении 3-го пленума ЦК КПК особым пунктом выделен раздел «Ускоренное построение гармоничного общества и экологической цивилизации». Руководство Китая официально признало, что в настоящее время экологическая ситуация в стране, несмотря на предпринимаемые меры, продолжает ухудшаться, что представляет собой потенциальную угрозу для национальной безопасности и здоровья нации.

В.н.с., к.полит.н. *П.Б. Каменнов* в докладе «Военно-промышленный комплекс Китая в контексте решений 3-го пленума ЦК КПК» констатировал, что в материалах пленума отмечен переход совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности Китая от слабости к силе. В частности, это стало возможным благодаря масштабным качественным изменениям в сферах инфраструктуры и базовых отраслей промышленности.

В.н.с., к.э.н. *В.В. Чуванкова* дала оценку тенденциям развития малого предпринимательства в свете решений пленума. В последнее десятилетие китайское руководство придает особое значение развитию частного предпринимательства с акцентом на малый

и микробизнес. Тем не менее, эта категория предприятий нуждается в дополнительной поддержке государства, в привлечении инвестиций, в расширении кредитования и налоговых преференциях. Учитывая это, китайское правительство предпринимает беспрецедентные усилия, чтобы стимулировать экономический рост предприятий малого бизнеса. Этому призваны послужить специальные программы поддержки национального предпринимательства, совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих порядок налогообложения малых и микропредприятий, создание равных возможностей в области кредитования, модернизации производства, внедрения информационных и наукоемких технологий, выхода на внутренний и зарубежный рынки.

Как сообщила н.с. *Т.Г. Терентьева* в своем докладе, посвященном основным направлениям развития стратегии «выхода во-вне», согласно Постановлению ЦК КПК, она остается одним из важных направлений внешнеэкономической политики. Дальнейшее увеличение внешних инвестиций китайских предприятий связано: с определением правового положения предприятий и физических лиц, с предоставлением свободы в реализации инженерно-строительных подрядов и в оказании трудовых услуг за рубежом, с укоренением работы по заключению соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений с другими государствами.

В выступлении с.н.с., к.э.н. *Н.Н. Коледенковой* «Энергетическое машиностроение КНР: новый этап развития», в частности, отмечено, что в экономической стратегии Китая особое место занимают проблемы развития электроэнергетической промышленности. В период до 2020 г. в деле развития электроэнергетики ставятся задачи построения безопасной, стабильной, экономически эффективной и чистой энергетической системы, удовлетворения растущих потребностей социально-экономического развития страны в электроэнергии. Важное место отводится повышению уровня изготовления важнейшего энергооборудования, активизации разработок фундаментальных научных исследований и передовых технологий, укреплению национальных инноваций в этой сфере.

С.н.с., к.э.н. *А.В. Афонасьева* в докладе «Краткий анализ хозяйственной деятельности зарубежных китайцев и перспективы для Китая» привела следующие факты: зарубежные китайцы (хуацяо) проживают в более чем 150 странах и районах мира, их численность по разным оценкам составляет 35–87 млн человек. В докладе рассмотрена деятельность хуацяо в отдельных странах ЮВА (Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Филиппинах, Таиланде), где проживает порядка 70% хуацяо, в Восточной Азии (Японии, Южной Корее) — около 10%, в США, и Канаде — около 10%, и в Западной Европе — порядка 2% зарубежных китайцев. В докладе рассмотрены отраслевые предпочтения, объем накопленного капитала, интеллектуальный потенциал представителей китайской диаспоры в разных регионах мира.

В.н.с., к.ю.н. *В.И. Балакин* выступил по теме «Монголия в интеграционных планах КНР». Многие зарубежные эксперты характеризуют решения 3-го пленума ЦК КПК как «новый исторический старт Китая», отметил он. К 2019 г. предполагается осуществить «китайскую мечту», а именно: отомстить Западу за «вековой позор» опиумных войн, унижения и статус полуколониальной зависимости для Срединной империи. Как принципиальное решение этого пленума было сформулировано возрождение «Великого шелкового пути», представляющее собой не что иное, как создание новой модели экономических коридоров на Север и Запад. Судя по всему, Монголия занимает не последнее место в новой китайской стратегии выведения страны в «мировые державы первого порядка».

Закрывая научную конференцию, проф. *А.В. Островский* подчеркнул: «в обозримом будущем, по меньшей мере — до 2020 г., Китаю не грозит экономический кризис. Текущие экономические риски не несут серьезной угрозы стабильному экономическому развитию, о чем свидетельствуют высокие темпы роста ВВП по сравнению с другими странами мира. Финансовая система стабильна, государственный долг умеренный, име-

ющиеся на банковских счетах финансовые средства у большинства предприятий и населения являются своего рода «подушкой безопасности». Большая доля растущей денежной массы в обращении (M2) относительно валового внутреннего продукта представляет определенный риск для китайской экономики, однако правительство КНР и Народный банк Китая уже длительное время с помощью финансовых и монетарных мер стимулируют рост инвестиций в экономику. Это обеспечивает не только высокий прирост ВВП, заметный рост объема внешнеэкономических связей и рост доходов населения, но и относительно низкую инфляцию на протяжении длительного времени.

По-настоящему серьезными долгосрочными рисками не только для китайской экономики, но и для всего Китая являются три глобальные проблемы — народонаселение, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды, обострение которых может ввергнуть Китай в серьезный экономический, а затем и политический кризис. Только при условии последовательного решения этих трех основных проблем Китай в состоянии обеспечить экономическую стабильность и выполнение поставленных задач — к 2020 г. построить общество «сяокан» (малого благоденствия), а к 2030 г. — общество «фуюй» (всеобщей зажиточности).

Реформы, предлагаемые в Постановлении ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ», рассчитаны на период до 2020 г. Как сказано в коммюнике, оглашенном после 3-го пленума, в Китае должны быть «достигнуты решающие результаты в важнейших областях и ключевых элементах, создана совершенная, научно упорядоченная, эффективно управляемая система».

Научная конференция «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ»

12 и 14 марта 2014 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ». В ее работе приняли участие ученые ИДВ, Института востоковедения РАН, МГУ, Военного университета МО РФ, специалисты, работающие в КНР. На конференции было представлено более 20 докладов, посвященных различным аспектам внутренней и внешней политики КНР в контексте решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва.

На конференции выступил директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко, который остановился на задачах, стоящих перед российскими китаеведами. В своем выступлении он подчеркнул зависимость внешней политики Китая от внутренней ситуации в этой стране. Он отметил, что в настоящее время догоняющая модель развития себя исчерпала, и Китай стоит перед необходимостью разработки новой, собственной модели развития на основе внутреннего потребления. В этой сложной ситуации происходит укрепление просвещенного авторитаризма, которое выражается, в частности, в том, что сейчас лидер КНР Си Цзиньпин занимает в общей сложности шесть высших партийных и государственных постов. М.Л. Титаренко выразил уверенность в том, что всестороннее изучение китайских реформ может использоваться при проведении преобразований в России.

Заместитель директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. В.Я. Портяков свое выступление посвятил анализу концептуальных и практических подходов к корректировке модели экономического роста в КНР. Были подробно рассмотрены намечаемые и возможные изменения в таких ведущих компонентах сложившейся модели, как динамика, факторы, тип и качество экономического роста, в том числе с учетом решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва.

К.ф.н. Е.Н. Румянцев проинформировал об идейно-политической платформе 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, где центральное место занимает требование создать и пропагандировать «общую идейную основу борьбы партии и народа». Ее основным содержанием являются концепции самобытного китайского социализма и великого возрождения китайской нации, осуществляемых под руководством КПК. К враждебным вышеуказанной общей основе идейным течениям в ЦК КПК относят, прежде всего, концепции общечеловеческих ценностей, конституционной демократии, неолиберализма, существование в партии и обществе так называемого «исторического нигилизма», сомнений по поводу политики реформ и открытости и расхождений в оценке сущности «самобытного китайского социализма».

В партийной теории и практике реанимированы некоторые концепции и лозунги маоистского периода («упорядочение стиля», «линия масс»). В широких масштабах продолжается использование китайскими официальными кругами событий конца 1980-х — начала 1990-х гг. в нашей стране в качестве так называемого «негативного учителя» для

китайцев. В целом, в сфере идеологии и внутренней политики КПК происходит возвращение к ее более традиционным, ортодоксальным взглядам.

Г.н.с., д.э.н., проф. **Э.П. Пивоварова** представила доклад о месте человека в стратегии китайских реформ. Задачи строительства среднезажиточного общества для всего населения КНР требуют устранения все резче обозначающейся по мере углубления реформы тенденции к увеличению различий между городом и деревней, отдельными регионами страны, росту имущественной дифференциации, а значит — сосредоточения внимания на создании более совершенной системы социального обеспечения, достижения более полной занятости и, как подчеркивают в последние годы ученые и руководители страны, «отлаживания отношений распределения доходов» в китайском обществе.

Характерно, что в документах последних официальных форумов КНР все больший акцент ставится на необходимость не только сбалансированного, но и «гармоничного» развития экономической и социальной сфер, на учет как эффективности работы, так и справедливости, все больше делая упор на справедливость и усиление для этого регулирующих функций государства.

Д.полит.н., руководитель ЦПиП **А.В. Виноградов** рассмотрел перспективы проведения политической реформы в Китае при новом лидере страны. В своем выступлении «Перспективы политической реформы при Си Цзиньпине» А.В. Виноградов высказал мнение, что главный вопрос политических отношений — не выбор между демократией и авторитаризмом, а выбор между порядком и анархией. Только при соблюдении политической стабильности и порядка может стоять вопрос о повышении эффективности политической системы. Китайское руководство строго придерживается этого принципа и последовательно проводит политические реформы, направленные на совершенствование авторитарной системы. Эти усилия соответствуют китайской политической традиции и существующей в Китае экономической системе, однако они не всегда могут четко идентифицироваться западными аналитическими средствами. Первые шаги Си Цзиньпина свидетельствуют о том, что пятое поколение китайского руководства намерено совершенствовать существующую политическую модель, а не отказываться от нее в пользу демократической.

В.н.с., к.ю.н **В.Ф. Бородич** обратил внимание аудитории на политические новации решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. Создание Совета государственной безопасности и Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ отражают стремление организационно усилить обеспечение нового этапа реформ, связанного с расширением роли рынка в экономическом развитии страны. Центральная руководящая группа по всестороннему углублению реформ ответственна за общую структуру реформ, координацию их проведения, стимулирование процесса реформирования и осуществление контроля над реформами. Эта структура начинает свою деятельность с определенных на Пленуме пятью взаимосвязанными направлениями реформ.

Совет государственной безопасности создан с целью упорядочить деятельность компартии и государства по управлению рисками при проведении реформ.

Д.э.н. т.н.с. **Л.И. Кондрашова** рассказала о сочетании экономических и политических реформ на примере управления государственным имуществом и национальным богатством КНР. В китайских планах углубления рыночных реформ особое место занимает совершенствование системы управления государственным имуществом.

Современный Комитет государственного имущества (2003 г. — н./в.) и его предшественник (1993–1998 гг.) осуществили серию подготовительных работ (инвентаризация государственных объектов, подбор кадров и т.п.), но не стали специализированными органами, выполняющими функцию собственника государственного имущества, не смогли обеспечить его полную сохранность, не справились с коррупционными явлениями. Разрешение конфликта между государством как собственником и исполнительной властью как регулятором общественных отношений требует согласования экономических и политических реформ и серьезной

перекомпоновки всей структуры управления государством.

С.н.с. Института востоковедения РАН В.В. Ларин осветил события 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва в контексте борьбы в руководстве КПК, подробно остановившись на ряде резонансных антикоррупционных процессов в Китае после XVII съезда КПК.

С.н.с. Ю.Ю. Перепелкин отметил, что 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва стал отправной точкой реформаторского пути пятого поколения руководителей КНР. Спустя год после своего прихода к власти на XVII съезде КПК руководство Китая выдвинуло широкомасштабную программу преобразований во всех сферах жизни страны, которые затрагивают важнейшие интересы как населения, так и правящего класса. Не случайно, что на 3-м пленуме также были приняты решения, дающие лидеру Китая исключительные властные полномочия.

В докладе в.н.с., к.и.н. Степановой Г.А. рассматривался специфический компонент политической системы КНР — Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Являясь организационной формой Единого фронта, НПКСК представляет самый широкий срез китайского общества. Главными функциями НПКСК являются политические консультации, демократический контроль, а также участие в политической жизни и обсуждении вопросов политики. НПКСК также является трибуной для осуществления многопартийного сотрудничества. В материалах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва подтверждается необходимость дальнейшего совершенствования деятельности НПКСК.

Аспирант ИДВ РАН А.А. Семенов рассказал о проблемах развития негосударственных организаций в КНР. Сегодня в Китае существует несколько миллионов различных общественных организаций, однако некоммерческий сектор все еще является новым понятием в стране. Многие китайские НПО в процессе своего развития сталкиваются с серьезными проблемами, среди которых можно выделить сложность государственной регистрации, недостаточный профессионализм их организаторов и членов, а также нехватку ресурсов. В целях дальнейшего развития негосударственного сектора 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва принял ряд решений, в частности, существенно упростив систему регистрации НПО.

Научный сотрудник ЦПиП Л.А. Афонина представила доклад об источниках политико-религиозных проблем современного Китая. В Китае, где столь велик «духовный вакуум», попытки использовать религиозный фактор для ослабления власти и режима могут быть очень эффективными. Китайские власти понимают это, но не всегда видят конкретные источники потенциальной угрозы. Из-за этого религиозные общины в разной степени подвергаются избыточному контролю и ограничениям.

По мнению автора, существование данных проблем отчасти связано с продолжением религиозной политики, исходящей из представлений о религии как о враждебном коммунизму мировоззрении.

Д.и.н. А.И. Картунова выступила с докладом о соотношении тактики и реальных сил. Автор рассматривает вопрос о тактике, КПК перспективах достижения явно «левых» стратегических целей, изложенных в принятой VII пленумом ИККИ Резолюции о положении в Китае от 16 декабря 1926 г. В качестве главных задач КПК были декретированы: завоевание рабочим классом гегемонии в революции, аграрная реформа, курс на переход на рельсы некапиталистического (социалистического) развития, превращение ГМД в рабоче-крестьянскую партию; строительство государства диктатуры рабочего класса и крестьянства. Все это было фактически навязано Коминтерном V съезду КПК (май 1927 г.), у которой не было сил для выполнения этих задач. Основной вывод доклада: несоответствие тактики и возможностей партии не может привести к победе.

Г.н.с., д.ю.н. Л.М. Гудошников представил на конференцию доклад «О системе правоохранительных органов Китайской Народной Республики», в котором отмечается важное место «силовых» структур в общей системе государственных органов КНР. К ним относятся органы выявления и расследования преступлений, органы юри-

дической помощи, органы обеспечения правопорядка и безопасности, судебные органы и органы прокуратуры. Особое место занимает созданный на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва Совет по национальной безопасности, полномочия которого все еще находятся на стадии утверждения.

Правовое регулирование их статуса и осуществляемой ими деятельности закрепляется как законами, так и целым рядом разрозненных подзаконных актов правотворчества, положения которых обладают характерными для китайской государственности особенностями.

В.н.с., к.ю.н. П.В. Трошинский выступил с сообщением «Правовая система КНР в условиях углубления реформ: направления и тенденции будущего развития». В нем отмечалось, что принятые 3-м Пленумом ЦК КПК 18-го созыва решения в рамках углубления реформ требуют от китайского законодателя разработки и принятия необходимых для всестороннего регулирования общественных отношений новых нормативных правовых актов, внесения изменений и поправок в действующее законодательство. В ближайшее время в правовой системе Китая появятся законы и подзаконные акты правотворчества, содержание которых будет направлено на правовое закрепление курса по углублению осуществляемых в стране реформ. Грядут важные изменения не только в гражданско-правовой сфере (включая налоговую и финансовую), либерализации подвергнется и уголовно-процессуальное законодательство. Намечившиеся тенденции в правовой системе КНР характеризуют общий вектор развития китайской государственности в рамках проводимых в социально-экономической и общественно-политической сферах преобразований. Опыт китайского правотворца представляет значительный теоретический и практический интерес для отечественной науки.

Научный сотрудник ЦПиП В.В. Сухомлинов выступил с информацией о новых аспектах в борьбе с коррупцией в КНР в свете решений 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва. Борьба с коррупцией в последние годы стала неотъемлемой частью осуществляемых в КНР преобразований. От успешности противодействия коррупции зависит будущая судьба Китая и его стабильное развитие. О важности и необходимости усиления антикоррупционной работы было особо заявлено на прошедшем пленуме ЦК КПК. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что к ответственности за коррупцию привлекаются чиновники самого высокого уровня, а правоохранительная система КНР жестко и оперативно реагирует на сигналы о ее проявлениях. В последнее время наметилась тенденция использования информации, выложенной в международной сети Интернет, как основания для возбуждения и последующего расследования уголовных дел по коррупции.

Руководитель юридической компании ГК «Окно в Китай» (г. Пекин) Р.А. Зайнигабдинов сообщил о последних изменениях в экономическом законодательстве КНР с учетом политики углубления реформ. Центральное место в процессе углубления реформ принадлежит экономическому праву, в рамках которого китайский законодатель уже предпринял ряд практических шагов по совершенствованию механизма правового регулирования существующих в стране экономических отношений. Были внесены изменения в действующий Закон КНР «О компаниях», приняты локальные нормативные акты для оказания правовой поддержки зоне свободной торговли в г. Шанхай. Предпринимаемые китайским законодателем шаги требуют комплексного изучения со стороны отечественных специалистов в целях возможного использования положительного опыта Китая в российской правотворческой работе.

В.н.с., к.э.н. О.В. Почагина проинформировала о политических и социальных причинах корректировки политики ограничения рождаемости в Китае. Корректировка политики «одна семья — один ребенок» обусловлена комплексом экономических, социальных и политических причин. Прежде всего, это сокращение трудоспособного населения, рост количества иждивенцев, вытекающая из этого проблема обеспечения стареющего населения. Серьезное негативное влияние оказывает и гендерная диспропорция в китайском

обществе. Значительное преобладание мужского населения вызывает такие явления, как рост гомосексуальных связей, создание рынка проституции, криминальной торговли женщинами и детьми. Наблюдается и отток мужчин трудоспособного возраста из Китая.

Поэтому государство рассматривает второго ребенка как актив, который обеспечит в будущем устойчивость пенсионной системы и социальную стабильность. Частичная либерализация политики ограничения рождаемости при этом не вводится сразу по всему Китаю, где «социальные компенсации» за нарушение демографической политики стали существенной статьёй доходов в бюджетах местных органов власти. Провинции могут сами определять сроки введения новой демографической политики. В настоящее время это сделано только в Шанхае, где проблема старения населения стоит особенно остро.

В.н.с., к.э.н. **Е.С. Баженова** представила доклад о социальной и демографической политике в свете решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. В Постановлении ЦК КПК отмечалось, что социальная справедливость и улучшение благосостояния населения должны быть целью процесса реформирования. С учетом того, что проблема народонаселения названа на первом месте среди трех основных проблем, стоящих перед китайским обществом, социальная и демографическая политика должны быть в числе ключевых направлений для нового поколения китайского руководства. Социальная и демографическая сферы будут зависеть от развития экономики, но и сами будут оказывать влияние на скорость экономических преобразований.

К.и.н., в.н.с. **Т.В. Лазарева** сообщила о некоторых особенностях проведения демографической политики в национальных районах Китая. Закон КНР о районной национальной автономии предоставил национальным автономиям право принимать свои местные законодательные акты, учитывающие особенности той или иной национальности. К таким положениям относятся поправки, внесенные в «Закон о плановом деторождении». Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе у граждан неханьской национальности в городах супружеские пары могут иметь двоих детей; у крестьян и скотоводов семьи могут иметь троих детей. Такие же послабления имеются у малых народностей, населяющих и другие национальные автономные образования.

Подобные меры способствовали и способствуют увеличению численности неханьского населения Китая, которое по данным выборочного обследования в 2005 г. насчитывало 123,33 млн человек, что составляет 9,44% от общего числа населения страны.

К.ю.н., в.н.с. Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН **В.И. Балакин** подробно осветил интеграционные процессы между Китаем и АСЕАН. По мнению автора, Китай явно стремится расширить свое геостратегическое влияние и распространить его на территорию соседних субъектов международных отношений, о чем было открыто заявлено в ходе 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. Экономический и цивилизационный факторы продолжают оставаться ключевыми на международном политическом поле, составляя основу доминирования КНР в региональном масштабе. Ставка делается на невоенные методы влияния, особенно в государствах Юго-Восточной Азии, которые рассчитывают получить весомые преимущества от интеграционного взаимодействия с Пекином. Что касается самого Китая, то он рассматривает в качестве первого шага к обретению прочных позиций в мире реализацию своего лидерства в Восточной Азии, началом чему послужило создание с 2010 г. зоны свободной торговли со странами АСЕАН.

Научный сотрудник ИДВ РАН **А.Ч. Мокрецкий** рассмотрел восемь основных направлений китайской дипломатии: 1) отношения нового типа; 2) создание мирной среды с сопредельными государствами; 3) отношения с развивающимися странами на основе концепции справедливости и выгоды; 4) проведение политики реформ и открытости; 5) активное участие в решении международных и региональных проблем; 6) отстаивание целей и принципов ООН и норм международного права; 7) защита справедливых прав китайских граждан за рубежом и 8) использование «мягкой силы».

К.п.н., сотрудник социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Е.Н. Грачиков** подготовил доклад о влиянии 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва на корректировку приграничной политики Китая, уделив особое внимание разработанной в Китае концепции «больших приграничных районов» Китая. Это не только географическое понятие, но в большей степени комплексное. Оно включает в себя страны, непосредственно граничащие с КНР, а также не имеющие общих границ с Китаем. «Большие приграничные районы» — это внешнее пространство высшей концентрации национальных интересов государства. С экономической точки зрения, они являются источником большей части внешней торговли, заимствования технологий и притока капитала. С политической точки зрения, в «больших приграничных районах» Китай имеет традиционное влияние и исключительное преимущество в политической, экономической и культурной областях. «Большие приграничные районы» — это не только главная площадка, где Китай играет роль великой державы, но также стратегическая опора движения в мир. С точки зрения обеспечения безопасности, главные проблемы внешней безопасности Китая также концентрируются в этих районах.

Д.пед.н., профессор Военного университета МО РФ Т.Л. Гурулева представила на конференцию результаты исследования особенностей восприятия образа России и россиян на приграничных территориях КНР, которое проводилось в 2010–2013 гг. и охватывало провинции Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), а также провинцию Шаньдун. Наибольшее количество респондентов с позитивным восприятием образа России и россиян было зафиксировано в провинции Шаньдун (около 90%), наименьшее — в АРВМ (около 20%). Большинство опрошенных хотело бы больше знать о России.

Процессам открытости, о развитии которых говорилось на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, неизбежно сопутствует усиление взаимодействия китайцев с другими народами и странами, что ведет к формированию в их сознании образа той или иной страны, представителя той или иной культуры. Объективность восприятия другой страны и ее граждан непосредственно влияет на успешность процессов межкультурного взаимодействия, расширения внешних связей, развития экономического сотрудничества в целом.

Одним из путей преодоления негативного восприятия России и ее граждан, по мнению автора, может стать открытие центров изучения России и русского языка на приграничных территориях Китая. Другим возможным путем усиления положительного образа России может быть создание брендов приграничных территорий нашей страны.

В.н.с., к.э.н. **Е.В. Бирюлин** представил сообщение о последних решениях и мерах в КНР в сфере охраны окружающей среды. Экологические проблемы Китая крайне остры, наибольшие проблемы связаны с качеством воды и загрязнением воздуха. Поэтому правительство Китая приняло ряд серьезных мер для исправления ситуации, в частности Си Цзиньпин пообещал не переходить «красную черту» в экологии, не утверждены 322 экономических проекта, выделены 3,7 трлн юаней для борьбы с загрязнением атмосферы и водной среды.

В ходе обсуждения докладов участниками был поставлен ряд вопросов о перспективах реформы китайского законодательства в свете решений 2-й сессии ВСНП 12-го созыва, в частности, налогового, о борьбе с коррупцией и природе этого явления в Китае, эффективности идейно-пропагандистской работы КПК на современном этапе, влиянии внешнего фактора на развитие внутривнутриполитической ситуации в КНР и некоторые другие.

Пресс-релиз 13-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая

13-я трехсторонняя конференция ученых России, Индии и Китая состоялась в Москве 2–3 июля 2014 г. Участниками форума традиционно явились делегации, сформированные Институтом Дальнего Востока РАН (г. Москва), Институтом китайских исследований (г. Дели) и Китайским институтом международных проблем (г. Пекин). Конференция ознаменовала начало пятого раунда ежегодных встреч ученых, которые поочередно проводятся в каждой из трех стран.

В ходе дружественных и откровенных дискуссий участники проанализировали трехстороннее сотрудничество в контексте текущих тенденций международной обстановки, а также особенностей, связанных с позициями трех стран в мировой политике и экономике. Было с удовлетворением констатировано, что РИК сегодня — это устоявшийся и признанный формат, зримый фактор формирования многополярного мира и демократизации международных отношений.

Была подчеркнута целесообразность все более эффективной координации действий трех стран по дальнейшему продвижению взаимного доверия и взаимной выгоды, отстаиванию многосторонней дипломатии, укреплению глобальной и региональной безопасности при сохранении самостоятельности и независимости каждой из трех сторон. Особое внимание было обращено на сохраняющуюся жизненность Пяти принципов мирного сосуществования — принципов “панча шила”, которые в год своего 60-летнего юбилея эффективно востребованы в деле построения справедливого и гармоничного мирового порядка.

Стороны солидарно подчеркнули важность наращивания трехсторонней координации в ООН, в «Группе-20», БРИКС, ШОС и других аналогичных форматах. Среди региональных проблем центральное место заняли темы Центральной Азии, Ирана, а также Ближнего Востока, включая Сирию и Ирак. Кроме того стороны подробно обсудили проблемы Афганистана, в том числе в контексте вызовов, связанных с предстоящим выводом сил коалиции из этой страны. Делегаты пришли к согласию, что необходимо предпринять серьезные совместные усилия для укрепления афганской государственности, стимулирования примирения между различными этническими группами страны, содействуя тем самым самостоятельности Афганистана в сферах управления и обороны, расширению и активизации деятельности в интересах афганского народа.

Участники согласованно признали необходимость заметно усилить сотрудничество трех стран по этой проблематике, в том числе имея в виду потенциал взаимодействия в ШОС.

Конференция обсудила двусторонние отношения между Россией, Индией и Китаем, в частности, российско-индийские и китайско-индийские связи. Было отмечено, что в целом эти отношения имеют положительную динамику, и это способствует

дальнейшему развитию трехстороннего формата. Кроме того, участники высказали мнение, что важными были бы усилия по развитию связей в сферах экологии, энергетики (включая ее возобновляемые источники) а также транспорта. В том числе можно было бы обсудить принципиальную возможность подключения Индии к недавно согласованному газопроводу Россия — Китай, изучить перспективы налаживания железнодорожного сообщения между тремя странами.

Каждая из делегаций выдвинула ряд других важных инициатив, нацеленных на повышение эффективности взаимодействия в РИК. Эти предложения были приняты к дальнейшему рассмотрению и изучению, и будут переданы каждой из сторон правительственным органам своих стран.

Участники делегаций были приняты главой Департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества (ДАТС) МИД РФ Хакимовым Б.М. Состоялся обстоятельный разговор по проблемам дальнейшего развития партнерства в РИК.

Китайские и индийские делегаты поблагодарили российских коллег за гостеприимство и высокий уровень организации конференции. Участники выразили намерение продолжить свой академический диалог. Делегаты России и Индии с удовлетворением приняли предложение китайских коллег принять участие в 14-й академической конференции РИК в 2015 г. в Китае.

Письмо в редакцию

Магистраль Шанхай — Санкт-Петербург как ответ на попытки Запада изолировать Россию

В условиях торможения экономического роста и усугубления экономических санкций со стороны стран Запада в числе адекватных ответов России могла бы стать реализация проекта высокоскоростной грузовой железнодорожной магистрали Шанхай — Санкт-Петербург через Республику Алтай и Новосибирск. Общая длина трассы составит 8800 км, причем граница между Россией и Китаем делит ее практически пополам. Срок доставки высокодоходных контейнерных грузов из Китая в Европу или обратно сокращается с 45 до трех-четырех суток. При этом надежность доставки по сравнению с планируемым Китаем южным коридором (через страны Центральной Азии) резко возрастает, т.к. на всей трассе будет лишь один пограничный переход.

Реализация проекта могла бы быть разделена на две очереди. Первая ограничилась бы прокладкой наиболее сложного в техническом отношении участка от Урумчи до Новосибирска. Юг Западной Сибири представляет собой удобное место для инновационных подходов в развитии российско-китайских отношений. Довольно значительное население региона, дифференцированная экономика и весомый интеллектуальный потенциал способны минимизировать риски.

Сопоставление темпов развития приграничных территорий РФ и КНР, к сожалению, заставляет делать выводы не в нашу пользу. Это не в последнюю очередь обусловлено эффективностью системы управления в России по сравнению с Китаем. Национальные средства в Китае аккумулируются и вкладываются с минимальными затратами и максимальной эффективностью в весьма сжатые сроки. Они направляются на экономическое развитие и социальный рост при полной ответственности власти на всех уровнях за принимаемые решения и понесенные расходы.

По ходу строительства магистрали Новосибирск обретет статус международного транспортно-логистического центра Северной Азии и мощный импульс развития не только как важнейшего узла перевозок, но и как научно-образовательного, инновационно-промышленного и финансового центра. В терминалах, принимающих и отправляющих грузы, концентрируются не только сами грузы, но также сопутствующая им информация делового и правового характера, активность по принятию решений, мощная структура коммуникаций и т.д. Здесь концентрируется полная и достоверная информация о бизнесе, производстве и деловых связях, обеспечивается связь с самыми удаленными уголками, охваченными грузопотоками.

Внедрение высокоскоростных грузовых перевозок потребует перехода на новые типы вагонов при коренных изменениях в погрузочно-складском хозяйстве железнодорожных станций. Стоянка поезда в автоматизированном терминале для обработки грузов

не должна превышать 15–20 мин. Пропускная способность магистрали не должна сдерживаться неадекватными технологиями погрузо-разгрузочных работ. Реализация проекта позволит перейти к модернизации существующей сети ОАО «РЖД».

Кроме бизнеса, напрямую связанного со строительством магистрали и ее эксплуатацией, опережающее развитие должны получить современные технологии жилищного строительства, в первую очередь малоэтажного. Регион имеет хорошие перспективы в транспортном машиностроении, приборостроении и электронике, в т.ч. силовой. Развитию Республики Алтай и Алтайского края способствовала бы программа организации качественного отдыха, в т.ч. для китайских туристов, включая раскрутку разрешенной, но не работающей игровой зоны (азартность китайцев широко известна, игровой бизнес Макао заработал в 2013 г. 40 млрд долл.). Новая магистраль открыла бы земледелию Сибири китайский рынок зерновых, да и самый перспективный в мире китайский рынок молочных продуктов.

Во времена Советского Союза на юге Западной Сибири сформировался «Золотой треугольник» науки и инноваций: Новосибирск — Томск — Бийск. Именно здесь должна быть основная российская инновационная площадка. В современных условиях ее научной базой мог бы стать Федеральный университет, сформированный по типу институтов СО РАН.

Оценку стоимости строительства российского участка магистрали возможно произвести на базе данных железнодорожного сайта (www.donetskrail.com), подтвержденных Центром стратегических разработок, по открытой в декабре 2012 г. высокоскоростной пассажирской магистрали Харбин—Далянь, где трасса длиной 921 км проходит в сложных рельефных условиях с относительно холодным климатом (общая стоимость строительства составила там за 5 лет 15,58 млрд долл. при средней стоимости одного км трассы — 16,9 млн долл.).

При корректирующем коэффициенте, учитывающем инфляцию и возможную специфику грузовой магистрали, общая стоимость трассы длиной 4400 км составила бы около 110 млрд долл. С учетом коэффициента мультипликации, который для таких инфраструктурных проектов составляет до 10, можно говорить о проекте на триллион долларов.

Таких денег у России нет, поэтому реализовать проект можно только на китайские деньги и в китайских интересах, которые в данном случае совпадают с нашими.

Существующий в нашем законодательстве приоритет международных соглашений над национальными законами позволит более оперативно решать многие вопросы. В договоре о реализации проекта должны быть тщательно прописаны квоты на рабочую силу и основные материалы, вопросы сотрудничества в области передачи технологий, инженерного, кадрового, информационного обеспечения и т.д. Сейчас самое подходящее время, чтобы сделать Китаю соответствующее предложение.

И. Жирнов,

генеральный директор ООО Научно-производственная фирма «Амулет»

Рецензии

Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012. 288 с.

Тема обучения китайских революционеров в СССР в той или иной мере затрагивается едва ли не во всех отечественных исследованиях, посвященных проблемам помощи СССР ведущим политическим силам Китая — КПК и Гоминьдану. Но книга Д.А. Спичак сразу заняла в ряду таких работ особое место. Она интересна не только тем, что в ней впервые рассматривается история обучения китайских революционеров в Москве с самого начала систематической его организации в начале 1920-х годов и до прекращения приема учащихся решением советского правительства в 1939 г. Само по себе первое обращение к какой-либо теме еще не гарантирует того, что автор не озвучит известные сведения в свежей оранжировке или не представит простой набор фактов, не удосужившись их корректным анализом. Однако Д.А. Спичак действительно сумела получить принципиально новые научные результаты. Ее книга позволяет увидеть становление и эволюцию системы подготовки китайских кадров в СССР в 1920-е — 1930-е годы как целостный процесс, сопряженный с логикой развития политической ситуации и в Китае, и в нашей стране.

Этот процесс последовательно рассматривается в трех главах книги. В первой главе автор, наряду с очерком большевистского воспитания китайских трудящихся на территории России в период Гражданской войны, дает подробное описание первых, не во всем удачных опытов организации обучения китайцев после II конгресса Коминтерна (1920 г.), провозгласившего курс на создание «единого фронта» коммунистических и национальных движений в странах Востока. В 1921–1925 гг. главным центром такого обучения стал Коммунистический университет трудящихся Востока с его Военно-политическими курсами и Китайской школой (1921–1925 гг.). Туда принимались представители как КПК, так и Гоминьдана. Автор, следуя документально подкрепленным фа-

ктам, рисует далеко не привычную по большинству отечественных публикаций благостную картину функционирования такого рода учебных заведений. На этом этапе для них были характерны организационные неурядицы и неразбериха, недостаточная материальная и методическая подготовленность учебной базы, в том числе острая нехватка подготовленных преподавательских кадров, учебных пособий и переводчиков; к этому добавлялись прямая враждебность между союзниками по «единому фронту», вынужденными жить и учиться в СССР бок о бок, торжество казарменных идеалов и диктат органов идеологического контроля, главным образом со стороны лидеров Московского отделения КПК. Тем не менее, это был период революционного романтизма и искренней тяги к идейно-теоретическому творчеству. Такой настрой воплощался, в частности, в стиле руководства созданного специально для подготовки китайских революционеров Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), особенно в 1925 — начале 1927 г., когда его возглавлял Кард Радек. Он пытался умерить активность китайских партаппаратчиков, буквально терроризировавших соотечественников непрерывными кампаниями критики и самокритики, и организовать не только учебный процесс, но и обществоведческие исследования Китая (см. С. 74–86). Но этот период закончился с увольнением Радека с поста ректора за участие в троцкистской оппозиции.

Во второй главе освещается принципиально иной этап эволюции коминтерновской системы образования, озаглавленный разрывом «единого фронта» Гоминьдана и КПК в 1927 г. и началом разгрома троцкистско-зиновьевской группы, пытавшейся дать последний бой сталинскому блоку на обломках показавшего свою несостоятельность коминтерновского курса в Китае. В центре внимания автора — проблемы централизации системы подготовки китайских кадров в 1925 – 1929 гг., выразив-

шейся сначала в создании Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), а затем преобразовании его в 1928 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК) путем слияния китайского сектора КУТВ с УТК. КУТК тоже сотряслся дрягмами в руководстве и среди студентов, проработочными кампаниями и чистками, в том числе направленными против китайских сторонников троцкизма. Ситуация в университете, как показывает Д.А. Спичак, больше способствовала воспитанию начетчиков, партийных карьеристов и подковерных борцов, нежели творцов революционной теории и практики (С. 99–132). Положение не улучшило и создание при КУТК Научно-исследовательского института по Китаю, занимавшегося сталинизацией теории и истории китайской революции (С. 97–99).

Третья глава посвящена последнему этапу существования специальных учебных заведений для китайцев в СССР. В 1930 г. КУТК был ликвидирован, а его китайскую программу продолжила так называемая Международная ленинская школа (МЛШ), в том же году переименованная в Международный коммунистический университет (МКУ). Автор подробно показывает структуру сектора «Ц» — китайского отделения МЛШ/МКУ, раскрывает состав преподавателей и студентов, задачи отделения, демонстрирует его преимущества в качестве организации учебного процесса по сравнению с «китайской школой» при КУТВ. Правда, и в МЛШ/МКУ не обошлось без межгрупповой борьбы, доносительства и подсиживания (С. 170–182). Но в целом сектор «Ц» был действительно перспективным и в целом удачным начинанием на стезе подготовки элитных международных кадров Коминтерна. Тем не менее в 1939 г. МКУ был ликвидирован в ходе параноидальной борьбы с троцкистами и шпионами. Советская власть сама разрушала собственные детища, лишая себя возможности если не напрямую контролировать обширные сегменты мирового революционного движения, то по крайней мере осуществлять их надежный мониторинг.

Выявляя общую политическую логику и динамику процесса становления и эволюции системы подготовки китайских кадров в СССР, прослеживая с цифрами и фактами в руках историю учебных заведений системы Коминтерна — КУТВ, Военно-политических курсов, УТК — КУТК, МЛШ/МКУ и др., автор вскрывает также функции и роль отдельных политических и идеологических институтов, во многом определявших жизнь китайских учащихся

в СССР. Среди таких институтов важное место занимало упомянутое выше Московское отделение КПК, созданное руководством китайской компартии с согласия аппарата Коминтерна. Автор скрупулезно прослеживает историю его возникновения и деятельности, особенности функционирования, выявляет его воздействие — крайне негативное в психологическом и моральном плане — на взаимоотношения в студенческих коллективах и на учебный процесс. Так, руководители отделения активно принуждали студентов уделять как можно меньше времени учебным занятиям и изучению русского языка — в пользу митингов и проработочных кампаний (С. 58–64 и др.). Тенденция, увы, хорошо знакомая нам по дальнейшей истории Компартии Китая.

Чрезвычайно подробно в книге показана фракционная и политическая борьба в среде учащихся, выявлены причины и истоки противоречий между персоналиями и группировками, определены их подлинные мотивы в каждом конкретном случае — наличие или отсутствие политической и идеологической подоплеку, цели, которые преследовали вожаки групп и инициаторы тех или иных кампаний, и т.п. Политическая борьба в ряде случаев обуславливалась реальными расхождениями во взглядах на китайскую мировую революцию, прежде всего между коммунистами и гоминьдановцами, обучавшимися в УТК (С. 101–102). Но в большинстве обвинения, предъявлявшиеся «фракционерам», были высосаны из пальца, при полном отсутствии реальных политических оснований для консолидации так называемых фракций и групп. Ярким примером тому является так называемое «дело Землячества», подследственные по которому обвинялись в создании подпольной контрреволюционной организации студентами — выходцами из провинций Цзянсу и Чжэцзян. «Дело», отражавшее борьбу студенческих лидеров и их покровителей за контроль над учащимися, было открыто в 1928 г. и в том же году развалилось (С. 109–120). Однако разоблачительная активность в университете быстро переросла в борьбу с китайскими сторонниками троцкистской оппозиции, что привело к массовым репрессиям (С. 129–133) и ускорило закрытие КУТК. Постановка учебного и воспитательного процесса в нем была признана крайне неудовлетворительной, штаты — неоправданно раздутыми. В частности, хотя на 488 студентов приходилось аж 396 сотрудников, преподавателями из них были только 70, причем 50 имели весьма смутное представление о Китае (С. 128).

Вообще в книге Д.А. Спичак очень предметно продемонстрированы те негативные стороны организации учебного процесса в образовательных учреждениях для китайцев, которые, как правило, до сих пор мельком и в общей форме упоминались в нашей научной литературе (исключение составляют, разве что, работы А.В. Панцова). Так, автор не просто констатирует нехватку переводчиков в вузах и на курсах для китайцев, но показывает, каким образом эту проблему пытались решать, какие именно переводчики и как использовались, и т.п. (С. 66–67 и др.). Столь же конкретно, опираясь на архивные материалы, свидетельства участников событий, Д.А. Спичак освещает недостатки в подборе контингента обучаемых (их низкий образовательный уровень, неспособность и нежелание многих овладеть русским языком и т.п.), огрехи самого обучения (например, преподавание через неопытных переводчиков из числа самих студентов, при отсутствии учебно-методических пособий), нехватку квалифицированных преподавательских кадров и другие недочеты в постановке учебного процесса (С. 47, 54–58, 66–68, 92–99 и др.).

Вероятно, его особенности в учебных заведениях Коминтерна стали бы для читателя более ясными, будь в книге приведены примеры неудачных переводов марксистских и учебных текстов, показано, как и чем они могли ввести в заблуждение китайского читателя. Целесообразно было также хотя бы страницу-две уделить теоретическим разработкам, в которых принимали участие китайские студенты и аспиранты, а также учебным пособиям, которыми они пользовались. Без этого некоторые стороны постановки собственно учебного процесса не всегда видны вполне отчетливо.

Зато его результаты — весьма противоречивые — изложенные в монографии факты позволяют хорошо различить. С одной стороны, в прямом смысле «советскую школу» прошло немалое число руководителей КПК (и отчасти Гоминьдана). С другой — большинство выпускников оказались неспособны получить необходимые знания и навыки и применить их на практике (так, по приведенному в книге утверждению генсека КПК Сян Чжунфа, из 250 вернувшихся на Родину к 1929 г. выпускников КУТК 50 сразу перешли на сторону Гоминьдана или «потерялись», а из остальных лишь 20% были в состоянии вести работу в массах, и только трое-четверо годились для работы в аппарате ЦК. С. 121). К тому же, как свидетельствуют некоторые цитированные ав-

тором мемуары, основания поинать пребывание в СССР исключительно добрым словом были не у всех прошедших там обучение китайцев (см., например, С. 61–62). Наиболее значительных результатов удалось добиться МЛШ/МКУ — в силу ее элитарности, более вдумчивого подхода к преподаванию, налаживанию плодотворного психологического климата, лучшего обеспечения и снабжения по сравнению с остальными коминтерновскими школами. Но хотя среди выпускников этого вуза были и довольно крупные фигуры (делегат I съезда КПК Дун Биу; Ли Лисань — один из лидеров рабочего движения, в 1928–1930 гг. фактически возглавлявший КПК; будущий «соавтор» китайской реформы 1980-х годов Чэнь Юнь и др.), большинство будущих высших руководителей КПК и КНР, обучавшихся в Советском Союзе, все же прошли через другие учебные заведения.

Представленные в книге материалы, как и известные исторические факты, свидетельствуют, что руководители СССР, надеявшиеся воспитать преданных Коминтерну и однозначно лояльных Советской России революционеров, в целом не достигли своих целей. Долг перед собственной партией и национальные интересы своей страны для подавляющего большинства обучавшихся в СССР (если они вообще не оставляли компартию) в будущем перевешивали благодарность родине Октября. Вероятно, осознание политической бесперспективности массовой штамповки насильно индоктринированного и кое-как обученного зарубежного «кадра» повлияло на решение советского руководства отказаться от прежней системы коминтерновских школ не в меньшей степени, чем поветрие борьбы с враждебной агентурой. Думается, вопрос о причинах закрытия учебных заведений Коминтерна в 1939 г. еще нуждается в тщательной проработке.

Сильной стороной книги является опора на широкий круг впервые вводимых в научный оборот и уникальных по репрезентативности источников, в том числе большого числа рассекреченных документов из российских архивов, главным образом из различных фондов коллекции РГАСПИ, воспоминаний участников и современников тех событий. Нельзя не отметить чрезвычайно тщательный систематический анализ документов и материалов, беспристрастную позицию исследователя. Изложение отличает последовательность, добротный академический стиль; почти безупречен научный аппарат. Автор не заискивает перед учеными авторитетами, подчас смело дискути-

рует с признанными мэтрами отечественной синологии, отстаивая свою точку зрения (см., например, С. 64).

Редкие второстепенные неточности (так, исторические факты не позволяют согласиться с утверждением о том, что гоминьдановская военная школа Вампу «почти полностью финансировалась Москвой», С. 80), не вполне

детальная проработка ряда проблем, имеющих отношение к рассматриваемой теме, не умаляют достоинств монографии. Книга Д.А. Спичак станет для коллег-китаеведов не только главным справочным руководством по проблемам обучения китайских революционеров в СССР, но и, во многом, образцом исследовательской добросовестности и объективности.

© 2014

*А. Юркевич,
кандидат исторических наук*

1978–2008. Великолепный путь. К тридцатилетию работы по проверке партийной дисциплины.

1978–2008. [Хуэйхуан личэн. Дан дэ цзилюй цзяньча гунцзо саньши нянь] / Ред. комитет ЦКПД КПК, рук. авт. коллектива Хэ Юн. Пекин, 2008. 559 с.

Издание Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (ЦКПД КПК) вышло в свет еще в 2008 г., однако в последнее время вновь привлекло к себе внимание в КНР. Это произошло благодаря тому, что труд попал в список книг, которые ЦКПД КПК рекомендует для прочтения партийным функционерам. Интересно, что в этот список, который доступен на официальном сайте ЦКПД КПК, попали помимо книг, посвященных борьбе с коррупцией в Китае и истории КПК, и «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Мягкая сила» Дж. Ная, «Большие данные» В. Майер-Шенбергера и К. Кукьера, а также «О Китае» Г. Киссинджера. Возможно, по этой причине список рекомендованной литературы ЦКПД КПК в апреле 2014 г. и оказался в центре внимания китайских средств массовой информации. Причем обсуждали его не только в государственных СМИ, но даже на всенародно популярных порталах «Феникс», QQ.com и Sina.com.

Выход издания «Великолепный путь» был приурочен к 30-летию восстановления Центральной комиссии по проверке партийной дисциплины КПК. Она была воссоздана решением 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося 18–22 декабря 1978 г. В предисловии к книге, автором которого является бывший секретарь Комиссии Хэ Гоцян, подчеркивается, что юбилей ЦКПД КПК совпадает с 30-летием начала китайских реформ. Именно с ре-

шений того судьбоносного для Китая Пленума ЦК КПК началось проведение новой политики реформ и открытости.

События в книге подаются под углом истории одного из партийных учреждений КНР — ЦКПД КПК, однако издание представляет интерес с точки зрения изучения эволюции официальной политической и государственной мысли в Китае в целом. Это связано с тем, что ЦКПД КПК находится в самом центре китайской партийной системы (ее секретарь является членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) и в центре государственной политической жизни (секретарь ЦКПД КПК одновременно является вице-премьером Госсовета КНР).

Например, в конце 1-й главы содержится оценка культурной революции: «С мая 1966 года по октябрь 1976 г. «великая культурная революция» принесла партии, стране и народу самые большие разочарования и ущерб со времени основания КНР (1949 г. — Л.С.). Номинально «великая культурная революция» означала прямое управление народных масс, а на деле она вышла из под контроля как партийных организаций, так и народного большинства. <...> В июле 1969 г. ЦКПД КПК была закрыта. На IX и X съездах КПК положения о существовании партийных дисциплинарных органов были даже исключены из Устава партии» (С. 15).

Всего объемный труд состоит из 18 глав. Поскольку авторами книги являются

сами сотрудники ЦКПД КПК, труд содержит множество исторических данных и фотографий. Например, в книге рассказывается, что после восстановления ЦКПД КПК в 1978 г. Чэнь Юнь стал первым секретарем комиссии (он останется на этом посту до 1987 г.), вторым секретарем стала супруга Чжоу Эньляя — Дэн Инчао, а третьим секретарем — знаменитый в будущем политик Ху Яобан, который в 1980—1987 гг. занимал должность генерального секретаря ЦК КПК и имя которого оказалось связано со студенческим движением конца 1980-х годов.

Ключевым является вопрос о структуре и полномочиях ЦКПД КПК. Комиссия находится в непосредственном подчинении ЦК КПК. Кроме того, существуют местные (провинциальные, городские, уездные) и армейские комиссии по проверке дисциплины (КПД). Местные КПД находятся под двойным подчинением — партийного комитета соответствующего уровня и вышестоящей дисциплинарной комиссии. Во 2-й главе книги говорится, что положение о «двойном руководстве» КПД было прописано в Уставе КПК на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. (оно до сих пор содержится в ст. 43 Устава КПК).

Вопрос руководства КПД — это принципиальный вопрос, касающийся независимости антикоррупционной работы комиссий: прямое подчинение КПД комитетам партии своего же уровня таит в себе условия для укрывательства коррупционеров. Совсем недавно из Постановления ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» (пункт 36) (ноябрь 2013 г.), а также из коммюнике 3-го пленума ЦКПД КПК 18-го созыва (январь 2014 г.) стало известно, что планируется провести структурные преобразования в системе КПД, усилив руководящие полномочия вышестоящих комиссий по проверке дисциплины по отношению к нижестоящим. Запланированная реформа, очевидно, нацелена на увеличение независимости КПД от местного политического влияния.

Еще одним структурным вопросом являются отношения между сетью партийных дисциплинарных комиссий и государственными органами власти. Деятельность КПД полностью основывается на Уставе КПК и пар-

тийных постановлениях. Следовательно, полномочия КПД распространяются только на членов Коммунистической партии Китая. Конечно, поскольку среди государственных служащих Китая преобладают члены КПК, то комиссии по проверке дисциплины имеют полномочия в отношении большинства государственных служащих, но тем не менее, остается часть государственных служащих — не членов КПК, в отношении которых партийные комиссии формально полномочий не имеют. Более того, ЦКПД КПК участвует в международном сотрудничестве: в 10-й главе третьей части книги рассказывается, например, о ее участии в работе по приведению китайского антикоррупционного законодательства в соответствие с Конвенцией ООН по борьбе с коррупцией, к которой Правительство КНР присоединилось 10 декабря 2003 г. В этой работе партнерами ЦКПД за рубежом оказываются в большинстве случаев не партийные, а государственные антикоррупционные учреждения.

Таким образом, ЦКПД КПК необходимо «государственное лицо», каким и является Министерство контроля КНР. Ему посвящена 12-я глава книги. Министерство контроля было создано в 1986 г. постановлением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Создание Министерства контроля было оформлено через государственную законодательную процедуру в том виде, в котором она обычно практиковалась в то время, а его формирование явилось признаком роста в Китае правовой культуры. Министерство контроля начало свою работу в июле 1987 г. А уже в мае 1997 г. вступил в силу закон КНР «Об административном контроле». Институционально Министерство контроля подчиняется Госсовету КНР. В книге отмечается, однако, что органы Министерства контроля и КПД стали работать вместе».

В целом, несмотря на несомненную полезность книги, ее название «Великолепный путь» говорит само за себя: это издание не является исследовательским или академическим и не претендует на такую роль. Скорее, книга представляет собой отчет о тридцатилетней работе Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК.

Contents

Warm Greetings in Relation to the 80th Anniversary of Academician M. Titarenko

POLITICS

D. Kuznetsov. Ukrainian Crisis of 2013–2014 and the Position of China

K. Asmolv. China and North Korea: Issues and Prospects of Mutual Relations

P. Kalmycheck, V. Kistanov, E. Leontieva. Japan: Current Problems of Politics, Economy and Diplomacy

ECONOMY

V. Portyakov. Transformation of Economic Growth Model in the People's Republic of China: Current Trends and Future Prospects

Z. Muromtseva. PRC: the Fourth Stage of Reforming State-Owned Enterprises

HISTORY

A. Kartunova. The Role of G. Chicherin in Chinese Policy of Soviet Russia

E. Kobelev. The USSR and the First Leaders of the CPV

STATE AND SOCIETY

Yu. Kupriyanova. Changes in Women's Lives in Republican Shanghai

A. Mulenkova. The Policy of Soviet Authorities in Relation to Chinese Diaspora in the USSR Far East in 1920s—1930s

PHILOSOPHY

Liu Yadin. Understanding and Dialogic Capacity: the Value of "Encyclopedia of Spiritual Culture of China"

VIEW POINT

A. Salitsky, V. Tatsy. The Chinese Experience: a Model or Antimodel?

A. Zhebin. Events in Korea: a View from Russia

SCIENTIFIC EVENTS

E. Kranina. Scientific Conference of the IFES CESR "The Third Plenum of the CPC Central Committee: Horizon of Reforms"

Yu. Perepelkin, A. Vinogradov. Scientific Conference: "The Third Plenum of the CPC Central Committee on the New Leadership and Strategy of Reforms"

Press release of the 13th Tripartite Conference of the Scientists of Russia, India and China

LETTER TO THE EDITOR

I. Zhirmov. The Railway "Shanghai — St. Petersburg" as a Response to the Attempts of the West to Isolate Russia

BOOK REVIEW

A. Yurkevich, D. Spichak. Chinese Vanguard of the Kremlin. The Revolutionaries of China in Moscow Schools of the Comintern (1921–1939).

L. Smirnova. 1978–2008. Magnificent Way. Thirty Years of Work on the Verification of Party Discipline

Contents

Summary

Summary

D. Kuznetsov. Ukrainian Crisis of 2013–2014 and the Position of China

The article considers China's reaction to the events in Ukraine. It analyzes the economic and geopolitical reasons for the increased attention by the PRC to the Ukrainian crisis.

Key words: China, Ukraine, the political crisis, investment projects, military strategic cooperation.

K. Asmolov. China and North Korea: Issues and Prospects of Mutual Relations

The article analyzes the main trends influencing changes of strategy and tactics of China in the Korean question, the nature of relationship between China and the states of the Korean Peninsula; the range of Chinese assessments of acute regional problems; the methods by which China is strengthening its influence in the DPRK, and their prospects. Debunked is the idea that sooner or later China will leave alone its former ally in solidarity with the "international community".

Key words: China, the DPRK, the real politics, security, geopolitical trends.

P. Kalmycheck, V. Kistanov, E. Leontieva. Japan: Current Problems of Politics, Economy and Diplomacy

The victory of coalition of the Liberal Democratic Party (LDP) and the Komeito Party in election to the lower house of Parliament in December 2012 led to stabilization of the domestic political situation in Japan. Strong position in Parliament and a high level of public support allowed the new government of Shinzo Abe to implement radical economic reforms, called "abonomics". An important part of foreign policy by Abe is the relationship inside the triangle "Russia—Japan—China".

Key words: Japan, China, USA, Russia, parliament, elections, the opposition, the Constitution, "abonomics", territorial disputes, "Chinese threat".

V. Portyakov. Transformation of Economic Growth Model in the People's Republic of China: Current Trends and Future Prospects

Evolution of the economic growth pattern in China in 1992–2013 is analyzed. Possible changes in next ten years in the economy annual growth rate and in the dynamics of accumulation, final consumption and export are examined.

Key words: China, mode, transformation, economic growth, the growth rate, accumulation, consumption, export, prospects for next ten years.

Z. Muromtseva. PRC: the Fourth Stage of Reforming State-Owned Enterprises

The article considers the results of the three stages of reforming state-owned enterprises in China and objectives formulated at the Third Plenary Session of the CPC Central Committee (November 2013) in relation to the fourth phase of this reform. The whole complex is currently under development of measures aimed to attract strategic investors, to improve the corporate management and promote the joint-stock companies.

Key words: state-owned enterprises, corporate management, state capitalism, market competition, joint-stock.

A. Kartunova. The Role of G. Chicherin in Chinese Policy of Soviet Russia

The article is devoted to the role of the prominent diplomat G. Chicherin in the development and implementation of Chinese policy by Soviet Russia, to his participation in the adjustment of its strategy and tactics, especially in relation to the problems of Chinese Eastern Railroad (CERR) and Mongolian issue in Sino-Soviet relations; to the role of Chicherin in establishing official Soviet-Chinese relations in 1927.

Key words: the Commissar, the diplomat, Soviet Russia, peaceful coexistence, Chinese policy, the Kuomintang, the CPC, CERR, Outer Mongolia.

E. Kobelev. The USSR and the First Leaders of the CPV

The beginning of the «renewal policy» in Vietnam in 1986 and especially the latest decade were the start of an active process of "humanization" of main stages in the modern history of Vietnam. Different monographic studies, devoted to the research and understanding of the activities of particular creators of the new Vietnamese history, have been appeared. The two heroes of the national liberation movement of Vietnam — Le Hong Phong and Nguyen Thi Minh Khai, whose lives and destiny are inseparably linked with the USSR — have been selected as main persons for this essay.

Key words: Vietnam, Russia, Moscow, Comintern, the CPV, Saigon, "Namky's revolt".

Yu. Kupriyanova. Changes in Women's Lives in Republican Shanghai

This article describes a new life of middle class Shanghai women as a result of changes in their social position during the Republic of China. It was characterized by the struggle of women for gaining equal rights with men, increasing their social status, for participation in production services and activities. Due to changes in lifestyle and social conditions of urban dwellers, compared to the previous time, residents of Shanghai had new opportunities for self-development and professional up-grading, but also had confronted with great difficulties of economic and psychological nature.

Key words: Republic of China, Shanghai, women's status, women's work, modern society.

A. Malenkova. The Policy of Soviet Authorities in Relation to Chinese Diaspora in the USSR Far East in 1920's–1930's

The article suggests a periodization of the history of Chinese Diaspora in the USSR Far East in 1922–1938. Based on internal and external policy of the Soviet Union, on relationship between the Soviet authorities and Chinese migrants as well as changes within the Diaspora, three periods of its history had been pointed out. This approach helped to deeper analyze some successes of the policy in relation to migrants and to understand the reasons for deportation of Chinese Diaspora out of the USSR Far East.

Key words: Chinese migrants, Far East, periodization, deportation.

Liu Yadin. Understanding and Dialogic Capacity: the Value of "Encyclopedia of Spiritual Culture of China"

The value of "Encyclopedia of Spiritual Culture of China" for Chinese readers is reviewed in line with the development of the world Sinology. The authors of the encyclopedia thoroughly understand the originality of Chinese culture in the light "of neo-Eurasianism". They consider the category of "Tao" from the cultural point of view and give an analysis of its values in all spheres of public consciousness and all the philosophies of China throughout Chinese history.

Key words: Enciclopedia "Spiritual Culture of China", the new Eurasianism.

A. Salitsky, V. Tatsy. The Chinese Experience: a Model or Antimodel?

Many developing countries go through the stage of market reforms and liberalization of external economic sphere, but few have succeeded, comparable to the achievements of China. The secret, apparently, is exactly how these important transformations take place and how they take into account local and external conditions.

Key words: industrial system, localization, global value chain, the savings rate, infrastructure, the depth of development.

A. Zhebin. Events in Korea: a View from Russia

Important events in the DPRK during 2011–2013 gave rise to a new surge of interest about what is happening in this country. Arguing with single Russian experts in the Korean affairs on the assessment of some of events, the author concludes that in the political system of the DPRK and in the status of its new leader no fundamental change had been noticed in comparison with the period when the country was headed by Kim Il Jong.

Key words: the DPRK, the political system, the army, leadership.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 23.07.2014 г. Дата выхода в свет 20 четн. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 481 экз. Зак. 368. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений и ключевыми словами на русском и английском языках (около 600 знаков).
3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде в формате Microsoft Office Word или в формате RTF.
4. К статье должны быть приложены сведения о месте работы, должности и ученой степени автора, номер телефона и/или адрес электронной почты.
5. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
6. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
7. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
8. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернет
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.